

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

1914.

І Ю Л Ъ.

№ 7.

О ПОДПИСКѢ НА

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“
и „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1914 году

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1913 года № 212).

Въ 1914 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемѣсячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказы по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба **принимаются къ руководству со времени полученія въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.**

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главные официальные извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» имѣетъ задачей дать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:		р.	—	к.
На годъ	11 мѣсяцевъ	8	50	—
„ 10 „	„ 9 „	7	50	—
„ 8 „	„ 7 „	6	50	—
„ 6 „	„ 5 „	5	75	—
„ 5 „	„ 4 „	4	25	—
„ 3 „	„ 3 „	3	25	—
„ 2 „	„ 2 „	2	25	—
„ 1 „	„ 1 „	1	25	—

За границей:		р.	—	к.
На годъ	11 мѣсяцевъ	14	—	—
„ 10 „	„ 9 „	13	—	—
„ 8 „	„ 7 „	12	—	—
„ 6 „	„ 5 „	11	—	—
„ 4 „	„ 3 „	10	—	—
„ 3 „	„ 2 „	9	—	—
„ 2 „	„ 1 „	8	—	—
„ 1 „	„ 1 „	6	50	—
„ 1 „	„ 1 „	5	—	—
„ 1 „	„ 1 „	3	50	—
„ 1 „	„ 1 „	2	—	—

Съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою инороднымъ.

Съ пересылкою.

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далѣе конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; *на срокъ менѣе года и отдѣльно на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.*

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Войсковыми частями и учрежденіями подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

При подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ лицъ*, допускается *разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».		р.
не позже 1 января	1 февраля	2
„ „ 1 марта	„ „ 1 апрѣля	1
„ „ 1 іюня	„ „ 1 іюля	1
„ „ 1 сентября	„ „ 1 ноября	1
Итого		9

На «Военный Сборникъ».		р.
не позже 1 января	1 марта	2
„ „ 1 мая	„ „ 1 іюля	1
„ „ 1 сентября	Итого	6

См. далѣе на 3-й страницѣ обложки.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

№ 7. ════ І Ю Л Ъ. ════ 1914.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1914

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

I.

СТРАН.

I. Служба генеральнаго штаба въ военное время. (<i>Продолженіе</i>). (Съ рисунками). Н. ГОЛОВИНЪ.	1
II. Въ плъну. (Стихотвореніе). В. ПЕТРОВЪ.	14
III. Государственная оборона. О. А. МОДЛЬ.	15
IV. Къ познанію арміи. (<i>Окончаніе</i>). М. ГАЛКИНЪ.	25
V. Къ предстоящему пересмотру проекта Положенія объ обученіи пѣхоты 1911 г. (Подготовка къ унт.-офиц. званію). (<i>Окончаніе</i>). В. СМЕ—Ъ.	43
VI. Обходы и противодѣйствія имъ въ современныхъ войнахъ. (<i>Продолженіе</i>). Ѳ. ГЕРШЕЛЬМАНЪ.	51
VII. Французская конница. Очерки и наблюденія. Т.-М.-Б.	63
VIII. Выздка строевой казачьей лошади. (<i>Окончаніе</i>). П. КРАСНОВЪ.	71
IX. Торь-ди-Квинто и верховая ѣзда въ итальянской арміи. (Съ нѣмецкаго). Перев. П. Ч.	81
X. Стансы. (Стихотвореніе). Г. УСАЧЕВЪ.	92
XI. Энверь-бей подъ Шаркіоемъ. (<i>Окончаніе</i>). ВЕЗЕНКОВЪ.	93
XII. Развтіе духа штатскихъ въ сынахъ Марса. А. ДМИТРЕВСКІЙ.	109
XIII. Послѣ боя. (Стихотвореніе). С. МАЦКЕВИЧЪ.	116
XIV. Психика бойцовъ подъ первымъ артилерійскимъ обстрѣломъ. (Военно-психологическій этюдъ). Д-ръ Г. ШУМКОВЪ.	117
XV. Нравственная настроенность, какъ данная жизни арміи. (Укладъ духовной жизни). (<i>Продолженіе</i>). Л. В. ЕВДОКИМОВЪ.	135
XVI. Исторія, народность, политика и война. Бесѣды военнаго на современныхъ темы (<i>Продолженіе</i>). Я. ЧЕРВИНКА.	143
XVII. Годъ въ Венгріи. Очерки и замѣтки. (<i>Продолженіе</i>). С. ПЛЕХАНОВЪ.	151
XVIII. По Румыніи. (Лѣтнія впечатлѣнія). М. З.	159
XIX. Съ развѣдчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи (<i>Продолженіе</i>). ЕВ. АВГУСТУСЪ.	167
XX. Очерки горной Бухары. (<i>Продолженіе</i>). Д. ЛОГОФЕТЪ.	175
XXI. Сила любви. (Изъ былинъ войны). (<i>Продолженіе</i>). Ѳ. ТЮТЧЕВЪ.	185

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. Н. СВЪЧИНЪ, Н. БОГАЕВСКІЙ и В. Н.	197
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. Б.	221
ПРИЛОЖЕНІЕ. Уставъ для обученія и дѣйствія пѣхоты. (Съ болгарскаго). (<i>Продолженіе</i>). Перевели І. ПЕХЛИВАНОВЪ и А. СЕМЕНОВЪ.	17—20

За Главнаго редактора журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Полковникъ *Шеманскій*.

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Участіе генеральнаго штаба въ войсковой развѣдкѣ.

Участіе генеральнаго штаба въ войсковой развѣдкѣ выражается различнымъ образомъ. Прежде всего нужно напомнить о той помощи, которую долженъ оказывать генеральный штабъ своему военачальнику въ области различнаго рода предварительныхъ расчетовъ и предположеній по выполненію самой развѣдки, а также и въ отдачѣ съ этой цѣлью распоряженій. Здѣсь работа генеральнаго штаба ничѣмъ не отличается отъ изложеннаго уже въ началѣ нашего труда «Служба Генеральнаго Штаба»; поэтому мы и ограничимся здѣсь только

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 6.

ссылкой на очерки 2-й (разработка рѣшенія), 3-й (отдача распоряженій; общія основанія), 4-й, 5-й и 6-й (техника приказаній).

По кромѣ этой непосредственной оперативной помощи военачальнику въ области веденія войсковой развѣдки участіе генеральнаго штаба въ войсковой развѣдкѣ можетъ выразиться тройко:

- 1) личнымъ наблюденіемъ офицеровъ генеральнаго штаба;
- 2) сборомъ свѣдѣній отъ развѣдывательныхъ частей;
- 3) работой на «мѣстахъ сбора донесеній».

Въ минувшія эпохи, а также въ Русско-японскую войну офицеры генеральнаго штаба широко расходовались въ качествѣ начальниковъ развѣздовъ или развѣдывательныхъ отрядовъ. Мы уже неоднократно указывали, что при современныхъ условіяхъ веденія войны съ одной точки обзора уже не представляется батальныя картины былого: одинъ развѣздъ или одинъ развѣдывательный отрядъ имѣеть возможность уяснить слишкомъ небольшую часть всей обстановки. Непроизводительно поэтому расходовать генеральный штабъ на работу, въ которой его съ успѣхомъ могутъ замѣнить строевые офицеры. Генераль Леваль въ своей «Tactique des renseignements» указываетъ, что чѣмъ болѣе военно-образованны строевые офицеры, тѣмъ менѣе можетъ быть посылокъ офицеровъ генеральнаго штаба. Это замѣчаніе генерала Леваля совершенно справедливо и на него намъ слѣдуетъ обратить вниманіе. Мы слишкомъ привыкли во всѣхъ, даже не особенно сложныхъ, случаяхъ прибѣгать къ офицерамъ генеральнаго штаба, отрывая послѣднихъ отъ ихъ собственной, чрезвычайно трудной оперативной службы. Объясняется это, конечно, еще недостаточнымъ тактическимъ образованіемъ нашего офицерскаго состава, въ особенности же малымъ распространеніемъ въ строю высшаго военнаго образованія. Последнее привело даже къ крайне распространенной у насъ точкѣ зрѣнія, что будто бы высшее военное образованіе и генеральный штабъ это синонимы. Что офицеръ генеральнаго штаба долженъ обладать высшимъ военнымъ образованіемъ это не подлежитъ даже спору; но съ тѣмъ, чтобы ограничивать число офицеровъ, получающихъ высшее военное образованіе одною потребностью личнаго состава генеральнаго штаба, нельзя согласиться. Недостаточность числа молодыхъ офицеровъ, получившихъ высшее военное образованіе, и ведетъ къ тому, что, пока фактически генеральный штабъ поглощаетъ почти всѣхъ лицъ, получающихъ высшее военное образованіе, а это въ свою очередь и приводитъ къ непомерному расходованію офицеровъ генеральнаго штаба. При дальнѣйшемъ движеніи

ни нашей арміи по пути къ прогрессу и тѣсно связаннымъ съ нимъ распространеніи высшаго военнаго образованія въ офицерскомъ составѣ, явится возможность избѣгать этого. Нужно предвидѣть послѣднее и обратить вниманіе на то, чтобы примѣненіе офицеровъ генеральнаго штаба внѣ непосредственной сферы ихъ дѣятельности не превратилось въ атавистическій пережитокъ прежнихъ условій.

Какого же принципа слѣдуетъ придерживаться при посылкахъ офицеровъ генеральнаго штаба для личнаго наблюденія за противникомъ? Для рѣшенія этого вопроса нужно помнить, что генеральный штабъ является ближайшимъ и непосредственнымъ сотрудникомъ военачальника въ области веденія операціи; посвященный какъ въ основную оперативную мысль, такъ и во всѣ ея детали и даже въ оперативныя предположенія, офицеръ генеральнаго штаба можетъ замѣнить личное присутствіе военачальника. Поэтому, если вопросъ, разрѣшаемый данной развѣдкой, настолько важенъ, что желательно *лично* присутствіе самого начальника, то въ этомъ случаѣ посылка офицера генеральнаго штаба нужна; строевой офицеръ, даже съ высшимъ военнымъ образованіемъ, не въ состояніи выполнить подобной задачи, ибо онъ не можетъ быть столь же въ курсѣ всей оперативной мысли, какъ офицеръ генеральнаго штаба. Нельзя не замѣтить здѣсь то, что приведенный принципъ не ограничить разсылку офицеровъ генеральнаго штаба у военачальника, стремящагося во все лично вмѣшиваться. Подобно тому, какъ многіе начальники еще злоупотребляютъ вмѣшательствомъ въ кругъ дѣятельности своихъ подчиненныхъ, не будучи въ состояніи примириться съ методами управленія, замѣнившими нынѣ въ крупныхъ войсковыхъ единицахъ прежнее непосредственное командованіе,—подобно этому еще долгое время будетъ существовать тенденція разбрасывать офицеровъ генеральнаго штаба по порученіямъ, въ которыхъ они съ успѣхомъ могли бы быть замѣнены строевыми офицерами. Здѣсь царствуетъ общій законъ жизни; умѣніе пользоваться сложнымъ инструментомъ приходитъ только послѣ долготѣшняго опыта, приучающаго въ то же время къ чрезвычайно осмотрительному употребленію этого инструмента внѣ сферы его специальности.

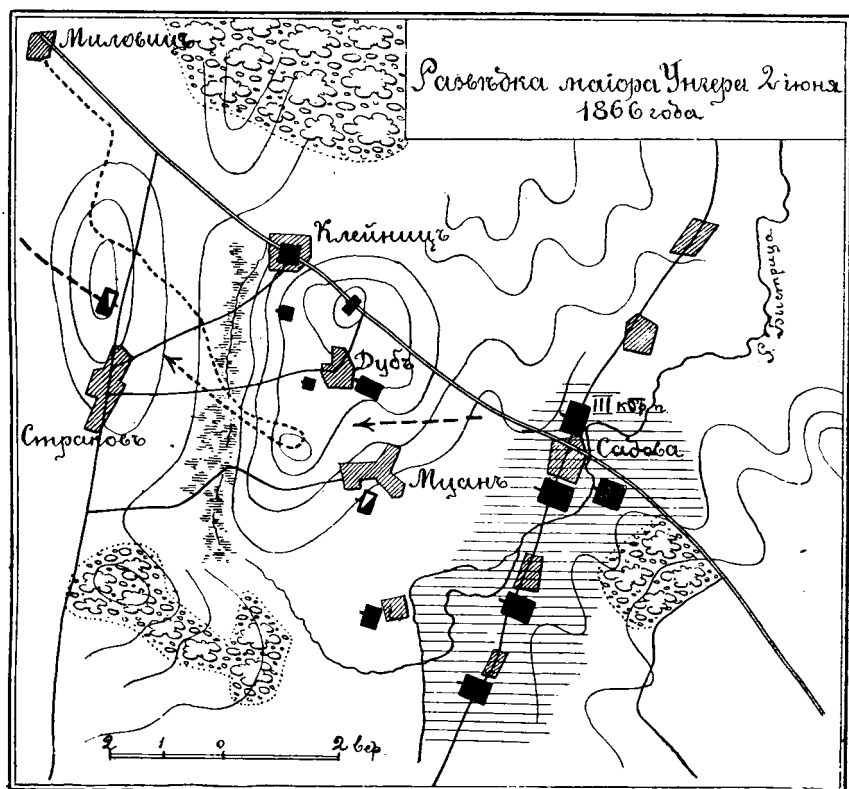
Переходя теперь къ болѣе подробному перечисленію тѣхъ случаевъ, когда мы считаемъ умѣстнымъ употребленіе офицеровъ генеральнаго штаба для личнаго наблюденія укажемъ:

а) на посылку офицеровъ генеральнаго штаба въ направленія, на которыхъ можно ожидать полученіе очень важныхъ свѣ-

дѣній о непріятель, могущихъ дать широкое освѣщеніе всей картины дѣятельности противника. Въ видѣ примѣра приведемъ развѣдку маіора прусскаго генеральнаго штаба Унгера наканунѣ сраженія при Садовой въ 1866 г.

Развѣдка (см. рис. № 1) маіора прусскаго генеральнаго штаба Унгера, произведенная имъ наканунѣ сраженія у Садовой,

Рис. № 1.

является чрезвычайно типичнымъ примѣромъ развѣдокъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Въ видѣ конвоя въ распоряженіе маіора Унгера былъ назначенъ эскадронъ уланъ. Этотъ эскадронъ замѣшкался, и маіоръ съ 16-ю всадниками поѣхалъ впередъ, въ направленіи на Клейницъ, правѣ дороги. Данная ему задача заключалась въ томъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ долинѣ р. Быстрицы. Съ этою цѣлью, изучивъ карту, онъ рѣшилъ прежде всего достигнуть высотъ у с. Дубъ, откуда долженъ былъ открыться хорошій кругозоръ, захватывающій и часть долины р. Быстрицы. Но на ихъ высотахъ,

также какъ и у с. Клейницъ виднѣлись сторожевые посты австрійцевъ. Желая обойти эти посты, маіоръ Унгеръ направился прямо черезъ поля, ища укрытія въ складкахъ мѣстности.

«Спускаясь со склоновъ высоты у с. Стракова, онъ увидѣлъ въ 100 шагахъ отъ себя разъѣздъ австрійскихъ уланъ, идущій въ противоположномъ направленіи. Офицеры отдали другъ другу честь (австрійцы приняли ихъ за своихъ союзниковъ саксонцевъ). Но одинъ изъ прусскихъ уланъ, который не понялъ всю пикантность этого обмѣна привѣтствіями, выстрѣлилъ изъ пистолета. И по странной случайности, рѣдко встрѣчающейся въ подобныхъ случаяхъ этотъ выстрѣлъ попалъ въ цѣль. Лошадь, получившая пулю въ пахъ, упала со своимъ всадникомъ; слѣдующій въ затылокъ всадникъ, наткнувшись, тоже упалъ. Весь разъѣздъ бросился назадъ въ разсыпную, два же упавшихъ улана были взяты въ плѣнъ».

«Далѣе, противъ с. Клейницъ, разъѣздъ встрѣтилъ мѣстныхъ крестьянъ. Отвѣты, которые они дали, вполне совпадали со свѣдѣніями, полученными отъ плѣнныхъ. Согласно ихъ указаній, у Садовой находился III корпусъ, сзади него по направленію къ Кѣнигрещъ X и I; саксонцы были у Проблусъ; III корпусъ выслалъ одну бригаду на высоты у с. Дубъ...»

«Достигнувъ долины ручья, протекающаго къ югу отъ с. Клейницъ, разъѣздъ сдѣлалъ попытку перейти черезъ этотъ ручей. Но, вслѣдствіе болотистости береговъ, лошади проваливались, и переправа оказалась чрезвычайно трудной. Въ концѣ концовъ удалось найти узкій переходъ. Маіоръ Унгеръ, сознавая всю важность дефила, остающагося у него въ тылу, оставилъ у этого перехода постъ, чтобы сразу найти мѣсто переправы въ томъ случаѣ, если его будутъ преслѣдовать. Самъ же онъ направился къ южной вершинѣ Дубской высоты. Когда маіоръ Унгеръ достигъ этой вершины, передъ нимъ открылась долина р. Быстрицы. Одного только взгляда было достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь находится значительная часть австрійской арміи. Мгновеннымъ обзорѣніемъ и пришлось ограничиться, такъ какъ въ ту самую минуту, когда маіоръ Унгеръ достигалъ вершины, на него бросился австрійскій эскадронъ».

Тогда началась дикая скачка. Непрiятельскіе уланы на свѣжихъ лошадяхъ все болѣе и болѣе настигали разъѣздъ. Этотъ стипль-чезъ черезъ изгороди и канавы продолжался до тѣхъ поръ, пока разъѣздъ, замѣтившій издали свой постъ, оставленный на переправѣ, не перешелъ черезъ нее; съ высоты же у с. Стракова

спускался запоздавшій эскадронъ прусскихъ уланъ, назначенный для сопровожденія майора Унгера.

Какъ уже неоднократно мы говорили, въ современныхъ условіяхъ веденія войны случаи, подобные вышеизложенному, представляютъ самыя рѣдкія исключенія, ибо условія обзора противника значительно затруднились, даже по сравненіи съ 1866 г.

б) Когда выясненіе хотя и детали получаетъ столь большое значеніе для оперативной работы, что военачальникъ считаетъ полезной личную рекогносцировку. Подобные случаи встрѣчаются въ крѣпостной войнѣ (также и при борьбѣ за укрѣпленныя позиціи), когда управленіе войсками гораздо болѣе централизовано, чѣмъ при дѣйствіяхъ въ полѣ.

в) При организаціи наблюденія военачальника за полемъ сраженія (объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ нашей работы).

г) Когда военачальникъ желаетъ восполнить *личнымъ* наблюденіемъ свѣдѣнія, полученныя отъ войскъ или же считаетъ необходимымъ *лично* ихъ провѣрить. Какъ примѣръ подобнаго примѣненія приведемъ выѣздъ короля Вильгельма и генерала Мольтке со своими офицерами генеральнаго штаба на высоты у Борни-Панжъ утромъ 15-го августа 1870 г., съ тѣмъ, чтобы убѣдиться въ отступленіи французской арміи на лѣвый берегъ р. Мозеля.

Вообще нужно придерживаться того правила, чтобы развѣдки офицеровъ генеральнаго штаба носили по преимуществу краткосрочный характеръ; это должны быть, какъ характерно выражаются французы, «*reconnaisances à coup de sonde*». Посылка офицера генеральнаго штаба на долгій срокъ оторветъ его отъ курса оперативной мысли; послѣднее же дается *исключительно* только постояннымъ живымъ общеніемъ и непосредственнымъ сотрудничествомъ съ военачальникомъ въ области веденія данной операціи.

Наши настойчивыя указанія о необходимости бережливаго расходованія офицеровъ генеральнаго штаба при посылкѣ ихъ для личнаго наблюденія, имѣютъ причиною еще то, что въ области войсковой развѣдки встрѣчаются порученія другого рода, въ которыхъ тоже требуется посылка офицеровъ генеральнаго штаба.

При полученіи данныхъ, добываемыхъ войсковою развѣдкой, нужно считаться съ однимъ условіемъ, о которомъ мы упоминали только вскользь. Вниманіе войсковыхъ частей и низшихъ штабовъ при установленіи тѣснаго соприкосновенія съ противникомъ и въ особенности при веденіи боя настолько поглащается собственными

дѣйствіями, что болѣе чѣмъ часто они совершенно забываютъ ориентировать своихъ начальниковъ и сосѣдей. Конечно, обученіе арміи въ мирное время должно стремиться прочно выѣдрить въ войска привычку связи наверхъ и въ стороны. Но тѣмъ не менѣе высшіе штабы должны въ свою очередь учитывать эту психологическую черту, присущую даже хорошо подготовленнымъ войскамъ. Психологическія условія борьбы все-таки внесутъ свое разлагающее вліяніе и не будетъ парадоксомъ сказать, что различіе между хорошо подготовленною и дурно обученною арміями выражается только въ томъ, что первая рѣже забываетъ о необходимости связи, но объ забываютъ достаточно часто. У насъ привыкли отдавать должное мирной подготовкѣ нѣмецкой арміи: въ этомъ отношеніи замѣтно даже нѣкоторое увлеченіе. Но вотъ небольшая картинка изъ жизни этой арміи въ эпоху, когда мирная подготовка ея достигала дѣйствительно большой высоты, ибо велась подъ руководствомъ такого великаго знатока военного дѣла, какъ Мольтке. Эта картинка относится къ самому началу Франко-прусской войны.

1-я армія развертывалась у Трира, 2-я у Нейкирхена-Гомбурга. Высшее командованіе придавало особо важное значеніе Саарбрюкену (на рѣкѣ Саарь), у котораго долженъ былъ образоваться стыкъ этихъ двухъ армій и куда былъ посланъ небольшой отрядъ полковника Пестеля; назначеніемъ этого отряда являлось служить какъ бы кнопкой электрическаго звонка, дабы поднять тревогу въ случаѣ, если французы большими силами перейдутъ въ этомъ пунктѣ рѣку Саарь. А между тѣмъ уже 17-го іюля командиръ VIII корпуса (лѣвофланговый корпусъ 1-й арміи) вынужденъ былъ телеграфировать 16-й дивизіи: «Приходятъ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Саарбрюкенѣ. Войсковые начальники ничего не доносятъ. Занять или нѣтъ Саарбрюкенъ противникомъ? Несмотря на то, что я нѣсколько разъ запрашивалъ по телеграфу, все-таки не знаю, вошелъ ли непріятель въ Саарбрюкенъ или нѣтъ?» Штабъ 16-й дивизіи тоже ничего не зналъ и долженъ былъ телеграфировать командиру уланскаго полка, напоминая ему о необходимости срочныхъ донесеній даже въ томъ случаѣ, если никакихъ измѣненій въ обстановкѣ не произошло, и о посылкѣ важнѣйшихъ донесеній непосредственно въ штабъ корпуса.

2-го августа впереди Саарбрюкена произошло первое столкновеніе съ французами, заставившее нѣмецкій отрядъ отступить за рѣку Саарь. «Чрезвычайно своеобразны, нишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Верди-дю-Вернуа, были обстоятельства, благодаря ко-

торымъ главная квартира получила 2-го августа первыя извѣстія о боѣ у Саарбрюкена. Въ разгарѣ боя донесенія достигаютъ болѣею частью только ближайшихъ, непосредственныхъ начальниковъ. Послѣдніе посылаютъ ихъ далѣе, но нужно считать за правило, что это ограничивается только тѣми направленіями, откуда ожидаются подкрѣпленія. Вообще вниманіе сражающихся войскъ настолько приковывается къ ихъ собственной дѣятельности, что главная квартира получаетъ въ подобныхъ случаяхъ донесенія очень поздно, часто совершенно окольнымъ путемъ. Въ теченіи 2-го августа въ главную квартиру, находившуюся въ Майцѣ, не постуило отъ войскъ ни одного извѣстія. Между тѣмъ телеграфистъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, употреблявшій часы своего досуга для собесѣдованія со своимъ коллѣгой въ Саарбрюкенѣ, запросилъ его объ общемъ положеніи дѣлъ. Получивъ свѣдѣнія о происшедшемъ столкновеніи и считая ихъ имѣющими важное значеніе, онъ протелеграфировалъ эти свѣдѣнія начальнику полевого телеграфа, полковнику Мейдамъ, отъ котораго мы и узнали впервые объ этомъ. Конечно, по полученнымъ такимъ способомъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ нельзя было составить себѣ яркой картины происходившаго у Саарбрюкена, такъ что Бронзартъ ⁸⁾ вынужденъ былъ къ утру 3-го августа телеграфировать въ штабъ 1-й арміи, прося разъяснить, что же собственно тамъ произошло.

Нарисованная картина не рѣдкій случай упущенія ориентировать высшее командованіе въ данныхъ, добытыхъ войсковою развѣдкой.

15-го августа (см. рис. № 2) 5-я нѣмецкая кавалерійская дивизія Рейнбабена, находилась на одномъ изъ двухъ путей, по которымъ могла отойти отъ Меца армія Базена къ Парижу и притомъ на кратчайшемъ. Такимъ образомъ, для высшаго управленія нѣмецкими арміями, если бы оно было освѣдомлено, хотя бы только о мѣстѣ нахождения дивизіи Рейнбабена, не представлялось бы сомнѣній въ томъ, что армія Базена еще въ Мецѣ. Но свѣдѣнія, добытыя 5-й кавалерійской дивизіей застряли въ штабѣ X корпуса (командиру котораго кавалерійская дивизія Рейнбабена была подчинена), и главнокомандующій и командующій 2-й арміей отдали свои распоряженія на 16-е августа въ предположеніи уже начавшагося отступленія арміи Базена изъ Меца, что привело къ критическому для нѣмцевъ дню 16-го августа, когда III корпусъ неожиданно натолкнулся на всю армію Базена.

⁸⁾ Verdy du Vernois. «Im Grossen Hauptquartir 1870—1871», стр. 56 и 57.

Я былъ бы совершенно невѣрно понять, если все изложенное было бы объяснено, какъ оправданіе войскъ за несообщеніе наверхъ свѣдѣній, добываемыхъ войсковою развѣдкою. Наоборотъ, я считаю

Рис. № 2.

Схема предполагаемаго расположенія штаба сбора донесеній штаба Главкома командующаго и связи въ обстановкѣ расположенія немецкихъ войскъ 15 авг. 1870 г.

такъ безусловно нужнымъ прочное виѣдреніе въ сознаніе войскъ, что въ современную эпоху, когда высшее командованіе вынуждено работать только по картѣ, когда обстановка вырисовывается только изъ сопоставленія многочисленныхъ донесеній, добытыхъ войсковою развѣдкой съ разныхъ точекъ наблюденія, настоятельно необходимо постоянное ориентированіе старшаго начальника въ происходящемъ. Вполнѣ правильнымъ является требованіе нашего полевого устава (§ 25), возлагающее обязанность отдѣляющагося подчиненнаго связываться со старшимъ начальникомъ и такимъ образомъ возлагающее и отвѣтственность за поддержаніе связи на него же ¹⁰⁾. Но я хотѣлъ здѣсь указать на то, что это только одна сторона дѣла. Нельзя не считаться съ жизнью, успокаиваясь само-

⁹⁾ Начальникъ оперативнаго отдѣленія штаба Мольтке.

¹⁰⁾ Это требованіе установлено еще Полевымъ уставомъ изданія 1904. У французовъ (въ старомъ, скоро замѣняемомъ новымъ) проведенъ другой принципъ: связь устанавливаетъ старшій; съ этимъ нельзя согласиться.

прикрываніемъ параграфами уставовъ и статьями законовъ. Подобная точка зрѣнія возможна только въ канцеляріяхъ, а не въ столь живомъ дѣлѣ, какъ вожденіе войскъ. Наполеону и Мольтке была присуща одна общая черта. Употребивъ всѣ силы своего ума и воли для всесторонней подготовки ожидаемаго событія, они затѣмъ стоически принимали всѣ тренія, которыя создавала имъ жизнь. Они не ограничивались сѣтованіемъ на своихъ подчиненныхъ во время хода самаго дѣла, а принимали прежде всего энергичныя мѣры для того, чтобы парировать встрѣтившіяся затрудненія. Говоря болѣе общими словами, они брали жизнь такой, какой она есть, а не смотрѣли на нее черезъ очки бумажныхъ доктринеровъ. Психологическія условія борьбы, вызывающія ненормальное прикрываніе вниманія борющихся къ ближайшему и непосредственному объекту борьбы, имѣютъ слѣдствіемъ учащенные случаи упущеній въ дѣлѣ поддержанія связи. Таковы условія жизни. Поэтому высшіе штабы, требуя отъ низшихъ штабовъ и войсковыхъ частей своевременныхъ донесеній о противникѣ, *съ своей стороны должны принимать самыя энергичныя мѣры на встрѣчу этимъ донесеніямъ.* Высшіе штабы должны организовать въ полномъ смыслѣ слова поискъ за донесеніями. Это исканіе донесеній выразится въ широко примѣняемой посылкѣ офицеровъ штаба въ низшіе штабы и войсковыя части для сбора имѣющихся у нихъ свѣдѣній о неприятелѣ. Нужно, конечно, вмѣстѣ съ этимъ приучить войска къ мысли, что импульсъ, исходящій изъ нѣдръ высшаго штаба для полученія донесеній, отнюдь *не снимаетъ съ нихъ обязанности и ответственности за поддержаніе связи.*

Предлагаемая посылка офицеровъ штаба для сбора свѣдѣній о противникѣ въ низшіе штабы и войсковыя части будетъ имѣть большое значеніе и для ускоренія полученія высшимъ штабомъ этихъ свѣдѣній, ибо подобный приемъ уменьшаетъ число передаточныхъ инстанцій, черезъ которое должно пройти донесеніе.

Возвращаясь къ приведенному выше военно-историческому примѣру, можно указать, что если бы при дивизіи Райнбабена 15-го августа вечеромъ находился офицеръ штаба главнокомандующаго, Мольтке былъ бы въ теченіе ночи на 16-е освѣдомленъ объ томъ, что армія Базена еще остается въ Мецѣ.

Но можетъ возникнуть вопросъ: нужно ли въ подобныя командировки посылать офицеровъ генеральнаго штаба. Вѣдь только что намъ приходилось такъ много говорить о необходимости экономіи въ разсылкѣ офицеровъ генеральнаго штаба. На этотъ вопросъ слѣ-

дуетъ отвѣтить такъ: если подобное порученіе не требуетъ того, чтобы посылаемый офицеръ былъ въ самой полной мѣрѣ въ курсѣ оперативной работы штаба, то, конечно, слѣдуетъ воздержаться отъ командированія офицера генеральнаго штаба, замѣнивъ его офицеромъ-ординарцемъ. Но часто подобныя порученія не являются простой поѣздкой за опредѣленнымъ отвѣтомъ; часто они требуютъ не только умѣнія самостоятельно разобраться въ получаемыхъ донесеніяхъ и опредѣлить цѣнность каждаго изъ этихъ свѣдѣній для высшаго командованія, но также и способности выполнить задачи гораздо болѣе сложныя, напримѣръ: ориентированіе начальника развѣдывательной части въ вопросахъ, которые особенно интересуютъ высшее командованіе. Подобная задача является тѣмъ болѣе трудной, что эти указанія иногда придется давать войсковымъ начальникамъ, не подчиненнымъ непосредственно; неправильная постановка вопроса въ подобномъ случаѣ легко можетъ повести къ упущенію этимъ начальникомъ задачи, поставленной ему ближайшимъ начальникомъ. Правильное выполненіе подобныхъ порученій по плечу только генеральному штабу, ближайшему сотруднику высшаго командованія въ области оперативной работы.

Примѣненіе техническихъ средствъ связи даетъ значительное ускореніе въ доставленіи донесеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ полезнымъ приѣмомъ для наилучшаго использованія этихъ средствъ является выдвиганіе высшими штабами на встрѣчу ожидающимся свѣдѣніямъ «мѣстъ сбора донесеній», связанныхъ техническими средствами съ выдвинувшимъ ихъ штабомъ. Примѣненіе подобнаго способа даетъ съ одной стороны экономію техническихъ средствъ низшихъ войсковыхъ соединеній для связи назадъ, позволивъ имъ за счетъ этой экономіи широко использовать свои средства связи для связи впередъ. Съ другой стороны непосредственная связь штаба со своими «мѣстами сбора донесеній» уменьшаетъ число передаточныхъ инстанцій. Въ разсмотрѣнномъ выше примѣрѣ, касающемся 5-й нѣмецкой кавалерійской дивизіи, учрежденіе въ Тіокурѣ «мѣста сбора донесеній» штаба главнокомандующаго (см. рис. № 2) обезпечило бы быструю передачу генералу Мольтке донесеній изъ дивизіи Рейнбабена.

Предлагаемая мною «мѣста сбора донесеній» очень часто будутъ обслуживать одновременно не только войсковую развѣдку, но и тайную, поэтому можно ожидать наплыва къ нимъ большого количества свѣдѣній. Опытъ Русско-японской войны показалъ постоянную значительную перегрузку телеграфа и, какъ слѣдствіе

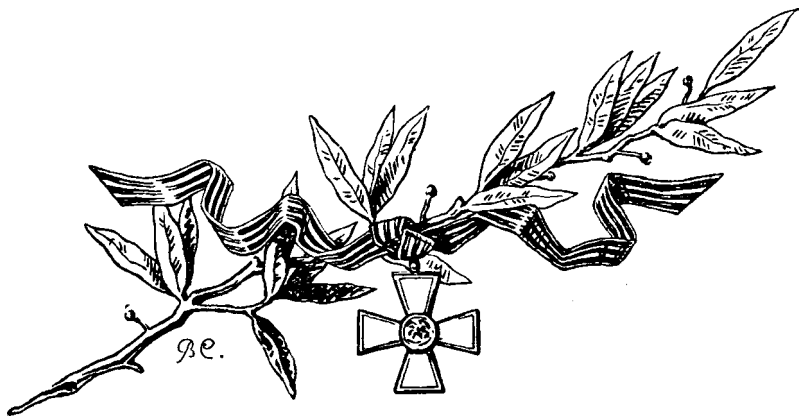
этого, частое запаздываніе цѣнныхъ сообщеній. Представьте себѣ, что на головную станцію нашего телеграфа поступаетъ большое количество донесеній, которыя передаются дальше въ порядкѣ ихъ поступления на станцію. Легко можетъ случиться, что какое нибудь свѣдѣніе, являющееся въ данную минуту для штаба наиболѣе цѣннымъ, долго будетъ ждать очереди, а тѣмъ временемъ будетъ передаваться длинный рядъ телеграмъ, представляющихъ гораздо меньшій интересъ. Нѣкоторое упорядоченіе этого вопроса достигается подраздѣленіемъ телеграмъ на разряды по степени ихъ спѣшности, но объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ выпускѣ, здѣсь же нужно сказать, что подобныхъ разрядовъ можетъ быть установлено немного—два, три—и нужная телеграмма можетъ быть задержана сообщеніями однороднаго разряда; главное же то, что цѣнность, которую можетъ представить въ данную минуту для штаба свѣдѣніе, часто можетъ опредѣлить только офицеръ генеральнаго штаба, близко знакомый съ предположеніями старшаго начальника. Вотъ почему, въ тѣхъ случаяхъ, когда можно ожидать обильный притокъ свѣдѣній къ «мѣсту сбора донесеній», полезно назначать для руководства имъ офицера генеральнаго штаба. Роль этого офицера заключается въ томъ, что прочитывая всѣ поступающія донесенія, онъ будетъ устанавливать порядокъ и способъ ихъ передачи. Имѣющее ближайшее по времени значеніе онъ будетъ передавать по телеграфу, установивъ при этомъ очередь передачи. Менѣе важныя свѣдѣнія, въ случаѣ перегрузки телеграфа, будутъ передаваться послѣдному въ видѣ сводокъ, подлинникъ же отправляться другими средствами связи (автомобили, мотоциклетки, почтовые подставы, летучая почта). Нужно имѣть еще въ виду то, что иногда получаетъ большое значеніе немедленная передача нѣкоторыхъ изъ поступившихъ свѣдѣній не только въ свой, но и въ другіе штабы. Для поясненія моей мысли приведу слѣдующій примѣръ. Предположимъ, что 5-я нѣмецкая кавалерійская дивизія во время своихъ дѣйствій 15-го августа 1870 года была подчинена главнокомандующему, и генераль Мольтке учредилъ въ Тюкурфъ мѣсто для сбора донесеній. Полученныя въ Тюкурфъ свѣдѣнія отъ генерала Рейнбабена о нахожденіи его дивизіи у Марсь-ла-Тура на кратчайшемъ и главнѣйшемъ пути изъ Меца въ Парижъ, а также то, что эта дивизія не обнаружила крупныхъ непріятельскихъ частей къ сѣверу отъ Марсь-ла-Тура на пути Мець—Конфланъ—Вердюнь имѣло первостепенное оперативное значеніе и для штаба 2-й арміи, командующій

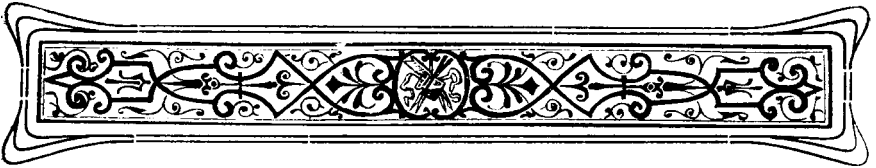
которой принцъ Фридрихъ Карлъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ генераль Мольтке, рисовалъ себѣ картину полнаго отступленія французской арміи и считалъ, что вопросъ сводился уже къ преслѣдованію французовъ (см. первыя строки приказа по 2-й арміи на 16-е августа). Свѣдѣнія отъ генерала Рейнбабена должны были бы быть, тотчасъ по полученіи ихъ въ мѣстѣ сбора донесеній въ Тюкурѣ, переданы не только въ штабъ Мольтке, но и непосредственно въ штабъ 2-й нѣмецкой арміи. Въ проектѣ Полевого устава, составленнаго нашей академіей, сочтено было нужнымъ указать на необходимость иногда назначать на мѣста сбора донесеній офицеровъ генеральнаго штаба. Это указаніе принято въ утвержденномъ въ 1912 г. нашемъ Полевомъ уставѣ (§ 63).

Теперь остается еще коснуться вопроса о работѣ генеральнаго штаба въ самихъ штабахъ по обработкѣ данныхъ, добываемыхъ войсковою развѣдкой. Изложенію этого вопроса спеціально посвящается 12-й очеркъ настоящей книги. Здѣсь же только скажемъ нѣсколько словъ объ участіи генеральнаго штаба въ опросѣ плѣнныхъ и въ изученіи захваченныхъ у непріятеля предметовъ и документовъ (то, что мы называли «вещественными доказательствами»). Вполнѣ ясно изъ вышеизложеннаго, что если одною изъ задачъ генеральнаго штаба является разработка и подготовка оперативнаго рѣшенія, то въ опросѣ плѣнныхъ и въ изученіи «вещественныхъ доказательствъ», онъ долженъ принять непосредственное и ближайшее участіе.

Ж. Голубинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ плѣну.

Мчатся по небу лазурному, ясному
Тучки небесныя, вѣтромъ гонимыя.
Грустно мнѣ, плѣнному, горько несчастному,
Грусть безконечная, грусть нестерпимая!

* * *

Гляну въ окошко я—даль неоглядная.
Гдѣ моя родина, родина милая?
Вы не оттуда-ль ко мнѣ, непроглядныя
Тучки холодныя, вѣтромъ гонимыя?

* * *

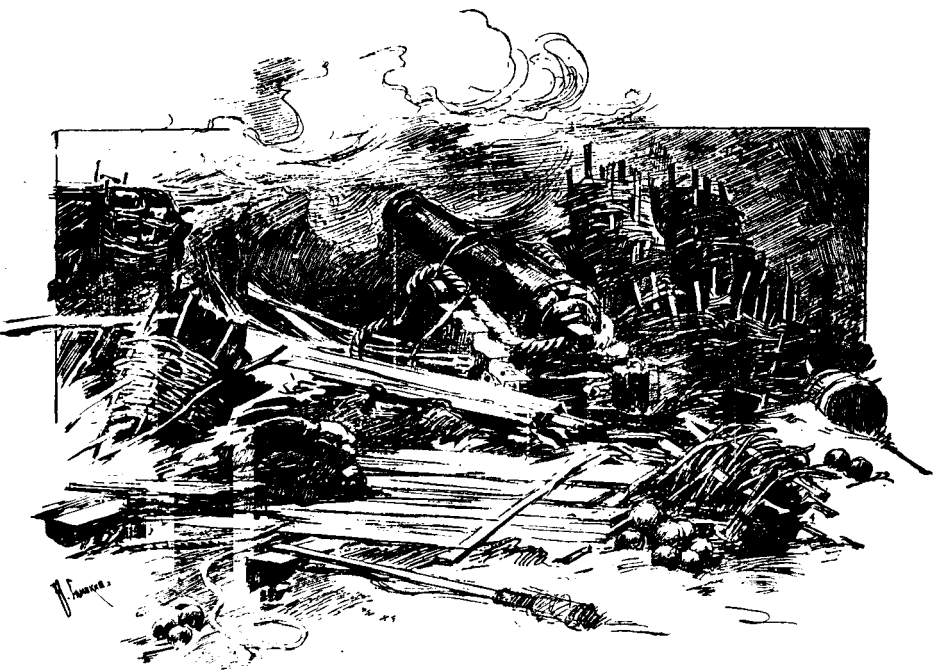
Что такъ спѣшите вы въ сторону дальнюю,
Тучи свинцовы, всѣми забытыя?
Бросьте на землю улыбку прощальную,
Всюду вамъ, тучки, дорога открытая.

* * *

Тучки разсѣялись. Ночка туманная.
Тускло зажглись и звѣзды небесныя....
Вижу въ туманѣ сторонку желанную.
Вотъ полетѣлъ бы—оковы желѣзныя!

В. Петровъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБОРОНА.

Армія и народъ.

Современная война есть враждебное столкновение громадных ополченій двухъ воюющихъ народовъ. По линіи въ нѣсколько десятковъ—сотенъ—верстъ, каждая изъ спорящихъ сторонъ выставляетъ на поле брани такую массу солдатъ, содержать которую на готовѣ и въ мирное время—не въ силахъ ни одно государство.

Война вынуждала насъ пополнять армію до необходимаго состава запасными и отставными чинами, нижняго и офицерскаго званія. Такимъ образомъ, мирное населеніе, выдѣливъ изъ своей среды отставныхъ и запасныхъ, уже съ началомъ войны беретъ на себя львиную долю чести или позора, смотря по успѣху военныхъ дѣйствій ея арміи. А потому, нельзя смотрѣть на армію, какъ на какую то обособленную касту. Армія есть плоть отъ плоти народа, она является оружіемъ народа. Но побѣждаетъ не оружіе, побѣждаетъ духъ народа, оживляющій армію на подвиги.

Естественно, что всѣ сословія народа обязаны относиться къ чинамъ арміи съ полнымъ вниманіемъ и родственной заботли-

востью, какъ къ дѣтищу своему, призванному охранять достоинство и мирное преуспѣяніе отечества.

Весь народъ, какъ одинъ человекъ, долженъ принимать живое участіе, прежде всего, въ усиленіи государственной обороны, а затѣмъ всѣми силами способствовать и успѣху арміи на полѣ брани.

Для этого недостаточно давать новобранцевъ и денежные средства на веденіе войны, но слѣдуетъ еще заботливо примѣнять всѣ мѣры, способствующія сохраненію и укрѣпленію, какъ въ рядахъ арміи, такъ равно и среди запасныхъ и отставныхъ, тѣхъ началъ, которыя прививаются имъ воинскимъ воспитаніемъ, т.-е. не допускать, чтобы въ душахъ воиновъ могли заглухнуть сѣмена чувства долга и патріотическаго порыва нести жизнь свою на пользу родины, памятуя, что эта масса запасныхъ должна служить среди народа живымъ разсадникомъ сознательной любви къ отечеству.

Усиленіе государственной обороны.

Необходимо, чтобы и у насъ, какъ въ другихъ государствахъ, явились общественные дѣятели, не жалѣющіе денежныхъ пожертвованій и труда для осуществленія слѣдующихъ мѣропріятій.

Открытіе повсемѣстно школъ и обязательное въ нихъ обученіе.

Широко использовать Высочайшее предуказаніе отъ 9-го января 1908 года о подготовкѣ школьной молодежи къ военному дѣлу. Для этого требуется прежде всего правильный взглядъ общества на указанную Его Величествомъ мѣру. Особенно важно, чтобы знаменательное начинаніе это не было низведено до «игры въ солдатики» ¹⁾.

Изданіе—для народныхъ школъ въ особенности—отечественной военной исторіи, патріотическихъ и боевыхъ пѣсней, описаній подвиговъ воинскихъ чиновъ, біографій народныхъ героевъ и вообще отличившихся на разныхъ поприщахъ соотечественниковъ нашихъ ²⁾.

Попутно съ проявленіемъ надлежащей энергіи въ этомъ направленіи общественныхъ дѣятелей,—для усиленія государственной обороны желательны еще мѣры, не использованныя правительственными органами.

¹⁾ Къ вопросу этому возвращусь въ специальной статьѣ.

²⁾ Японцы издали даже описанія подвиговъ нашихъ солдатъ.

А именно:

Милитаризація желѣзныхъ дорогъ, т.-е. охрана непрерывнаго функціонированія желѣзнодорожныхъ сооружений. Съ этою цѣлью желательно, прежде всего, безотлагательное привлеченіе отставныхъ офицеровъ для службы въ мобилизаціонныхъ отдѣленіяхъ желѣзнодорожныхъ управленій, начиная съ начальника-инженера у кончая писцами этого отдѣленія.

Наши недавніе соперники на полѣ брани настолько осмотрительны, что у нихъ офицеры дѣйствительной службы замѣняютъ писарей въ мобилизаціонныхъ отдѣленіяхъ окружныхъ штабовъ.

Несравненно больше еще значенія будетъ имѣть стремленіе всѣхъ къ тому, чтобы числящіеся въ спискахъ офицеры не отвлекались отъ служенія дѣлу воспитанія защитниковъ отечества. Проявляются попытки устраненія этого зла, но такъ какъ это только «попытки», а не властный запретъ малѣйшихъ отступленій,—то и продолжаемъ видѣть офицеровъ дѣйствительной службы не только замѣстителями чиновниковъ и лицъ «для письменныхъ работъ», но и чуть не за прилавками магазиновъ экономическаго общества офицеровъ. А какая масса отставныхъ офицеровъ жаждущихъ работы! Они и отставные военные чиновники могли бы съ полнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ успѣхомъ для военнаго и хозяйственнаго дѣла, замѣнить офицеровъ дѣйствительной службы, необходимыхъ для заполненія страшнаго недостатка ихъ въ строю.

Гражданскій долгъ офицеровъ.

Для усиленія государственной обороны офицеры должны бы проникнуться сознаніемъ гражданскаго ихъ долга, въ силу котораго они обязаны прививать новобранцу не только солдатское ремесло, но и осмысленное уразумѣніе сущности долга каждаго истиннаго патріота.

Мы обязаны помнить, что воспитываемъ ежегодно четырехсоттысячную массу молодыхъ солдатъ! Въ теченіе полувѣка черезъ наши руки проходитъ вся нація—всѣ подпадаютъ нашему вліянію въ теченіе извѣстнаго періода ихъ жизни. Не достаточно ли это убѣдительно, что система скорого возвращенія солдата на родину, создающая весьма большое число людей, прошедшихъ чрезъ ряды арміи, обязываетъ офицеровъ не только обучать ихъ толково солдатскому искусству, но и входить въ жизнь и быть солдата—помогать ему не только въ служебныхъ занятіяхъ, но и въ частныхъ его дѣлахъ,—разяснять ему вопросы дня, оберегая его отъ влія-

нія «лжетолкователей», такъ усердно старающихся смутить и со-
вратить нашего меньшого брата.

Кромѣ того, офицеры, разумѣется обязаны неусыпно слѣдить,
чтобы не нарушались права солдата.

При такой только дѣятельности офицеровъ, солдатъ внести въ
свою домашнюю среду должное уваженіе къ арміи и сознатель-
ное отношеніе къ святости отбыванія воинской службы.

Армія должна внести въ широкія народныя массы духъ патріо-
тизма, т.-е. сознательную любовь къ родинѣ «безъ которой», какъ
правильно высказалъ г. Кашинъ, «народъ перестаетъ быть жи-
вымъ коллективнымъ организмомъ, націей, и превращается въ
случайное скопленіе разрозненныхъ людей».

Армія могла бы стать колоссальной школой народа. Особенно
у насъ, — при недостаткѣ народныхъ учителей, — необходимо
использовать въ полной мѣрѣ всѣ доступныя намъ средства для
возможного просвѣщенія нашего солдата.

А много ли требуется жертвъ съ нашей стороны, чтобы обяза-
тельная служба стала *добровольной* школой самообразования?...

Не обязаны ли мы быть рыцарями—живымъ примѣромъ со-
гражданамъ и въ этомъ дѣлѣ?

Если мы готовы принести въ жертву жизнь свою за честь оте-
чества, то развѣ намъ непосильна жертва хотя бы рубля въ мѣ-
сяцъ и получаса въ день, чтобы солдаты наши, а черезъ нихъ и
народъ—стали мощнѣе умомъ и духомъ?... Право же, жертва эта
каждому изъ насъ по силамъ и она принесла бы великую пользу
и намъ самимъ—она бы и насъ сдѣлала мощнѣе духомъ въ болѣе
тѣсномъ сближеніи офицера съ солдатомъ.

Всякое начало трудно, но вскорѣ явилось бы такое нравствен-
ное удовлетвореніе, которое сторицею вознаградило бы нашу
жертву рублемъ и получасомъ досуга.

За долготѣнее мое близкое общеніе съ подчиненными мнѣ
солдатами, я убѣдился, что простолюдинъ нашъ охотно и съ бла-
годарностью воспринимаетъ простое живое слово. Сознвая и тя-
готѣясь своею неразвитостью, онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ
старается использовать время своей службы для самообразования
къ чему на родинѣ у него нѣтъ тѣхъ средствъ, какія онъ находитъ
въ ротѣ. Онъ жаждетъ просвѣщенія, но... учиться ему не у кого.
Онъ набрасывается на книжки ротной библіотеки, онъ «зачиты-
ваетъ» получаемое въ ротѣ періодическое изданіе. Но... библіо-
тека, какъ знаемъ, заполнена преимущественно разсказами и пере-
сказами, а большинство періодическихъ изданій для нижнихъ чи-

новъ тоже мало способствуетъ обогащенію ихъ познаніями, полезнымъ для дальнѣйшей ихъ жизни.

Жертвуя только однимъ рублемъ въ мѣсяцъ, офицеръ можетъ доставить подчиненнымъ ему солдатамъ для чтенія именно то, что удовлетворяетъ ихъ любознательности. Какъ бы охотно вы ни посвящали немногіе часы своего личнаго досуга, рѣдко кому по силамъ заготовлять бесѣды по многочисленнымъ отраслямъ полезныхъ для солдатъ познаній. Въ журналѣ, издающемся исключительно для этой цѣли ³⁾, работаютъ многіе преданные этому дѣлу сотоварищи наши, дающіе разнообразныя полезныя для простолюдина познанія. Такимъ образомъ, съ вашей стороны требуется выписка подходящаго журнала и пополненіе бібліотеки книжками, содержаніе которыхъ имѣетъ практическое значеніе для читающаго солдата.

Являясь рыцарями и въ этомъ дѣлѣ, офицеры примѣромъ своимъ несомнѣнно привлекутъ и согражданъ для содѣйствія стремленію, чтобы въ лицѣ запасныхъ возвращать родинѣ болѣе развитыхъ людей, подготовленныхъ для болѣе плодотворной работы, чѣмъ та, на которую они были способны до поступленія на службу. Явятся и у насъ доброхотные спеціалисты и содѣйствующіе имъ капиталисты, которые откроютъ курсы систематическаго обученія нижнихъ чиновъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, мастерства и т. п. *Въ этомъ требуется содѣйствіе согражданъ*, которое—повторяю—легко вызвать нашимъ личнымъ примѣромъ.

Связующая цѣпь между арміею и народомъ.

Пока у насъ не установится территоріальное комплектованіе арміи, на военачальникахъ лежитъ еще священная обязанность заботиться и о сохраненіи среди запасныхъ воинскаго духа и сознательнаго патріотизма.

Трудно вычеркнуть изъ памяти, что представляли изъ себя наши запасные. Призывавшіеся въ ряды для выступленія противъ желтой расы запасные явили себя не только недисциплинированными въ точномъ значеніи этого слова, но оказывались опасными для нашего же мирнаго населенія!

Не слѣдуетъ забывать, что запасные составляютъ нынѣ главную массу боевыхъ силъ государства, и во время мобилизаціи эта недисциплинированная масса, какъ мы видѣли, ставила войсковыя

³⁾ Могу смѣло указать на издающійся въ г. Варшавѣ журналъ «Варшавскій Военный Вѣстникъ», заслужившій себѣ неоднократно лестные отзывы печати.

части въ неслыханную нигдѣ необходимость усмирять запасныхъ! Запасные на нѣкоторое время не усиливали, а ослабляли мощь войсковыхъ частей!...

Получалась деморализація частей наканунѣ введенія ихъ въ бой!...

Не достаточно ли это убѣждаетъ, что на нашихъ военачальникахъ лежитъ въ мирное время еще одна великая задача—*создать постоянную связь между кадровыми и запасными?!*

«Вопросъ этотъ, дѣйствительно жизненный», какъ говорилъ г. Эль-Эсъ, «и нельзя со спокойнымъ безразличіемъ относиться къ тому, что можетъ закрѣпить великую цѣпь между народомъ и арміею: порвется она и сокрушительно ударитъ однимъ концомъ по народу, другимъ по его лучшей опорѣ», значить, по арміи.

«Варшавскій военный вѣстникъ», говоритъ далѣе г. Эль-Эсъ, «сдѣлалъ прекрасную попытку для закрѣпленія духовной связи уходящихъ въ запасъ съ арміею и возвышенія престижа арміи въ народѣ: онъ взялъ на себя большой трудъ составлять для всѣхъ полковъ полковыя памятки для запасныхъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ».

Желательное содержаніе этихъ «памятокъ» указано во многихъ отзывахъ печати, разсуждавшихъ о безусловно великомъ значеніи подобныхъ «памятокъ».

Мысль объ изданіи полковыхъ «памятокъ» затронутая пять-шесть лѣтъ тому назадъ въ «Варш. воен. вѣстникѣ» и въ «Практикѣ воинскаго воспитанія»⁴⁾,—осуществляется самими войсковыми частями. Однако, по моему, «памятки» эти имѣли, если можно такъ выразиться, частный характеръ: онѣ становятся достояніемъ ограниченнаго числа запасныхъ, увольняемыхъ изъ войсковой части, издавшей свою «памятку».

Это разъ.

Во вторыхъ, есть сотни тысячъ запасныхъ, прослужившихъ въ учрежденіяхъ и заведеніяхъ, «памятки» которыхъ, если бы онѣ и печатались, не имѣютъ для солдатъ того воспитательнаго значенія, какое заключается въ боевой памяткѣ войсковой части, сражавшейся за честь и славу нашего оружія.

Ввиду только что сказаннаго, считаю совершенно необходимымъ изданіе систематически составленнаго сборника «завѣта»—въ которомъ заключались бы самые яркіе эпизоды и подвиги отдѣльных лицъ, подобранные изъ памятокъ всѣхъ войсковыхъ частей нашей арміи. Сборникъ этотъ представлялъ бы въ себѣ дѣй-

⁴⁾ Впослѣдствіи—«Строевой офицеръ».

ствитально настоящей «*Завѣтъ предковъ*» нашему христіолюбивому воинству и народу. Сборникъ этотъ, выдаваемый хотя бы только однимъ унтеръ-офицерамъ,—служилъ бы неисчерпаемымъ источникомъ для ихъ бесѣдъ съ деревенскою молодежью. *Не проповѣди*, а примѣры воспитываютъ народъ въ духѣ преданности нашимъ Святынямъ: Богу, Царю и Отечеству.

За долгодѣльную мою строевую службу, я имѣлъ возможность убѣдиться какъ сильно вліяютъ на душу солдата бесѣды о подвигахъ нашихъ предковъ. Образовавшійся у меня за 37 лѣтъ обширный сборникъ этихъ—живыхъ, такъ сказать—примѣровъ воинской доблести и преданности гражданъ Царю и Отечеству—сослужилъ мнѣ неоцѣнимую услугу. Могу смѣло сказать, что достигавшійся успѣхъ по воспитанію молодежи въ различныхъ войсковыхъ частяхъ, я справедливо приписывалъ этимъ бесѣдамъ, живымъ картинамъ легендарныхъ эпизодовъ и заботливо подобраннымъ пѣснямъ. Отраднo было наблюдать то благородное воодушевленіе, какое переживали въ эти вечера, посвященные воспоминаніямъ о герояхъ, прославившихъ наше оружіе! Немного требовало времени, чтобы замѣтить, какое благотворное вліяніе оказывали эти вечернія сообщенія офицеровъ и на самыя черствыя и даже безнравственныя личности. На почвѣ этихъ бесѣдъ достигалось самое тѣсное сближеніе офицеровъ съ солдатами. А единеніе—сила! Которая и сказалась на полѣ брани. Какъ, быть можетъ, исключительный случай, сближеніе это усугублялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что на бесѣдахъ-вечеринкахъ этихъ присутствовали всегда жены и дѣти офицеровъ.

Глубоко вѣрю, что распространеніе среди народа этихъ бесѣдъ должно создать подобную же почву тѣснаго сближенія, тѣсной связи народа съ арміей.

Позвоночный столбъ арміи.

Нѣтъ арміи, организмъ которой не страдалъ бы недугами.

Въ нашей арміи самымъ тяжкимъ недугомъ слѣдуетъ признать отсутствіе унтеръ-офицеровъ.

Унтеръ-офицерскій вопросъ у насъ обсуждается безконечно и рѣшеніе его откладывается до безконечности.

А что вопросъ этотъ безпримѣрно важенъ, сознается всѣми, особенно же участвовавшими въ послѣдней войнѣ, уяснившими себѣ, что современный бой отводитъ весьма важное мѣсто тактическому управленію начальниковъ изъ н. чиновъ.

Насколько сложно современное обученіе воинскихъ чиновъ—

извѣстно всѣмъ служащимъ въ строю. Достаточно опредѣленно высказался объ этомъ одинъ полковой командиръ во время послѣдней войны. Вотъ что онъ писалъ: «Умъ, способность, умѣлость, настойчивость и добрая воля—словомъ всѣ умственныя и физическія силы офицера *въ мирное время*—надо употреблять на систематичную, рациональную, соответствующую современному состоянію военной науки, *подготовку одиночнаго воина* и въ умственномъ и въ духовномъ отношеніяхъ».

Спрашивается, достижима ли подобная безусловно необходимая подготовка роты, если въ помощь офицерамъ нѣтъ кадра соответствующихъ современнымъ требованіямъ унтеръ-офицеровъ?...

Всѣмъ извѣстна и всѣми признается старая, но вѣчно новая истина, что позвоночный столбъ въ человѣческомъ тѣлѣ и унтеръ-офицеры въ арміи—имѣютъ совершенно одинаковое *значеніе вопроса жизни и силы*. А наши унтеръ-офицеры?... Надо сознаться, они представляютъ изъ себя большей частью одно печальное недоразумѣніе.

Да, самый тяжкій недугъ нашей арміи—отсутствіе толковыхъ унтеръ-офицеровъ.

Ни въ одной арміи великихъ державъ не замѣчается подобное равнодушіе къ удовлетворительному рѣшенію этого жгучаго вопроса.

Предлагаемый выходъ изъ этого тяжкаго недомоганія—не новость ⁵⁾, но считаю не бесполезнымъ изложить его на этихъ страницахъ для возбужденія обмѣна мнѣній. Авось, наконецъ-то, рѣшимся отвязаться отъ устарѣлыхъ, негодныхъ мѣръ и дадимъ твердое начало для разрѣшенія этого вопроса къ общему удовлетворенію радѣющихъ объ усиленіи нашей государственной обороны—о славу нашего оружія.

По моему крайнему разумѣнію, требуется безотлагательное сформированіе при каждой дивизіи (отдѣльной бригадѣ) *учебной роты* (эскадрона, батареи) на подобіе и съ программой бывшаго Рижскаго унтеръ-офицерскаго баталіона. Но части эти комплектуются молодыми людьми—*добровольцами*—не старше 18-лѣтняго возраста ⁶⁾.

⁵⁾ См. «Воинскія заповѣди и прегрѣшенія». Изд. журнала «Офицерская Жизнь». Варшава, 1907 г.

⁶⁾ Кромѣ аттестата о научной ихъ подготовкѣ, они должны предъявить: удостовѣреніе ближайшей власти о нравственной ихъ благонадежности и медицинское свидѣтельство о здоровьи и физической пригодности для отбыванія военной службы. Отправлять ихъ въ учебныя роты распоряженіемъ воинскихъ начальниковъ.

Курсъ трехлѣтній: первые два года—по програмѣ бывшаго унтеръ-офицерскаго баталіона, третій годъ—обученіе молодыхъ солдатъ предположено частью тактикѣ и прочимъ отдѣламъ службы въ полѣ и гарнизонѣ ⁷⁾.

Офицеры найдутся ⁸⁾. Добровольцы явятся въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ это требуется для сформированія ротъ въ сто рядовъ обучающихся каждая.

Взводными и отдѣленными начальниками, на первое время, можно поставить обучавшихся въ учебномъ унтеръ-офицерскомъ баталіонѣ и подпрапорщиковъ. Затѣмъ должности эти будутъ, конечно, заняты «выдающимися» изъ числа окончившихъ курсъ учебной роты.

Роты состояли бы при одномъ изъ полковъ дивизіи и на второмъ году своего обученія принимали бы участіе во всѣхъ зимнихъ и лѣтнихъ маневренныхъ и прочихъ занятіяхъ въ полѣ полка, при которомъ состояла эта «учебная рота».

При добромъ желаніи, а недостатка въ немъ, конечно, нѣтъ, въ теченіе же первыхъ трехъ лѣтъ выработаются подробности программы веденія этого дѣла, выработаются, разумѣю, лицами, стоящими непосредственно у своего дѣла, дайте имъ только свободу дѣйствій, не стѣсняйте ихъ непомѣрною опекою «кабинета».

Какъ оно замѣчается во всѣхъ войсковыхъ школахъ, такъ и въ «учебной ротѣ» тоже окажутся молодые люди, непригодные для роли строевого унтеръ-офицера ⁹⁾: они могутъ назначаться писарями на нестроевыя должности, опредѣляться въ фельдшерскую школу и т. п.

Смѣю утверждать, что успѣхъ подготовки унтеръ-офицеровъ въ проектируемыхъ «учебныхъ ротахъ» удовлетворить вполне тѣмъ требованіямъ, какія ротный командиръ вправѣ и обязанъ предъявлять унтеръ-офицерамъ.

⁷⁾ Для этой работы рота откомандировываетъ три взвода въ остальные полки дивизіи, такъ какъ взводные командиры—офицеры учебной роты пользуются правами и несутъ ответственность ротнаго командира. Въ каждомъ полку воспитанники учебной роты распредѣляются по-ротно для практическаго примѣненія своихъ познаній при обученіи вѣранныхъ имъ молодыхъ солдатъ и кромѣ того, подъ личнымъ руководствомъ своего взводнаго офицера (учебной роты) практикуются въ тактикѣ, полевой и гарнизонной службѣ.

⁸⁾ Особенно же съ упраздненіемъ въ полкахъ учебныхъ командъ, которыя окажутся лишними при наличности учебной роты при дивизіи. Да, надѣмся, что будутъ приняты рѣшительныя мѣры противъ расточительности расхода офицеровъ изъ строя.

⁹⁾ Не говорю о тѣхъ, которые по обнаруженнымъ недостаткамъ подлежатъ исключенію изъ состава роты.

Преимущество учебных ротъ передъ бывшимъ унтеръ-офицерскимъ баталіономъ выразится, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Воспитанники роты, состоящей при одной изъ войсковыхъ частей дивизіи, не только проходятъ положенный курсъ обученія, но исподоволь и незамѣтно знакомятся съ жизнью и съ особенностями службы въ частяхъ войскъ. На второмъ году обученія въ ротѣ, воспитанники ея принимаютъ участіе во всѣхъ зимнихъ (лѣтнихъ) маневрахъ и прочихъ занятіяхъ въ полѣ цѣлыхъ войсковыхъ частей, что еще больше знакомитъ ихъ съ бытомъ солдата. Наконецъ, въ третій годъ—чисто прикладной работы воспитанниковъ, рота окончательно довершаетъ подготовку ихъ къ отвѣтственной роли унтеръ-офицера—руководителя взвода, наставника молодыхъ солдатъ.

Мысль эту, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отмѣчали въ военной печати заслуживающей испытанія хотя бы въ нѣсколькихъ дивизіяхъ. Но... надъ нами не каплетъ?

Повторяю, пора намъ отказаться отъ полумѣръ¹⁰⁾. Надо немедленно и смѣло рѣшить унтеръ-офицерскій вопросъ. На лицо чужіе образцы и нашъ собственный опытъ. *Выборъ* не затруднителенъ, а главное—до крайности неизбѣженъ, ибо недопустимо дальнѣйшее оставленіе нашихъ офицеровъ безъ помощниковъ унтеръ-офицеровъ, систематично воспитанныхъ и образованныхъ въ духъ современнаго состоянія военной науки и взглядовъ на государственную оборону.

Создать сознательныхъ унтеръ-офицеровъ и убѣжденныхъ патриотовъ могутъ только спеціальныя школы—«учебныя роты».

Заслуживаетъ не меньшаго вниманія и то обстоятельство, что достигнувъ комплектованія арміи подобными унтеръ-офицерами, мы подготовляемъ себѣ въ нихъ надежныхъ наставниковъ по подготовкѣ молодежи къ военной службѣ. Только такіе унтеръ-офицеры явятся полезнѣйшими разсадниками среди народа сознательнаго довѣрія къ необходимости воинской службѣ, явятся убѣжденными толкователями землякамъ той истины, что только несокрушимая преданность Царю и любовь къ Родинѣ обеспечиваютъ благополучное преуспѣяніе родного очага и могущество Россіи.

С. А. Модль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁰⁾ Рижскій учебный баталіонъ остался тоже полумѣрой. Слѣдовало открыть по одному баталіону въ каждомъ округѣ, но воспрепятствовали этому два-три скептика, склонившіе Главный штабъ ограничиться однимъ баталіономъ. Капля въ морѣ! Но теперь... и эта капля стерта съ лица земли нашей.

КЪ ПОЗНАНІЮ АРМІИ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Присяга юношей Вѣнскаго стрѣлковаго корпуса.

«Я даю священный обѣтъ, торжественно свидѣтельствуя собственноручной подписью и подъ честнымъ словомъ юноши-стрѣлка въ томъ, что:

Во всемъ буду поступать честно и во имя добра, жить нравственно и богобоязненно, преданнымъ родинѣ и императору. Всѣ обязанности гражданъ буду нести охотно и съ полнымъ рвеніемъ буду исполнять уставы корпуса. Оберегая собственную честь во всѣхъ положеніяхъ, возможныхъ въ жизни, работая неустанно надъ собственнымъ дальнѣйшимъ самоусовершенствованіемъ, соблюдая товарищество, помогая каждому въ нуждѣ, я буду стараться ежедневно, по меньшей мѣрѣ, одно изъ вышеизложенныхъ началъ исполнять.

Помоги миѣ Богъ!».

Все сіе свидѣтельствую собственноручной своею подписью.

Такимъ образомъ Вѣнскій стрѣлковый корпусъ преслѣдуетъ не только цѣль дать юношамъ предварительную подготовку къ военной службѣ и улучшить физическое развитіе молодежи, но также

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 6.

нравственное и религиозное воспитаніе, увеличить опытъ, развитъ человѣчность, рыцарство, благородство.

Съ цѣлью укрѣпить духъ, юношамъ читаются особыя лекціи, ихъ учатъ музыкѣ, пѣнію, декламации; обучаютъ строю, стрѣльбѣ, гимнастикѣ, фехтованію и плаванію.

Въ случаѣ, если юноша будетъ замѣчанъ въ грубости, безнравственности, лжи, пьянствѣ, при повтореніи подобныхъ проступковъ онъ увольняется изъ корпуса, или ему воспрещается допускъ на срокъ отъ полугода и до года.

По уставу въ корпусъ стрѣлковъ могутъ быть зачислены почетные члены, которые одновременно внесли не менѣе 300 кронъ, члены сотрудники со взносомъ 150 кронъ одновременно и ежегодно по 50 кронъ. Далѣе идутъ члены, внесшіе 10 и 3 кроны, а также инструктора и постоянный составъ. Занятія происходятъ 3 раза въ недѣлю съ 7 час. вечера, а по воскресеньямъ общія для всѣхъ. Форма обмундированія—темносѣрая, на шляпѣ плюмажъ, и, смотря по роду войскъ, отличительныя знаки. Обмундированіе собственное и стоитъ около 40 кронъ.

Установлены и особыя льготы юношамъ стрѣлковаго корпуса, при отбываніи воинской повинности.

Согласно § 48-го новаго устава, всѣмъ молодымъ людямъ, которые при особой комиссіи выдержали установленный экзаменъ по стрѣльбѣ и гимнастикѣ, послѣдній учебный сборъ отмѣняется. Имъ же облегчается достиженіе унтеръ-офицерскаго званія, а равно сокращается срокъ обученія новобранцевъ.

Въ 1911 году Австрійскій стрѣлковый союзъ и отдѣльныя общества ²⁾ получили приглашеніе отъ министра народной обороны прибыть на засѣданіе для обсужденія ряда вопросовъ, касающихся дѣятельности этихъ обществъ. Обсужденію подлежали слѣдующіе вопросы:

1) Уступка ружей и огнестрѣльныхъ припасовъ по дешевой цѣнѣ обществамъ.

2) Выработка плана общей работы въ цѣляхъ содѣйствія образованію стрѣлковыхъ союзовъ и обученія юныхъ стрѣлковъ. Засѣданія получили огромное значеніе, благодаря рѣчи министра народной обороны. Министръ высказалъ сожалѣніе, что помощь можетъ быть оказана лишь въ скромныхъ размѣрахъ, ружья будутъ даны на полную отвѣтственность обществъ. Дабы помочь среднимъ учебнымъ заведеніямъ при прохожденіи стрѣльбы, учителя изъ офице-

²⁾ «Fremdenblatt» №№ 35 и 39, 1911 г.

ровъ запаса будутъ проходить особый курсъ стрѣльбы въ періодъ учебныхъ сборовъ.

Посмотримъ, что дѣлается въ Тиролѣ и Форальбергѣ. Весь районъ, какъ паутиной окутанъ стрѣлковыми обществами, которые имѣютъ свою исторію, начиная съ 16-го вѣка.

Достаточно 20-ти крестьянъ той или иной деревни, чтобы общество получило санкцію закона. Всѣ эти учрежденія находятся подъ контролемъ министра народной обороны. Каждый, достигши 17-ти лѣтъ, обязанъ записаться членомъ въ одно изъ стрѣлковыхъ обществъ (избавляются одни немощные) и пройти каждый годъ не менѣе 4-хъ упражненій стрѣльбы, выпустивъ 60 патроновъ. Кто въ продолженіи двухъ лѣтъ не обнаружитъ никакихъ успѣховъ, исключается изъ общества, что для юноши считается позоромъ. Если стрѣлокъ-доброволецъ въ теченіе 5-ти лѣтъ стрѣльбы оказалъ, выдающіеся успѣхи, то онъ освобождается отъ послѣдняго учебнаго сбора. Зимой проходятъ подготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія и стрѣльбу дробинками съ казеннымъ отпускомъ. Стрѣльбища, разбросанныя по всему Тиролю, устроены такъ, что допускаютъ стрѣльбу минимально на 300 шаговъ, но есть много и такихъ, гдѣ съ полнымъ удобствомъ возможно вести стрѣльбу и до 600 шаговъ. Въ настоящее время число стрѣлковыхъ обществъ достигло болѣе 500, что для сравнительно небольшой территоріи представляетъ громадное число ³⁾). Остановилась ли на этомъ работа австрійскаго правительства? О нѣтъ. Въ 1910 году появляется изданная для руководства програма преподаванія стрѣльбы въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Програма эта составляетъ работу министерства народной обороны. Вотъ она.

Обученіе продолжается съ начала октября и до конца мая, преимущественно по субботамъ; продолжительность занятій 2 часа. Обученіе раздѣляется на:

1) Подготовительныя стрѣльбы для учениковъ предпослѣдняго класса 12—14 часа, а для старшаго класса не болѣе 8-ми часовъ.

2) Стрѣльба дробинками предпочтительно круглый годъ, по мѣрѣ возможности, на открытомъ воздухѣ.

Каждый ученикъ въ теченіе года производитъ 100 выстрѣловъ. Необходимы поощренія, т.-е. состязательныя стрѣльбы. Учениковъ не слѣдуетъ допускать къ стрѣльбѣ боевыми патронами ранѣе окончанія предварительнаго курса и стрѣльбы дробинками.

3) Боевая стрѣльба распадается на три категоріи: учебная, показная и призовая.

³⁾ «Oesterreichs Illustrierte Zeitung» 1914 г., № 26.

4) Для учебной стрѣльбы каждый ученикъ получаетъ по 40 патроновъ.

5) Призовая стрѣльба производится въ концѣ года.

6) Обученіе глазомѣру должно производиться при каждомъ удобномъ случаѣ.

Во время экскурсій ученикамъ должны сообщаться свѣдѣнія изъ военной исторіи. Кромѣ того, ученикамъ должны быть показаны: пулеметы, орудія и другіе военные предметы, могущія возбудить интересъ.

Програма эта ходко вошла въ жизнь. Появились отчеты о состязательныхъ стрѣльбахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вотъ два отрывка изъ нихъ на выдержку:

1) 12-го апрѣля въ Клагенфуртѣ происходила состязательная стрѣльба учениковъ классической гимназіи на военномъ полигонѣ у Крейцбурга. Стрѣляли на 200 метровъ въ четырехъ положеніяхъ. Директоръ гимназіи горячо благодарилъ руководителя стрѣльковаго курса, капитана 4-го ландвернаго пѣхотнаго полка Гильгерта («Die Vedette», № 1526, 1913 г.).

2) 28-го іюня на мѣстномъ стрѣльковомъ плацу происходила состязательная стрѣльба учениковъ классической гимназіи въ Зальцбургѣ. На курсахъ, которыми руководилъ оберъ-лейтенантъ Даунъ, состояло 76 человекъ. Директоръ гимназіи благодарилъ офицеровъ за помощь и руководство («Die Vedette», № 1526, 1913 г.).

Наконецъ, въ мартѣ 1913 года было издано правительственное распоряженіе, въ силу котораго офицеры дѣйствительной службы обязаны содѣйствовать военному воспитанію юношества Австро-венгерской монархіи. Не молчать и пресса. Въ цѣломъ рядѣ статей, вы найдете призывы къ неустанной работѣ по подготовкѣ населенія къ военной службѣ. «Одумайтесь, господа, народные представители», пишетъ генераль Мангъ въ «Die Vedette» № 1626: «проснитесь и пусть сознаніе нашихъ обязанностей къ себѣ сдѣлается общимъ достояніемъ, чтобы слиться воедино въ горячей любви къ родинѣ. Если мы достигли повышенія рекрутскаго контингента, если происходитъ сознательная работа надъ численностью войскъ, то не слѣдуетъ забывать о качествѣ. Качество же арміи можетъ быть повышено только интесивной, военной и патріотической подготовкой въ школахъ. Учителя всѣхъ школъ безъ исключенія должны помогать намъ, офицерамъ и т. д.»....

Такъ ведетъ работу Австрія, то государство, какъ я упомянулъ

выше, которое по своему политическому положенію, національному составу, находится далеко не въ благопріятномъ положеніи.

Экскурсія по Европѣ мною закончена и теперь краткія приведенныя данныя можно свести въ слѣдующую наглядную таблицу:

Государства.	Мѣры по подготовкѣ населенія къ военной службѣ.	Съ какого времени.
Швеція.	Гимнастическія общества, союзы по физическому воспитанію юношества (развѣдчики Vou-scouts), стрѣлковыя общества.	Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности.
Италія.	Стрѣлковыя общества.	Недавно.
Франція.	1.008 гимнастическихъ обществъ, 250.000 членовъ, стрѣлковыя спортивные общества. Рядъ льготъ по воинской повинности членамъ общества.	Съ 1871 года.
Германія.	7.538 гимнастическихъ обществъ съ 772.131 членами. Полная милитаризація школы.	Съ 1871 года.
Англія.	200.000 развѣдчиковъ, организованныхъ генер. Баденъ-Паузелемъ.	Въ послѣдніе годы.
Японія.	Полная милитаризація школы. Школа—маленькая казарма. Система Дзю-Джицу, какъ основа физическаго воспитанія.	Всегда служило основнымъ догматомъ могущества государства.
Австрія.	Австрійскій стрѣлковый союзъ. Вѣнскій корпусъ стрѣлковъ. Военные предметы въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и стрѣльба. Организаци Тироля и Форальберга.	Въ послѣдніе годы.

Выводъ ясенъ: нѣтъ ни одного государства, которое бы не приняло тѣхъ или иныхъ мѣръ по подготовкѣ народа къ военной службѣ.

Инициаторомъ этого громадной важности государственнаго дѣла въ Россіи явился Державный Вождь русской арміи. 8-го января 1910 года Государю Императору благоугодно было на листкѣ

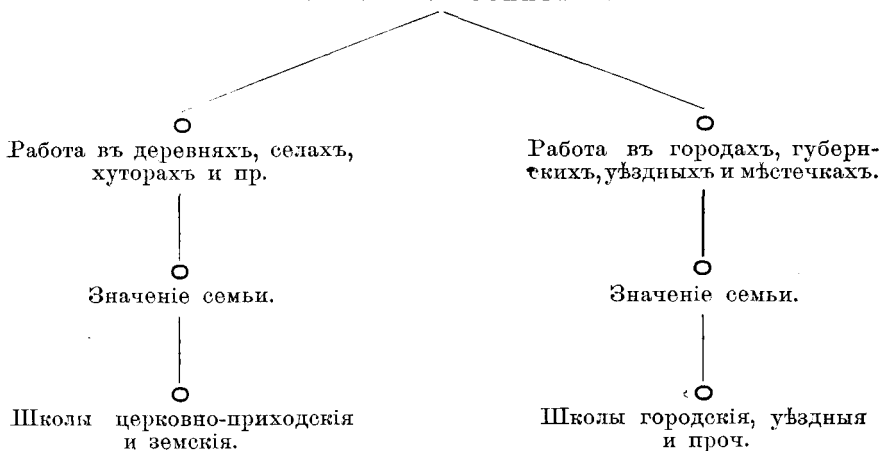
своей записной книжки начертать: «*Завести въ деревняхъ обученіе дѣтей въ школахъ военному строю и гимнастикѣ запасными и отставными унтеръ-офицерами за малую плату.* Это былъ краеугольный камень, положенный въ основу будущаго грандіознаго зданія. Какъ выполнить волю Государя Императора? Какъ внѣдрить въ жизнь его Высочайшее повелѣніе? Какъ организовать это безспорно трудное дѣло, какъ провести его систематично, стройно, не увлекаясь, не превращая будущихъ воиновъ въ солдатъ съ мѣста, а лишь подготовляя и облегчая имъ выполненіе священнаго долго—воинской повинности?...

Попробуемъ разобраться въ этомъ громадномъ дѣлѣ и прежде всего поставимъ вопросъ: «надъ кѣмъ придется работать? Въ армію мирнаго времени поступаетъ главная масса изъ деревень, селъ и городовъ—это нижніе чины и интеллигентные слои, которые, подготовляясь, составляютъ офицерскій кадръ мирнаго времени и будущихъ прапорщиковъ запаса въ военное время. Далѣе неоспоримо, что, организуя подготовку населенія къ военной службѣ, придется заняться: 1) физическимъ воспитаніемъ народа и интеллигентныхъ слоевъ; 2) духовнымъ ихъ развитіемъ, укрѣпляя и развивая тѣ данныя, которыя необходимы, какъ арміи мирнаго времени, такъ и мобилизованной.

Оставляя пока работу надъ интеллигентными слоями, обратимся къ главной массѣ, наполняющей и составляющей вооруженную силу, т.-е. къ народу. Работать надъ нимъ можно бы было, придерживаясь слѣдующей схемы:

Армія (народъ—главная масса).

Физическое воспитаніе.

Окончаніе школь, примѣрно, къ 16-17 годамъ, перерывъ до воинской повинности 3—4 года.

Разберемъ приведенную схему подробнѣе. Въ смыслѣ физическаго воспитанія ребенка въ крестьянской семьѣ, до его поступленія въ школу, разумѣется многого не сдѣлаешь. Развитие его находится въ тѣсной связи съ ростомъ культуры вообще. Отсутствие элементарныхъ гигиеническихъ условій въ крестьянской избѣ, минимальная медицинская помощь, тяжелый трудъ родителей, отсутствіе надзора и призора, за неимѣніемъ времени и т. п., все это тѣ условія, при которыхъ ребенокъ растетъ одинъ, какъ дитя природы. Тоже наблюдается и въ городахъ—въ особенности въ фабричныхъ и заводскихъ раіонахъ. Недаромъ же въ настоящее время такъ распространены пріюты-ясли для дѣтей рабочихъ. Въ этихъ пріютахъ сосредоточены дѣти, отцы которыхъ цѣлый день заняты трудомъ и только къ вечеру попадаютъ въ семью. Но какъ только ребенокъ попадаетъ въ школу, безразлично въ какую, деревенскую, сельскую или городскую, такъ обстановка рѣзко мѣняется. Онъ уже болѣе поль-дня въ рукахъ учителя, священника. Онъ подъ надзоромъ и призоромъ. И тутъ то для физическаго его воспитанія широкій просторъ. Тутъ возможны и занятія гимнастикой и спортивные игры, занятія на свѣжемъ воздухѣ, небольшіе переходы съ дневкой (биваками) въ лѣсу, на лугу, здѣсь практика въ плаваніи, при наличности по близости водныхъ пространствъ. Здѣсь возможно заложить основы наблюдательности, первый починъ къ ориентировкѣ на мѣстности, развитіе глазомѣра, извѣстной втянутости, т.-е. цѣлый рядъ такихъ упражненій, которыя повышаютъ бодрость, развиваютъ и укрѣпляютъ мышцы, мускулы и проч.

Это какъ разъ та работа, которая должна дать и дать плодо-

творные плоды, а главное цѣнные—въ будущемъ для арміи. Громадная сеть фабричныхъ, заводскихъ и др. школъ, раскинутая по городамъ Россійской имперіи, со сравнительно хорошимъ отпускомъ денежныхъ средствъ, даетъ полную возможность заняться физическимъ воспитаніемъ дѣтей. Въ чемъ здѣсь можетъ выразиться правительственная помощь? Въ отпускѣ небольшихъ суммъ для церковно-приходскихъ, земскихъ и городскихъ школъ на приобрѣтеніе нужныхъ пособій для обученія военному строю и гимнастикѣ, на плату учителямъ, отставнымъ и запаснымъ унтеръ-офицерамъ, а въ городахъ и желающимъ офицерамъ дѣйствительной службы. Наконецъ, въ изданіи соотвѣтствующихъ инструкцій—наставленій для обученія строю, гимнастикѣ и проч. Нужно ли давать въ періодъ школьнаго образованія будущимъ воинамъ въ руки ружья, учить ихъ стрѣльбѣ? Нѣтъ. Потому что для нихъ это будетъ лишь дѣтская забава, а пользы никакой, такъ какъ для такой работы они еще не созрѣли. Если бы хоть $\frac{1}{10}$ часть набросанной мною схематически программы, увидѣла бы свѣтъ, мы скоро съ радостью духа наблюдали бы первые лучи надежды нашей и въ толпѣ школьниковъ, отправляющихся военнымъ строемъ на экскурсіи, безошибочно опредѣлили бы, что къ намъ грядетъ будущее величіе и мощь Россіи.

Но, Боже мой, какъ мы далеки отъ такого идеала! На дняхъ въ Москвѣ открывается сѣздъ по народному образованію, организуемый Московскимъ уѣзднымъ земствомъ. О чемъ же будутъ говорить въ сердцѣ Россіи? О всемъ, о чемъ угодно, только не о физическомъ воспитаніи, не о подготовкѣ населенія къ военной службѣ. Одинъ будетъ говорить о задачахъ начальной школы. Основная задача школы должна, по его словамъ, развить въ дѣтяхъ интересъ и сознательное отношеніе къ себѣ и ко всему окружающему, воспитать способность къ самостоятельному умственному развитію и къ творческой работѣ на пользу общества... Другой заявить: задача школы заключается въ полномъ и всестороннемъ развитіи личности ученика, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ задачи умственнаго развитія, направленные въ сторону пониманія жизни, природы и человѣка...

Будутъ говорить объ условіяхъ школьной работы, дѣтскихъ праздникахъ, школьныхъ клубахъ, расширеніи рамокъ преподаванія и т. п. и т. д.... И никто, рѣшительно никто не предполагаетъ обмолвиться хотя бы словомъ о томъ, что такъ настоятельно необходимо великой Россіи, что составляетъ основу всей ея будущ-

ности, ея мощи, культуры и величія. Вотъ, гдѣ опять наглядно можно наблюдать полное невѣжество въ познаніи арміи. Вотъ гдѣ полное непониманіе историческихъ задачъ и будущности Россійскаго государства! Бойтесь этого кошмарнаго летаргическаго сна, болѣе чѣмъ какого либо появленія новой политической группировки государствъ, или увеличенія у сосѣдей численности вооруженныхъ силъ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о будущей численности, а о будущемъ качествѣ—что далеко не одно и тоже ⁵⁾).

Но возвратимся къ дальнѣйшему разбору набросанной схемы. При условіяхъ, мною изложенныхъ, юноша достигаетъ 16—17 лѣтъ. Онъ уже воспринялъ основы физическаго воспитанія, сколько могъ укрѣпилъ тѣло, а слѣдовательно и духъ, понимаетъ и цѣнитъ военный строй и гимнастику, до извѣстной степени понялъ всю необходимость ихъ. До призыва осталось 3-4 года. Какъ вести дальнѣйшую подготовку его въ томъ же направленіи?

Здѣсь снова дѣло подготовки переходитъ въ руки запасныхъ и отставныхъ унтеръ-офицеровъ, разумѣется подъ извѣстнымъ контролемъ деревенскихъ и сельскихъ властей. Въ этотъ періодъ можно было бы начать хотя бы первоначальную стрѣлковую подготовку. Предвижу возраженія, мнѣ скажутъ «это мѣра опасная» (по причинамъ, излагать которыя, здѣсь не мѣсто). Но почему же, спрошу я, этой опасности не видятъ Швеція, Италія, Германія, Австрія, Японія и Англія. Неужели же, если бы опасность какая либо дѣйствительно существовала, это не обнаружилось бы въ той или иной формѣ, но что то объ этомъ не слышно. Наконецъ, если почему либо нельзя дать въ руки винтовку крестьянину съ боевыми патронами, почему ее не дать на первое время для стрѣлбы дробинками (т.-е. съ капсульнымъ патрономъ и даже учебнымъ). Развѣ надзоръ за употребленіемъ оружія, его храненіемъ и проч. такъ трудно организовать. Развѣ это въ дѣйствительности неисполнимая задача? Польза, которая предвидится, стоитъ того, чтобы надъ этимъ поработать.

Подготовленный такимъ образомъ будущій воинъ идетъ на призывъ, попадаетъ въ армію и значительная доля работы съ вооруженной силой уже снята. Короткій срокъ подъ знаменами поидетъ не на изученіе азовъ, а на усовершенствованіе новобранца въ боевой подготовкѣ.

Воспринявъ военную науку, воинъ зачисляется въ запасъ,

⁵⁾ См. програму съѣзда: «Русское слово»—4-го апрѣля 1914 г.

вновь возвращаются въ хату и здѣсь на протяженіи многихъ лѣтъ, получившій первоначальную подготовку, сознательно усвоивъ необходимость ея, онъ естественнымъ путемъ будетъ ее продолжать, конечно, подъ должнымъ руководствомъ и контролемъ,

Значительно проще дѣло обстоитъ съ юношами, достигшими 16-17 лѣтъ въ городахъ губернскихъ, уѣздныхъ, мѣстечкахъ и т. д. Здѣсь этимъ промежуткомъ до поступления въ военную службу, т.-е. на протяженіи 3-4 лѣтъ могутъ и должны воспользоваться всевозможныя организаци и общества гимнастическія, атлетическія, спортивныя, стрѣлковыя и пр. Но нужно, чтобы частная инициатива въ этомъ дѣлѣ шла снизу, а правительственная работа въ видѣ руководства, контроля и матеріальной поддержки—сверху. Тогда эти двѣ силы по пути единенія встрѣтятся и будутъ работать на общую пользу родинѣ.

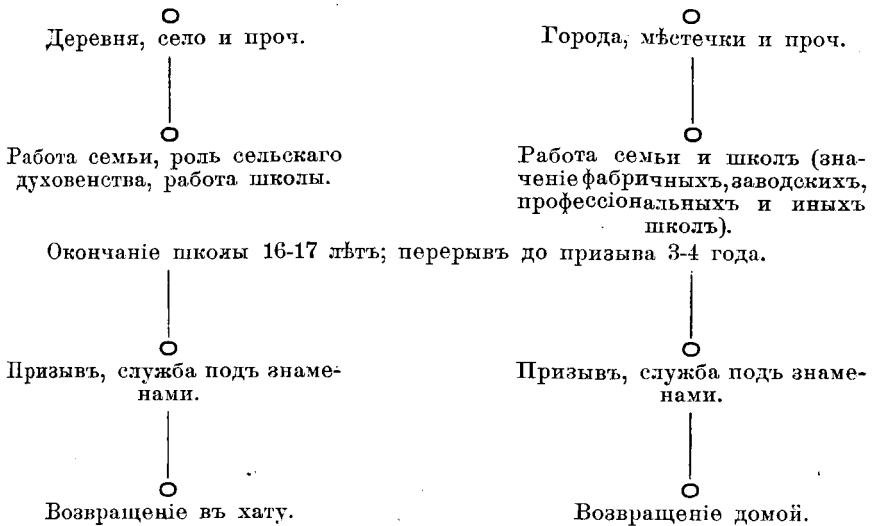
Юноши эти, получивши въ указанный промежутокъ времени подготовку, поступаютъ въ войска, служатъ подъ знаменами положенный срокъ и вновь возвращаются домой; они естественно будутъ тянуться къ тѣмъ же обществамъ и продолжать свою дальдѣйшую подготовку, съ тѣмъ, чтобы въ нужный часъ снова стать въ ружье. До какихъ же поръ должна вестись эта работа въ деревняхъ съ одной стороны, въ городахъ — съ другой? Отвѣтъ простъ, до полного окончанія срока воинской повинности.

Вполнѣ естественно, что если государство потребуетъ такой работы, то надо за нее что либо и дать въ видѣ нѣкоторыхъ особыхъ льготъ и преимуществъ по отбыванію воинской повинности. Какъ это выполнить, скажемъ ниже.

Такова схема физическаго воспитанія народа съ цѣлью подготовки его къ военной службѣ, тренировки его съ тѣмъ, чтобы облегчить то громадное физическое напряженіе, которое такъ властно требуетъ современная война. Этимъ дѣло далеко не исчерпывается. Остается вторая, не менѣе важная задача—*моральная* подготовка народа, развитіе и укрѣпленіе духовныхъ силъ, работа надъ сердцемъ, умомъ и характеромъ. Тренировка воли, т.-е. тѣхъ данныхъ, которыя въ общемъ даютъ армію-гранитъ, армію-скалу, трудную для разрушенія, стойкую, упорную, надежную.

Какъ и при обзорѣ мѣръ физическаго воспитанія, набросаемъ схему, по которой могла бы идти работа, подготовки народа въ моральномъ отношеніи.

Духовное развитіе
(данныя, нужныя для арміи).

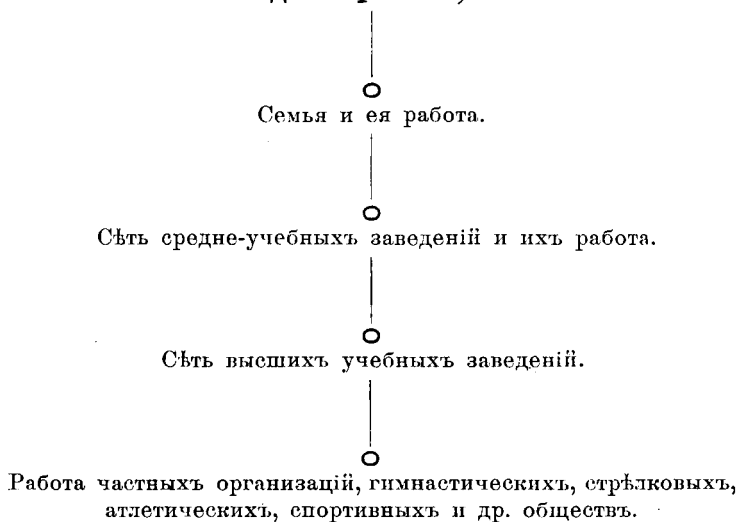
Въ крестьянской хатѣ роль воспитателя долженъ на себя принять священникъ. Старшіе на работахъ, дѣтвора дома. Пусть же пастыри церкви толкуютъ малымъ и прочно заложать въ дѣтскую душу о томъ, кто *мой Государь*, что такое родина, почему нужно ее любить, для чего живетъ и дѣйствуетъ армія, почему солдатъ достоинъ полного уваженія. Пусть укажетъ онъ, какъ на примѣръ доблестнаго служенія, на ветерановъ, живущихъ въ деревнѣ и украшенныхъ георгіевскими крестами. Пусть покажетъ на картинкахъ, какъ Россія чтитъ народныхъ героев и почему. Пусть соберетъ дѣтвору и пойдетъ съ нею къ какому-либо историческому памятнику или мѣсту. Много такихъ разбросано по матушкѣ Россіи. Пусть напомнитъ онъ малышамъ, что сама церковь молится за христолюбивое воинство и пр. пр. Другими словами, пусть заложитъ первыя зерна той духовной работы, который потомъ разовьется въ могучее дерево. Школьный періодъ въ деревняхъ, селахъ и пр.—широкій просторъ для дѣятельности пастырей церковныхъ и деревенскихъ учителей. Здѣсь къ услугамъ могли бы быть бесѣды, чтеніе книжекъ, съ особо подобраннымъ матеріаломъ, уча-

стіе на панихидѣ въ Дмитревскую субботу, на молебнахъ въ память историческихъ событій. Здѣсь къ услугамъ школьныя экскурсіи въ ближайшіе города, гдѣ расположены войска, осмотръ казармъ, проба солдатскихъ щей, знакомство съ ежедневнымъ солдатскимъ обиходомъ, присутствіе на интересныхъ ученіяхъ, парадахъ, присутствіе при прощаніи полка съ запасными и т. п. Все это кромѣ пользы ничего не принесетъ. Пойметъ деревенскій парень послѣ такой подготовки, что казарма не тюрьма, воинская повинность не наказаніе за грѣхи, а долгъ гражданскій. Умолкнуть плачь и причитанія въ деревняхъ при отправленіи на призывъ, и рухнетъ та стѣна, которой нынѣ отдѣлена хата отъ казармы.

Черерывъ въ 3—4 года передъ жребіемъ, какъ разъ время, чтобы выполнить и дополнить вышенамѣченную програму. Народъ любитъ инстинктивно армію и охотно готовъ ею интересоваться. Развѣ не характерна, на примѣръ, слѣдующая мелочь? Запасный, возвращаясь домой, обязательно разодѣнется въ военную форму, да еще отъ себя кромѣ того нацѣпитъ то, что ему на службѣ не полагалось: шпоръ не положено, а онъ въ шпорахъ, лацканъ полагается на парадахъ, а онъ носитъ его въ запасѣ каждый день. Задумывались ли вы о причинахъ этого? А причина простая: гордость своей формой и желаніе ею щегольнуть. На такихъ струнахъ играть можно, и звучать они будутъ хорошо. Въ городахъ куда легче подготовить будущее поколѣніе въ моральномъ отношеніи—тутъ къ услугамъ кадръ учителей, духовенства, рядъ обществъ, въ которыхъ съ успѣхомъ можно было бы культивировать основныя начала духовнаго развитія, наконецъ, въ городахъ на лицо войска и, слѣдовательно, знакомство съ бытомъ и службой ихъ никакого затрудненія представить не можетъ, лишь бы снизу шелъ починъ, а сверху руководство.

Этимъ исчерпывается работа надъ главной массой, наполняющей ряды арміи мирнаго времени и, въ случаѣ нужды, армію мобилизованную. Осталась вторая категорія—интеллигенція, т. е. тотъ элементъ, который въ мирное время вливается въ армію вольноопредѣляющимися, а въ военное въ большинствѣ составляетъ кадръ офицеровъ запаса. Подготовка этого элемента должна быть иная, чѣмъ главной массы населенія, иная потому, что это будущій офицерскій составъ—руководители. Печего и говорить, что и требованія къ нимъ предъявляются особыя, мало общаго имѣющія съ тѣми, которыя предъявляются простолюдину. Придержимся той же системы и набросаемъ програмную схему этой подготовкы.

Физическое и духовное воспитаніе интеллигенціи для арміи ⁶⁾.

Работа семьи здѣсь шире и разнообразнѣе. Опять повторяю, нельзя вести ребенка такъ, какъ въ послѣднее время ведутъ ихъ матери. Это растлѣніе, а не созданіе дѣтской души. Никто не говоритъ о томъ, чтобы чуть ли не съ колыбели мать занялась милитаризаціей дѣтской души. Не надо, чтобы онъ былъ военнымъ, но надо, чтобы основа любви къ своему Государю, къ родинѣ, къ защитникамъ ея у него была прочно заложена съ младенческихъ лѣтъ. Нужно, чтобы онъ открытыми, честными глазами смотрѣлъ на русскую вооруженную силу, а не воспринималъ специально приготовленную для него фальсификацію, въ силу которой онъ невольно приучается, если не съ пренебреженіемъ, то съ равнодушіемъ смотрѣть на русскій штыкъ. Надо, чтобы онъ твердо зналъ, что армія, какъ часть народа своего, имѣетъ право на существованіе. Сколько неисчерпаемаго матеріала для проведенія этихъ началъ находится въ распоряженіи нашихъ матерей, надо лишь умѣть имъ воспользоваться. Нынѣ въ рѣдкой дѣтской, можно встрѣтить портретъ нашего Государя, а нужно, чтобы онъ былъ передъ глазами ребенка постоянно. Видѣли вы въ дѣтской портреты Владимира Святого, Ярослава, Петра, Суворова, Скобелева и много,

⁶⁾ Офицеры запаса и подготовка ихъ вопросъ острый въ русской арміи и требующій особыхъ правительственныхъ заботъ. Этотъ вопросъ подлежитъ особому изслѣдованію, что я попытаюсь сдѣлать въ слѣдующей статьѣ.

много другихъ. Часто ли вамъ приходилось разсматривать въ дѣтской картѣ Россіи? Часто ли говорила своему ребенку мать о томъ, что представляетъ изъ себя родина, каковы ея богатства, отличительныя черты? съ любовью ли останавливалась русская мать передъ русскимъ мужикомъ? Учила ли мать любить все свое родное? Сколько вопросовъ и столько же отрицательныхъ отвѣтовъ.

На помощь матерямъ должна придти дѣтская литература, но при условіи, что она будетъ чистая и честная, а не специально сфабрикованная, какъ нынѣ. Физическое развитіе въ семьѣ должно идти параллельно съ духовнымъ. Изнѣженные, завернутыя въ вату дѣти, съ тревогой взирающіе на термометръ, разрѣшить онъ или нѣтъ выдти имъ на воздухъ... Все это, какъ негодный хламъ надо выбросить вонъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ преслѣдуются не выгоды будущаго гражданина, а личный эгоизмъ матерей. Въ смыслѣ физическаго воспитанія дѣтей у нашихъ матерей на лицо существенный пробѣлъ, не помогающій, а мѣшающій правильному росту и развитію ребенка.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ классическихъ, реальныхъ, коммерческихъ, техническихъ, ремесленныхъ и др. необходимо, помимо занятій строемъ и военной гимнастикой, ввести небольшой циклъ военныхъ наукъ (какъ это принято въ Австро-Венгріи). Этотъ циклъ долженъ быть облеченъ въ форму военной хрестоматіи, служить матеріаломъ для бесѣдъ, лекцій и проч. На ряду съ этимъ нужно, чтобы ученики среднихъ учебныхъ заведеній были ознакомлены съ условіями жизни и быта нижнихъ чиновъ, пользуясь услугами расквартированныхъ въ томъ или иномъ пунктѣ войскъ.

Школьникамъ нужны и полезны экскурсіи въ лагерь, на стрѣльбища, если можно присутствіе на поучительныхъ маневрахъ, посѣщенія мѣстъ, памятныхъ въ военно-историческомъ отношеніи. Наконецъ, имъ же нуженъ небольшой курсъ стрѣльбы, по программѣ тирольскихъ стрѣлковъ, или воспитанниковъ вѣнскаго корпуса добровольныхъ стрѣлковъ. Вся эта подготовка на много облегчитъ имъ какъ будущую службу вольноопредѣляющимся, такъ и прапорщиками запаса. Да не упрекнуть меня въ стремленіи милитаризаціи школъ, этого, отнюдь не должно быть. Мѣры по подготовкѣ молодежи, не должны мѣшать и нарушать установленнаго учебнаго курса, все добавленное надо разложить на льготные дни, которыхъ всегда выкроить можно. Провести въ жизнь эту программу

можно при широкомъ содѣйствіи корпуса офицеровъ дѣйствительной службы, а равно и отставныхъ. Въ Австро-Венгріи это и сдѣлано, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1913 года послѣдовало распоряженіе военнаго министерства о привлеченіи офицеровъ къ работѣ по подготовкѣ воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній къ военной службѣ. Офицеры являются учителями, кончившіе академіи—лекторами и преподавателями. Дѣло найдется всѣмъ и при дружномъ усилии успѣхъ обезпеченъ. Обучая военному строю, гимнастикѣ и стрѣльбѣ, нельзя забывать и о поощреніяхъ. Необходимы состязанія, которыя одухотворяютъ это дѣло и придадутъ ему жизненность. Все что поощряется, то скорѣе усваивается. Все что порицается, обыкновенно и пренебрегается.

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ категорій я бы ввелъ кафедру «познанія арміи». Въ широкихъ крупныхъ массахъ въ этотъ предметъ можно вложить основныя устои быта, службы и жизни нашей арміи, ея успѣхи техническія, тактическія, стратегическія; крупные административные вопросы были бы здѣсь также на мѣстѣ, наконецъ, рядъ вопросовъ государственной обороны въ связи съ экономической и политической жизнью Россіи. Проблема войны, задачи арміи также нашли бы себѣ мѣсто въ этомъ новомъ предметѣ. Показную часть для высшихъ учебныхъ заведеній, я бы поставилъ практическимъ путемъ, а именно путемъ посѣщенія и показа фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, обслуживающихъ и работающихъ на армію, обзоръ техническихъ сооружений, воздухоплаваніе и техника его, посѣщеніе наиболѣе поучительныхъ фортификаціонныхъ работъ и иныхъ сооружений, показъ флота, доковъ и т. д. Наконецъ, въ дѣлѣ подготовки интеллигентныхъ слоевъ опять-таки не послѣднюю роль могли бы сыграть гимнастическія, и иныя спортивнаго характера, общества.

Вотъ тотъ путь, по которому слѣдовало бы идти. Вотъ тѣ основы, на которыхъ можно было бы начать стройку этого громаднаго дѣла.

Я уже упомянулъ, что если отъ общей массы народа и интеллигенціи правительство требуетъ эту новую работу, то необходимо за это что либо и дать. Въ этомъ отношеніи можно было бы выработать извѣстныя льготы по отбыванію воинской повинности, на примѣръ: простолюдину дать возможность явиться къ призыву годомъ раньше, что дастъ возможность на годъ раньше и вернуться въ хату, дать право отпуска въ періодъ сбора урожая на 15 дней

(какъ это принято, напримѣръ, въ австрійской арміи), облегчить достиженіе унтеръ-офицерскаго званія и т. д.

Для будущихъ вольноопредѣляющихся можно было бы дать право поступать въ войска, не стѣсняясь никакими сроками, облегчить и сократить срокъ достиженія унтеръ-офицерскаго званія, наконецъ, даже сократить срокъ службы подъ знаменами.

Все это можно было бы тщательно обсудить и организовать. Разумѣется указанными льготами будутъ пользоваться только тѣ, кто доказалъ, что онъ подготовленъ къ военной службѣ, т.-е. выдержалъ извѣстнаго рода экзаменъ, какъ это, напримѣръ, установлено во Франціи. Гдѣ держать такой экзаменъ, по какой програмѣ, когда и проч. всѣ эти вопросы чисто организаціоннаго характера, которые подлежатъ разработкѣ. Но думаю, что рядъ льготъ заставить простой народъ и интеллигенцію подумать о выгодахъ, сопряженныхъ съ успѣшно выполненной подготовкой къ военной службѣ.

Кромѣ указанныхъ програмныхъ схемъ, полагаю, можно было бы принять и мѣры общаго характера, которыя облегчили бы это трудное дѣло. Я хотѣлъ бы дожить до того времени, когда на нашемъ книжномъ рынкѣ появились бы книжки, брошюры, картины, лубочныя изданія, календари, памятные книжки, открытыя письма, брошенные въ народъ съ единой цѣлью—разъяснить ему всю пользу и необходимость физическаго развитія и духовнаго воспитанія. Я бы хотѣлъ присутствовать на передвижныхъ, показательныхъ выставкахъ, гдѣ бы демонстрировались: значеніе флота для Россіи, необходимость русской военной силы, кому она и для чего служить и, наоборотъ, какія силы, въ какомъ числѣ и какъ ея обслуживаютъ. Я бы хотѣлъ, чтобы на этихъ выставкахъ ясно и наглядно было бы доказано какимъ образомъ русскій штыкъ добылъ современную географическую карту Россіи. Я былъ бы счастливъ очутиться въ вагонѣ, въ которомъ была бы устроена подобнаго рода небольшая передвижная выставка и прослушать гдѣ-либо на глухой станціи лекцію о военномъ дѣлѣ. Я мечтаю видѣть пароходъ, приставшій къ какому-либо городу, на палубѣ котораго читались бы популярныя лекціи о флотѣ. Я съ страшнымъ интересомъ посидѣлъ бы въ кинематографѣ и посмотрѣлъ бы какую либо историческую панораму былыхъ временъ, наконецъ, сколько удовольствія я могъ бы испытать, сидя въ передвижномъ театрѣ и слушая какую либо историческую или военно-историческую пьесу, а придя домой какъ было бы отрадно развернуть газету—спеціальныи ор-

ганъ, обслуживающій идею подготовки народа къ военной службѣ и прочитавъ, что сдѣлано и дѣлается въ этомъ отношеніи по Матушкѣ, Святой Руси.

Развѣ все это такъ неисполнимо? Развѣ это заоблачныя фантазіи? Будемъ на этотъ разъ безпристрастны, отбросимъ милыя нашему сердцу самоуниженіе и критику самихъ себя и скажемъ честно: трудно, очень трудно, но исполнимо.

Является вопросъ: кто же возьметъ на себя эту исполинскую работу? Вѣдь очевидно, что усилія отдѣльныхъ лицъ тутъ будутъ беспомощны и подавлены грандіозностью задачи. Очевидно, что въ этомъ дѣлѣ сталкиваются интересы нѣсколькихъ министерствъ и не менѣе очевидно, что для общаго руководства и контроля необходимо особое центральное учрежденіе, съ соотвѣтствующимъ подраздѣленіемъ на отдѣленія, вѣдающія личнымъ составомъ, разработкой всѣхъ мѣръ по подготовкѣ населенія, надзоръ за исполненными работами, контроль, хозяйство, отчетность и проч. Въ какую форму выльется это центральное учрежденіе—въ видѣ особаго министерства или департамента его, или еще что-либо иное, это вопросъ, требующій спеціальной разработки. Но дѣло безъ систематическаго руководства не пойдетъ, или его постигнетъ та же участь, что и потѣшныхъ. Вѣдь по идеѣ, потѣшные имѣли извѣстное право на существованіе, идея была вѣрна, оттого-то она такъ дружно и горячо и была подхвачена снизу, какъ все жизненное. Но дѣло не пошло, потому что сверху нужнаго систематическаго руководства и организациі не было. Естественно, что предоставленные самимъ себѣ, потѣшные, начали изобрѣтать свою собственную организацию и разумѣется, какъ всегда бываетъ, неудачную. Потому это молодое дѣло, быстро достигшее успѣха, также быстро стало блѣднѣть, хирѣть и замирать.

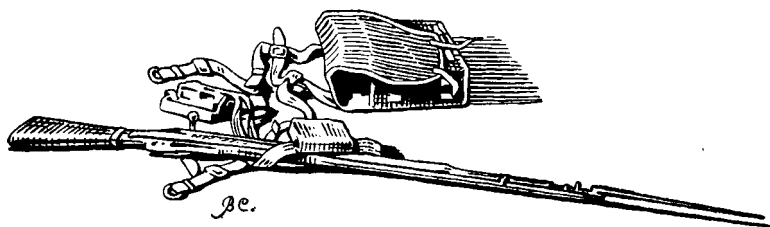
Каждый проектъ, за весьма малыми исключеніями, обыкновенно проходитъ черезъ три стадіи. При первомъ чтеніи проекта на поляхъ дѣлается отмѣтка: «*это ерешка*»; затѣмъ, когда проектъ начинаетъ мало-по-малу пріобрѣтать сторонниковъ, появляется на поляхъ: «*эта мѣра опасная*»; наконецъ, когда цѣлесообразность и польза проекта становится очевидной, на поляхъ красуется: «*это мы давно и безъ автора знали*».

Истинно служащій родинѣ, по долгу своему, работаетъ не для себя, а для будущихъ поколѣній, ему нѣтъ дѣла до того, увидитъ онъ при жизни плоды своихъ трудовъ, или нѣтъ, онъ весь охва-

чень болѣе широкой задачей: увидить ли родина пользу отъ того или иного новаго дѣла.

Отъ судьбы грядущихъ поколѣній зависитъ вся будущность страны, какъ же послѣ этого не поработать, дабы вести эти поколѣнія къ свѣту, а не къ тьмѣ.

М. Талкинъ.

Къ предстоящему пересмотру проекта Положенія объ обученіи пѣхоты 1911 г.

(Окончаніе) ¹⁾.

акимъ образомъ, въ этотъ періодъ начальство учебной команды, передавъ своихъ учениковъ для жизни и для большей части занятій въ роты, переходитъ какъ бы на роль, говоря житейскимъ языкомъ, ихъ репетиторовъ.

Командиры же баталіоновъ въ это время явятся тѣми необходимыми лицами, кои въ состояніи будутъ урегулировать нѣкоторое различіе въ требованіяхъ и снаровкахъ, которое всегда на лицо у ротныхъ командировъ между собою и чинами учебной команды. Въ то же время и начальникъ учебной команды невольно ближе ознакомится съ особенностями каждой роты. Теперь бываютъ случаи, что командиръ роты чуть не заново начинаетъ передѣлывать окончившаго учебную команду и обратно, при этихъ же условіяхъ такому явленію не будетъ мѣста, ибо въ началѣ даннаго періода работа главнымъ образомъ практическая будетъ лежать на ротномъ командирѣ и идти какъ бы рука объ руку съ офицерами учебной команды.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1914 г., № 6.

Отмѣтить и учесть это явленіе, взятое изъ практики, я также считалъ необходимымъ.

Выше я безъ умысла пропустилъ большіе маневры. Какъ это не странно, но есть что-то неладное въ нихъ, подробно не буду распространяться, но только скажу, что они мало даютъ поучительнаго для подготовляющагося унтеръ-офицера, а отнимутъ время (около трехъ недѣль), нужное ему для подготовки. Къ тому же и роль такихъ рядовыхъ «учебниковъ» на большихъ маневрахъ невелика. Подобное же убѣжденіе у меня сложилось и по отношенію къ юнкерамъ послѣ первыхъ же большихъ маневровъ, и послѣ того я сталъ большимъ сторонникомъ маневровъ, только между отрядами, составленными изъ юнкеровъ, что въ послѣдніе годы и рекомендовано военно-учебнымъ заведеніямъ. Маневръ, это тотъ идеаль, за отсутствіемъ войны, къ которому и клонится вся подготовка, какъ будущаго офицера, такъ и будущаго унтеръ-офицера, а потому, пока она не кончена, лучше ему не показывать несовершенный идеаль, къ которому онъ долженъ стремиться и питать особое уваженіе. Позднѣе, одинъ на одинъ, каждый офицеръ въ разныхъ округахъ, при наличіи неудачныхъ явленій на маневрахъ утѣшить себя тѣмъ, что это быть можетъ случайное явленіе, а въ массѣ подготовляющихся каждый изъ нихъ нѣсколько иначе реагируетъ на это. Помню, какъ сыпались вопросы у юнкеровъ, почему-то сдѣлано такъ-то, а не такъ, какъ обучали ихъ во время лекцій и пр., и преподавателямъ потомъ трудненько было давать объясненія подобнымъ вопросамъ. Правда, это было на Курскихъ маневрахъ и съ тѣхъ поръ многое неузнаваемо измѣнилось, но все же въ уступку психологіи и необходимости имѣть 3 недѣли для другихъ цѣлей, я пропустилъ большіе маневры, имѣя въ виду, что съ ними «учебники» познакомятся на слѣдующій годъ въ ротахъ.

д) *Второй учебный періодъ.* Съ конца августа, т.-е. съ началомъ маневровъ и до 1-го октября (всего почти 5 недѣль), «учебники» вновь собираются въ учебную команду, гдѣ продолжаютъ занятія по установленной программѣ, но преимущественно практически. Этотъ періодъ явится продолженіемъ курса, но къ этому времени они уже запасутся и практикой, а потому и теорія будетъ усваиваться легче.

е) Съ 1-го октября «учебники» возвращаются въ роты, гдѣ командиры ротъ обязательно сами, что теперь дѣлается далеко не всегда, готовятъ ихъ какъ учителей. Въ это же время обычно каждый полкъ бываетъ принужденъ имѣть большой расходъ унтеръ-офицеровъ для различныхъ командировокъ, а потому для «учебни-

ковъ» является практика и по исполненію обязанностей разныхъ должностей въ ротѣ, что необходимо имъ и предоставить.

ж) *Третій періодъ, подготовка молодыхъ.* 15-го ноября учебной командѣ дѣлается теперь окончательный экзамень, и ея обученіе заканчивается. Въ ротахъ же въ это время дѣлается смотръ учителей. Въ настоящемъ проектѣ этотъ же срокъ предназначается для экзамена учебной команды, какъ теоретическаго, такъ и инструкторскаго, затѣмъ 15-го ноября всѣ, окончившіе учебную команду приступаютъ къ подготовкѣ новобранцевъ, гдѣ и прилагаютъ практически свои познанія. Въ это время для нихъ будетъ уже не искусственно созданныя занятія по инструкторству, а дѣйствительныя, и отъ этихъ занятій будетъ зависеть ихъ производство въ унтеръ-офицеры послѣ смотра молодыхъ солдатъ, на которомъ и выясняется степень ихъ умѣнія и ихъ знанія и они, конечно, будутъ лучше настоящихъ учителей.

з) Тотчасъ послѣ смотра тѣ, кто лучше подготовилъ молодыхъ, производятся въ ефрейторы.

Производство желательно пріурочивать, въ цѣляхъ воспитательныхъ, ко дню присяги молодыхъ солдатъ.

По окончаніи смотра молодыхъ, время до выхода въ лагери является въ полкахъ какъ бы затишьемъ въ смыслѣ занятій въ ротахъ. Въ это время въ каждой ротѣ одинъ изъ офицеровъ можетъ приступить къ занятіямъ съ новыми ефрейторами съемкой. Съемки въ данномъ проектѣ изъяты изъ программы учебной команды и на эти занятія въ распоряженіи ротъ будетъ отъ 3 до 4 недѣль.

По окончаніи съемоковъ произведенные въ ефрейторы, производятся на вакансію въ младшіе унтеръ-офицеры, а всѣ остальные въ ефрейторы.

и) По окончаніи курса стрѣльбы младшіе унтеръ-офицеры производятся въ старшіе (на вакансію), если за ними не будетъ служебныхъ серьезныхъ вѣдочетовъ.

Не выдержавшіе экзамень, но хорошо подготовившіе молодыхъ, при отличной аттестаціи ротнаго командира, могутъ быть произведены въ младшіе унтеръ-офицеры по окончаніи курса стрѣльбы или подготовки молодыхъ на слѣдующій годъ.

При желаніи быть старшимъ унтеръ-офицеромъ, эти нижніе чины могутъ держать экзамень на слѣдующій годъ со слѣдующимъ выпускомъ.

Въ исключительныхъ случаяхъ такіе нижніе чины могутъ быть произведены въ старшіе унтеръ-офицеры и послѣ невыдержанія и вторично экзамена, но лишь властью начальника дивизіи.

Теперь остается добавить, что на отдыхъ постоянному составу команды и прикомандированнымъ для обученія остаются тѣ же $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, но въ другое время года, а именно съ 1-го октября по 15-е ноября. Подготовительный же періодъ для этихъ нижнихъ чиновъ также остается такого же размѣра, т.-е. $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, но съ 15-го ноября по 1-е января.

к) Суммируя теперь все изложенное, получаемъ, что при существующемъ Положеніи вся подготовка унтеръ-офицеровъ распадается на два періода, изъ нихъ: первый 6 мѣсяцевъ, а второй $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, всего $8\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, причемъ все время въ учебной командѣ.

Въ настоящемъ же проектѣ обученіе распадается тоже на два періода, но каждый изъ нихъ распределяется между занятіями въ учебной командѣ и въ ротахъ, первый $6\frac{3}{4}$ мѣсяца и $2\frac{3}{4}$ мѣсяца, всего 9 мѣсяцевъ 2 недѣли, но къ общему итогу надо прибавить еще почти мѣсяць съемоковъ, т.-е. всего будетъ 10 мѣсяцевъ и 2 недѣли, т.-е. на два мѣсяца больше, но при существующемъ положеніи необходимо откинуть отъ перваго періода почти $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, которые шли на обученіе того, что не успѣвали сдѣлать роты до поступления въ учебную команду и тогда итогъ будетъ всего 7 мѣсяцевъ, т.-е. на $3\frac{1}{2}$ мѣсяца меньше, чѣмъ проектируется здѣсь.

При старомъ Положеніи приходилось очень мало удѣлять времени отъ положенныхъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ собственно на инструкторство, вообще на всю учебную команду и въ частности на каждого нижняго чина, такъ какъ на офицера учебной команды приходилось болѣе 30 человекъ. Въ данномъ же проектѣ на офицера въ ротѣ, при томъ не младшаго, а ротнаго командира, придется 7-8 человекъ, на занятія съ которыми имѣется $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, а при существующемъ Положеніи не болѣе одного мѣсяца, что значительно больше, принимая во вниманіе время, число учениковъ и большую опытность ротныхъ командировъ, къ тому же лично теперь заинтересованныхъ, чего раньше не было.

При прежнемъ Положеніи окончившіе учебную команду прямо, безъ подготовки, приступали къ занятіямъ съ молодыми, а теперь— послѣ подготовки съ ротнымъ командиромъ. И кромѣ того, при данномъ проектѣ прибавленныя занятія съ молодыми являются для нихъ какъ бы экзаменомъ, чего раньше не было.

И, наконецъ, въ данномъ проектѣ достигнуто соучастіе въ подготовкѣ будущаго унтеръ-офицера его ротнымъ начальствомъ и учебной командою и уже не можетъ быть взаимнаго обвиненія и и недоумѣнія, что не мало вредитъ дѣлу теперь.

Остается еще добавить, что и подготовительный періодъ не въ

ротѣ, а въ учебной командѣ въ данномъ проектѣ общаетъ болѣшихъ успѣховъ.

л) Выше, въ самомъ началѣ я не коснулся одной изъ причинъ, затрудняющихъ подготовку унтеръ-офицеровъ. Этой причиной является малограмотность новобранцевъ.

Теперь въ учебную команду попадаетъ большой % таковыхъ, и имъ конечно трудно охватить солидный теоретическій курсъ. Необходимо поэтому, во первыхъ, нѣкоторое уравненіе между полками и ротами хорошо грамотныхъ и во вторыхъ придумать какое либо поощреніе для поступающихъ хорошо грамотныхъ. Поощренія эти должны быть ощутительныя для деревни, иначе они не достигнутъ цѣли. Законъ даетъ льготы за высшее образованіе, казалось бы логично и въ данномъ случаѣ дать какую нибудь льготу. Лично я скорѣе бы въ данномъ случаѣ далъ льготу, чѣмъ давать особыя большія льготы для оканчивающихъ среднее и высшее образованіе, намъ, т.-е. арміи, эти льготы нужныѣ.

Я скажу быть можетъ очень смѣло, но мое мнѣніе таково, пусть всѣ поступаютъ на службу на одинаковыхъ правахъ, а ихъ образованіе само собою выдѣлитъ ихъ изъ общей среды и дастъ имъ привилегированное положеніе, войска же тогда будутъ имѣть образованныхъ унтеръ-офицеровъ, а сокращеніе срока, хотя бы на одинъ годъ могло бы быть предоставлено лишь тѣмъ, кто дѣйствительно службою заслужитъ унтеръ-офицерскія нашивки. Для такихъ лицъ теоретическая подготовка въ учебной командѣ могла бы быть естественно сокращена. Не мало оказалъ бы пользы унтеръ-офицерскому вопросу и институтъ потѣшныхъ при правильной постановкѣ этого дѣла и при наличіи льготъ за службу по свидѣтельству объ окончаніи курса въ рядахъ потѣшныхъ. Такія лица также могли бы поступать въ учебную команду сразу по прибытіи въ часть.

Все изложенное является попыткой улучшить вопросъ при современныхъ условіяхъ, т.-е. при настоящемъ срокѣ службы и является результатомъ наблюденія за время 12 лѣтней подготовки юнкеровъ и 3 лѣтняго наблюденія за учебной командой. Въ дѣйствительности же, конечно, при короткой службѣ и при наличіи болѣшихъ требованій, разрѣшить унтеръ-офицерскій вопросъ можетъ главнымъ образомъ контингентъ сверхсрочныхъ, къ увеличенію коего и необходимо стремиться.

Если при подготовкѣ юнкеровъ приходилось быть глубокимъ сторонникомъ такого порядка, при которомъ каждый офицеръ не въ училищѣ, а въ частяхъ войскъ прошелъ бы лично службу, то и

Схематическое распределение по

	½ Ноября.	Декабрь.	Январь. 15	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май. 15	Юнй.	
Въ ротахъ.	Подготов бранцевъ	ка ново- въ ротахъ.	Подготов ченныхъ въ	ка намѣ- уч. к-ду.					
Въ учебной командѣ су- ществуетъ порядокъ.				Подготовка начальств. чи- новъ учебной команды (подг. періодъ).	Теоретич необход.	еск. и пра унтеръ-офи- (первы ый у чебн	ктич ицер. и въ чебн	еск. и въ кон ый	усво кон ый
Проектируе- мая совме- стная подготов- ка учеб. к-ды и роты.			Подг намѣ въ уч ком въ уч ком ком андѣ.	отов. чени. анду ебн. андѣ.	Теоретич въ учебной ком	еск. и пр актич унтеръ- (первый у андѣ.	еск. и чебн	еск. и чебн	еск. и чебн

по отношенію унтеръ-офицеровъ необходимо, чтобы онъ хотя бы цѣлый годъ прослужилъ въ роли рядового для знакомства со всѣми случаями жизни и службы рядового. Намъ же приходится не выдававшего почти роты, сразу готовить ей въ унтеръ-офицеры. Въ силу же этихъ соображеній я лично противъ особыхъ унтеръ-офицерскихъ баталіоновъ. Рота и полкъ есть основаніе всего, въ ней и изъ нея должны выходить ея начальники, а потому ея жизнь и службу надо пройти самому, сочетать и переплестъ это съ подготовками къ разнымъ должностямъ, будь то подготовка офицера или унтеръ-офицера, это безразлично. Всякое отдѣленіе отъ нея должно быть возможно краткое и безъ потери связи съ ротою во время такого отдѣленія. Попытка сдѣлать это явилась основаніемъ настоящаго предложенія хотя и при существующихъ условіяхъ 2).

м) Въ настоящемъ году предстоитъ пересмотръ проекта Положенія объ обученіи пѣхоты, естественно будутъ различныя предложенія, возможно будутъ и сходныя между собою. Какой изъ

2) Т.е. безъ предварительной службы рядовымъ въ теченіе цѣлаго года.

ЖИ ВЪ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРСКОМУ ЗВАНІЮ.

Августъ. 21	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь. 15	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.
			Подготовка учителей. (ок. ком.)	Подготовка молодыхъ.				
свѣдѣніи о смотре	Уставы и часть II 15 (второй учебн. періодъ)	Инструкт. нояб. экзам. учебн. періодъ)	рск. ам. (одъ).	Отдыхъ прикомандированъ въ учебн. к-ды.	штатны и начальств. к-ды.			(ок. ко)
і, необход. въ недѣлю о командѣ.	Уставы. (второй учебн. въ уч. ком.)	Инструкт. часть (подг.). въ ротныхъ.	орск. (подг.). въ ротныхъ.	Подготовка послѣ экзамена (третьей періодъ).	молодыхъ 15-го ноября	въ ротныхъ		Съемка ротныхъ
			Отдыхъ и прикомандированъ уч. к-ды.	Подготовка начальствующ. чиновъ учебн. команды.				

нихъ будетъ лучше, сказать трудно, но еще труднѣе рѣшать это въ кабинетѣ. Намъ кажется, что для наилучшаго разрѣшенія этого вопроса, необходимо пожелать, чтобы лучшіе проекты, имѣющіе въ основѣ цѣльную мысль, а не сотканные изъ разныхъ проектовъ и соединенные въ одно цѣлое, не по соглашенію авторовъ, а другими лицами, были даны для испытанія на одинъ годъ въ одинъ изъ полковъ каждой дивизіи, и тогда и выяснились бы преимущества, а на слѣдующій годъ можно изъ избранныхъ послѣ испытанія взять 1 или 2 лучшихъ и въ томъ же порядкѣ испытать въ каждой дивизіи, положимъ, въ двухъ полкахъ, продолжая въ остальныхъ вести дѣло обученія по старому.

н) Въ заключеніе позволю себѣ сказать слѣдующее. Ротный командиръ долженъ быть совершенно свободенъ отъ какихъ либо отлучекъ, дежурствъ и пр. въ періоды подготовки учителей съ 1-го октября по 15-е ноября, это самый главный моментъ его дѣятельности. Офицеръ, которому будетъ поручено заниматься съ молодыми, ни коимъ образомъ въ этотъ періодъ не занимается съ учи-

телями, а лишь присутствует при занятіях ротнаго командира, вѣрнѣе онъ самъ, если онъ только что произведенный, будетъ обучаться въ это время, да и вообще въ этотъ періодъ всѣ, только что выпущенные, офицеры должны присутствовать и такъ сказать, провѣрить свои знанія, а если офицеръ не перваго года службы, то онъ освѣжить свои познанія. Теперь же большею частью только что выпущенные офицеры и ведутъ занятія съ учителями.

Въ остальное время командиръ роты многое можетъ и долженъ предоставить своимъ офицерамъ для пріученія ихъ къ самостоятельности и отвѣтственности, исполняя руководящую роль. Въ дальнѣйшемъ для него будетъ важнымъ періодъ обученія молодыхъ, главнымъ образомъ тѣ отдѣлы обученія, которые онъ долженъ вести самъ и періодъ ротныхъ ученій въ связи съ обученіемъ въ это время прибывшихъ изъ учебной команды. Для командира баталіона въ ротной дѣятельности тоже важенъ періодъ подготовки учителей, передъ которымъ онъ обязанъ объединить своихъ ротныхъ командировъ, а на экзаменѣ или смотрѣ учителей, экзаменовать своихъ учителей. Далѣе, въ первый зимній періодъ по окончаніи учебной команды онъ долженъ, не мѣшая занятіямъ въ ротахъ, какъ бы пополнить, освѣжить и укрѣпить у новыхъ унтеръ-офицеровъ то, что ими пройдено въ періодъ подготовки къ унтеръ-офицерскому званію. Это соображеніе и должно послужить основаніемъ къ уменьшенію програмы учебной команды за счетъ этого времени.

Такъ какъ ротные командиры иногда, какъ это не странно, не пускаютъ подходящихъ кандидатовъ въ учебную команду и оставляютъ ихъ въ роли учителей, то при предлагаемомъ порядкѣ это нежелательное вообще явленіе отпадаетъ (такъ какъ командиръ роты потеряетъ основаніе для подобнаго сокрытія подходящихъ кандидатовъ), чѣмъ они теперь какъ бы потворствовали невольно уклоненію отъ команды.

Явленіе это можно объяснить тѣмъ, что до сихъ поръ за подготовку унтеръ-офицеровъ отвѣчала учебная команда, а командиръ роты за подготовку учителей, но такой взглядъ абсолютнo невѣренъ, какъ уже это и изложено въ самомъ началѣ и данный прое́ктъ направленъ къ уничтоженію этого ненормальнаго явленія.

При исключеніи изъ команды за проступки надо строго наказывать исключеннаго, переводить въ другую роту и не назначать ни на какія должности въ ротѣ.

В. Сме—ъ.

Обходы и противодѣйствія имъ въ современныхъ войнахъ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Независимо отъ слабаго наблюденія фланга, конница проявляетъ вообще совершенно пассивный образъ дѣйствій, не предпринявъ ничего, для форсированной активной развѣдки. Держась вблизи фланга пѣхоты, конница осталась внутри охвата противника и, оставаясь съ фронта, потеряла возможность дальнѣйшей развѣдки, тогда какъ ей очевидно слѣдовало выйти на наружный флангъ обходящихъ колоннъ противника, для дѣйствій во флангъ имъ и для развѣдокъ путемъ боя того, что въ тылу у передовыхъ частей противника.

2) Повидиому, при правильной оцѣнкѣ значенія обоихъ фланговъ, побудившей командира корпуса поставить общій резервъ у Сисана, за правымъ флангомъ, какъ наиболѣе опасномъ въ смыслѣ возможности обхода, онъ, однако, легко поддается впечатлѣнію демонстративныхъ атакъ противоположнаго фланга всего однимъ полкомъ японцевъ и, съ самаго начала ихъ, посылаетъ туда бригаду общаго резерва, т.-е. почти всѣ свободныя силы корпуса, предполагая тамъ главную атаку.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

3) Когда вполнѣ обрисовался обходъ нашего праваго фланга, и 36-й полкъ, расположенный на немъ, обстрѣливался уже съ трехъ сторонъ, для противодѣйствія ему оказалось мало свободныхъ войскъ. Туда былъ высланъ 35-й Вост.-Сиб. полкъ изъ резерва, а вслѣдъ затѣмъ и два баталіона послѣдняго полка. Когда же получено было донесеніе о движеніи японцевъ въ тылъ корпуса, сѣвернѣе ст. Вафангоу, командиръ корпуса приказалъ отступить, въ виду значительнаго превосходства въ силахъ противника.

4) Всѣ эти подкрѣпленія праваго фланга, удлиняя его, опять таки сбились внутри кольца непріятельскихъ войскъ, охватывающихъ флангъ, и были принуждены пассивно отбиваться отъ нихъ, вмѣсто того, чтобы, выдвинувшись уступомъ изъ-за фланга, въ охватъ противника, развить активныя противъ него дѣйствія.

5) Отсутствие инженерной подготовки фланговъ, при энергичныхъ атакахъ японцами нашего лѣваго фланга, заставили сразу притянуть туда значительную часть резерва.

6) Полное отсутствіе содѣйствія пѣхотѣ въ бою на правомъ флангѣ со стороны конницы, которая съ началомъ боя отошла назадъ и никакого участія въ немъ не принимала.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ тоже были примѣнены охваты фланговъ. Начальникъ лѣваго участка, генералъ Гернгросъ, въ предупрежденіе охвата своего фланга, поставилъ 1-й Вост.-Сиб. стр. полкъ уступомъ за лѣвымъ флангомъ и, когда японская бригада подошла къ Вафанваненъ, стремясь охватить флангъ, то здѣсь завязался горячій бой, въ которомъ всѣ усилія японцевъ разбились объ упорное сопротивление стрѣлковъ, а съ прибытіемъ 2-го стр. полка они были отброшены. На слѣдующій день, какъ сказано, командиръ корпуса рѣшилъ перейти въ наступленіе лѣвымъ флангомъ впередъ, т.-е. частями 1-й стр. дивизіи и высланной изъ общаго резерва бригадою 35-й дивизіи, съ цѣлью разбить главныя силы противника, предполагавшіяся противъ этого фланга. Но бригада 35-й дивизіи, назначенная для обхода фланга, на пути задержалась, получивъ донесеніе объ угрозѣ противникомъ ея флангу, что впоследствии не подтвердилось, и когда она подошла къ фронту, бой на правомъ флангѣ былъ уже рѣшенъ не въ нашу пользу, что и заставило лѣвый флангъ отступить.

Таковы были условія обхода въ Вафангоускомъ бою и причины его успѣха. Главную же изъ нихъ составляетъ крайняя неудовлетворительность наблюденія и охраненія фланговъ кавалеріею. Отсутствие положительныхъ свѣдѣній о противникѣ не дало рус-

скимъ должной оріентировки въ положеніи и въ частности не позволило своевременно выслѣдить обходъ и предупредить внезапность его.

Бой подъ Ляояномъ. Въ половинѣ августа русская армія, въ числѣ 157 тысячъ, сосредоточивается къ Ляояну. Три японскія арміи, въ составѣ 135 тысячъ, преслѣдуя русскую, стягивались къ Ляояну съ двухъ сторонъ: армія Куроки съ востока, южнымъ берегомъ р. Тайцзыхэ, а армія Нодзу и Оку съ юга. Послѣ ряда боевъ на передовыхъ позиціяхъ, русскіе отходятъ на главную позицію. Укрѣпленная позиція эта, охватывавшая городъ съ юга и востока, представляла на южномъ берегу рѣки два участка: одинъ, обращенный къ югу, былъ занятъ двумя корпусами (I и III Сибирскими); второй къ востоку—однимъ корпусомъ (X Сибирск.). Общій фронтъ ихъ 22 версты. XVII корпусъ былъ расположенъ на сѣверномъ берегу рѣки, на 12 верстахъ по фронту, преграждая пути съ востока. Два съ лишнимъ корпуса оставались въ общемъ резервѣ.

Непосредственное наблюденіе праваго фланга было возложено на отрядъ ген. Миценки изъ 21 сотни, при 12 оруд., который долженъ былъ выдвинуться къ дер. Улантай. Генераль Самсоновъ, съ 19 сот., 6 оруд., стоялъ за крайнемъ правомъ флангѣ. Такимъ образомъ на правомъ флангѣ было сосредоточено 40 сот. и 18 оруд. армейской конницы. Кромѣ того, дальнее охраненіе фланга было поручено отряду генерала Грекова—1 бат., 14 сот. и 12 оруд., на правомъ берегу р. Тайцзыхэ, а еще дальше Ляохейскому отряду генер. Косаговскаго (6 бат., 9 сот. и 16 оруд.). Въ общемъ же изъ всей массы русской конницы, около 150 сотенъ, для прикрытія праваго фланга было предназначено [всего 21 сотня Миценки, между тѣмъ, какъ равнина на правомъ флангѣ позиціи вполне благопріятствовала широкой дѣятельности конницы, обѣщавшей обильные результаты при умѣломъ направленіи ея.

Охрана лѣваго фланга была возложена: ближайшая на отрядъ кн. Орбельяни, въ составѣ 2 бат., 11 эскадр. и сотенъ; дальняя—на пѣхотный полкъ Ромашевскаго и конный отрядъ Любавина—17 сотенъ.

Кромѣ того нѣкоторыя части были разбросаны еще въ глубокомъ тылу, для обозначенія фланговъ и тыла. Въ общемъ русская армія считала въ своемъ составѣ 210 бат., 157 эскадр. и сотенъ и 644 орудія противъ 115 бат., 33 эскадр. и 494 орудій японцевъ. Но изъ этого числа къ югу отъ р. Тайцзыхи въ боевой части

находилось 90 бат., 19 сот. и 266 орудій. За ними въ общемъ резервъ были 61 бат., 30 сот. и 136 орудій (II и IV Сибирскіе корпуса и конница ген. Самсонова). Казачья бригада Мищенко—21 сотня, 12 орудій—прикрывала правый флангъ. Прочія войска—59 бат., 108 сотенъ и 232 орудія—были разбросаны для обезпеченія фланговъ и тыла къ сѣверу отъ р. Тайдзыхэ. Такимъ образомъ, готовясь къ рѣшительному бою, русскіе оставили въ тылу 59 бат., т.-е. четвертую часть наличныхъ силъ ²⁾).

17-го числа Ояма предпринимаетъ атаку двумя арміями съ юга, съ охватомъ нашего праваго фланга, а армію Куроки съ востока.

На нашемъ правомъ флангѣ, противъ I Сибирскаго корпуса (24 бат.) была направлена японцами вся II армія и 5-я дивизія отъ IV армін (53 бат.), т.-е. японцы, уступавшіе въ силахъ, въ общемъ, на рѣшительномъ пунктѣ были вдвое сильнѣе противника.

Къ началу обхода русская конница оголила флангъ, такъ какъ дивизія Самсонова была оттянута назадъ, а дивизія Мищенко (Забайкальская и Уральская бригады), на которую и была возложена охрана фланга, еще не успѣла сосредоточиться. На флангѣ, такимъ образомъ, оставалось всего 3 сотни I Сибирскаго корпуса полковника Гурко. По причинѣ отсутствія конницы и какихъ-либо мѣръ противодѣйствія обходу, послѣдній совершался безпрепятственно, подъ прикрытіемъ завѣсы слабой кавалерійской бригады Акіамы. Однако, въ результатѣ, благодаря стойкому сопротивленію I Сибирскаго корпуса, на сильно укрѣпленной позиціи, поддержаннаго частями резерва, фланговая атака эта не удалась.

Къ вечеру русскіе отбрасываютъ атаки японцевъ на всемъ фронтѣ. Въ ночь атака японцевъ возобновилась.

Потерпѣвъ полную неудачу въ рядѣ энергичныхъ атакъ, японцы убѣдились въ трудности фронтальныхъ атакъ хорошо укрѣпленной позиціи противника, а также въ сосредоточеніи главной массы русскихъ войскъ на правомъ флангѣ, куда были притянуты резервы. Оцѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и слабыя стороны позиціи, выразившіяся въ присутствіи въ тылу рѣки и въ томъ, что путь отступленія, значительно уклоняясь на востокъ, обнажался ударамъ съ этой стороны, они рѣшаются обойти лѣвый флангъ непріятеля, перехватить его сообщенія, а для того перебрасываютъ армію Куроки на сѣверный берегъ Тайцзыхэ. Двѣ остальные арміи тѣмъ временемъ продолжаютъ на слѣдующій день настойчивыя атаки съ южнаго фронта.

²⁾ Свѣдѣнія заимствованы изъ офіціального изданія.

Начало переправы Куроки было несвоевременно обнаружено, несмотря на присутствіе 21 эскадрона и сотни, прикрывавшихъ лѣвый флангъ XVII корпуса. Первые донесенія поступили тогда, когда на сѣверный берегъ Тайдзыхэ была уже переброшена цѣлая дивизія; а къ полудню вся мѣстность на нашемъ лѣвомъ флангѣ была очищена нашею конницею. Со стороны бывшихъ тутъ пѣхотныхъ частей и XVII корпуса ничего не было предпринято, чтобы удержать охватъ Куроки.

Предпринятый японцами обходъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Рѣшеніе это хотя и было смѣло до дерзости при маломъ количествѣ войскъ, направленныхъ въ обходъ, дальности и глубинѣ обхода, а въ особенности при наличіи въ тылу рѣки, раздѣлявшей двѣ группы войскъ, но въ то же время оно отвѣчало общей обстановкѣ и главное нерѣшительности, пассивности противника, а стало быть, вполне оправдывалось этимъ. Подготовкою обхода послужили первоначальныя энергичныя фронтальныя атаки войскъ праваго русскаго фланга, и успѣхъ зависѣлъ теперь оттого, успѣеть ли непріятель своевременно принять противъ обхода соотвѣтствующія мѣры.

Арміи Оку и Нодзу, настойчиво атакуя русскихъ 18-го числа съ юга, приковываютъ вниманіе Куропаткина и вынуждаютъ его ввести въ дѣло почти весь свой общій резервъ, т.-е. демонстрація достигаетъ своей цѣли.

Быстрота, съ которой Куроки перебросилъ первыя 1½ дивизіи на правый берегъ рѣки, оттянувъ ихъ изъ боевыхъ линій и переправивъ въ достаточномъ удаленіи отъ противника, отвѣчая условію *скрытности* маневра, въ свою очередь, обезпечивала успѣхъ его.

Перейдя рѣку съ головными частями и ожидая переправы гвардейской дивизіи, Куроки пользуется пассивностью XVII корпуса, не рѣшившагося атаковать переправившіяся части японцевъ, чтобы сбросить ихъ въ рѣку, приказываетъ овладѣть ближайшими сопками, дабы имѣть въ нихъ опорный пунктъ—полная *иниціатива* и *энергія* въ дѣйствіяхъ. Таковы распоряженія японцевъ. Съ другой стороны мы видимъ слѣдующее.

Одну изъ слабыхъ сторонъ Ляоянской позиціи составляла необезпеченность лѣваго фланга отъ обхода, которымъ всегда могла угрожать армія Куроки, находившаяся во фланговомъ положеніи, относительно русской арміи. При укрѣпленіи позиціи, это, повидимому, не было принято во вниманіе и ничего не было сдѣлано для обезпеченія этого фланга: не былъ укрѣпленъ правый берегъ

рѣки, съ цѣлью образовать этимъ уступную позицію; не были прикрыты тетъ-депонами имѣвшіяся переправы на флангѣ позиціи; не были укрѣплены горныя долины, ведущія къ нимъ. Мѣстныя условія вполне благопріятствовали всему этому. Занимая позицію, охрану лѣваго фланга возложили на XVII корпусъ, растянувъ его на сѣверномъ берегу Тайцзыхэ на 12 верстъ отъ Саньянцы до Сыквантунъ.

Для наблюденія за флангами и дальняго охраненія ихъ было сдѣлано много, но исполнено это было неумѣло и неудовлетворительно. Съ первыми неподтвердившимися еще свѣдѣніями о переходѣ японцевъ у Саканя на правый берегъ Тайцзыхэ, командующій арміей приказалъ полковнику Ромашевскому, оставивъ въ Бенсиху только конницу, отойти на сѣверъ, по направленію къ Мукдену, для прикрытія дорогъ туда. Любавинъ же, наблюдая берегъ рѣки, съ началомъ переправы у Бенсиху, отошелъ на сѣверъ къ Сяншанцзы, откуда и донесъ о наступленіи значительныхъ силъ и началъ переправы японцевъ, несмотря на данное ему барономъ Бильдерлингомъ приказаніе, произвести нападеніе съ тыла на переправившіяся войска. Такимъ образомъ, важный пунктъ Бенсиху былъ обнаженъ сначала пѣхотою, а вслѣдъ затѣмъ и конницею въ то именно время, когда присутствіе на берегу сторожевыхъ частей было необходимо.

На правомъ флангѣ отрядъ генерала Мищенко въ 21 сотню при 12-ти орудіяхъ, поддержанный 2-мя баталіонами, долженъ былъ занять д. Улунтай и охранять флангъ, за которымъ были расположены въ резервѣ еще 19 сотенъ генерала Самсонова. Отрядъ Мищенки не успѣлъ еще прибыть въ Улунтай, какъ 17-го августа японская кавалерія Акіамы, а за нею и пѣхота охватили правый флангъ I Сибирскаго корпуса. Отрядъ Мищенки, не споря съ противникомъ, отошелъ назадъ и ставъ уступомъ за флангомъ корпуса, въ 4-хъ верстахъ, открылъ безцѣльный бой спѣшенными частями, вмѣсто того, чтобы попытаться ударомъ во флангъ и тылъ противнику, остановить охватывающія части его.

Въ итогъ крупныя отряды конницы, назначенныя для охраненія обоихъ фланговъ арміи, поддержанныя къ тому же пѣхотою сдѣлали очень мало въ смыслѣ наблюденія фланговъ и обнаруженія силъ охватывающихъ ихъ частей противника, и ровно ничего не сдѣлали въ смыслѣ противодѣйствія охвату, а съ первыми же выстрѣлами отошли назадъ.

Другими словами, подавляющая масса конницы вовсе не была использована для наблюденія и охраны фланга.

Для непосредственнаго участія въ рѣшительномъ бою была сосредоточена всего часть наличныхъ въ арміи силъ; остальная значительная часть ихъ была разбросана въ тылу; для обезпеченія фланговъ и тыла, на случай глубокаго обхода со стороны противника.

При расположеніи на позиціи, общій резервъ изъ трехъ дивизій былъ поставленъ за правымъ флангомъ. Съ такимъ расположеніемъ его согласиться трудно. Стратегическій «ключъ» позиціи находился на лѣвомъ флангѣ ея, такъ какъ неудача на этомъ флангѣ угрожала перехватомъ сообщеній и такъ какъ къ лѣвому флангу приближалась цѣлая армія Куроки. Одно это обстоятельство указывало на вѣроятность обхода лѣваго фланга и вызывало расположеніе общаго резерва за лѣвымъ флангомъ, или во всякомъ случаѣ ближе къ мостамъ.

Итакъ, стало быть, *подготовка позиціи и занятіе ея войсками не соответствовали обстановкѣ.*

Въ ходѣ дѣйствій русскіе прежде всего излишне затянули бой на дальнихъ позиціяхъ, южнѣе Ляояна, имѣвшій только развѣдывательное значеніе, и который между тѣмъ длился три дня. Слѣдующіе три дня войска стягиваются на укрѣпленную позицію подѣ Ляояномъ, на которой бой продолжается еще три дня и втягиваетъ въ себя всѣ резервы. Въ результатъ, въ рѣшительную минуту, когда главный ударъ опредѣлился на правомъ берегу; далеко отъ праваго фланга, войска истомлены продолжительнымъ боемъ, а свѣжихъ войскъ уже не оказалось. Другими словами, *демонстративныя атаки японцевъ вполнѣ удались, сдѣлавъ свое дѣло.*

На правомъ флангѣ русскіе, отбивъ цѣлый рядъ атакъ японцевъ, довольствуются этимъ чисто пассивнымъ результатомъ, и не переходятъ въ наступленіе.

Съ началомъ обхода, къ ночи на 18 число, русскій лѣвый флангъ относится совершенно безучастно къ нему; 3-я пѣхотная дивизія отошла въ Цофангоу, оставаясь въ бездѣйствіи, III-й Сибирскій корпусъ и X-й корпусъ, передъ которыми 18-го числа отошла половина войскъ Куроки, дравшихся съ ними наканунѣ, и японцы ограничивались одною орудійною канонадою, не переходятъ въ наступленіе, а остаются въ выжидательномъ положеніи и только къ вечеру 31-я дивизія, составлявшая лѣвый флангъ X-го корпуса, нѣсколько потѣснила крайній правый флангъ противника, но не могла добиться рѣшительныхъ результатовъ, такъ какъ была остановлена.

Одновременно съ тѣмъ на правомъ русскомъ флангѣ, какъ было видно, возгорается упорный бой, заставившій ввести въ дѣло общій резервъ. Бой этотъ продолжается весь день, и только вечеромъ 18-го числа генераль-адъютантъ Куропаткинъ отдаетъ приказаніе очистить линію передовыхъ укрѣпленій и стягиваетъ войска на лѣвый флангъ, угрожаемый Куроки, который 18-го числа съ половиной войскъ уже былъ на сѣверномъ берегу рѣки.

Такимъ образомъ русскіе *предоставили весь день въ распоряженіе противника для выполненія предпринятаго имъ маневра-обхода и оставались въ заблужденіи относительно направленія главнаго удара японцевъ.*

Переправа на сѣверный берегъ и движеніе къ лѣвому флангу утомленныхъ боемъ русскихъ войскъ совершалась медленно, и только поздно вечеромъ, 19-го числа три слабыхъ корпуса (безъ одной бригады каждый) прибыли къ Синчену, т.-е. были еще въ разстояніи 20 верстъ отъ корпуса Бильдерлинга и могли подойти къ нему только къ полудню 20-го числа. Слѣдовательно Куроки послѣ переправы имѣлъ въ своемъ распоряженіи двое сутокъ времени. Все это опредѣляетъ собою *потерю времени*, столь опасную при отраженіи обхода.

20-го числа назначается общее наступленіе четырехъ русскихъ корпусовъ противъ Куроки, но въ это время прибывшая бригада Орлова неудачно переходитъ въ наступленіе съ сѣвера, чѣмъ нарушается весь ходъ дѣла.

Утромъ 21-го августа, когда наконецъ, сосредоточились значительно превосходящія силы противъ Куроки, генераль Куропаткинъ не рѣшается атаковать, не довѣряя своимъ силамъ и, пользуясь частною неудачею Орлова, приказываетъ отвести армію къ Мукдену. Въ этомъ сказался *недостатокъ энергіи, настойчивости въ дѣйствіяхъ.*

Неудачный исходъ боя подъ Ляояномъ со стороны русскихъ, и успѣхъ обхода ихъ японцами, стало быть, вызваны:

- 1) Слабостью лѣваго фланга позиціи.
- 2) Недостаточнымъ сосредоточеніемъ силъ на полѣ сраженія и безцѣльною разброскою значительной части ихъ въ тылу, изъ опасенія обхода.
- 3) Неумѣстнымъ расположеніемъ общаго резерва.
- 4) Крайне слабымъ наблюденіемъ и охраненіемъ фланговъ.
- 5) Поспѣшнымъ израсходованіемъ резерва, вызваннымъ демонстративными атаками противника.

6) Пассивными, вялыми дѣйствіями войскъ лѣваго фланга съ началомъ обхода.

7) Потерей времени, выразившейся въ увлеченіи боемъ на правомъ флангѣ и несвоевременнымъ направленіемъ поддержекъ на лѣвый флангъ.

8) Беспорядочнымъ управленіемъ боемъ 20-го числа, и главное—

9) Недостаткомъ рѣшимости перейти въ наступленіе на фронтѣ 19-го числа, когда опредѣлился обходъ Куроки, а также продолжить бой 21-го числа и атаковать противника превосходными силами, т.-е. принятіемъ мѣръ только пассивнаго противодѣйствія обходу—отсутствіе энергичныхъ дѣйствій.

Итакъ обходъ, предпринятый японцами подъ Ляояномъ, привелъ къ успѣху. Но успѣху этому благопріятствовали, какъ видно изъ предыдущаго, съ одной стороны—*хорошая подготовка его японцами, настойчивыми атаками съ фронта и энергичными дѣйствіями ихъ*, съ другой—*неумѣлое производство контръ-маневра русскими*, причемъ они *поздно разгадали планъ противника, не атаковали его во время обхода ни на фронтъ войсками Зарубаева, ни войсками лѣваго фланга (III-го, X-го и XVII-го корпусовъ), не рѣшились на атаку обходящаго 21-го числа съ явнымъ превосходствомъ въ силахъ. Вообще русскіе въ послѣдніе дни боя дѣйствовали безсвязно и не энергично.*

При такихъ условіяхъ обходъ всегда имѣлъ и будетъ имѣть успѣхъ.

Болѣе рѣшительныхъ результатовъ обходъ не далъ и не могъ дать по малочисленности войскъ Куроки противъ сосредоточенныхъ четырехъ русскихъ корпусовъ.

Такая благопріятная обстановка для отраженія обхода, какъ подъ Ляояномъ не скоро повторится въ другой разъ. Противникъ въ двухъ группахъ, раздѣленныхъ рѣкою и горною странюю. Одна изъ нихъ, южная, войска Оку и Нодзу сдерживаются успѣшно ничтожными силами Зарубаева, опирающагося на сильно укрѣпленную позицію, неся огромныя потери. Другая Куроки, слабѣйшая, тѣмъ временемъ совершаетъ фланговый маршъ, рискованный маршъ, втягивающій ее въ тылъ русской арміи. Генераль Куропаткинъ успѣваетъ сосредоточить всю массу своихъ войскъ на флангѣ Куроки и въ концѣ концовъ не рѣшается нанести ему послѣдній ударъ, имѣя превосходство въ силахъ и два корпуса еще не бывшихъ въ огнѣ.

Успѣхъ этого удара, какъ выяснилось впоследствии, не подле-

жалъ сомнѣнію. Успѣхъ этотъ и тѣмъ болѣе переходъ въ наступленіе на фронтъ рѣшали собою не только бой, но можетъ быть и всю кампанію, такъ какъ приводили къ полному пораженію Оямы. Недостатокъ патроновъ, на который ссылались, неудача Орлова, не могутъ оправдывать собою этой совершенно непонятной нерѣшимости. 100 тысячъ артилерійскихъ патроновъ были еще на лицо; частная же неудача Орлова имѣла значеніе лишь простой случайности. Наконецъ, неудача Орлова, отступившаго къ сѣверу, увлекала за собою часть войскъ противника и только облегчала нанести ему ударъ на остальномъ фронтѣ.

Болѣе или менѣе то же представляетъ собою и *Мукденскій бой*. Готовясь къ бою, на сильно укрѣпленной позиціи, русская армія изъ 12 корпусовъ, всего 310 тыс., въ предупрежденіе обхода фланговъ, заняла чрезвычайно растянутое расположеніе, въ 85 верстѣ, что имѣло слѣдствіемъ крайнее сокращеніе резерва.

Обширное поле сраженія въ западной части, на правомъ флангѣ русской арміи было открытое, а въ восточной части, на лѣвомъ флангѣ, имѣло горный характеръ. Путь отступленія русскихъ отходилъ отъ праваго фланга, за которымъ лежалъ и Мукденъ, имѣющій политическое значеніе въ краѣ и заключавшій въ себѣ большіе склады запасовъ для арміи. Всѣмъ этимъ опредѣлялось стратегическое значеніе праваго фланга позиціи.

Въ боевую линію вошли 10 корпусовъ, въ частномъ резервѣ за правымъ флангомъ сталъ I Сибирскій корпусъ; въ общемъ резервѣ осталось 1½ корпуса за серединою всего расположенія.

Для охраны фланговъ, на правый былъ выставленъ конный отрядъ Грекова, изъ 32 сот. при 18 оруд., который наблюдалъ флангъ до р. Ляохэ, на фронтѣ въ 25 верстѣ; лѣвый флангъ охранялся отдѣльными отрядами въ горахъ.

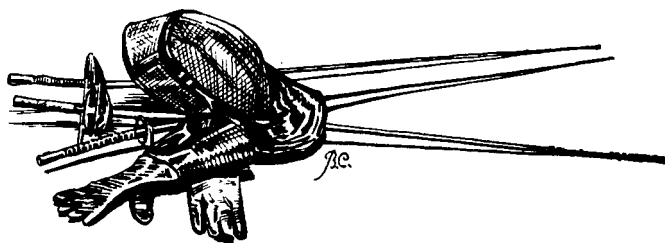
Японскій главнокомандующій, располагая пятью арміями, численностью въ 300 тыс., рѣшается, ведя атаку съ фронта и противъ лѣваго фланга четырьмя арміями съ демонстративными цѣлями, охватить правый флангъ противника 3-й арміею Ноги. Наступленіе, начатое съ выдвигенія праваго фланга впередъ, еще раньше прибытія арміи Ноги изъ подъ Портъ-Артура, заставило русскаго главнокомандующаго притянуть резервы къ своему лѣвому флангу. Тѣмъ временемъ, прикрываясь наступленіемъ двухъ армій и рядомъ жестокихъ атакъ на фронтъ и на лѣвомъ флангѣ, японцы при-

ной стороны, чтобы отрѣзать ее отъ сообщеній. Предположенная операція представляется рискованною при равенствѣ силъ и растянутости расположенія русскихъ. Рѣшимость японцевъ оправдывается только вполне проявившеюся уже раньше пассивностью и бездѣятельностью противника. Въ этомъ смыслѣ операція отвѣчала характеру противника такъ же, какъ и Ляоянская.

Подготовка этого смѣлаго маневра выразилась въ томъ, что съ цѣлью скрыть направленіе главнаго удара на западъ, двѣ арміи атаковали лѣвый флангъ, чтобы привлечь на себя вниманіе противника, притянуть въ этомъ направленіи русскіе резервы и тѣмъ содѣйствовать обходу на правомъ флангѣ. Другія двѣ арміи въ тѣхъ же видахъ атаковали противника съ фронта. Пущенные черезъ шпионовъ ложные слухи подтвердили атаку лѣваго фланга. Кромѣ того обходъ на западномъ флангѣ былъ тщательно маскированъ кавалеріею.

С. Тершельманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Струбинский

1914.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОННИЦА.

Очерки и наблюдения.

Авторъ очерковъ былъ въ теченіе шести мѣсяцевъ въ прикомандированіи въ качествѣ «stagiaire» къ N полку конныхъ егерей, стоящему въ Л.; ему удалось познакомиться съ нравами, обычаями и мирной работой французской конницы. Какія бы цѣнныя наблюденія не сдѣлалъ офицеръ, командированный за границу, польза отъ нихъ будетъ ничтожна, если они не станутъ достояніемъ всей арміи. Нисколько не претендуя на особый интересъ или цѣнность сообщаемыхъ свѣдѣній, авторъ считаетъ своимъ долгомъ подѣлиться ими съ тѣми, кого интересуютъ вопросы внутренней жизни и обученія французской конницы.

Очерки не будутъ изобиловать свѣдѣніями справочнаго характера—цѣль автора другая: онъ имѣетъ цѣлью какъ бы иллюстрировать справочныя книжки, которыхъ издано достаточно, помѣстивъ въ военномъ трудѣ свѣдѣнія, не имѣющіяся въ изданіяхъ справочнаго характера, но не безполезныя для болѣе полного знакомства съ конницей нашихъ союзниковъ.

Описаніе маневровъ не приводится, во-первыхъ, потому, что тѣ маневры, на которыхъ присутствовалъ авторъ, были весьма непро-

должительны и неинтересны, а, во-вторыхъ, потому, что многіе русскіе офицеры были командированы специально на маневры и, вѣроятно, познакомятъ товарищей со своими наблюденіями.

I.

Положеніе арміи въ странѣ.

Сильная агитація антимиитаризма, скандальныя разоблаченія дѣла Дрейфуса и усилія нѣкоторыхъ министерствъ сдѣлали то, что престижъ арміи сначала палъ очень низко; много офицеровъ ушло въ отставку, такъ какъ носить военный мундиръ не представлялось возможнымъ изъ-за почти враждебнаго отношенія населенія. Въ службѣ форма не носилась, особенно въ Парижѣ; были офицеры, которые передѣвались въ казармахъ, не рискуя показаться на улицѣ въ мундирѣ. Но армія показала себя достойной названія «великой молчальницы», она терпѣла, работала и молчала. Мало-по-малу страсти утихли, а возможность европейской войны встала грознымъ призракомъ; работа болѣе умѣренныхъ министерствъ и реакція народныхъ страстей возвратили старый престижъ арміи и теперь армія пользуется любовью и уваженіемъ націи; правда, она этого заслуживаетъ въ высокой степени, такъ какъ совершенно не вмѣшивается въ политику и всегда является вѣрной слугой своего правительства какое бы оно ни было, даже если оно ультра-радикально.

Населеніе живо интересуется жизнью арміи: о маневрахъ, смотрахъ и другихъ военныхъ упражненіяхъ пишутъ всѣ газеты, населеніе слѣдитъ за ними, присутствуетъ на нихъ и обсуждаетъ. Газеты пестрятъ выраженіями «nos volants», «nos petits chasseurs» и т. д., причемъ характерно то, что въ какомъ бы состояніи не возвратились войска съ маневровъ, газеты пишутъ, что несмотря на очень тяжелый переходъ, видъ у войскъ былъ очень бодрый; впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ это совершенно вѣрно, такъ какъ какъ бы ни были войска утомлены, въ городъ они входятъ съ музыкой, въ ногу и очень подтянутыми; это въ традиціяхъ французской арміи. Вообще отношеніе прессы къ арміи скорѣе доброжелательное. По субботамъ происходитъ такъ называемая «retraite», т. е. зарядъ съ музыкой и факелами; для этого дѣлается нарядъ около взвода и трубачи одного или двухъ полковъ по очереди; они проходятъ съ музыкой по главнымъ улицамъ города, останавливаясь

для игры передъ квартирами начальника гарнизона, префекта и мэрией. Обыкновенно «retraite» сопровождается толпой народа, изъ которой иногда раздаются свистки какого-нибудь антимилитариста, всегда, впрочемъ, заглушаемые аплодисментами остальныхъ присутствующихъ и часто сопровождаемые свалкой. Два раза въ недѣлю въ городскомъ паркѣ играетъ военный хоръ, это всегда бесплатно и, такъ сказать, входитъ въ обязанность войскъ.

Начальникъ гарнизона обыкновенно извѣстенъ всѣмъ и простой народъ всегда его привѣтствуетъ. Войска, возвращающіяся съ маневровъ восторженно встрѣчаются населеніемъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сравнительно рѣдко бываютъ маневры, населеніе очень гостепрѣимно встрѣчаетъ войска; въ мѣстностяхъ, гдѣ маневры происходятъ часто, населеніе не выражаетъ неудовольствія въ случаѣ постоя войскъ. Приходилось замѣчать очень часто, что при прохожденіи штандарта обнажались головы. Вообще видно, что населеніе горячо любитъ свою армію и ею интересуется.

Въ городѣ первое лицо является не начальникъ гарнизона, а представитель гражданской власти—префектъ или супрефектъ; выражается это въ томъ, что прибывающаго въ городъ префекта или супрефекта поздравляютъ депутаціи отъ всѣхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и отъ всеннаго на общихъ основаніяхъ; когда въ Л. пріѣхалъ вновь назначенный супрефектъ, поздравить его съ прибытіемъ и явиться ему поѣхали начальникъ гарнизона—дивизионный генераль и депутаціи отъ каждаго изъ полковъ.

Четырнадцатаго іюля, въ день праздника Республики на парадѣ войскъ представители гражданской власти находятся на почетной трибунѣ и, являющійся на парадѣ начальникъ, сначала привѣтствуетъ ихъ какъ бы отъ имени арміи, а затѣмъ уже производитъ парадъ; этимъ подчеркивается то, что армія находится на службѣ у правительства на общихъ со всѣми государственными установленіями основаніяхъ. Самъ парадъ 14-го іюля, сплошная овація по адресу войскъ.

II.

С о л д а т ы.

а) Рядовые.

Комплектуется конница тремя способами, а именно: по набору, охотниками (*engagés volontaires*) и сверхсрочными (*rengagés*). При назначеніи въ конницу новобранцевъ руководствуются главнымъ

образомъ подходящимъ для службы въ конницѣ сложеніемъ, ростомъ и вѣсомъ. Грамотность, техническія познанія роли не играютъ. По росту и вѣсу назначаютъ людей въ различные роды конницы; такъ, людей похожихъ на нашихъ гвардейскихъ кирасиръ, назначаютъ въ кирасирскіе полки, похожихъ на нашихъ армейскихъ драгунъ въ драгунскіе полки, а людей совсѣмъ маленькихъ, какихъ въ нашей конницѣ нѣтъ, въ полки легкой кавалеріи, т.-е. въ егера (*chasseurs*) или гусары. Люди по своему сложенію не оставляютъ желать лучшаго—все это плотные, сухіе, здоровые люди, вполне подходящіе для службы на конѣ. Особенно хороши драгуны—средняго роста, стройные, въ большинствѣ случаевъ, съ красивыми интеллигентными лицами, они производятъ особенно хорошее впечатлѣніе благодаря красивой, скромной, но очень стильной формѣ. Нижніе чины легкой конницы производятъ нѣсколько иное впечатлѣніе, такъ какъ про нихъ дѣйствительно можно сказать, что это все «квадратные» люди: маленькіе, широкоплечіе, приплюснутые некрасивымъ головнымъ уборомъ, въ широкихъ красныхъ шароварахъ, съ длинной саблей подъ мышкой они немного смѣшны въ пѣшемъ строю; на конѣ же, маленькомъ и подвижномъ, они производятъ самое лучшее впечатлѣніе.

На службу молодые люди идутъ охотно; въ дни записи въ мѣряхъ или въ дни вынутія жребія, молодежь въ лучшихъ костюмахъ, украшенная трехцвѣтными бантами и кокардами, въ сопровожденіи оркестра своего кантона проходитъ по городу съ веселымъ видомъ и пѣснями; ни пьяныхъ, ни плачущихъ женщинъ не видно; видно, что народъ вполне сознаетъ необходимость военной службы; правда, лѣтомъ 1913 года при введеніи закона о трехлѣтней службѣ въ нѣкоторыхъ городахъ были выраженія протеста, но это были единичные случаи, вызванные энергичными усиліями антимиитаристовъ. Пропаганда антимиитаризма довольно развита во Франціи какъ бы въ противовѣсъ воинственному настроенію страны; это и вполне понятно: чѣмъ страна воинственнѣе, чѣмъ тяжесть вооруженій для народа больше (а во Франціи она весьма значительна: народъ дѣлаетъ чрезвычайныя усилія; чтобы не отстать отъ нѣмцевъ), тѣмъ рѣзче будутъ отдѣльные случаи проявленія антимиитаризма; причемъ чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ они рѣже, чѣмъ ближе къ Парижу, тѣмъ чаще.

Срокъ службы въ прошломъ году принятъ въ 3 года. Бывшій до того времени 2-хъ лѣтній срокъ слишкомъ малъ для подготовки кавалериста, тѣмъ болѣе, что какъ и всюду, послѣдній годъ сол-

дать служить мало. Примѣняясь къ 2-хъ лѣтнему сроку, французы сократили програму обученія до minimum'a, выбросивъ все то, что не имѣеть прямого отношенія къ бою. Поэтому съ вѣдшей стороны французскій солдатъ производитъ не очень хорошее впечатлѣнiе, такъ какъ выправкой заниматься не имѣють времени.

Сознавая невозможность подготовить за короткiй срокъ службы хорошихъ унтеръ-офицеровъ, военное министерство приняло цѣльнй рядъ мѣръ, чтобы привлечь въ ряды армiи, а конницы въ особенности, молодыхъ людей, которые служили бы дольше трехъ лѣтъ. Мѣры эти выразились, главнымъ образомъ, въ значительномъ жалованiи и одновременныхъ денежныхъ выдачахъ, а также въ возможности выбирать родъ войска и часть. Благодаря принятымъ мѣрамъ удалось привлечь въ ряды армiи большое число охотниковъ или «engagés». Въ 1913 году въ полкахъ пограничныхъ дивизiй было до 30 охотниковъ на эскадронъ. Охотники обязываются прослужить 4 или 5 лѣтъ и за этотъ срокъ является возможнымъ и выгоднымъ подготовить унтеръ-офицера. Большинство должностей, требующихъ специальныхъ познанiй, замѣщаются «engagés». Нѣкоторое неудобство «engagés» это то, что они могутъ поступать на службу въ любое время года, чѣмъ затрудняется ихъ обученiе. Охотники бываютъ, вообще говоря, двухъ типовъ: одни поступаютъ на службу какъ ремесленники и являются настоящими наемными солдатами съ ихъ достоинствами и недостатками, другiе—чтобы стать офицерами—и эти соотвѣтствуютъ нашимъ вольноопредѣляющимся, но положенiе ихъ совершенно другое; наши вольноопредѣляющiеся въ большинствѣ случаевъ находятся на привилегированномъ положенiи, положенiе «engagés» ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ положенiя остальныхъ нижнихъ чиновъ. Иногда приходилось видѣть молодыхъ «engagés» бѣгущихъ по утрамъ въ опоркахъ ра босу ногу на уборку лошадей, а не далѣе, какъ наканунѣ вечеромъ танцевавшихъ на балу у кого нибудь въ городѣ. Вообще подчеркивается одинаковое отношенiе ко всѣмъ нижнимъ чинамъ, независимо отъ ихъ происхожденiя и дальнѣйшихъ плановъ.

Сверхсрочными или «renagés» могутъ быть какъ рядовые, такъ и ефройторы и унтеръ-офицеры; число первыхъ очень незначительно и особеннаго значенiя они не имѣють, число послѣднихъ очень велико и надо считать, что почти всѣ унтеръ-офицеры сверхсрочные; правда ихъ по штату всего восемь ¹⁾ въ эскадронѣ. Пре-

1) Строевыхъ.

имущества сверхсрочныхъ въ общемъ тѣ же, что и охотниковъ и выражаются главнымъ образомъ въ значительномъ содержаніи, въ предоставленіи гражданскихъ должностей и нѣкоторыхъ мелкихъ преимуществахъ.

б) *Унтеръ-офицеры и подпрапорщики.*

Для производства въ ефрейторы, «brigadier» и унтеръ-офицеры — «marechal de logis» надо прослужить опредѣленный срокъ и пройти курсъ соотвѣтствующей подготовительной школы. Школы формируются при полкахъ, находятся большей частью въ вѣдѣніи старшаго капитана и даютъ кандидатамъ очень скромную теоретическую подготовку; практическую подготовку кандидаты получаютъ въ эскадронахъ подъ руководствомъ своихъ командировъ или назначенныхъ ими офицеровъ. При окончаніи школы составляется кандидатскій списокъ, «tableau», утверждаемый начальникомъ дивизіи, и кандидаты производятся въ унтеръ-офицеры по мѣрѣ открытія въ полку вакансій. По штату въ эскадронѣ восемь унтеръ-офицеровъ, которые почти всегда сверхсрочные или въ крайнемъ случаѣ изъ «engagés». Унтеръ-офицеры производятъ очень хорошее впечатлѣніе въ смыслѣ практической подготовки и являются настоящими помощниками офицера, въ отношеніи управленія взводомъ какъ во внутренней службѣ, такъ и въ обученіи и въ полевой службѣ. Хотя програма теоретическихъ занятій въ школѣ довольно скромна, но даже въ этомъ отношеніи унтеръ-офицеры подготовлены достаточно; неоднократно приходилось видѣть унтеръ-офицеровъ на маневрахъ въ роляхъ начальниковъ разъѣздовъ или охраняющихъ частей и каждый разъ они выказывали полное пониманіе обстановки и знаніе дѣла.

По своему положенію въ эскадронѣ и своему значенію, французскій унтеръ-офицеръ — «marechal de logis» — является тѣмъ, что мы понимаемъ подъ словомъ взводный унтеръ-офицеръ, каковыми четыре изъ «marechaux» и являются. То же, что мы понимаемъ подъ словомъ младшій унтеръ-офицеръ наиболѣе соотвѣтствуетъ французскому ефрейтору или «brigadier»; нашему ефрейтору соотвѣтствуетъ «cavalier de la 1-e classe».

Обязанности нашего вахмистра выполняются «marechal de logis chef» съ тою разницей, что онъ больше нашего вахмистра заваленъ перепиской по эскадронной отчетности; для этого еще имѣются «mar. de logis fourrier», т.-е. каптенармусъ и «brigadier fourrier» или писарь.

Всѣ унтеръ-офицеры обязаны столоваться отдѣльно отъ рядовыхъ и ефрейтовъ, причемъ они могутъ или столоваться въ кантинахъ (нашихъ солдатскихъ буфетахъ) или же на артельныхъ началахъ; въ послѣднемъ случаѣ въ ихъ распоряженіи имѣется два рядовыхъ, изъ которыхъ одинъ готовитъ пищу, а другой прислуживаетъ. Кромѣ того, въ полку имѣется собраніе для унтеръ-офицеровъ, гдѣ они могутъ получить кофе и, кажется, спиртные напитки, читать газеты, играть въ шашки или шахматы; картъ видѣть не приходилось. Мнѣнія французовъ расходятся относительно пользы этихъ собраній, такъ какъ случается, что унтеръ-офицеры спѣшатъ, кое-какъ отбыть свои обязанности, чтобы поскорѣй бѣжать въ собраніе играть или болтать; съ другой стороны, это даетъ имъ нѣкоторый отдыхъ и свободу, такъ какъ иначе унтеръ-офицеръ постоянно находится со своими подчиненными, которые всегда видятъ въ немъ своего начальника, а никогда не товарища.

Вообще французскій унтеръ-офицеръ, въ глазахъ остальной массы нижнихъ чиновъ пользуется бѣльшимъ авторитетомъ и уваженіемъ, чѣмъ нашъ, что вполне является понятнымъ, если принять во вниманіе, что почти всѣ унтеръ-офицеры служатъ 4, 5 и болѣе лѣтъ, а многіе изъ нихъ происходятъ изъ средняго и даже высшаго сословія.

Подпрапорщики—«adjudants»—производятся изъ унтеръ-офицеровъ или вахмистровъ безъ всякихъ экзаменовъ, подготовокъ и выслуги опредѣленныхъ сроковъ. Они пользуются почти офицерскимъ положеніемъ и получаютъ содержаніе около 160 фр. въ мѣсяцъ. Ихъ полагается шесть на полкъ и они выполняютъ функціи младшихъ офицеровъ въ эскадронахъ или же несутъ нѣкоторыя обязанности въ полковой канцеляріи; на нихъ возложены обязанности нашего дѣлопроизводителя, полкового писаря и часть обязанностей полевого адъютанта, котораго во французской арміи нѣтъ вовсе. Кромѣ того, подпрапорщики дежурятъ по полку; дежурный подпрапорщикъ находится въ казармахъ въ теченіе сутокъ; дежурный офицеръ, который не имѣетъ того значенія, какъ у насъ, обязанъ находиться въ казармахъ только отъ вечерней до утренней зори. Вообще подпрапорщики предназначены для замѣщенія нѣкоторыхъ офицерскихъ должностей и этимъ достигается экономія офицеровъ; французы находятъ нашу систему невыгодной, такъ какъ у насъ подпрапорщики выполняютъ обязанности взводныхъ, а такъ какъ не всѣ взводные [!] подпрапорщики, то получается, что почему-то одному взводу, или въ лучшемъ случаѣ двумъ, дается лучший ко-

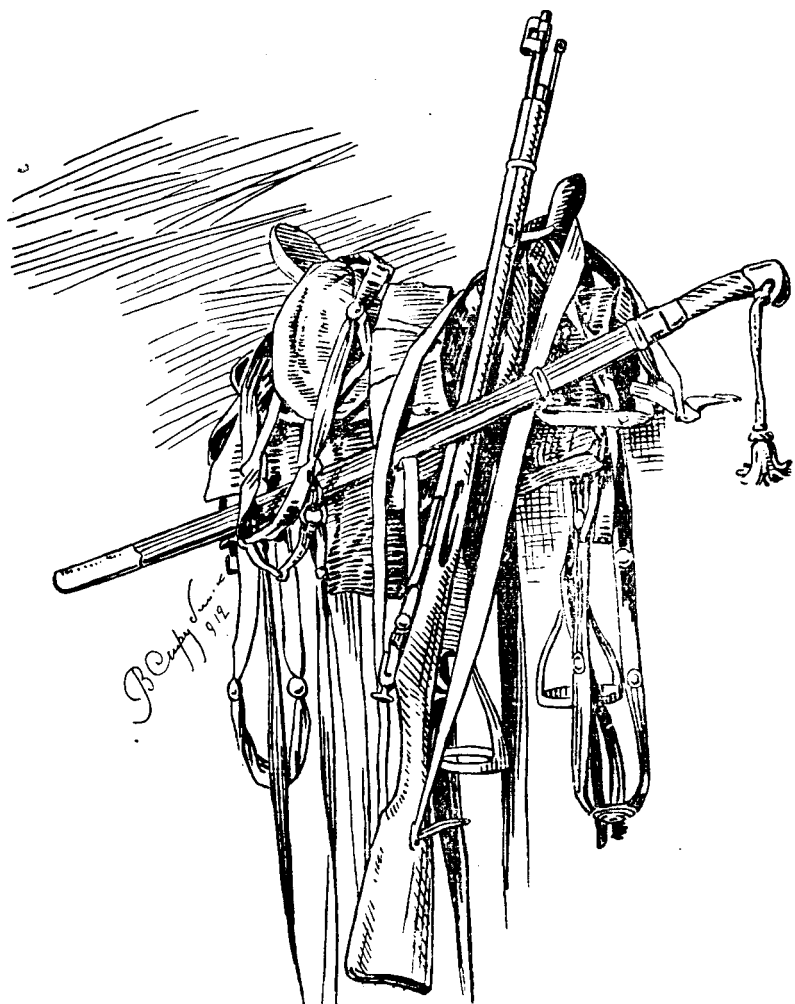
мандиръ, чѣмъ остальнымъ и почему-то два лица, выполняющія однѣ и тѣ же обязанности, получаютъ разное содержаніе, являются различно подготовленными и пользуются различными правами; за тѣмъ они считаютъ, что обязанности взводнаго столь несложны, что на эту должность можно назначить унтеръ-офицера, а подпрапорщики должны замѣщать офицерскія должности, къ чему они вполне способны. Вообще они являются, чѣмъ-то среднимъ между офицерами и нижнимъ чинами во всѣхъ отношеніяхъ; даже по формѣ одежды они очень мало отличаются отъ офицеровъ.

Они всѣ живутъ на частныхъ квартирахъ и по праздничнымъ днямъ, внѣ казармъ, могутъ носить штатское платье.

П.-М.-Б.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЫЪЗДКА СТРОЕВОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛОШАДИ.

(Окончаніе ¹⁾).

Всадникъ долженъ отвести передъ лошади отъ стѣнки манежа такъ, какъ бы онъ хотѣлъ перемѣнить направленіе изъ угла, затѣмъ, плотно прижимая внутренній шенкель—въ данномъ случаѣ правый, всадникъ легкими ритмичными толчками лѣваго шенкеля заставляеть лошадь переступать задними ногами и дѣлать приниманіе черезъ манежъ. Первоначально движеніе это не должно быть продолжительнымъ—пять, шесть шаговъ и прямо, потомъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

можно довести до середины манежа, а къ концу 15-й недѣли и черезъ весь манежъ, если онъ не слишкомъ широкъ. Обычная ошибка всадниковъ при этомъ движеніи та, что они стараются слишкомъ рѣзко поставить лошадь на приниманіе, ведутъ приниманіе слишкомъ круто, подъ прямымъ угломъ къ стѣнѣ манежа, задъ идетъ на одной линіи съ передомъ и даже задъ опережаетъ передъ лошади. На этомъ приниманіи лошадь должна идти, все время имѣя голову направленную въ противоположный уголъ манежа, и приниманіе должно вестись такимъ образомъ, чтобы передъ подошелъ къ стѣнкѣ манежа, или линіи параллельной стѣнкѣ манежа, ранѣе зады. Продѣлавъ это движеніе съ казаками, обучающій переходитъ къ работѣ на кругу, къ мягкому переходу съ широкой рыси на сокращенную, или строевую и обратно, продолжаетъ вырабатывать мягкій поводъ и умѣнье лошади поджимать задъ отъ шенкеля. На наметѣ можно начать требовать болѣе или менѣе одновременнаго движенія всей смѣны наметомъ и ровнаго, во всей смѣнѣ одинаковаго маха намета. Однако, такъ какъ это врядъ ли будетъ достигнуто, слѣдуетъ при работѣ наметомъ развести смѣну на болѣе широкія дистанціи—напримѣръ на четыре, на пять лошадей. Такъ же можно начать дѣлать и болѣе быструю перемѣну ноги. Для этого не слѣдуетъ при перемѣнѣ направленія изъ угла переводить на рысь, едва только лошадь свернула на діагональ, но вести наметомъ всю діагональ и лишь за шесть шаговъ до противоположнаго угла поставить мягко лошадь на рысь, перемѣнить постановленіе головы лошади, плотнѣе прижать внутренній шенкель и, короткимъ нажатіемъ обоихъ шенкелей, выдвинуть сразу изъ угла лошадь съ противоположной ноги..

Для того, чтобы лучше утвердить лошадь на наметѣ съ той, или другой ноги, слѣдуетъ на четырнадцатой недѣлѣ начать работу лошадей на наметѣ по кругу. Дѣлается эти слѣдующимъ образомъ. Пусть смѣна пущена наметомъ съ правой ноги. Лошади прошли одинъ кругъ. Обучающій подаетъ команду—«по головному номеру на кругъ маршъ». Головной номеръ, еще болѣе усиливая нажатіе правой ноги и сохраняя постановленіе головы лошади направо, мягко отводитъ лошадь отъ стѣнки и описываетъ широкій кругъ направо, приблизительно въ половину манежа. Остальные всадники, сокращая дистанцію и доводя ее до одной лошади, идутъ за этимъ человѣкомъ и вся смѣна становится на кругъ также какъ это дѣлалось на сокращенной рыси. Пройдя три круга, обучающій командуетъ —по барьеру маршъ, и когда смѣна вытянется по ма-

нежу, переводить смѣну на рысь, потомъ на шагъ, даетъ лошадямъ минутъ пять отдохнуть, мѣняетъ въ это время направленіе работы, потомъ приказываетъ подобрать лошадей, дать имъ постановленіе на лѣво, пускаетъ смѣну наметомъ съ лѣвой ноги и становить ее на кругъ. Этою работою на наметѣ на кругу обыкновенно и заканчивается урокъ четырнадцатой недѣли.

Съ тринадцатой недѣли вы начали выѣзжать съ шашками, и лошади привыкли къ чувству болтающихся и бьющихъ по боку ножонъ; на четырнадцатой недѣлѣ слѣдуетъ приучать лошадь къ шашкѣ, вынутой изъ ножонъ, къ взмаху шашки, къ рубкѣ прутьевъ и уколамъ чучеловъ. И раньше, во время ѣзды «вольно, оправиться», вы приказывали всадникамъ размахивать палочками надъ головой, дѣлать круги этими палочками спереди назадъ и сзади напередъ. Вы никогда не били лошадь зря и она привыкла не бояться васъ. Также не боится она и этихъ размаховъ палочкой. Когда вы вынете шашку изъ ножонъ, лязгъ металла можетъ испугать ее. Поговорите съ ней, возьмите въ шенкеля, наберите поводъ, огладьте ее. Распустивши смѣну по манежу, во время «вольно, оправиться», прикажите вынуть шашки. Сначала не рѣзко, по исполнительной командѣ, но медленно, исподволь, чтобы не испугать лошадей, ѣздите мимо чучеловъ и прутьевъ, сначала только касайтесь ихъ, потомъ и рубите, па шагу, на рыси. И къ чучеламъ лошадь, наблюдая ихъ въ манежѣ, уже давно привыкла; привыкла она и къ тому, что всадники дѣлаютъ на ней гимнастику и не только сидя, но даже стоя—она не должна испугаться и движеній рубки—и она не испугается, если, конечно, съ каждымъ движеніемъ рубки всадникъ не будетъ дергать ее лѣвою рукою и тревожить ея ротъ.

Затѣмъ, въ очередные, дни проводите смѣну черезъ препятствія, какъ то описано выше, пропускайте и по одному черезъ одиночные препятствія, вызывая всадниковъ по фамиліямъ, кладите лошадей на землю, стрѣляйте изъ за нихъ. Если вы терпѣливо и систематически работали лошадей первые три мѣсяца, если вы не лѣнились, работая въ рукахъ и на сокращенной рыси, вы выработали мускулатуру лошади и, какъ хорошо подготовленному гимнасту, каждое движеніе дается легко, каждое новое упражненіе онъ исполняетъ быстро и ловко, такъ и ваша лошадь будетъ воспринимать легко каждое новое упражненіе.

Глава XXI.

Пятнадцатая недѣля работы выѣздки. Продолженіе работы четырнадцатой недѣли.

На пятнадцатой недѣлѣ провѣрьте смѣну, что и какъ въ ней идетъ, и на то, что идетъ хуже, обратите особенное вниманіе. Быть можетъ при этомъ вамъ придется съ нѣкоторыми лошадьми работать отдѣльно, нѣкоторыя упражненія повторять по нѣсколько разъ. Это ничего не значить. За четыре мѣсяца работы и всадники развились и стали понимать, что нужно дѣлать для того, или другого движенія лошади и вы можете задавать каждому самостоятельные уроки, лишь наблюдая за правильнымъ ихъ исполненіемъ.

Начните работу, какъ и всегда съ работы въ рукахъ.

Работа на сокращенной рыси должна идти безупречно.

Приниманія въ рукахъ должны быть безошибочны. Но, допустимъ, что нѣкоторыя лошади въ какую либо сторону плохо принимаютъ—усугубите работу этихъ лошадей, именно въ эту сторону. Провѣрьте ихъ на откидываніи зада, умѣютъ ли онѣ перекрепчивать ноги. Можетъ быть, не гнутся въ боку? Тогда въ то время, когда другіе работаютъ по прямому направленію, прикажите этихъ лошадей работать отдѣльно на маломъ вольту, именно въ ту сторону, куда она хуже гнется. Пусть лошадь плохо принимаетъ на лѣво, значить она не умѣетъ гнуться въ лѣвомъ боку—прикажите эту лошадь работать на маломъ вольту на лѣво.

Послѣ работы въ рукахъ, постройте смѣну въ одну шеренгу, безъ интерваловъ, выравняйте ее, рассчитайте на первый и второй и прикажите сѣсть по всѣмъ правиламъ строевого устава, т.-е. первымъ номеромъ вывести лошадей на четыре шага впередъ, сѣсть, отчетливо отбивая приѣмъ. Если нѣкоторыя лошади будутъ шевелиться при этомъ, выдѣлите ихъ и продолжайте приѣмъ «садиться» съ ними отдѣльно, по раздѣленіямъ. Когда всадники сѣли, «справа по одному на двѣ лошади дистанціи». Потомъ рысь, прибавленная рысь и перемѣна направленія изъ угла, все это должно идти совершенно свободно и, полагаю, что тутъ ошибокъ не будетъ. Переходъ съ широкой рыси на короткую, шагомъ и огладить лошадей. Вызывайте всадниковъ по очереди и приказывайте имъ прыгнуть въ одну и въ другую сторону барьера, стоящаго посерединѣ манежа. Провѣрьте правильность и чистоту прыжка. Если увидите закидки, прыжки козломъ, выдѣлите этихъ лошадей и потомъ поработайте на «діагонали». Если лошадь будетъ нести очертя голову на пре-

пятствіе, и всадникъ не будетъ съ ней справляться, пошлите этихъ лошадей на «кльтку» и провѣрьте ихъ на ней.

Послѣ пяти минутъ отдыха, строевая рысь, на ней вольты, перемѣна направленія по три, полувольты, повороты на переду и на заду.

Смотрите внимательно, вонъ той лошади никакъ не даются вольты налѣво, а этой направо. Распустите смѣну врознь и прикажите одну работать на небольшомъ кругу налѣво, другую направо, когда вольты наладятся, огладить ихъ. Не удаются повороты, тоже выдѣлите этихъ лошадей, дайте помощника, помогите сами и въ рукахъ, имѣя всадника на лошади, продѣляйте повороты съ этими лошадьми.

Переведите смѣну съ рыси на прибавленную рысь, потомъ на сокращенную рысь, подберите шенкелями и поводомъ, поставьте на шагъ. Дѣлая эти упражненія, смотрите, какой поводъ у лошадей. Вонъ та—бросаетъ поводъ, удило у нея болтается, ее нужно нагнать на поводъ, нажимайте ее на все болѣе и болѣе сильную рысь и, когда она размахается, сильно высылая ее шенкелями, принимайте мягко на поводъ,—сдасть ходъ, станетъ отдѣлываться отъ повода—гоните ее снова, еще нажмите и поставьте на сокращенную рысь и, только—сдасть поводъ, прибавьте рысь и опять съ тугими шенкелями на сокращенную рысь, и такъ минутъ пять.

Другая, напротивъ, такъ ложится на поводъ, что всадникъ еле можетъ справиться съ нею, начинаетъ задерживать ее. Эту, напротивъ, ставьте на сокращенную рысь, на кругъ и, работая на кругу, то освобождайте поводъ совершенно, то набирайте его, но дѣляйте это очень постепенно и очень мягко.

Эти дефекты въ выѣздкѣ произошли отъ того, что неправильно работали въ рукахъ, мало обращали вниманія на правильную выработку рта у лошади, на мягкость руки. Рука лежала твердо, не смягчая нажима удила на беззубый край. Если лошадь все-таки очень рѣзко ложится на поводъ, нужно ее отдѣльно, подъ другимъ наѣздникомъ, работать въ рукахъ на сокращенной рыси, по прямому направленію.

Давъ оправиться, продолжайте повѣрять лошадей на прыжкѣ.

Затѣмъ движеніе сокращенною рысью и работа на сокращенной рыси на кругу въ одну и въ другую сторону, приниманіе всею смѣною по барьеру въ обѣ стороны, приниманіе черезъ манежъ по головному номеру и, послѣ приниманій, широкая рысь.

Смотрите внимательно, какъ кто принимаетъ, у кого какія ошибки. Тѣхъ, кто правильно принимаетъ—оставьте ѣздить само-

стоятельно, не умѣющихъ же принимать—вызовите отдѣльно, дайте помощника, сами придите на помощь и, работая въ рукахъ подь всадникомъ, научите лошадь тому, чего она не поняла, или чего не усвоила при первоначальной работѣ. Такъ, до мелочей, отдѣльвайте лошадей вашей смѣны.

Потомъ наметъ. Пустите смѣну на дистанціи, намѣтомъ, съ правой ноги. По три номера поворотъ направо. Наблюдайте теперь, всѣ ли лошади идутъ съ правой ноги, не крестятъ ли онѣ ногами, не прибавляютъ ли, или не убавляютъ хода, каковъ поводъ? Подходя къ стѣнкѣ манежа, за три шага прикажите слегка набрать поводъ, сдѣлать такъ называемую полудержку, перевести мягко на рысь и, поворачивая лошадь по стѣнкѣ манежа налѣво, перемѣнить постановленіе, дать лошади глазъ налѣво и, плотно держа лѣвый шенкель у бока лошади, рѣшительнымъ нажатіемъ шенкелей выдвинуть лошадь наметомъ, съ лѣвой ноги, по манежу. Если лошади хорошо выѣзжены, онѣ легко и одновременно сдѣлаютъ этотъ переходъ. Пройдя раза два вокругъ всего манежа наметомъ, съ лѣвой ноги, сдѣлайте такое же движеніе черезъ манежъ по три и заставьте лошадей стать на наметъ съ правой ноги. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя лошади начнутъ сами, подходя къ стѣнкѣ и, не становясь предварительно на рысь, помимо воли всадника, мѣнять ногу въ одинъ темпъ. Многіе радуются этому, но это неправильно. Лошадь ничего не должна дѣлать по своей волѣ, она цѣликомъ должна отдаться волѣ всадника и исполнять все, какъ онъ укажетъ. Если лошадь все-таки будетъ самовольно, подходя къ стѣнкѣ манежа, мѣнять ногу, нужно, дѣлая перемѣну направленія черезъ манежъ, не измѣнять сторону работы, но продолжить работу въ томъ же направленіи. Лошадь увидитъ свою ошибку, перестанетъ волноваться, подходя къ стѣнкѣ, и не будетъ путать ногу.

Въ смѣнѣ могутъ оказаться лошади, которыя упорно не будутъ идти съ какой-нибудь ноги. Это покажетъ, что онѣ мало работаны въ эту сторону, недостаточно развились въ этомъ боку. Выдѣлите этихъ лошадей и прикажите работать отдѣльно на маломъ вольту въ ту сторону, въ которую лошадь плохо гнется. Напримѣръ, ей не дается наметъ съ правой ноги. Поставьте на кругъ направо и работайте на сокращенной рыси направо по пяти минутъ, съ пяти минутными перерывами для отдыха въ теченіе получаса. Потомъ, возьмите кругъ немного шире, и сильнымъ посыломъ, не ослабляя повода, выжимайте на наметъ. Если лошадь пошла правильно, огладьте ее, продержите одинъ, два круга, переведите на шагъ, дайте отдохнуть и снова наметъ. Итакъ два, три раза.

Если лошадь поднялась съ лѣвой ноги, сейчасъ же переведите ее рѣзко на шагъ, накажите ее шенкелями или палочкой, потомъ успокойте и снова нажимайте ногами, чтобы пустить ее въ наметъ. Пошла снова съ лѣвой ноги, опять поставьте ее на шагъ и возобновите ту же работу, и такъ до тѣхъ поръ, пока не пойдетъ съ правой ноги, и вы не добьетесь желаемого. Тогда ослабьте, переведите на шагъ, сдѣлайте еще два-три раза подъемъ въ наметъ съ правой ноги и заканчивайте урокъ.

Очень часто виной въ томъ, что идетъ не съ той ноги, съ какой нужно, бываетъ не ошибкой лошади, а всадника. Въ излишнемъ стараніи пустить лошадь съ требуемой ноги, всадникъ перекашивается корпусомъ въ сторону, затягиваетъ поводъ, крутитъ голову лошади, какъ пристяжкѣ, безтолково бьетъ ее ногами. Отъ такого наѣздника лучше отобрать молодую лошадь: онъ ее ничему доброму не научить.

Послѣ движенія наметомъ, раза два въ недѣлю, ставьте какую-нибудь комбинацію изъ двухъ препятствій—кѣтку, или діагональ на разстояніи для намета, т.-е. 8—9 шаговъ, и пропускайте по одному, или и всею смѣною, разомкнутой на четыре лошади дистанціи черезъ эти препятствія.

Но, повторяю, на пятнадцатой недѣлѣ терпѣливо и кротливо исправьте всѣ ошибки и, такъ сказать, подравняйте свою смѣну.

Глава XXII.

Шестнадцатая недѣля работы. Отдѣлка смѣны.

Шестнадцатая недѣля. Черезъ пять дней постановка лошадей въ строй сотни, грубая работа во взводѣ, въ сотнѣ; лошадь должна быть готова ко всему.

Выводите людей при караульной аммуниціи; 2 раза въ недѣлю съ пиками. И вы и люди ваши знаютъ, что нужно дѣлать, если лошадь не исполняетъ того или другого движенія. Вы научили лошадей читать вашу азбуку воздѣйствія ногами, корпусомъ и руками, вы заставили лошадь прислушиваться къ вашему голосу, покорили ея волю своей волѣ и заставили стараться для васъ. Лошадь подъѣзжена. На шестнадцатой недѣлѣ продѣлывайте на лошадяхъ все то, что отъ нея потребуютъ въ строю. Вотъ она стоитъ въ шеренгѣ. Вызовите ее изъ строя. Она должна выйти покойно, мягко, безъ рѣзкихъ ударовъ ногами, безъ угрозы нагайкой. Почему *должна*? Да потому, что всѣ четыре мѣсяца и въ манежѣ и въ полѣ она ра-

боталась врознь. Смѣну, т.-е. шеренгу она узнала недавно. Въ то же время она твердо усвоила, что отъ нажатія шенкелей нужно всегда идти впередъ. Она выйдетъ легко. Подѣлайте вольты на рыси передъ смѣной. Она должна ихъ дѣлать гладко и спокойно. Она за четыре мѣсяца научилась отъ шенкеля подавать задъ въ сторону, прислушиваться къ шенкелю и она не откинеть зада изъ вольты, разъ только наружный шенкель не позволитъ этого.

Дѣлайте какую угодно манежную ѣзду. Держите пики «въ руку», или «на бедро», дѣлайте боковые круги, колите чучела—лошадь не боится ничего, она вѣрить вамъ и знаетъ васъ. Въ концѣ ѣзды пустите смѣну наметомъ. Когда всѣ лошади установились на наметъ командуйте: «широкимъ наметомъ — маршь!». По командѣ маршь пусть всѣ наѣзники усилятъ нажимъ шенкелей, дадутъ лошадямъ чуть свободнѣе поводъ, отнюдь не бросая его, но лишь опустивши руки книзу, къ шеѣ лошади, подадутъ корпуса впередъ, слегка отдѣливши сѣдалище отъ подушки, и выдвинуть плавно лошадей на широкой наметъ. Съ широкаго намета переведите мягко на короткой. Для этого по командѣ «наметомъ», сильнѣе нажавши обоими шенкелями, чуть поднять руки и сократить этимъ поводъ, поднимая голову лошади. Въ тоже время мягко опуститься въ сѣдло и плотнѣе охватить лешадь ляжками. Когда лошадь мягко станетъ въ наметъ и пойдетъ этимъ аллюромъ спокойно и увѣренно — огладить ее и перевести на шагъ. Тоже движеніе продѣлать и въ другую сторону.

Ни одна лошадь не должна упираться на поводъ, или рѣзко на него ложиться, но всѣ должны, подобравши легко задъ и мягко принявши поводъ, идти совершенно спокойно.

Четырехмѣсячная выѣздка лошади окончена. Конечно, это не та тонкая выѣздка лошади, когда лошадь достигла полного равновѣсія, когда ея мускулы вполне подчинены ея нервной системѣ и она точно и отчетливо исполняетъ каждое движеніе, заданное ей всадникомъ, но, однако....

Она окрѣпла и развилась. Ея мускулы стали твердыми и упругими, вполне послушными вашей волѣ.

Она не разстроилась ногами. У ней нѣтъ, ни наливовъ, ни наклепокъ, сухожилия хорошо отбиты и крупъ налился, дыханье ровное и спокойное. Она поздоровѣла.

Она идетъ куда угодно и тѣмъ аллюромъ, какимъ вы ей укажете. Она даетъ джигитовать на себѣ, не боится выстрѣловъ, рубки, фланкировки, легко прыгаетъ. Ей все ровно—быть въ строю, или выйти изъ строя—все равно, потому что она одинаково много хо-

дила и въ смѣнѣ и врознь. Для простаго казачьяго строя она вполне готова.

Глава XXIII.

З а к л ю ч е н і е.

Когда я заканчивалъ свою статью о выѣздкѣ строевой казачьей лошади, вышелъ приказъ по военному вѣдомству 1913 года, № 188, о состязаніи на первенство строевой лошади. Конечно, и здѣсь наибольшіе шансы на призъ и, слѣдовательно, и на первенство строевой лошади имѣетъ лошадь наиболѣе рѣзвая и сильная, т.-е. та, которая на стицль-чезѣ придетъ первой. Но легко можетъ выйти, что у казачьяго офицера, именно эта лошадь вовсе не попадетъ на третій день состязаній, срѣзавшись, т.-е. получивши болѣе предѣльнаго балла на второмъ днѣ состязаній.

На манежной ѣздѣ требуется—движеніе приниманіемъ на сокращенной рыси вдоль стѣнки манежа, спокойные, увѣренные аллюры, въ томъ числѣ и галопъ и перемѣна ноги на голопѣ. Достигнуть этого безъ правильной, систематичной выѣздки лошади въ манежѣ, безъ выработки ея на кордѣ и въ рукахъ—невозможно.

Неужели обращаться къ наемнымъ берейторамъ, неужели посылать свою лошадь въ ближайшій регулярный полкъ на выѣздку, неужели природному коннику расписаться въ собственномъ невежествѣ въ дѣлѣ примитивной выѣздки лошади?

Если примѣнить точно и систематично въ зимніе мѣсяцы къ своей кровной лошади все вышеописанное, она успѣшно выдержитъ экзаменъ манежной ѣзды, я не говорю уже про то, что на ученьяхъ, въ полѣ и на маневрахъ она будетъ радовать своего хозяина.

Отъ казачьей лошади потребованъ теперь полевой *concourse*. Я не скажу, чтобы препятствія этого полевого *concourse*'а были особенно трудны и головоломны, но онѣ требуютъ отъ лошади смѣлости и *умнья прыгать*. Вотъ, научить лошадь спокойно и увѣренно прыгать и разбираться въ препятствіяхъ, и можно только соотвѣтственно выѣздивши ее. Не напрыгивать ее въ шпрингъ-гартенѣ, не пускать ее подъ отчаяннымъ джигитомъ на проломъ: «возьмешь ландо, а не возьмешь—чортъ съ ней, но научишь ее прыжку!». Тотъ способъ, который я предлагаю здѣсь, испытанъ на самой неблагодарной породѣ, на лошади киргузской, мало достойной и названія лошади, и далъ отличные результаты.

Наконецъ, лѣтомъ 1913 года, нѣкоторыми членами Государ-

боталась врознь. Смѣну, т.-е. шеренгу она узнала недавно. Въ то же время она твердо усвоила, что отъ нажатія шенкелей нужно всегда идти впередъ. Она выйдетъ легко. Подѣляйте вольты на рыси передъ смѣной. Она должна ихъ дѣлать гладко и спокойно. Она за четыре мѣсяца научилась отъ шенкеля подавать задъ въ сторону, прислушиваться къ шенкелю и она не откинетъ зада изъ вольта, разъ только наружный шенкель не позволитъ этого.

Дѣляйте какую угодно манежную ѣзду. Держите пики «въ руку», или «на бедро», дѣляйте боковые круги, колите чучела—лошадь не боится ничего, она вѣрится вамъ и знаетъ васъ. Въ концѣ ѣзды пустите смѣну наметомъ. Когда всѣ лошади установились на наметъ командуйте: «широкимъ наметомъ — маршь!». По командѣ маршь пусть всѣ наѣзники усилятъ нажимъ шенкелей, дадутъ лошадямъ чуть свободнѣе поводъ, отнюдь не бросая его, но лишь опустивши руки книзу, къ шеѣ лошади, подадутъ корпуса впередъ, слегка отдѣливши сѣдалище отъ подушки, и выдвинуть плавно лошадей на широкій наметъ. Съ широкаго намета переведите мягко на короткій. Для этого по командѣ «наметомъ», сильнѣе нажавши обоими шенкелями, чуть поднять руки и сократить этимъ поводъ, поднимая голову лошади. Въ тоже время мягко опуститься въ сѣдло и плотнѣе охватить лешадь ляжками. Когда лошадь мягко станетъ въ наметъ и пойдетъ этимъ аллюромъ спокойно и увѣренно — огладить ее и перевести на шагъ. Тоже движеніе продѣлать и въ другую сторону.

Ни одна лошадь не должна упираться на поводъ, или рѣзко на него ложиться, но всѣ должны, подобравши легко задъ и мягко принявши поводъ, идти совершенно спокойно.

Четырехмѣсячная выѣздка лошади окончена. Конечно, это не та тонкая выѣздка лошади, когда лошадь достигла полнаго равновѣсія, когда ея мускулы вполне подчинены ея нервной системѣ и она точно и отчетливо исполняетъ каждое движеніе, заданное ей всадникомъ, но, однако....

Она окрѣпла и развилась. Ея мускулы стали твердыми и упругими, вполне послушными вашей волѣ.

Она не разстроилась ногами. У ней нѣтъ, ни наливовъ, ни наклепокъ, сухожилія хорошо отбиты и крупъ налился, дыханье ровное и спокойное. Она поздоровѣла.

Она идетъ куда угодно и тѣмъ аллюромъ, какимъ вы ей укажете. Она даетъ джигитовать на себѣ, не боится выстрѣловъ, рубки, фланкировки, легко прыгаетъ. Ей все ровно—быть въ строю, или выйти изъ строя—все равно, потому что она одинаково много хо-

дила и въ смѣнѣ и врознь. Для простаго казачьяго строя она вполне готова.

Глава XXIII.

З а в л ю ч е н і е.

Когда я заканчивалъ свою статью о выѣздкѣ строевой казачьей лошади, вышелъ приказъ по военному вѣдомству 1913 года, № 188, о состязаніи на первенство строевой лошади. Конечно, и здѣсь наибольшіе шансы на призъ и, слѣдовательно, и на первенство строевой лошади имѣетъ лошадь наиболѣе рѣзвая и сильная, т.-е. та, которая на стипль-чезѣ придетъ первой. Но легко можетъ выйти, что у казачьяго офицера, именно эта лошадь вовсе не попадетъ на третій день состязаній, срѣзавшись, т.-е. получивши болѣе предѣльнаго балла на второмъ днѣ состязаній.

На манежной ѣздѣ требуется—движеніе приниманіемъ на сокращенной рыси вдоль стѣнки манежа, спокойные, увѣренные аллюры, въ томъ числѣ и галопъ и перемѣна ноги на голопѣ. Достигнуть этого безъ правильной, систематичной выѣздки лошади въ манежѣ, безъ выработки ея на кордѣ и въ рукахъ—невозможно.

Неужели обращаться къ наемнымъ берейторамъ, неужели посылать свою лошадь въ ближайшій регулярный полкъ на выѣздку, неужели природному коннику расписаться въ собственномъ невѣжествѣ въ дѣлѣ примитивной выѣздки лошади?

Если примѣнить точно и систематично въ зимніе мѣсяцы къ своей кровной лошади все вышеописанное, она успѣшно выдержитъ экзамень манежной ѣзды, я не говорю уже про то, что на ученьяхъ, въ полѣ и на маневрахъ она будетъ радовать своего хозяина.

Отъ казачьей лошади потребованъ теперь полевой *сенсаус*. Я не скажу, чтобы препятствія этого полевого *сенсаус*'а были особенно трудны и головоломны, но онѣ требуютъ отъ лошади смѣлости и *ульня прыать*. Вотъ, научить лошадь спокойно и увѣренно прыгать и разбираться въ препятствіяхъ, и можно только соотвѣтственно выѣздивши ее. Не напрыгивать ее въ шпрингъ-гартенѣ, не пускать ее подъ отчаяннымъ джигитомъ на проломъ: «возьмешь ландо, а не возьмешь—чортъ съ ней, но научишь ее прыжку!». Тотъ способъ, который я предлагаю здѣсь, испытанъ на самой благодарной породѣ, на лошади киргузской, мало достойной и названія лошади, и далъ отличные результаты.

Наконецъ, лѣтомъ 1913 года, нѣкоторыми членами Государ-

ственной Думы возбужденъ вопросъ о снабженіи казаковъ войсковыми, т.-е. по существу, казенными лошадьми. Какъ одинъ изъ мотивовъ, выденныхъ въ защиту этой реформы, указанъ, что въ настоящее время молодому казаку, приводящему съ собою молодую лошадь, часто неучка, приходится ее выѣзживать; въ результатъ всѣ казаки сидятъ на невыѣзженныхъ, никуда не годныхъ, задержанныхъ лошадяхъ.

Причина этого грустнаго явленія не только въ томъ, что молодые казаки принуждены сами выѣзживать своихъ молодыхъ лошадей, сколько въ отсутствіи какой бы то ни было системы выѣздки, въ полномъ въ этомъ отношеніи невѣжествѣ казачьихъ офицеровъ, которые въ училищѣ не только никогда сами ни выѣзживали лошадей, но часто даже не видали, какъ это дѣлается другими людьми.

Я далеко не считаю написанное лучшимъ руководствомъ, но то, что написано здѣсь—провѣрено трехлѣтнимъ опытомъ съ офицерами въ Офицерской кавалерійской школѣ и двухлѣтнимъ опытомъ въ казачьемъ полку, съ конскимъ составомъ, едва ли не худшемъ во всей нашей казачьей конницѣ, по сорту лошадей, и—тутъ и тамъ дало отличные результаты.

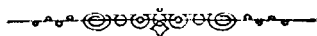
Лишь желаніе придти на помощь горячо любимому мною казачеству, заставило меня приняться за этотъ трудъ, попытаться письменно изложить тѣ практическіе приемы, при помощи которыхъ я въ четыре мѣсяца дѣлалъ изъ дикаго неучка прилично ходящую въ строю, смѣлую, гибкую, совкую, отлично напрыганную лошадь.

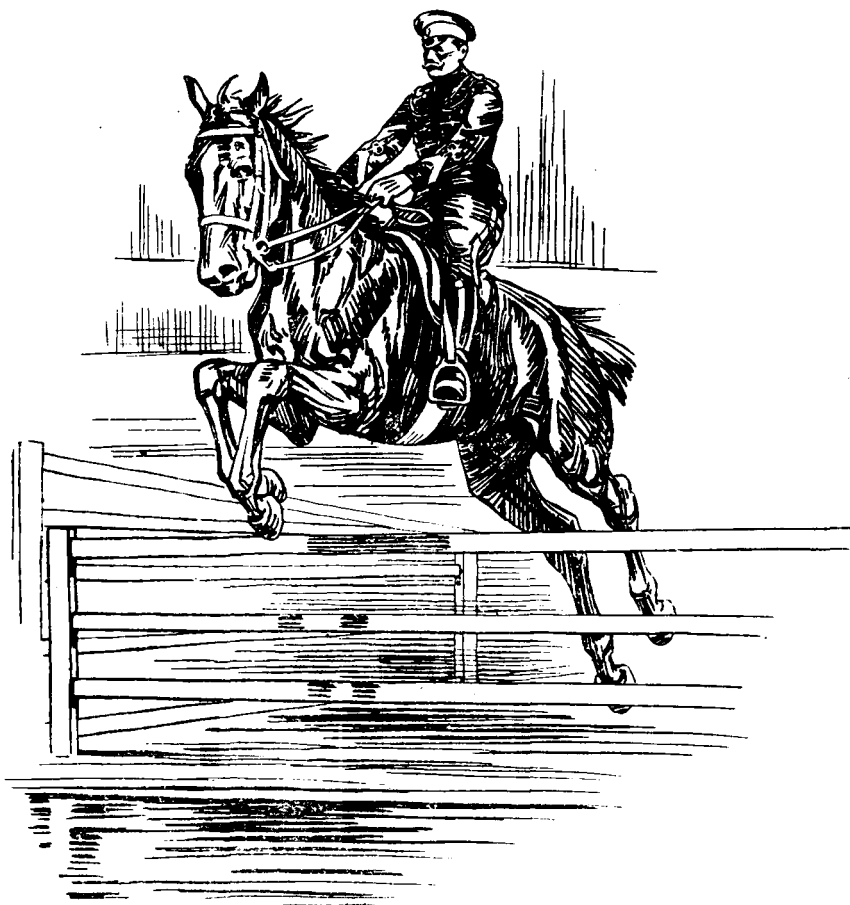
Если предложить другую систему, спорить не буду, но останусь при своей, потому что такое дѣло, какъ выѣздка лошади, требуетъ непременно работы *личной надъ нѣсколькими лошадьми*, провѣрки системы на живомъ матерьялѣ и непременно *лично*, а года мои врядъ ли позволятъ мнѣ заняться этимъ лично и со многими лошадьми.

Для тѣхъ, кто пожелалъ бы воспользоваться указаніями, данными въ этой статьѣ и кто никогда не видалъ правильной выѣздки лошади и не ѣздилъ на таковой, я совѣтую, прежде чѣмъ приступить къ этой тонкой и деликатной работѣ, побывать на выѣздкѣ въ ближайшемъ регулярномъ полку и попросить дать поѣздить хотя полчаса въ манежѣ на отлично выѣзженной и уравновѣшенной лошади.

Чтобы понять многое, нужно не только видѣть это, но и испытать на самомъ себѣ.

П. Красновъ.

Ф. Бергарди
14.

Торъ-ди-Квинто и верховая ѣзда въ итальянской арміи ¹⁾.

(Съ нѣмецкаго).

До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать тройственный союзъ и напряженность нынѣшняго политическаго состоянія Европы, не исключена возможность—несмотря на всеобщее, по крайней мѣрѣ, официальное миролюбіе—что германскіе и австрійскіе кавалеристы

¹⁾ Исключительное вниманіе, которымъ вполнѣ заслуженно пользуются труды германскаго кавалерійскаго генерала *ф. Бергарди*, заставляютъ предложить читателямъ дословный переводъ недавно (апрѣльская книжка, 1914 г.) появившейся въ *Kavalleristische Monatshefte* статьи «Tor-di-Quinto und die Reiterei in der italienischen Armee», трактующей объ итальянской школѣ ѣзды, созданной нынѣ уже умершимъ капитаномъ *Каприли*.

выйдутъ въ поле плечо къ плечу съ итальянскими, для совмѣстныхъ боевыхъ успѣховъ. Уже исходя изъ этого, для насъ представляетъ интересъ познакомиться со школою ѣзды и тактическими свойствами итальянской кавалеріи, о которой въ общемъ извѣстно немного.

При этомъ, съ точки зрѣнія спеціальнаго кавалерійскаго обученія, чрезвычайно интересно узнать методы, примѣняемые конницей нашего юнаго союзника. Потому что умѣніе ѣздить лежитъ въ основѣ всѣхъ тактическихъ примѣненій кавалеріи, и именно въ Италіи введенная недавно подготовка ѣзды даетъ намъ чрезвычайно много поучительнаго и, не могу не сказать, достойнаго подражанія; приносимая ею польза прямо таки изумительна.

Итальянскій методъ обязанъ появленіемъ ротмистру Каприлли, генію верховой ѣзды, сумѣвшему, несмотря на молодость и небольшой чинъ, заставить считаться со своими воззрѣніями. Каприлли былъ руководителемъ въ кавалерійской школѣ, изучилъ въ Сомюрѣ приемы французской ѣзды и выступилъ на защиту своихъ своихъ идей въ литературѣ. Въ настоящее время онъ офиціально признанъ творцемъ и пионеромъ итальянскаго метода ѣзды, и еще недавно генераль-инспекторъ кавалеріи, герцогъ Туринскій, при посѣщеніи офицерской кавалерійской школы Торъ-ди-Квинто, указалъ молодымъ офицерамъ на поданный Каприлли примѣръ. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть прервала плодотворную дѣятельность этого человѣка. Онъ былъ сраженъ ударомъ при испытаніи одной изъ лошадей около Турина. Память о немъ высоко чтится въ Италіи, и его духъ продолжаетъ жить среди итальянскихъ кавалеристовъ. Достигнутое имъ вліяніе вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ живую способность итальянской арміи къ саморазвитію и одушевляющія ее антибюрократическія стремленія.

Спрашивается, мыслимо ли, напримѣръ, у насъ въ Германіи, чтобы простой ротмистръ—будь онъ хотя бы геніемъ, благословеннымъ Богомъ—могъ бы рассчитывать на подобное къ себѣ отношеніе? Я считаю это почти невозможнымъ. Критика дѣйствующихъ уставовъ вѣроятнѣе всего была бы ему поставлена на видъ, какъ нетактичность, а на его практическіе труды не обратили бы никакого вниманія. Во всякомъ случаѣ, съ нимъ стали бы считаться лишь по достиженіи имъ весьма высока положенія. Конечно, и эта система имѣетъ свои выгоды, но иногда она можетъ отчаянно долго задерживать движеніе впередъ. Стоитъ только подумать, какъ, напримѣръ, прошло безконечно много времени, пока прекратила

свое дѣйствіе и была замѣнена наша старая и совершенно уже неприемлимая инструкція (Reitinstruktion), хотя она давнымъ давно превратилась въ мертвую букву и была соблюдаема лишь внѣшне. Очередныя испытанія предлагаемыхъ новинокъ въ экспертныхъ комиссіяхъ (Vachverständigenkommissionen), какъ это у насъ проектируется, даютъ, конечно, нѣкоторую гарантію отъ опрометчивыхъ рѣшеній и дѣлаютъ многое изъ испытуемаго пригоднымъ для службы; но ихъ неоспоримый недостатокъ заключается въ довольно частыхъ компромиссахъ между противоположными взглядами, отчего самое дѣло проигрываетъ. Во многихъ нашихъ германскихъ уставахъ можно найти отголоски подобныхъ компромисовъ. Итальянцы это обстоятельство поняли, по крайней мѣрѣ, для кавалерійскихъ вопросовъ, и не стѣняясь приняли и ввели во всей своей конницѣ систему, признанную ими хорошей и цѣлесообразной, хотя она была предложена всего только ротмистромъ, который въ тогдашнемъ генераль-инспекторѣ кавалеріи, генералѣ *Берта*, встрѣтилъ, правда, сочувственнаго защитника своихъ идей.

Во всякомъ случаѣ, достигнутыми результатами въ Италіи очень довольны. Всѣ итальянскіе кавалеристы сходятся въ убѣжденіи, что въ данное время ихъ конница сдѣлала чрезвычайно большіе успѣхи, несмотря на значительныя помѣхи, создающіяся двухлѣтнимъ срокомъ службы.

Въ мои намѣренія сейчасъ не входитъ обсудить научно систему Каприлли или дать описаніе обученія ѣздѣ въ итальянской кавалеріи. Для этого у меня нѣтъ ни времени, ни возможности. Тѣмъ не менѣе я неоднократно бывалъ въ офицерской кавалерійской школѣ Торь-ди-Квинто около Рима и наблюдалъ работу этой школы подъ руководствомъ ея гостепріимнаго начальника, подполковника графа Соляро-дель-Борго. Послѣдній не разъ ориентировалъ меня въ вопросахъ, касавшихся итальянской конницы. Кромѣ того, я получался отъ многихъ итальянскихъ кавалерійскихъ офицеровъ, а также отъ германскихъ, знакомыхъ съ итальянской арміей. Лишь такимъ образомъ добытыя свѣдѣнія я хочу здѣсь привести; надѣюсь, что они будутъ способствовать серьезному изученію затронутой темы и дадутъ кое-какія практическія указанія.

Каприлли исходилъ не изъ манежной выѣздки для полевой ѣзды, но обратно: смотря на полевую ѣзду, какъ на конечную цѣль, приспособлялъ къ ея требованіямъ подготовку лошади. Только въ послѣдніе годы своей жизни занялся онъ также и манежной выѣздки-

кой. Поэтому на полевой ѣздѣ сосредоточивается все обученіе, какъ людей, такъ и лошадей.

Юный ротмистръ на собственномъ опытѣ въ полѣ убѣдился, что почти всегда лошадь будетъ повиноваться волѣ всадника, если ей оставить естественную постановку, при которой спина, по возможности, менѣе обременена, чтобы быть въ неизмѣнномъ состояніи безпрепятственно пружиниться и подниматься, и когда голова съ шеей получаютъ свободу настолько, насколько къ этому стремится сама лошадь.

Указанными основными положеніями опредѣляется посадка и управленіе всадника.

Стремена укорачиваются соответствующимъ образомъ, чтобы голень, коленно и часть бедра были бы неподвижны. На галопѣ всадникъ слегка наклоняется впередъ, какъ бы становясь на стремяна плотно прилегающими шенкелями, передавая тяжесть своего тѣла непосредственно за холку и освобождая всю спину цѣликомъ. Таковую посадку слѣдуетъ сохранять также при прыжкахъ внизъ и, въ особенности, при спускахъ. Въ основѣ здѣсь лежитъ, по моему, правильный взглядъ, что отваливаніе назадъ верхней части корпуса при спускахъ никоимъ образомъ не можетъ облегчить переда лошади; вѣсь проявляетъ себя всегда въ вертикальномъ направленіи, такъ что при спускахъ съ отваленнымъ назадъ корпусомъ онъ будетъ дѣйствовать безъ облегченія на передъ лошади; но за то крѣпкая посадка въ сѣдло затруднитъ свободную игру спинныхъ мускуловъ лошади. Чѣмъ менѣе связанъ ея задъ, тѣмъ свободнѣе онъ будетъ перемѣщаться и поддерживать общую тяжесть лошади.

При полевой ѣздѣ слѣдуетъ настолько свободно отпускать поводъ, насколько этого потребууетъ лошадь. Последняя, если бы пожелала, должна имѣть возможность вытягивать шею и голову, чтобы, разсмотрѣвъ препятствіе и лежаще за нимъ мѣсто, рассчитать сообразно этому свой прыжокъ. Всадникъ обязанъ лишь сохранять легкое чувство повода, чтобы въ случаѣ необходимости помочь лошади. Однако, строго воспрещается при самомъ прыжкѣ дѣйствовать какъ-нибудь поводомъ на лошадь.

Лошади тщательно напрыгиваются по указанному способу, начиная съ самыхъ незначительныхъ препятствій и постепенно переходя къ болѣе серьезнымъ, причемъ самое главное заключается въ томъ, чтобы никогда не причинять лошади боли, ни ея рту, ни спинѣ, и чтобы она спокойно и съ полнымъ довѣріемъ шла на препятствія. Посадка и управленіе поводомъ играютъ при этомъ вели-

чайшую роль, такъ какъ именно системастическое исполненіе указанныхъ правилъ предохраняетъ лошадь отъ тѣхъ болѣзненныхъ ощущеній, которыя ей могутъ быть причинены поводомъ во рту и въ затылкѣ и въсомъ всадника въ спинѣ. Такимъ образомъ предоставляютъ лошади беречь самую себя. Въмѣстѣ съ тѣмъ при напрыгиваніи никогда не надо примѣнять насиліе. Если лошадь упрямится, ее слѣдуетъ приманивать черезъ препятствіе на кормъ; если она этому приему не поддается, то ее надо лишить корма до тѣхъ поръ, пока она не пойдетъ на прыжки. Такимъ способомъ можно восторжествовать надъ любой лошадыо, и прямо удивительно, какіе при этомъ получаютъ результаты.

Всѣ молодые офицеры конницы послѣ окончанія военнаго училища и производства отправляются прежде всего въ Пиньерольскую школу ѣзды недалеко отъ Турина. Въ большинствѣ случаевъ они приводятъ съ собою лишь взятую изъ войсковой части казенно-офицерскую лошадь, которую они—упомянемъ мимоходомъ—по истеченіи двухъ лѣтъ имѣютъ право купить или оставить у себя для дальнѣйшаго пользованія. Собственную лошадь молодой офицеръ можетъ самъ себѣ приготовить при прохожденіи курса школы ѣзды. Для этой цѣли правительство покупаетъ и постоянно содержитъ на выборъ нѣкоторое число подходящихъ лошадей. При покупкѣ офицеръ обыкновенно вноситъ 2.000 франковъ; если же выбранная лошадь стоитъ дороже, то излишекъ покрывается постепенно вычетами изъ содержанія.

При прохожденіи школы ѣзды, которую можетъ быть правильнѣе слѣдовало бы назвать кавалерійской школой, офицеры, независимо отъ курса ѣзды, знакомятся съ расширенной по сравненію съ военнымъ училищемъ программой тактики, топографіи, полевой фортификаціи, полевого телеграфа, оружія и стрѣльбы. Всѣ эти отрасли службы проходятся по возможности практически подъ руководствомъ особыхъ инструкторовъ. Ежедневно производятся поѣздки съ тактической цѣлью.

На время всего курса къ школѣ прикомандировывается эскадронъ кавалеріи для выполненія необходимыхъ нарядовъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ курса, продолжающагося въ общемъ девять мѣсяцевъ, прибавляется еще второй эскадронъ для строевыхъ упражненій молодыхъ офицеровъ на роляхъ фланговыхъ унтеръ-офицеровъ и взводныхъ командировъ. Курсъ заканчивается экзаменомъ, и тогда молодые офицеры послѣ короткаго пребыванія въ своихъ полкахъ отправляются во вторую кавале-

рійскую школу, въ Торь-ди-Квинто около Рима для прохожденія трехмѣсячнаго курса полевой ѣзды, который опять-таки заканчивается экзаменомъ. Среднїе выводы испытаній военнаго училища, Пиньероля и Торь-ди-Квинто опредѣляютъ окончательное старшинство офицеровъ для производства въ оберъ-лейтенанты.

Насколько изученіе ѣзды является спеціальностью Пиньероля, настолько же въ Торь-ди-Квинто налегаютъ на полевую ѣзду. Для этого школа имѣетъ въ своемъ распоряженіи въ общемъ около 600 постоянныхъ лошадей, считая вмѣстѣ съ ремонтомъ и лошадьми, назначенными для командированныхъ въ школу унтеръ-офицеровъ. Помимо офицеровъ, отъ каждаго кавалерійскаго полка командирруется по одному унтеръ-офицеру, и кромѣ того нѣсколько карабинеровъ (жандармовъ). Эти люди назначаются, между прочимъ, также и для подѣзживанія купленныхъ государствомъ офицерскихъ лошадей до перехода послѣднихъ во владѣніе офицеровъ.

Между офицерскими лошадьми постояннаго состава, изъ которыхъ около 150 передаются въ Торь-ди-Квинто, состоитъ съ сотню чистокровныхъ, на что я обращаю вниманіе, какъ на особое преимущество.

Командированные офицеры, кромѣ постоянныхъ лошадей старшаго срока, ѣздятъ на школьномъ ремонтѣ, своихъ казенноофицерскихъ и собственныхъ лошадяхъ, такъ что въ среднемъ каждому выпадаетъ по четыре лошади.

По нашимъ нѣмецкимъ понятіямъ подготавливаются лишь собственные и чистокровныя лошади, которыя отдѣлены въ особыхъ смѣнахъ. Эти лошади обрабатываются въ затылкѣ, упражняются также въ боковыхъ движеніяхъ и сокращенныхъ аллюрахъ. Остальныя же лошади совершенно не работаются въ затылкѣ, приучаясь только къ шенкелямъ и къ естественнымъ аллюрамъ, но за то очень много наѣзживаются на препятствіяхъ и въ полѣ. Казенноофицерскія лошади, оказавшіяся при этомъ безуспѣшными, обмѣниваются.

Въ Торь-ди-Квинто находятся, какъ было уже упомянуто, около 150 постоянныхъ лошадей, кромѣ которыхъ офицеры работаютъ своихъ собственныхъ и казенноофицерскихъ. Почти цѣлый день они не слѣзаютъ съ сѣдла. Смотря по числу офицеровъ, на каждаго еженедѣльно приходится отъ двухъ до четырехъ парфорсныхъ охотъ, для чего имѣются въ распоряженіи постоянныя лошади школы, казенноофицерскія и собственные. На охотахъ смѣны ведутся обучающими ихъ инструкторами.

Главная цѣль курса въ Торъ-ди-Квинто—это сдѣлать изъ молодыхъ офицеровъ неустрашимыхъ наѣзтниковъ и довести ихъ до совершенства въ полевой ѣздѣ. И для этого всѣ данныя на лицо.

Торъ-ди-Квинто расположено внѣ черты Рима на нѣсколько километровъ, за мостомъ Мильвіо и на границѣ Кампаньи, являющейся идеаломъ для парфорсныхъ охотъ.

Сама школа находится на возвышенности, окаймленной крутыми покатостями и оврагами. У ея подошвы простирается обширный ипподромъ съ самыми разнообразными препятствіями, какія только встрѣчаются въ Кампаньи, глухими стѣнками, бревенчатыми барьерами, солидными ирландскими банкетами со рвами впереди и позади, уступными валами, крутыми подъемами съ вѣнчающими ихъ стѣнками, стѣнками на столь же крутыхъ спускахъ и многими другими: во всякомъ случаѣ лишь такими солидными препятствіями, которыя у насъ несомнѣнно считались бы непреодолимыми. Самыя серьезныя препятствія устроены на плацу школы и его отлогостяхъ. Я хочу указать лишь на нѣкоторыя препятствія, чтобы показать, чего здѣсь достигаютъ.

Глухой бревенчатый барьеръ, высотой въ 1,3 метра, устроенный на верхнемъ краю крутого спуска, такъ что лошадь, прыгая внизъ, должна сдѣлать прыжокъ въ общемъ около 2 метровъ.

Пятиметровый, почти совершенно отвѣсный обрывъ, наверху котораго и, отступя отъ края всего на 2 метра, укрѣпленъ глухой бревенчатый барьеръ, высотой въ 1,1 метра. Лошадь должна настолько круто закончить свой прыжокъ, чтобы попасть какъ разъ на узкую двухметровую полоску земли между барьеромъ и обрывомъ. Если лошадь прыгнетъ излишне отлого, то она неминуемо опрокинется въ обрывъ, что по временамъ и бываетъ. Самый спускъ внизъ лошадямъ приходится дѣлать, соскальзывая на всѣхъ четырехъ копытахъ.

Очень крутая, покрытая дерномъ покатость, высотой по меньшей мѣрѣ въ 30 метровъ, по которой спускаются внизъ на широкомъ галопѣ.

Однометровая стѣнка на самомъ верху круто падающей въ обѣ стороны горки, вслѣдствіе чего лошадь послѣ прыжка попадаетъ на уклонъ за препятствіемъ.

Это описаніе даетъ понятіе о преодолѣваемыхъ здѣсь препятствіяхъ. Самое же замѣчательное, что они берутся съ величайшимъ спокойствіемъ и увѣренностью не только лошадьми постоянного состава, но также и казенноофицерскими лошадьми, приобретае-

мыми по большей части въ самой Италиі: это небольшія кряжистыя сардинскія и мареммскія лошади, а также англоарабы, по одному виду которыхъ никогда нельзя было ихъ считать способными дать подобные результаты. Эти лошади частью лишь немного или даже совсѣмъ ненапрыганы въ Торь-ди-Квинто, гдѣ онѣ сначала пробуются на легчайшихъ препятствіяхъ, но подъ конецъ легко продѣлываютъ самыя тяжелыя, и при этомъ на свободномъ поводѣ.

На охотахъ идутъ за псовой стаей, иногда за лисицами, иногда за дикими козами. Послѣднихъ получаютъ изъ королевскихъ изгородей. Лисицы мѣстнаго происхожденія—здѣсь онѣ водятся въ небольшомъ количествѣ. Препятствія состоятъ большею частью изъ стѣнокъ и глухихъ бревенчатыхъ барьеровъ; рвы рѣдки.

На заключительномъ экзаменѣ собственныя лошади пробуются на препятствіяхъ также и при вынужденіи оружія, чтобы показать, что онѣ приготовлены не только для охоты, но и для строя.

Законченный курсъ дополняется любительскимъ состязаніемъ офицеровъ на призы, длѣющимся трое сутокъ, понятно на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, и происходящимъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Торь-ди-Квинто. Въ первый день совершается 60-ти-километровый пробѣгъ въ пять часовъ времени, а на второй день отмахиваютъ въ одинъ часъ 25 километровъ по мѣстности черезъ препятствія. На третій день—галопъ въ 3.000 метровъ черезъ всѣ препятствія иподрома въ Торь-ди-Квинто. Офицерамъ возмѣщаются всѣ расходы.

Наконецъ, передъ производствомъ въ чинъ ротмистра каждый оберъ-лейтенантъ долженъ еще разъ отправиться на 3 мѣсяца въ Пингероль, чтобы доказать, что его наѣздническія достоинства не понизились.

И при всѣхъ упражненіяхъ неизмѣнно подчеркивается, что всякая ѣзда составляетъ лишь средство, облегчающее выполненіе высокыхъ *военныхъ* задачъ, которыя для офицера должны всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ стоять на первомъ планѣ.

Я могу выразить лишь свое глубочайшее изумленіе по поводу тѣхъ упражненій, которыя я видѣлъ въ Торь-ди-Квинто: было бы крайне желательно, чтобы германскіе кавалеристы, въ особенности занимающіе высокое положеніе, при посѣщеніяхъ Рима не забывали бы заглядывать въ Торь-ди-Квинто. Они вынесли бы оттуда много цѣннаго.

Подготовка итальянскаго кавалерійскаго офицера также кажется мнѣ отличной и была бы безукоризненной, если бы соотвѣт-

ствующимъ образомъ присоединить еще изученіе, стратегическое изслѣдованія современныхъ операций, на что я много лѣтъ—къ сожалѣнію безъ успѣха—указываю и по отношенію къ германской кавалеріи.

При подготовкѣ строевыхъ частей придерживаются тѣхъ же основаній, какъ и при подготовкѣ офицеровъ, естественно принимая во вниманіе лишь двухлѣтній срокъ службы людей и сообразовывая при полевой ѣздѣ препятствія съ силами лошадей.

Ремонтируются лошади большею частью изъ Италіи и, главнымъ образомъ, изъ Венгріи. Меньшая часть ремонта пріобрѣтается въ Ирландіи. Большинство лошадей, особенно купленныхъ за границей, поступаютъ сначала въ ремонтныя депо, гдѣ пріучаются къ сѣдлу и всаднику. Но много лошадей направляются и непосредственно въ войска. Въ депо ремонтъ постепенно подѣзживается унтеръ-офицерами и лучшими людьми второго года службы. Лошадей не работаютъ въ затылкѣ, но пріучаютъ къ взнуздыванію, шенкелямъ и оружію. Съ самаго начала лошадьми занимаются въ полѣ, заставляя переходить безъ прыжковъ и шагомъ во всѣхъ направленіяхъ черезъ поставленные низкіе барьеры. Начать прыгать лошади должны лишь тогда, когда необходимость прыжка будетъ дѣйствительно вызываться высотой препятствія. При этомъ прилагаются всѣ старанія, чтобы сдѣлать лошадь спокойной и пріучить повиноваться въ одиночку волѣ всадника. Даже во время уборки, если это является возможнымъ, лошадей ставятъ на казарменномъ дворѣ не рядомъ одна подлѣ другой, а въ одиночку и вразбродъ, чтобы отучить ихъ держаться одна за другой. Чтобы онѣ не разбѣгались, имъ подкладываютъ сѣно. Послѣ годовой подготовки лошади направляются въ войсковыя части.

Вслѣдствіе короткаго срока службы, рекруты садятся сразу въ сѣдло со стременами и, съ необходимыми отличіями, подготавливаются такъ же, какъ и офицеры. Существенными требованіями являются легкость повода и освожденіе крупа. Кладется много труда на дѣйствіе оружіемъ на лошади по стоящимъ въ безпорядкѣ чучеламъ. Подготовка рекрутовъ длится шесть мѣсяцевъ. Отъ одного до полутора мѣсяцевъ идетъ ѣзда въ составѣ эскадроновъ. Послѣ чего, если полки стоятъ вмѣстѣ въ одномъ гарнизонѣ, слѣдуютъ полковныя ученія. Но этого не дѣлаютъ раздѣльно расположенные полки.

Ежегодно нѣсколько четырехполковыхъ дивизій собираются для болѣе значительныхъ кавалерійскихъ маневровъ, на которыхъ

упражняются сначала въ составѣ полковъ, потомъ бригадъ и, наконецъ, дивизій. Зачастую полки впервые оказываются въ полномъ составѣ на этихъ сборахъ. Послѣдніе большею частью происходятъ на берегахъ р. Тичино, гдѣ простираются обширныя и удобныя для подобныхъ маневровъ равнины.

Самъ я этихъ упражненій не видалъ, но много слыхалъ про нихъ. Врядъ ли допустимо, чтобы при существующихъ условіяхъ, короткомъ срокѣ службы и невысокой степени манежной подготовки лошадей, были достигнуты такая сомкнутость и способность къ маневрированію, какъ это на лицо у германской кавалеріи. Однако, въ послѣднее время въ отношеніи спокойствія и сомкнутости при движеніяхъ должны быть повидимому достигнуты замѣтные успѣхи. Съ другой стороны именно итальянскія лошади, какъ мнѣ говорилъ подполковникъ графъ Соляро, способны къ совершенствованію и очень выносливы, даже при недостаткѣ въ кормѣ и плохой водѣ. Въ Ливійскомъ походѣ графъ командовалъ двумя эскадронами, во главѣ которыхъ принялъ участіе въ пяти бояхъ и очень остался доволенъ своими лошадьми. Къ сожалѣнію ему не пришлось атаковать, такъ какъ противникъ никогда не принималъ атаки. Поэтому всегда приходилось вести стрѣлковый бой.

На обученіе развѣздовъ очень налегаютъ и достигли повидимому хорошихъ результатовъ. Отдѣльные гарнизоны, раздѣленные значительными разстояніями, упражняются во взаимномъ развѣдываніи. Ежегодно происходятъ состязанія развѣздовъ, высылаемыхъ по одному отъ полковъ послѣ конкурса между всѣми эскадронами. И это состязаніе организуется также около Рима. Составъ развѣзда: 1 офицеръ, 1 унтеръ-офицеръ и 3 рядовыхъ. Развѣзды выпускаются въ походномъ снаряженіи изъ пунктовъ, одинаково удаленныхъ отъ Рима, и должны въ 3 дня пройти около 200 километровъ. Заботы о ночлегахъ и продовольствіи лежатъ на попеченіи самихъ развѣздовъ. На слѣдующій день по прибытіи они должны сдѣлать галопъ на мѣстности отъ 4 до 8 километровъ, послѣ чего дается отдыхъ въ 1-2 дня и, наконецъ, въ заключеніе производится галопъ отъ 2.000 до 2.500 метровъ черезъ препятствія шодрома Торъ-ди-Квинто.

Такъ цѣлесообразно ведутъ свою боевую подготовку войсковыя части, настойчиво стремясь ее усовершенствовать. Двухлѣтній срокъ службы, конечно, разсматривается всѣми кавалеристами, какъ сильный тормазъ, которому стараются противодействовать методически и всячески. Однако, требованія тактической подго-

товки и ѣзды отъ войсковыхъ частей все же должны сообразоваться со срокомъ службы. При существующихъ условіяхъ приходится отказаться отъ идеальныхъ результатовъ. Сверхъ того, мнѣнія раздѣляются: цѣлесообразенъ ли способъ взнудыванія? Мундштукъ замѣненъ палямомъ.

Меня беретъ сомнѣніе, будутъ ли подготовленныя описаннымъ образомъ лошади достаточно поворотливыми въ рукопашной схваткѣ? Графъ Соляро полагалъ, что при соотвѣтствующей работѣ результаты въ этомъ отношеніи будутъ удовлетворительными. Я лично не берусь судить объ этомъ. Результаты могутъ зависѣть отъ нѣкоторыхъ факторовъ, недоступныхъ моему изслѣдованію; но одно лишь является безспорнымъ: офицерскій корпусъ и войсковыя части одушевлены превосходнымъ кавалерійскимъ духомъ, полнымъ рѣшимости и бодрости, ни передъ чѣмъ не отступающимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ качество конскаго состава создаетъ лучшее условіе для отличныхъ результатовъ, даже и тогда, когда Европѣ, наконецъ, придется серьезно скрестить свои клинки.

Перев. П. Ч.

Стансы.

Посв. К. Я. У.

Сзади насъ разрушенныя царства, пепель взятыхъ съ боя городовъ,
Груды тлѣющихъ развалинъ и нѣмыя пирамиды череповъ,
Впереди насъ только слава, только слово смѣлое: впередъ!
Только слава, эта сила воина, насъ неотразимо за собой зоветъ!

Гдѣ прошелъ военный конь, тамъ скоро не растеть трава,
Такъ ужели въ мѣрѣ страшнымъ разрушеніемъ не запишутся
побѣдныя слова?

Такъ ужель исчезнетъ геній полководца творчески-свободный
на поляхъ войны,

И забудетъ память о былыхъ побѣдахъ, какъ о дальнемъ
всплескѣ бѣшеннои волны!

Громче боевыя трубы всѣхъ къ себѣ зовите, пусть знамена гордо
впереди шумять,

И о славѣ воина шелестомъ побѣднымъ на поляхъ сраженій
храбрымъ говорить!

Пусть разбудить смѣлый голосъ полководца насъ отъ мирной жизни
къ подвигамъ инымъ,

Мы возстанемъ шумной, гордою толпою и, сверкая сталью, всѣ
пойдемъ за нимъ.

Мы въ пустыняхъ смерти возродимъ изъ пепла доблестью
военной въ блескѣ города,

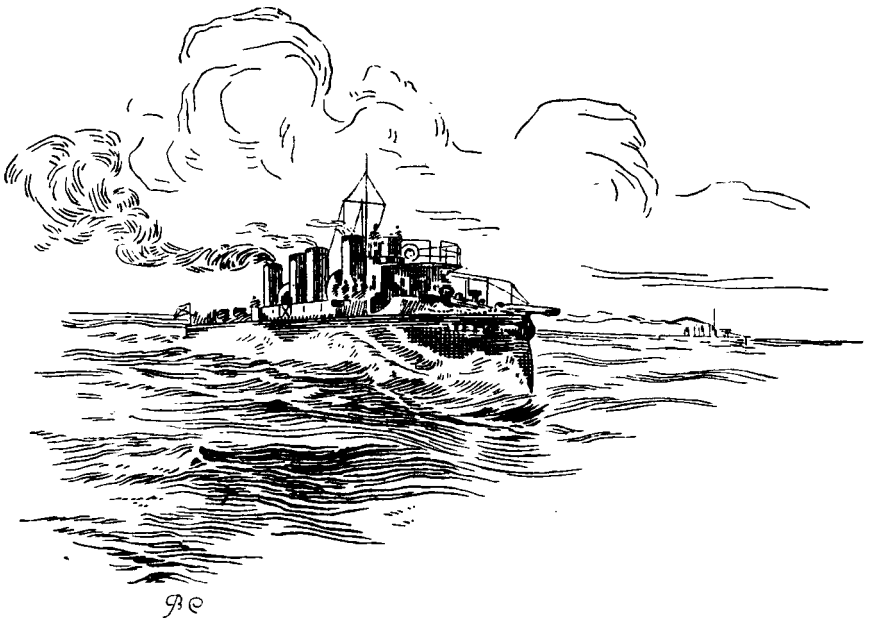
И оставимъ память о кровавой мысли гордой бранной стали
въ мѣрѣ навсегда!

Кубокъ славы дивной, въ шумномъ вихрѣ боя, не дрожа предъ
смертью, выьемъ мы до дна,

И вѣнокъ лавровый славнаго героя намъ чело украситъ
грозная война.

Т. Усачевъ.

ЭНВЕРЪ-БЕЙ ПОДЪ ШАРКЮЕМЪ.

Сраженіе съ 21-го по 29-е января 1913 года.

(Воспоминанія русскаго добровольца).

(Окончаніе) ¹⁾.

Дуль с.-в. вѣтеръ, море сильно волновалось. Въ часъ дни вѣтеръ измѣнился и до насъ стали доноситься звуки отдаленныхъ орудійныхъ выстрѣловъ. Мы рѣшили, что это на Булаирѣ наша армія ведетъ бой. Вскорѣ со стороны Ганоса показалась какая-то уродливая баржа, окрашенная въ красный цвѣтъ, съ трубою на кормѣ. Баржа двигалась близко отъ берега, въ разстояніи не болѣе полторы—двухъ верстъ. Кто-то сказалъ, что это должно быть международная баржа для перевозки керосина. Но почему она держится близко берега—никому не пришло въ голову. Потомъ оказалось, что это была морская миноловка.

Въ четыре часа я вернулся въ Ганось, гдѣ засталъ подполковника Протогерова на берегу. Представленное мною кроки мѣстности и планъ ротныхъ участковъ оказались лишними, такъ какъ получено распоряженіе изъ штаба Ополченія о какихъ-то завтрашнихъ передвиженіяхъ (на зимнія квартиры въ Малгара или Ке-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

шапъ). Приказаніе было категорическое, и я отправился дѣлать распоряженія для завтрашняго выступленія. Черезъ часъ получилось новое приказаніе, что завтрашнее выступленіе отмѣняется, такъ какъ-де, по всей вѣроятности все Ополченіе поведутъ на Булаиръ.

Въ 8 часовъ новое собраніе дружинныхъ и ротныхъ командировъ. Все-таки рѣшено было выступить 27-го, но по такому маршруту, чтобы держаться ближе къ Св. Іліи. Гдѣ-то, что-то творилось неладное, но въ чемъ дѣло—никто не зналъ.

Въ 10 часовъ еще приказъ: выступить 27-го въ 4 часа утра, по тому же направленію.

Въ 11 часовъ получился послѣдній и ясный приказъ, рисующій обстановку весьма неприятную для насъ: 1) *въ ночь на 26-е января турки произвели десантъ, окружили Шаркію и взяли его большими силами подъ командой Энверъ-Бея. Подъ Булаиромъ идетъ ожесточенный бой. Турки по всей линіи перешли въ наступленіе. Левый флангъ IV армии обойденъ*; 2) задача Ополченія: *стянуть все ополченіе надъ Шаркіемъ и недопускать прорыва десанта по направленію къ Булаиру.*

Настроеніе у всѣхъ получилось подавленное. Больше молчали, а если говорили, то въ полголоса, точно въ сосѣдней комнатѣ лежалъ опасно больной. Я не спалъ всю ночь. Море сильно бушевало и заливало волнами небольшую набережную подъ моими окнами. Ночь была облачная, темная. Въ морѣ, отъ острова Мармары или съ того Малоазіатскаго берега по направленію къ Шаркію, сновали всю ночь туда и обратно пароходы партіями по 3 по 4 другъ за другомъ. Они были освѣщены фонарями и казались гигантами. Какъ вообще, передъ боемъ я написалъ домой еще одно «*послѣднее*» письмо.

27-го января. Прилепская дружина выступила изъ Ганоса въ 6 часовъ утра. Было темно еще. Дорога шла по рѣкѣ оврага между Такирь-Дагомъ и высотами св. Іліи. Между Юруцами и Я-якіемъ начали встрѣчаться одиночные люди и два семейства грековъ, бѣжавшихъ ночью на 27-е число изъ Шаркія и направлявшихся къ Кестамболу. Они были свидѣтелями вчерашняго боя. Это былъ бой не на животь, а на смерть. Наконецъ, встрѣтили раненаго ополченца, шедшаго безъ ясно опредѣленной цѣли. Послѣ пережитыхъ ужасовъ и страданій онъ съ вчерашняго вечера шелъ одинъ съ своей винтовкой безъ остановки. Осколкомъ гранаты у него былъ сорванъ кусокъ лѣваго плеча и рука, вся потемнѣвшая и по-

крытая густыми слоями застывшей крови, висѣла и болталась безъ перевязки. Кто-то наложилъ на рану марлю и въ этомъ заключалась вся перевязка.

— Тамъ всѣ погибли, говорилъ онъ, а кто остался въ живыхъ, тотъ ночью и пошелъ куда глаза глядятъ, какъ я.

Когда фельдшеръ, по моему приказанію, сдѣлалъ ему перевязку и надѣлъ ему руку на привязь, мы дали ему хлѣба съ сыромъ, онъ подбодрился и наскоро, путанно, сообщилъ печальную исторію вчерашняго дня: утромъ они увидали передъ городомъ массу париходовъ и узнали, что со стороны мыса Бурну движется турецкая пѣхота; ихъ послали въ цѣпь противъ турокъ, но въ 11 часовъ утра съ париходовъ стали стрѣлять и мало кто вернулся живымъ. Стрѣльба шла весь день. Вечеромъ всѣ покинули Шаркію, и онъ двигается все время, ищетъ перевязочный пунктъ.

Намъ надо было спѣшить къ св. Іліи. Когда мы прибыли туда, на плато къ западу отъ возвышенности, тамъ уже стояли нѣкоторыя дружины и горныя батареи, а другія подходили, какъ и мы, къ общему сборному пункту. Былъ уже 2-й часъ дня.

Съ того же мѣста наблюденія, что и 23-го января, предъ нами открывалась такая же чудная панорама, какъ и тогда, но париходовъ, казалось, было безъ числа. Шаркію уцѣлѣлъ, но предъ нимъ очень близко и на протяженіи около 4-хъ—5-ти верстъ стояла масса большихъ и малыхъ военныхъ судовъ, торговыхъ и транспортныхъ морскихъ париходовъ, парусныхъ судовъ, баржъ и лодокъ всевозможныхъ типовъ и размѣровъ. Гребныхъ же лодокъ, снующихъ у самаго берега и между париходами и судами, былъ цѣлый муравейникъ. Въ числѣ причалившихъ къ берегу и отплывающихъ отъ него замѣтны были и нѣсколько десятковъ катеровъ. Центромъ ихъ движенія являлась вновь выстроенная на понтонахъ пристань въ 1½ версты отъ западной окраины Шаркіи.

Происходила выгрузка десанта въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, повидимому, весьма спѣшная.

По расчету нѣсколькихъ охотниковъ, смотрѣвшихъ въ Цейсъ, тамъ въ этомъ хаосѣ судовъ и париходовъ, можно было замѣтить два или три большихъ броненосца, около 10-ти крейсеровъ и около 15-ти миноносцевъ и контръ-миноносцевъ. Торговыхъ же париходовъ насчитывали до 40 штукъ. Большихъ парусныхъ баржъ и судовъ было около 20-ти.

Море неблагопріятствовало десанту. Большія бѣлые барашки сплошными массами гуляли по гребнямъ волнъ. Это одно обстоятельство нѣсколько ободряло насъ.

Неожиданность появленія и успѣха турокъ у Шаркіоя является прямымъ результатомъ недосмотра ближайшихъ частей, почившихъ на лаврахъ предыдущаго успѣха. Хотя мысъ Бурну и находился въ 10-ти верстахъ отъ Шаркіоя, все-таки нужно было поставить для наблюденія за нимъ заставу (если не роту, то во всякомъ случаѣ взводъ) отъ частей Шаркіойскаго гарнизона, хотя бы до прибытія назначеннаго спеціальнаго наряда сторожевого охраненія отъ IV арміи. Но этого не было сдѣлано. Наблюденіе со стороны Шаркіоя не простиралось далѣе двухъ верствъ.

Говорили, что наблюденіе отъ мыса Бурну и до лѣваго фланга IV арміи лежало на заботахъ кавалеріи этой арміи, но почему это не было осуществлено своевременно лежитъ на отвѣтственности штаба генерала Годорова. На мысъ Бурну, правда, прибылъ какой-то кавалерійскій болгарскій развѣздъ (нѣсколько человекъ), но они явились поздно, 26-го января утромъ, развѣ только для того, чтобы удостовѣриться, что тамъ уже находится турецкій отрядъ въ 1.000 чел. вѣхоты и около $\frac{1}{2}$ эскадрона кавалеріи.

Итакъ, десантъ прозѣвали, только благодаря отсутствію связи и должнаго наблюденія. Шаркіойскій гарнизонъ узналъ о немъ почти одновременно съ появленіемъ турецкаго флота, когда тотъ остановился въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты отъ берега противъ самаго города. Это было въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра. Бывшія тамъ 2-я и 4-я дружины быстро взяли за оружіе и стали окапываться вдоль берега и у окраины города. Но когда слухъ о десантѣ, произведенномъ турками ночью за мысомъ Бурну, оправдался и вдали показались густыя дѣбри, начальникъ гарнизона, капитанъ Каназирскій (командиръ 4-й дружины) развернулъ обѣ дружины въ боевой порядокъ выслалъ 2 роты въ боевую линію и рѣшилъ пойти навстрѣчу туркамъ и атаковать ихъ. Наступленіе необходимо было вести открыто вдоль берега и по ближайшимъ полямъ и виноградникамъ.

Когда эти роты прошли около $1\frac{1}{2}$ —2-хъ верствъ, по нимъ въ 10 час. 45 мин. съ броненосцевъ и другихъ военныхъ судовъ открыли частый огонь. Большая часть выступившихъ изъ города кое-какъ вернулась въ Шаркіой, но одинъ взводъ, спасаясь, залегъ въ имѣвшихся вблизи окопахъ и канавкахъ, откуда никто не спасся, тамъ нашли свою смерть (болѣе 50 чел.). Градомъ гранатъ мѣстность была буквально изрыта до неузнаваемости. Пытавшихся спастись перебѣжками мѣткими снарядами рвало на куски. Турки стрѣляли даже по одиночнымъ людямъ.

Вскорѣ вся окрестность вокругъ Шаркіоя вошла въ зону убій-

ственнаго артилерійскаго огня турецкаго флота, не жалѣвшаго снарядовъ всевозможныхъ калибровъ. Выступившій изъ города выючный обозъ одной дружины былъ перебитъ вмѣстѣ съ лошадьми и вожатыми. Отдѣльные смѣльчаки, пробравшіеся съ донесеніемъ изъ города, замѣчались съ пароходовъ, брались на прицѣлъ и нѣсколькими снарядами отправлялись *ad patres*.

Командиръ 2-й дружины съ своими ротами открылъ огонь съ берега по судамъ, но пули не долетали, а буря артилерійскаго огня по этому берегу быстро заставила его отказаться отъ мысли состязаться съ флотомъ. Около 2-хъ часовъ дня въ разстояніи 2-хъ верстъ отъ западной окраины города турки устроили на понтонахъ переправу-мостъ и большими партіями лодокъ начали выгружать свой десантъ на берегъ. Пришлось остаткамъ обѣихъ дружинъ сосредоточить оборону на западной окраинѣ города, куда приближались уже непріятельскія роты, наступавшія съ мѣста десанта.

Взять городъ, очистить его отъ присутствія болгарскихъ частей, вѣроятно, представляло главной задачей и ночного десанта и всего дня, для плановъ турецкаго отряда, бывшаго на многочисленныхъ пароходахъ и судахъ. Артилерія своимъ огнемъ подготавливала атаку своихъ пѣхотныхъ частей, дѣйствовавшихъ на сушѣ; въ этомъ огнѣ принимали участія и полевая батарея, находяшіеся на палубахъ транспортныхъ судовъ.

Отъ этого огня Шаркіоскій гарнизонъ былъ деморализованъ и матеріально и морально.

Городъ Шаркіой былъ отрѣзанъ отъ міра и переживалъ послѣдніе адскіе часы знаменитаго 26-го января. Въ нѣсколькихъ домахъ снарядами посрывало части крышъ. Два или три дома горѣли. Въ другихъ снаряды производили бреши и обвалы въ стѣнахъ. Населеніе переживало ужасную панику!

День кончался, точно и онъ усталъ отъ пережитыхъ ужасовъ!

Турки сплошными цѣпями приближались къ городу, но Скопская и Битольская дружины были еще живы и по своему македонскому обычаю или характеру рѣшили погибнуть до одного, но не сдаваться туркамъ въ руки. Они расположились на западной окраинѣ города и ведутъ ружейный бой съ наступающимъ противникомъ. Временами они прекращаютъ стрѣльбу, чтобы ближе подпустить непріятеля и снова огорошить его новымъ ураганнымъ огнемъ на близкомъ разстояніи.

Несмотря на огромныя потери, турки все-таки идутъ въ цѣпки. Но силенъ духомъ ихъ врагъ; не имѣя ножей, македонскіе юнаки идутъ въ контръ-атаку «на ножъ» и опрокидываютъ противника.

Уже 6 часовъ вечера. День догораетъ. Ошеломленные турки отступаютъ на 100 шаговъ, но—поддержанные, подталкиваемые своими резервами, снова неистово кидаются въ штыки. У изгороди и воротъ, во дворахъ и садахъ идетъ отчаянная рукопашная, стихійная схватка, бьются стволами и прикладами, вырываютъ изъ рукъ винтовки и ими же укладываютъ противника.

Турки не выдерживаютъ сопротивленія, снова отступаютъ и съ 300 шаговъ открываютъ частый ружейный огонь.

Спустилась темная южная ночь и накрыла бой 26-го января подь Шаркіюемъ.

Дружинамъ былъ данъ приказъ отступать. Пользуясь темнотою, отдѣльными группами и въ одиночку, кто какъ могъ, по кривымъ улицамъ, болгары стали покидать городъ, двигаясь въ разсыпную въ разныя стороны, главнымъ образомъ направляясь къ высотамъ св. Іліи. Они уже не борцы, они деморализованы самой обстановкой. Десятки прожекторовъ озаряли городъ и его окрестности. Приходилось пробираться скрытно по канавамъ, складкамъ мѣстности и садамъ. Также спасаясь, бѣжали изъ Шаркіюя и нѣсколько сотъ жителей. Вотъ что мы узнали на сборномъ мѣстѣ днемъ 27-го января отъ самихъ участниковъ боя вчерашняго дня! Они были изнуренные, голодные и окровавленные. Дружины не досчитывались половины своихъ людей. Убитые лежали на мѣстахъ принятія смерти. Относительно тяжело-раненныхъ никто ничего не могъ сказать. Они остались на перевязочномъ пунктѣ въ центрѣ города въ одной кофейнѣ. Во время отступленія тяжело-раненый въ ногу осколкомъ гранаты поручикъ Бояджіевъ, командиръ роты Битольской дружины пустилъ себѣ пулю въ лобъ, чтобы не попасть въ руки туркамъ. Бывшимъ около него своимъ солдатамъ онъ передалъ сто «наполеондоровъ» для роты на поминъ души. Участь оставшихся раненыхъ внушала у всѣхъ опасеніе.

Въ Меріюфтѣ и Арапли, въ Каламицѣ и Штернѣ стояли точно скованныя три дружины и смотрѣли на Шаркіюйскую бойню, не будучи въ состояніи оказать какую бы то не было помощь тамошнимъ борцамъ. Все это обрушилось такъ неожиданно, въ такой ужасной формѣ, что исключало возможность даже думать о какихъ либо дѣйствіяхъ. Самъ генераль Генеувъ съ штабомъ наблюдалъ съ Штерна и Арапли на ходъ событій 26-го января и ожидалъ развязку ихъ, чтобы принять соотвѣтствующее рѣшеніе. Онъ съ трудомъ вошелъ въ связь съ IV арміей, откуда получались требованія стянуть разбросанное ополченіе и не допускать прорыва турокъ.

Когда всѣ дружины прибыли на сборный пунктъ 27-го января, они были постепенно отведены къ сторонѣ Гюльчука, такъ сказать, къ центру горной подковы св. Илія—мысь Бурну. Тамъ онѣ расположились за хребтами на иочлегъ, по-бригадно. По распоряженію штаба IV арміи, еще отъ 25-го января, предполагались большія перемѣщенія. Македоно-одринское ополченіе дѣйствительно предназначалось за Малгара, а на смѣну ему и для занятія берега отъ Шаркіоя до Кулибага шель 26-й пѣх. полкъ изъ Малгара. 26-го января рано утромъ изъ Меріюфте, Каланица, Штерна и Ченгерли выступила вся 2-я бригада и въ ночь на 27-е ночевала въ одномъ переходѣ по пути въ Малгара въ деревняхъ Болгуръ, Саклы, Бунакъ, Емерли, Букурово. 2-я бригада была возвращена на общій сборный пунктъ.

Ночь на 28-е января была холодная, морозная. Хотя и было грѣшно, но всѣ дружины развели костры вокругъ и между ротами бивачнаго расположенія. Вечеромъ дружины и батареи получили приказъ о занятіи участковъ на слѣдующее утро. Рѣшено было офѣнить Шаркіой. Выступать въ 6-мъ часу утра.

Турки съ 2-хъ часовъ дня 26-го января, непрерывно и усиленно высаживали свои войска съ пароходовъ на берегъ Шаркіоя, но, ошеломленные упорствомъ двухъ дружинъ, не воспользовались обстановкой и слишкомъ осторожно подвигались впередъ, ограничившись въ теченіе двухъ сутокъ только возведеніемъ частыхъ полевыхъ окоповъ въ разстояніи не болѣе 2—3 верстъ отъ окраинъ Шаркіоя. Они сдѣлали огромную ошибку, не занявъ съ мѣста командующія высоты съ чудными естественными позиціями, что при отсутствіи болгарскихъ войскъ 26-го января было для нихъ совершенно легко.

28-го января: согласно приказа, всѣ три бригады Македоно-одринскаго ополченія, пользуясь поднявшимся съ долинъ туманомъ, выступили со своихъ биваковъ и въ 7 часовъ утра незамѣтно заняли опредѣленные имъ участки въ слѣдующемъ порядкѣ:

Лѣвый боевой участокъ: 1-я бригада, какъ ослабленная боемъ 26-го числа, предназначалась для демонстраціи со стороны Арапли. Ей приданы были двѣ нескорострѣльныхъ горныхъ батареи (всего—12 орудій).

Правый боевой участокъ: 2-я бригада съ двумя скорострѣльными горными батареями (8 оруд.), обойдя высоту 478, вела наступленіе на Шаркіой, съ запада, правѣе оврага Гайтанъ-дере.

Общій резервъ: 3-я бригада стала на высотѣ 478 надъ огром-

нымъ оврагомъ Гайтанъ-дере, спускающимся къ мысу Бурну, въ общій резервъ (*маневрирующая часть боевого порядка*—по болгарскому полевому уставу). Къ ней были приданы двѣ нескорострѣльныхъ батареи (12 оруд.).

Кромѣ этихъ боевыхъ участковъ были еще слѣдующіе:

Крайній лѣвый, состоящій изъ одной (12-й) дружины съ одной нескорострѣльной батареей (6 ор.). Задача — охранять лѣвый флангъ со стороны Хора и Ганоса.

Крайній правый: для наступленія со стороны высоты 385 надъ мысомъ Бурну на Шаркію. Онъ долженъ былъ состоять изъ бригады 3-й Фракійской дивизіи, спѣшившей къ намъ на помощь изъ района Малгора, съ пулеметами (по болгарски *картечьницами*) и полевой скорострѣльной батареей, но эти части 28-го января такъ и не прибыли. Прибыли только 2 баталіона 9-го Пловдивскаго полка.

Начальникъ ополченія, генералъ Геневъ съ своимъ штабомъ находился при общемъ резервѣ.

Развѣдка выяснила, что турки занимаютъ густыми цѣпями свои передовые ложементы и опорные пункты. Въ началѣ 8-го часа утра 28-го января со стороны Арапли послышалась первая ружейная стрѣльба, которая постепенно стала расширяться и учащаться. Первая бригада отгоняла предъ собою непріятельскія сторожевыя части. Вскорѣ послѣдовали орудійные выстрѣлы съ турецкихъ судовъ. Повидимому, турки замѣтили движеніе нашихъ частей, но судя по мѣстамъ разрывовъ ихъ снарядовъ, стрѣльба велась безъ определенной цѣли, безъ системы. Снаряды разрывались то тутъ, то тамъ въ разныхъ направленіяхъ.

Внизу по холмамъ шла ужасная трескотня частаго ружейнаго огня, охватившаго весь полукругъ нашего боевого порядка, отъ лѣваго фланга 1-ой бригады до праваго фланга 2-й бригады, противъ мыса Бурну. Орудія безъ умолку посылали свои гудящіе снаряды, разрывы которыхъ усиливали общій громъ и хаосъ боя. Около 8½ часовъ утра со стороны Арапли послышалась стрѣльба нашихъ нескорострѣльныхъ орудій.

Разгорался бой, непосильный для нашего малочисленнаго отряда. Помощи все еще не было ни откуда. А тамъ на морѣ катера и лодки непрерывно сновали между пароходами и пристанью, высаживая на берегъ новыя партіи пѣхоты. Весь берегъ былъ усѣянъ точками, которыя передвигались и группировались въ маленькія и большія кучки. Въ бинокль ясно и опредѣленно видно было, какъ

эти кучки послѣдовательно увеличивались, принимали правильныя формы, вытягивались въ линіи и двигались по направленію къ намъ и въ сторону мыса Бурну. Эти линіи отвѣчали длинѣ ротъ и баталіоновъ, которые съ небольшими дистанціями слѣдовали одна за другой. Тогда же я набросалъ рисунокъ до нѣкоторой степени изображающій видѣнное биноклемъ Цейсса утромъ 28-го января. Съ правой стороны у Шаркіоя замѣтно мѣсто высадки и положеніе движущихся колоннъ на голомъ песчаномъ скатѣ ближняго къ берегу длиннаго холма. Это были турецкіе резервы, впереди которыхъ дѣйствовали роты и баталіоны боевыхъ линій. Турецкіе таборы (баталіоны) безусловно превышали численностью наши дружины.

Въ 9 часовъ изъ нашего резерва была выслана 2-я Сѣрская дружина для занятія интервала, образовавшагося между первой и 2-й бригадами.

Стрѣльба съ судовъ и оружейная на сушѣ усиливалась и принимали стихійный характеръ.

Въ 10 часовъ утра генераль Геневъ получилъ донесеніе, что по Гайтанъ-дере наступаютъ двѣ турецкихъ роты и движутся къ намъ.

— Послать одну роту и прогнать ихъ, что они тамъ! спокойно приказалъ генераль командиру 3-й бригады, подполковнику Протогерову.

Исполненіе было возложено на 10-ю Прилепскую дружину. Я отправилъ давно ожидавшую очередь 3-ю роту (подпоручика Касперовича) съ русскимъ ²⁾ взводомъ; рота двинулась по сторонамъ оврага Гайтанъ-дере по полуротно. Стоявшая на позиціи надъ оврагомъ нескорострѣльная батарея послала передъ ротою нѣсколько выстрѣловъ по оврагу.

Около 11 ч. утра изъ за гребня ближайшей справа отъ насъ горы показались сначала дозоры, а потомъ колонны давно ожидаемаго 9-го пѣхотнаго болгарскаго полка. Привычное у болгаръ для выраженія всякихъ восторговъ и при встрѣчахъ «*ура!*» огласило воздухъ и съ нашей и со стороны 9-го полка. Два баталіона этого полка шли всю ночь, не переставая. Солдаты и офицеры были слишкомъ утомлены. Послѣ небольшого отдыха, назначеннаго больше для подхода отставшихъ, баталіоны, по мѣрѣ прихода, стали спускаться по направленію къ мысу Бурну, чтобы занять правый участокъ боевой линіи, гдѣ и чувствовалась ниша слабость. По ввѣдѣ баталіоновъ 9-го полка въ боевую линію, положеніе наше значительно улучшилось.

²⁾ Въ числѣ добровольцевъ—извѣстный армянскій дѣятель Андроникъ.

Дисциплина огня и мѣткость стрѣльбы сразу обратили вниманіе турецкой флотской артилеріи, которая усилила свой огонь на нашъ правый флангъ. Впрочемъ на этомъ флангѣ съ 9 ч. утра было для турокъ непокойно. Наша горная батарея пристрѣлялась къ ихъ окопамъ, и турки постепенно стали очищать свои опорные пункты. На лѣвомъ флангѣ одно время, около 11 ч., 1-й бригадѣ приходилось туго. Непрiятель удвоенными силами, около 7 баталіоновъ, силился атаковать четыре дружины, но сосредоточенный огонь нескорострѣльныхъ батарей и всѣхъ четырехъ дружинъ два раза отбилъ ихъ атаки.

Вообще же приходящія къ генералу донесенія были успокоительныя. Съ высоты 478, откуда наблюдали за боемъ все утро генераль Генеувъ и его штабъ и офицеры и штабъ 3-й бригады, уже давно всѣ спустились за хребтомъ и спокойно отдыхали. Результаты боя, развязку, сказалъ мнѣ начальникъ штаба майоръ Дервинговъ, надо ждать къ 4-5 часамъ вечера. Тамъ за Гайтанъ-дере сюрпризовъ не ожидали. Все налаживалось, какъ нельзя лучше, точно шли маневры гдѣ нибудь подь Москвою. И дѣйствительно, держа лучшія командующія высоты въ своихъ рукахъ, болгары были обезпечены отъ всякихъ случайностей. За правымъ флангомъ берегъ былъ отвѣсенъ и высокъ, скалы упирались въ море. Противникъ же былъ весь передъ нами, какъ на ладони.

Около полудня прибыла наша «*прехрана*» (продовольствіе). Ополченцы и офицеры стали закусывать. Немного поодаль, пониже, даже горѣлъ костеръ, вокругъ котораго сидѣли офицеры штаба 3-й бригады. Нѣкоторые ополченцы даже дремали. Генераль Генеувъ прохаживался по дорожкѣ ниже 10-й дружины. Вообще же тамъ, на полѣ сраженія, бой принималъ монотонный характеръ, шель, какъ заведенная машина. Въ резервѣ, вѣроятно, люди, видавшіе сраженія, всегда чувствуютъ себя какъ дома и отъ скуки, потому, что дѣлать нечего, отдыхаютъ, лежатъ или просто спятъ до того момента, когда и до нихъ дойдетъ очередь двигаться и дѣйствовать.

Такъ было и въ резервѣ подь Шаркіоемъ.

Участившаяся особенно-характерно артилерійская стрѣльба около 12-ти часовъ дня, заинтересовала меня и я съ адъютантомъ, учителемъ математики Каранфиловымъ, поднялись на хребетъ по-смотреть, что тамъ дѣлается и почему пошла такая ужасная стрѣльба. Мы наблюдали съ полчаса. Картина была та же. 1-я бригада значительно подвинулась впередъ, что можно было заключить по сгу-

стившимся выстрѣламъ, раздававшимся гораздо ниже, чѣмъ въ началѣ. Около пристани копошились новыя точки и кучки, а по песчаному берегу и по скату бѣлаго холма двигались новыя турецкія роты и баталіоны.

Вдругъ надъ ними, надъ колоннами, двигавшимися по скату этого бѣлаго холма, показались синевато-бѣлые дымки, одинъ за другимъ, разсѣянно. Колонны останавливались, затѣмъ быстро превращались въ точки, рассыпались кучками и двигались впередъ и въ стороны, затѣмъ снова нарастали въ болѣе крупныя кучки, снова послѣ дымковъ рассыпались въ точки и въ такомъ видѣ поворачивали обратно по направленію къ Шаркію. Шедшія за ними колонны также рассыпались и мѣняли направленіе въ обратную сторону, но бѣлые дымки не оставляли ихъ въ покоѣ и показывались все время надъ ихъ головами. Новыя роты сами возвращались назадъ. Видно было, что наступаетъ критическій моментъ, у непріятеля былъ переполохъ. Дымки же все подходили ближе и ближе, пока, наконецъ, дошли до самой пристани. Надъ пристанью, надъ густыми точками, надъ лодками и катерами, непрерывно показывались и исчезали въ воздухѣ, быстро мѣняясь, новыя бѣлые дымки.

Получилась чудная картина! Я послалъ прыгавшаго на мѣстѣ отъ радости Каранфилова доложить генералу Геневу, что наша артилерія растрѣливаетъ турецкія колонны, но не выдержалъ и вскорѣ самъ пустился внизъ поздравить генерала и товарищей съ блестящей побѣдой. Генералъ, выслушавъ Каранфилова, быстрыми шагами сталъ подыматься на хребетъ. Я подбѣжалъ и, полный радости и счастья, сталъ поздравлять его. Отъ него я подбѣжалъ къ бригадному командиру и тоже поздравилъ его со штабомъ. Всѣ двинулись на хребетъ и пожимали другъ другу руки.

Но насъ ожидало еще большее очарованіе: весь флотъ и пароходы съ лодками и парусными судами стали медленно удаляться отъ берега. Мы пережили самыя торжественныя минуты въ своей жизни.

Бѣлые дымки продолжали клубиться надъ пристанью, мѣстомъ высадки; нѣсколько лодокъ пошли ко дну. Море постепенно очищалось на разстояніи 4—5 верстъ отъ берега. Крейсера съ броненосцами и всѣми транспортными судами, потрясенные неожиданностью появленія дымковъ, заблагодарасудили ретироваться на приличную дистанцію, чтобы не попасть подъ ихъ дѣйствіе. Эта неожиданность заставила ихъ забыть на время высаженныхъ на

сушу сотоварищей, бросивъ ихъ, такъ сказать, на произволь судьбы. Вотъ картина измѣнившагося положенія послѣ обѣда.

А эту неожиданность создала пробравшаяся по мертвымъ пространствамъ одна изъ скорострѣльныхъ горныхъ батареекъ 2-й бригады на разстояніе около 3-хъ верстѣ до мѣста высадки десанта, удачно поймала дистанцію и въ теченіе трехъ часовъ разстрѣляла до послѣдняго патрона, переноса огонь, гдѣ только замѣчала какія-нибудь группы турокъ Батареей командовалъ поручикъ Матовъ.

Напрасно отошедшія бронированныя турецкія суда стали искать эту батареюку, посылая на нашъ правый флангъ снопы снарядовъ всѣхъ имѣвшихся калибровъ. Эти снаряды не причиняли особаго вреда ни батареѣ, ни пѣхотѣ, хорошо закрытымъ складками мѣстности. Судовая артилерія положительно неистовствовала своимъ огнемъ, доходя до смѣшного. Дѣло доходило до того, что на одномъ изъ броненосцевъ поднимался большой красный съ полумѣсяцемъ флагъ и быстро спускался внизъ на палубу. Это служило сигналомъ для открытія огня. Вы не повѣрите, что при опусканіи этого флага со всѣхъ 20-ти съ лишнимъ военныхъ судовъ слѣдовалъ общій бортовой залпъ. Земля и воздухъ буквально содрогались отъ этихъ залповъ. Если же возьмете во вниманіе, что мѣстность пересѣчена высокими горами, то можете себѣ представить, какое впечатлѣніе получалось отъ эха и разрывовъ выпущенныхъ снарядовъ. Вреда намъ такая стрѣльба, конечно, не могла причинить. Да и вообще изъ Шаркіойскаго дѣла можно сдѣлать положительный выводъ, что флотъ для пѣхоты безвреденъ, если есть хоть какой-нибудь волнистый берегъ. Вѣдь отъ выстрѣла, что отчетливо замѣтно по огненнымъ языкамъ и клубу дыма послѣ выстрѣла, до прилета снаряда проходитъ достаточно времени, чтобы спрятаться за хребтомъ или окопомъ. Конечно, иной случайный снарядъ возьметъ свое и унесетъ много жертвъ, но этого, вѣроятно, не было дано флоту Энверъ-бея.

Ружейная стрѣльба не прекращалась, она шла все время частая, непрерывная и, по звукамъ трескотни, видно было, что кольцо наше постепенно суживается къ Шаркіюю. Одно время заработали и застучали пулеметы 9-го полка. Въ 3^{1/2} часа дня послѣдовали нѣсколько отчетливыхъ, выдержанныхъ залповъ.

— Русскіе залпы! Касперовичъ сталъ дѣйствовать! въ одинъ голосъ заговорили въ резервѣ. Болгары не вѣрятъ залпамъ, предпочитая одиночный ураганный огонь или опредѣленнымъ числомъ патроновъ (для поддержанія въ частяхъ дисциплины огня).

Въ 4 часа передвинули насъ на 2 версты ниже, по оврагу Гайтанъ-Дере, гдѣ мы простояли до сумерокъ. Около 5 часовъ вечера привезенъ былъ хлѣбъ. Мы отправили 3-й ротъ 27 караваевъ и 10 лошадей для доставки раненыхъ. Хлѣба было слишкомъ мало, а лошадей много, такъ какъ въ ротѣ оказался одинъ тяжело раненый, а двое легко раненыхъ остались послѣ перевозки въ строю.

Начинало темнѣть. Ружейна стрѣльба постепенно замолкала, ослабѣвала. Бой кончался. Донесенія приходили самыя радостныя. 1-я бригада (лѣвый участокъ) подошла близко къ Шаркюю, турки всюду отступаютъ. Большинство ихъ садится въ лодки на набережной, закрытой домами и недоступной нашимъ горнымъ батареямъ. Другая половина турокъ укрыта за высокимъ холмомъ близъ устьевъ Гайтанъ-Дере и садится въ лодки. До нихъ также большое разстоянiе, но отъ запозданiя бригады 2-й дивизiи, крайнiй нашъ правый (береговой) флангъ, сильно обстрѣливаемый флотомъ, оставался все время свободнымъ.

Турки освѣтили мѣстность прожекторами съ пароходовъ и, въ темнотѣ между снопами ослѣпительнаго свѣта, продолжали усиленную перевозку обратно съ берега на транспортные суда. Артиллерiя съ крейсеровъ и миноносцевъ продолжала сѣять свои снаряды въ наступившую темноту прямо въ пустую. Послѣднiй выстрѣлъ былъ сдѣланъ ею въ 10 часовъ вечера. По подсчетамъ турки въ этотъ день выпустили около 3.000 снарядовъ разнаго калибра. Результаты 5 убитыхъ и 36 раненыхъ и то больше ружейными пулями. Одинъ ротный командиръ праваго участка былъ буквально засыпанъ (накрытъ) землей разорвавшимся въ 6 шагахъ большимъ снарядомъ и вылѣзъ изъ подъ земли невредимымъ.

Насъ, IX и XI дружины, еще въ 7 час. вечера вернули за высоту 478, гдѣ мы расположились на ночлегъ. Роты боевыхъ линiй остались ночевать на занятыхъ ими позицiяхъ, внизу, въ 1¹/₂—2 верстахъ отъ Шаркюя. 1-я бригада почти вплотную подошла съ востока къ городу и въ 9 часу высланные охотники вступили въ городъ, захвативъ въ плѣнъ одного нижняго чина, который былъ доставленъ къ генералу Геневу. Онъ разсказалъ, что десантъ съ Энверь-беемъ былъ взять съ С.-Стефано. Это X анатолийскiй армейскiй корпусъ. Въ часъ ночи вернулась къ намъ и 3-я рота съ русскимъ взводомъ, весьма довольнымъ, что онъ принялъ участiе въ знаменитомъ Шаркюйскомъ бою. Ночь была морозная, шелъ снѣгъ, на бивакѣ горѣли сотни костровъ изъ обильнаго мѣстнаго смолистаго кустарника и молодого дубняка.

29-го января. Утромъ 29-го января на морѣ, въ 5—6 верстахъ

отъ берега стали только четыре крейсера. Простоявъ до 12 ч. дня и они ушли по направленію Галиполи. Турки ночью успѣли перевезти всѣхъ своихъ на пароходы, оставивъ не убранными около 30 труповъ и разстрѣленныхъ ими же нѣсколько десятковъ лошадей. Шаркію былъ очищенъ ими еще въ полночь и занятъ цѣлою ротою 1-й бригады, а на другой день утромъ его заняли тѣ же двѣ дружины (Битольская и Скопская), которыя своимъ героизмомъ помѣшали Энверъ-бею осуществить планъ дѣйствій.

Вотъ что мы нашли, видѣли и слышали отъ злосчастныхъ жителей Шаркію.

1) Послѣ взятія города турками на развѣтъ 27-го января, они входили въ дома и магазины и подъ предлогомъ поисковъ болгаръ, стали съ мѣста производить свои обычныя безчинства: насилія, грабежи и убійства. Въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ лежали зарѣзанные и умершіе отъ колотыхъ ранъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ со слѣдами звѣрскаго изуверства и дикаго глумленія. Всѣ женщины и дѣвушки, даже подростки, были обезчещены солдатами Энверъ-бея на глазахъ ихъ мужей и родителей. Нѣкоторыя изъ нихъ были потомъ убиты и положены въ безобразныхъ позахъ. Нѣкоторыя же были такъ измучены многочисленными истязаніями, что лежали безъ сознанія или же не были въ состояніи двигаться.

Чтобы судить какому ужасу подвергался Шаркію, достаточно указать на слѣдующій фактъ, занесенный, какъ всѣ приводимые описанія, въ протоколъ, составленный 30-го января штабомъ генерала Генева и представителями города. Хозяинъ дома, въ которомъ остановился самъ Энверъ-бей со штабомъ своимъ, богатый мѣстный негоціантъ, умолялъ слезно Энверъ-бея, именемъ Аллаха, неоднократно просилъ дать нѣсколькихъ солдатъ, чтобы привели старика его отца, спрятавшагося въ магазинѣ, такъ какъ онъ опасается за его жизнь. Энверъ-бей каждый разъ отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для него, такъ какъ не въ состояніи удержать разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Никакія мольбы и слезы не могли подѣйствовать на носителя знамени «*единеніе и прогрессъ*». Сидѣвшій тутъ же полковникъ иностранецъ (нѣмецъ ²⁾), на обращеніе хозяина помочь его горю, заступиться за его отца, долго отмалчивался и, наконецъ отвѣтилъ, что въ чужія дѣла онъ не можетъ вмѣшиваться. 29-го января утромъ негоціантъ нашелъ отца зарѣзаннымъ, а магазинъ разграбленнымъ.

²⁾ По словамъ жителей-очевидцевъ, въ штабѣ Энверъ-бея было восемь германскихъ офицеровъ.

2) Послѣ всего сказаннаго ясно станетъ сама по себѣ участь тяжело раненыхъ, оставшихся на перевязочномъ пунктѣ, въ кофейнѣ на одной изъ центральныхъ площадей Шаркюя. Всѣ они погибли до одного. Погибли геройскою смертию. Изрѣшетенныя пробоинами окна, двери и стѣны въ кофейнѣ, пробоины на ихъ тѣлахъ, осколки разорвавшихся передъ кофейней ручныхъ гранатъ, типа нашего ополченія, обильныя пробоины на противоположныхъ, черезъ площадь, стѣнахъ, дверяхъ и окнахъ, а равно застывшая кровь на камняхъ площади, все это свидѣтельствовало о жестокомъ сраженіи защитниковъ перевязочнаго пункта, на которомъ грустно развѣвался большой флагъ «Краснаго Креста». Въ кофейнѣ лежало 43 трупа, но они были такъ изуродованы, что походили скорѣе на тѣла анатомическаго театра, а не павшихъ въ бою героевъ. Полъ былъ буквально залитъ слоями застывшей крови. На полу валялись отдѣльно отъ туловищъ головы, руки и ноги, забинтованныя въ предыдущій день на перевязочномъ пунктѣ. Озвѣрѣвшіе «побѣдители» Энверь-бея дали полную волю своимъ кровожаднымъ инстинктамъ.

Трагедія перевязочнаго пункта, участь котораго должна преслѣдовать всю жизнь отвѣстныхъ лицъ гарнизона Шаркюя, 26-го января, подняла въ свою очередь на высокій пьедесталъ героизма единственную въ Македоно-одринскомъ ополченіи сестру милосердія, болгарку изъ Хаскова, Марію Колеву, женщину 45 лѣтъ. Въ то время, когда весь медицинскій персоналъ въ паникѣ спѣшно покинулъ вмѣстѣ съ дружинами городъ, бросивъ на произволъ судьбы раненыхъ, она одна до 12 час. ночи перевезла на своей лошаdkѣ съ перевязочнаго пункта 11 человекъ раненыхъ и образовала отдѣльный свой перевязочный пунктъ близъ Арапли.

Марія Колева за спасеніе 11 раненыхъ съ рискомъ для своей жизни награждена знакомъ отличія ордена «За храбрость» III степени. IV степень она получила за Узунъ-Хемитлерское сраженіе 6-го и 7-го ноября 1912 года, гдѣ личной храбростью въ цѣли подбирала стрѣлковъ и перевязывала раненыхъ.

За упорную геройскую оборону Шаркюя 26-го января 1913 г., недопустившую Энверь-бея съ отрядомъ соединиться въ этотъ день съ Галиполійскою арміею Тургутъ-паши, 2-й Скопской и 4-й Битольской дружинамъ объявлена высочайшая благодарность царя Фердинанда по болгарской арміи.

Изъ собранныхъ свѣдѣній, высадившихся на берегъ Шаркюя до 28-го января войскъ Энверь-бея было около 10.000, исключи-

тельно пѣхоты и одинъ эскадронъ кавалеріи. Благодаря волновавшемуся морю туркамъ нельзя было спустить на сушу ни одного полевого орудія. Также затруднена была перевозка лошадей. За мысомъ Бурну на берегу лежала пробитая о камни понтонная лодка, доказывающая, что пунктъ для десанта былъ выбранъ неудачно.

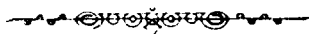
Потери Македоно-одринскаго ополченія съ 21-го до 29-го января: убитыми 2 офицера и 145 н. ч. ополченцевъ. Убитые въ бою и на перевязочномъ пунктѣ похоронены въ братской могилѣ, вблизи берега въ юго-западной окраинѣ Шаркіоя, въ купленномъ для этой цѣли у мѣстнаго грека фруктовымъ саду. На другомъ концѣ сада, въ такой же общей могилѣ погребены 98 жертвъ разныхъ возрастовъ и половъ мѣстнаго греческаго населенія, убитыхъ турками 27-го и 28-го января.

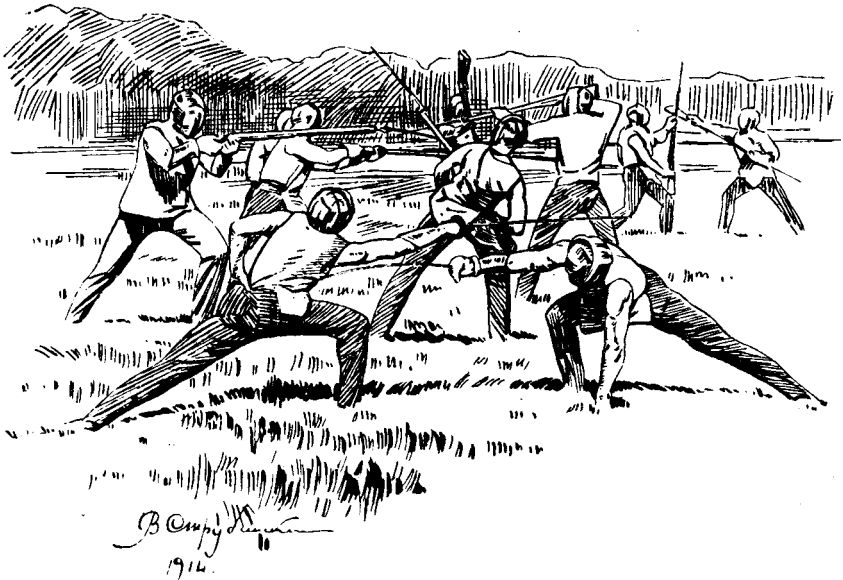
Потери турокъ не извѣстны, такъ какъ они закапывали или бросали въ море своихъ убитыхъ. Извѣстно, что двѣ большія лодки съ солдатами въ походномъ снаряженіи пошли ко дну отъ дѣйствія шрапнелей поручика Матова.

Македоно-одринское ополченіе оставалось на позиціяхъ до 30-го января, послѣ чего дружины были расквартированы по ближайшимъ городкамъ и селамъ, гдѣ оставались до конца «Освободительной» Балканской войны, т.-е. до середины апрѣля, вытерпѣвъ всѣ невзгоды голода и холода небывалой въ этомъ краѣ февральской суровой зимы.

«Русскій взводъ» былъ сердечно отпущенъ въ апрѣлѣ. Почти весь взводъ награжденъ знаками отличія ордена «За храбрость», за взятые имъ нѣсколько линій турецкихъ окоповъ у Шаркіоя. Кстати: мѣстные жители помнятъ русскія войска 1877—1878 гг. и съ удовольствіемъ рассказываютъ про то время. Не знаю насколько вѣрно, такъ какъ нигдѣ не указано, но старики рассказываютъ, что и русскія войска брали Шаркію и также имѣли нѣсколько сотъ убитыхъ при взятіи его.

Безенковъ.

Развитіе духа штатскихъ въ сынахъ Марса.

Нѣкоторые публицисты инстинктивно почувствовали что-то несоотвѣтствующее воинскому духу, втирающееся въ среду арміи; почувствовали, что многое въ ней заполняется штатскимъ духомъ. «Штатскіе въ арміи!» крикнули они и съ испугомъ стали описывать этихъ штатскихъ въ арміи по ихъ внѣшнему виду, главнымъ же образомъ по мелкимъ, не стоящимъ вниманія, особенностямъ, напримѣръ по мелочнымъ отступленіямъ отъ формы одежды. Въ горячности, они упустили изъ виду, что воинъ становится штатскимъ не только потому, что его сюртукъ короче или длиннѣе на вершокъ—подобныя заключенія вызываютъ лишь улыбку у читателя и послѣдній уже не сможетъ серьезно отнестись къ сообщенію о «штатскихъ» въ арміи.

Когда приходится читать справедливыя жалобы на то, что нѣкоторые изъ невоенныхъ позволяютъ себѣ подражать въ формѣ и даже въ цвѣтѣ матеріала (хаки) одежды,—все-таки становится

грустно и больно: будто нынѣ военнаго отъ штатскаго кромѣ формы, матеріала и цвѣта одежды, ничѣмъ другимъ и не отличить...

Пожалуй даже желательно, чтобы военная форма была образцомъ для подражанія и предметомъ желаній юношества. И такой симптомъ—что студенты и др. переходятъ съ бѣлыхъ кителей на «хаки»... клонить дѣло къ тому.

А между тѣмъ вопросъ о «штатскомъ духѣ въ арміи»—чрезвычайно серьезный, и есть болѣе крупныя его черты. *Прежде всего надо бояться, чтобы мы сами, затѣмъ весь нашъ строй, нашъ укладъ жизни неминуемо не превращали бы насъ въ штатскихъ, а если не совсѣмъ въ штатскихъ, то во всякомъ случаѣ въ чиновниковъ по военному министерству.*

Начиная съ введенія обще-обязательной воинской повинности, всѣ дальнѣйшія мѣропріятія и реформы клонились и клонятся какъ бы къ полному уничтоженію, такъ сказать, кастовыхъ или сословныхъ отличій воинства. Это имѣетъ свою невыгодную сторону. Нынѣ уже военнаго сословія абсолютно не существуетъ, *то, что мы называемъ войскомъ, на самомъ дѣлѣ есть лишь временно вооружаемая часть народа, преимущественно изъ сословія земледѣльческаго, промышленнаго, торговаго,—во главѣ которой постановлены инструкторы-вожди на извѣстный срокъ (вѣрнѣе даже учителя), вслѣдствіе ограниченія сроковъ службы солдатъ, сверхсрочныхъ и чиновъ и офицеровъ.*

Хотя близорукіе проповѣдники и говорятъ о наступившемъ времени всеобщаго уравниенія въ правахъ и о полномъ сглаживаніи сословныхъ различій, но жизнь говоритъ совершенно обратное: мы видимъ сословія купеческое, земледѣльческое (аграріи), промышленное, ученое, духовное и др. типично различающимися одно отъ другого; мы видимъ даже, что число сословій или кастъ увеличилось; напр. адвокаты и вообще судейскіе составили совершенно особую касту. Одно только военное сословіе или военная каста какъ бы разстроилась, исчезла, растворившись во всѣхъ другихъ кастахъ...

Это вполне понятно, такъ какъ сословіе или каста образуются и скрѣпляются *пожизненнымъ* въ нихъ пребываніемъ, а еще лучше—*наслѣдственной преемственностью*. Только тогда и возможно вполне проникнуться свойственными данному сословію или кастѣ понятіями, воззрѣніями, обычаями, всей ея жизнью. Отсюда вполне понятно, что временное, да еще подневольное—не по собственному выбору, а въ силу необходимости,—прѣбываніе на воен-

ной службѣ, не можетъ создать условій благопріятныхъ для выдѣленія военныхъ въ особое сословіе или касту.

На самомъ дѣлѣ мы видимъ гораздо худшее: благодаря перевѣсу начала какъ называемой гражданственности надъ военнымъ началомъ, благодаря укорененію «штатскихъ» взглядовъ, пассивизма и проч.,—нарождаются условія, дѣлающія непозволеннымъ посвященіе всего себя военной службѣ.

Въ то время, какъ въ любой профессіи, въ какомъ угодно дѣлѣ человѣкъ имѣетъ право и можетъ рассчитывать до конца своей жизни посвятить себя привычному, ставшему ему дорогимъ, дѣлу, труду,—въ военномъ дѣлѣ въ силу насущной потребности освѣженія, омоложенія состава, ему это не позволено и вопреки смыслу самой жизни, онъ обязанъ бросить то единственное, чѣмъ онъ жилъ, что составляло смыслъ его жизни и уйти, въ большинствѣ случаевъ гораздо ранѣе того времени, когда онъ почувствуетъ ослабленіе своихъ духовныхъ силъ.

И вотъ, воинъ--офицеръ сталъ видѣть, что онъ прежде всего гражданинъ и чтобы поэтому... не можетъ отдать всей своей жизни, всей своей души и силъ одному военному дѣлу.

Не только общеобязательная, но и добровольная военная служба ограничена, что многіе переводятъ на шутку и мысль: «не растрачивай на службу всѣхъ своихъ силъ и способностей; такъ какъ не вся твоя жизнь можетъ быть отдана военной службѣ; выбери для души другое дѣло; на военной же службѣ отбуди свои года, постарайся урвать побольше и получше кусокъ благополучія почестей и затѣмъ... на свободѣ займись другимъ дѣломъ. Но помни, отдать всю свою душу, жизнь до конца дней твоихъ, или до упадка силъ—тебѣ не позволено»...

Даже ядру арміи—кадру инструкторовъ воспрещено всюду въ арміяхъ пожизненное посвященіе себя военной службѣ до того времени, когда онъ почувствуетъ самъ, что уже не можетъ справиться со своимъ дѣломъ, хотя и на основаніи необходимости—омолодить армію.

А сверхсрочнымъ, цѣнность которыхъ возрастаетъ съ числомъ прослуженныхъ лѣтъ до самой старости,—тѣмъ не менѣе ежегодно лишь разрѣшается наняться еще на одинъ годъ, но не больше въ общей сложности, чѣмъ на пятнадцать лѣтъ, а затѣмъ... выученныхъ, приученныхъ къ военной службѣ, можетъ быть искренно ее полюбившихъ (несмотря на запрещеніе), отдають другому дѣлу, а берутъ другихъ, чтобы... дать и другимъ заработокъ и приобрести помоложе.

Въ этомъ послѣднемъ (чтобы дать заработокъ) главнымъ образомъ и заключается штатскій взглядъ, усвоенный сверхсрочными.

Военная служба нынѣ—боюсь сказать—для многихъ уже не призваніе, а только средство къ жизни, средство къ достиженію относительнаго благосостоянія и положенія въ обществѣ.

Современный идеалъ военнаго часто абсолютно ничѣмъ не отличается отъ идеала штатскаго—чиновника-гражданина: *обзаведеніе семьей, 20-е число, «тихое и мирное житіе», развлеченіе и удовольствія, очередныя, по старшинству повышенія и награды, мечты объ окончаніи 35-ти лѣтъ и отдыхъ или занятія на другомъ поприщѣ, а то и объ общественной дѣятельности и...* «мирной, безболѣзненной кончинѣ», дома, на постели...

Во времена оны—воинъ полагалъ для себя благополучіемъ жизнь на войнѣ, а дома леченіе ранъ и немощей, нажитыхъ на войнѣ. Нынѣ—иные войны не меньше, если даже не больше штатскихъ, лепечуть о томъ, что война есть необходимое зло, міровое и (пожалуй, про себя) ихъ личное несчастіе.

Чисто военныхъ увлекательныхъ сужденій, разговоровъ, споровъ не услышать иной разъ нигдѣ за исключеніемъ... «Вторниковъ у генерала Бетрицева»¹⁾. На службѣ—старательное отбываніе номера; на семейныхъ и другихъ вечерахъ объ этомъ разсуждать нельзя: все вѣдь секретъ или же не принято; моментально останавливать хоромъ: «за слу-же-бные раз-го-во-ры—бутылка монофору...» Кромѣ того, можно прослыть узкимъ военнымъ педантомъ, не могущимъ ни о чемъ говорить, кромѣ, какъ выражаются, «осточертѣвшей» всѣмъ военщины.

А потому военный, чтобы имѣть успѣхъ у дамъ и въ обществѣ, долженъ отличаться отъ штатскаго только блескомъ формы, а во всемъ остальномъ—долженъ стараться если не превзойти, то не уступать штатскимъ всякаго рода; онъ долженъ поэтому знать литературу, искусства, исторію того и другого и ихъ дѣятелей живыхъ и мертвыхъ (двигателей же военной и общей исторіи—«фи, развѣ это дѣйствительно исторія народовъ?»), долженъ восторгаться учеными и философами, бичующими войну и ея представителей.

И вотъ военный нынѣ можетъ поддержать разговоръ: съ дамами—объ искусствѣ, театрѣ, литературѣ, съ докторами—о меди-

¹⁾ Въ собраніяхъ ревнителей—разговоры нѣтъ; тамъ лишь очень официальные сообщенія и такіе же официальные дебаты передъ аудиторіей.

цинѣ. съ философами—о философіи, съ купцами—о торговлѣ, съ земледѣльцами и помѣщиками о разнопольномъ хозяйствѣ... и единственно въ чемъ онъ не могъ бы поддержать разговора—это по военному дѣлу, смущаясь иногда въ простѣйшихъ опредѣленіяхъ и не будучи въ состояніи отстоять вѣрнѣйшихъ, почти безспорныхъ военныхъ взглядовъ и идей.

Воинъ, какъ воинъ, пересталъ интересоваться дамъ и общество. Теперь ужъ—«душка-штатскій», а не военный, и воинъ сдался и усвоилъ штатскіе взгляды. И въ службу вошли добрые штатскіе порядки: точное, регулярное отбываніе часовъ подъ контролемъ семи нянекъ²⁾; отчеты, экзамены, контроль всѣхъ семи нянекъ—безпрерывно и безъ конца всему и всѣмъ...

Отчеты о всѣхъ занятіяхъ, всякаго рода статистики и... ежедневное, спѣшное доставленіе свѣдѣній дивизионнымъ интендантамъ, отрывающимъ отъ строя миллиономъ запросовъ... А при протестахъ по росту переписки выросло объясненіе, что уменьшеніе переписки только тогда и возможно, когда строевыя части будутъ тщательно и долго обрабатывать свѣдѣнія для дивизионныхъ интендантовъ (свѣдѣнія же эти по положенію даже запрещено требовать, такъ какъ онѣ имѣются въ отчетахъ). И уже ясно, что дивизионные интенданты, снявъ съ начальниковъ штабовъ обузу хозяйственныхъ дѣлъ, удвоили ее на частяхъ войскъ.

Чрезвычайно характерно увлеченіе штатскими порядками и учрежденіями сказалось въ увеличеніи войсковыхъ комиссій; комиссіи (тоже чисто штатская выдумка, такъ какъ комиссія противорѣчить воинскому духу). Несмотря на протесты даже въ печати, на примѣръ, противъ названія «суды чести», комиссія нашла, что названіе «суды чести»³⁾, какъ имѣющееся у адвокатовъ и др. очевидно выше чѣмъ «суды общества офицеровъ».

Казалось бы, что суды чести разбираютъ только преступленія и проступки противъ одной чести, а судъ общества офицеровъ разбираетъ кромѣ уклоненій отъ чести еще уклоненія отъ воинской доблести и благородства, которыя если и могутъ быть отнесены къ чести, то только офицерской, воинской, а никакъ не къ другой, какой, на примѣръ, адвокатской, докторской, профессор-

²⁾ Не по Суворовски, который твердилъ: «солдаты любить ученіе, только, чтобы оно не продолжалось долго и—съ толкомъ».

³⁾ Я самъ протестовалъ въ печати, въ № 1005 «Развѣдчика», въ 1910 году противъ названія «суды чести».

ской и т. д., гдѣ воинская доблесть и благородство, какъ видно изъ практики, не обязательны.

Особенно рельефно замѣчается превращеніе военныхъ въ штатскихъ это—во все болѣе и болѣе развивающейся чувствительности и нервозности.

Сдерживаться, не давать свободы своей чувствительности, въ особенности не выказывать ее наружу, закалить свои нервы—совсѣмъ не по душѣ иному современному военному со штатскими взглядами. Напротивъ, какой-то военный публицистъ-педагогъ, захлебываясь отъ восторга, описывалъ, какъ красиво было, когда кадеты, расчувствовавшись отъ рассказаннаго имъ историческаго факта, всѣ расплакались...

Этотъ публицистъ, ничто же сумняшеся, рекомендовалъ всѣмъ воспитывающимъ умѣть выбирать моментъ и тему для такихъ чувствительныхъ разказовъ, чтобы... вѣроятно развить чрезвычайную чувствительность, граничащую съ женскою истеричностью.

И этимъ всѣ трогаются; никому и въ голову не приходитъ, что при воспитаніи военныхъ надо добиваться не слезъ, которыя всецѣло надо оставить для женской половины, а порывовъ хвататься за оружіе, порывовъ къ борьбѣ со зломъ и врагами Царя и Отечества, стремленія защитить слабыхъ и къ развитію чувства негодованія при малѣйшемъ униженіи своей родины...

Только подъ вліяніемъ штатскаго воспитанія могъ зародиться и долго держаться взглядъ, что война портитъ войска (вообще народъ, все человѣчество).

Зависть другъ къ другу, интриги, подкапываніе «подъ товарищей», взаимное ужасное недовѣріе и потому стремленіе въ чемъ нибудь поймать, явное недоброжелательство, особенно къ товарищамъ-кандидатамъ на повышеніе или награду, нагло-открытое стремленіе отбить жену товарища, вообще полное неуваженіе къ къ семейной собственности товарища, могло ли имѣть мѣсто въ средѣ числящихся наслѣдниками рыцарей, если бы не пагубное вліяніе полонившихъ сыновъ Марса штатскихъ понятій, этики мелкаго чиновничества.

Но и въ начальствованіи вмѣсто эпическаго спокойствія стали подражать сыны Марса: отсутствіе самообладанія, выказываніе своей нервозности (не лучше барынь, жалующихся на «нервы»), несдержанность, доходящая до истерическаго крика, ругани и «изступленія», которыми оправдываются заушенія, все это вовсе не считается не къ лицу воинамъ-вождямъ, т.-е. тѣмъ, отъ кого требуется *же-*

льзая воля. Куда тамъ! Были открытыя заявленія, что «этого» перенести не могутъ и потому... въ критическія минуты передавали командованіе, такъ какъ оказывались «въ конецъ разстроены».

...Идея нѣкоторыхъ смотровъ и порядокъ ихъ—цѣликомъ взяты изъ штатскаго обихода, а потому и не отличаются, на примѣръ, отъ объѣзда губернаторомъ своей губерніи... И несмотря на новыя въ военномъ духѣ вѣянія и даже приказы по военному вѣдомству (на примѣръ, про инициативу и др.) смотры всѣхъ степеней начальниковъ заключаются не въ повѣркѣ дѣятельности промежуточныхъ начальниковъ, а скорѣе въ повѣркѣ однихъ ротныхъ командировъ и даже взводныхъ: имѣются ли кресты, правильно ли одѣты, знаютъ ли содержаніе картинъ и вообще есть ли «порядокъ» въ ротахъ, батареяхъ, эскадронахъ... И часто ставятъ въ упрекъ, если они не догадываются о скрытомъ желаніи смотрящаго.

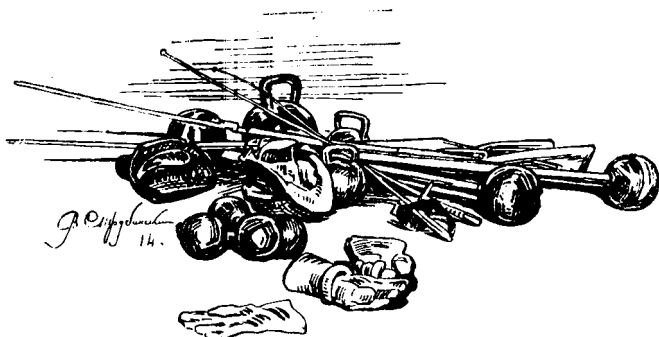
Благодаря тому, что начальники всѣхъ степеней смотрятъ каждый роты, батареи, эскадроны, команды, а отвѣчаютъ всѣ начальники промежуточныхъ степеней, всѣ нижестоящіе начальники и будутъ вмѣшиваться во всѣ детали командованія ротой, батареей, эскадрономъ, требуя каждый командованія по своему...

Много, много штатскаго духа набрались сыны Марса!

Но чувствуется возрожденіе. Начинаютъ приниматься мѣры къ развитію воинственности, самообладанія, твердости, невѣзанія въ дѣло младшаго, замѣтно инстинктивное стремленіе отдѣлиться отъ тлетворнаго штатскаго вліянія, но пока только по наружному виду. Нужно же устремиться—освободить чисто военный, рыцарскій духъ отъ угнетенія и плѣна такъ называемыхъ штатскихъ идей

Здѣсь по этому вопросу кажется будто сказано много, однако, гораздо больше недосказаннаго.

А. Дмитревскій.

Послѣ боя.

Пролетѣла смерть надъ полемъ браннымъ
И навѣкъ бойцамъ закрыла очи...
Спятъ они подъ пологомъ туманнымъ,
Подъ безстрастнымъ небомъ темной ночи...

* * *

Крѣпко спятъ... Ихъ завтра не разбудятъ
Звуки трубъ и нашъ привѣтъ прощальный.
Мы уйдемъ... И только вѣтеръ будетъ
Сторожить ихъ, вольный, безпечальный.

* * *

Мы уйдемъ, оставимъ ихъ, безгласныхъ,
Здѣсь, на этомъ славномъ, скорбномъ ложѣ...
Тамъ, въ краяхъ таинственныхъ, прекрасныхъ
Дай пріютъ имъ, Свѣте тихій, Боже!...

С. Мацкевичъ.

Психика бойцовъ подъ первымъ артилерійскимъ обстрѣломъ.

(Военно-психологическій этюдъ).

«Природа чувства опредѣляется не дѣйствительною, а воображаемою полезностью или вредомъ»¹⁾.

I. Герой храбрости по невѣдѣнію.

Герой разказа—военный врачъ. Врачъ первый разъ участвовалъ въ бою, подъ Тюренченомъ, и находился для оказанія медицинской помощи въ тылу—въ мѣстѣ расположенія обоза.

«Когда началось сраженіе, когда полетѣли артилерійскіе снаряды и стали падать то здѣсь, то тамъ, я безъ малѣйшей доли страха, совершенно спокойно, говорилъ самъ участникъ въ личной бесѣдѣ: сталъ смотрѣть на величественную картину боя: восхищался красотой и съ пріятностью слушалъ могущественный звукъ отъ разрыва снарядовъ. Кромѣ теоретическихъ соображеній я не зналъ по опыту дѣйствительной опасности отъ артилерійскаго огня. Я не зналъ, что такое шрапнель? Что такое граната? Не зналъ и ихъ губительнаго дѣйствія. Я участвовалъ въ бою первый разъ; любовался эффектной картиной разрывовъ артилерійскихъ снарядовъ, а

¹⁾ *Вильгельмъ Герузалемъ.* Учебникъ психологіи. Перев. съ нѣмец. Д. В. Викторовъ, 1911 г., стр. 222.

о личной опасности не беспокоился. Я думалъ, что *опасности для меня лично нтъ никакой*. Въ простотѣ сердца я предполагалъ, что, если будетъ смерть, будутъ раненія, то они будутъ въ передовыхъ частяхъ, въ первыхъ рядахъ войскъ. Степень опасности, по моему разумѣнію, измѣрялась разстояніемъ отъ японцевъ. Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ опаснѣе и чѣмъ дальше—даже на 20 саженой—тѣмъ менѣе опасно. Вѣдь, если будутъ убиты, то мнѣ казалось, въ началѣ будутъ убиты первые ряды, потомъ вторые, третьи и такъ далѣе....

Я находился въ обозѣ... рядовъ войскъ до меня было много... И это давало мнѣ урѣренность въ полной личной безопасности. И вдругъ, при моемъ полномъ спокойствіи, *я вижу... на глазахъ...*, почти рядомъ со мной, *... разорвался снарядъ (граната).... Лошадь разорвало въ куски; ранило санитаровъ; разломало двуколку....* И состояніе моего духа сразу измѣнилось. Держась до сего времени прямо, *я невольно пристѣлъ... и почувствовалъ себя скверно....»*

Какое душевное состояніе пережилъ герой, опредѣляя его словами: «держась до сего времени прямо... я невольно пристѣлъ... и почувствовалъ себя скверно...»?

«Если въ окружающей насъ средѣ мы встрѣчаемъ *силу*, которой мы приписываемъ непреодолимость, то чувство, возникающее въ насъ—*ужасъ* ²⁾».

Чувство ужаса пережилъ герой храбрости—по невѣдѣнію, когда предъ глазами увидѣлъ разрушительную силу артилерійскаго огня.

Воображеніе безопасности, дававшее чувство спокойствія, смѣнилось, при видѣ картины разрушенія, чувствомъ ужаса и вновь воображеніемъ, но уже *воображеніемъ опасности*, быть можетъ, бѣльшей, нежели дѣйствительная вредоносность отъ обстрѣла гранатами.

II. Герой относительной храбрости.

Герой даннаго разсказа, какъ и предыдущаго, тоже врачъ; врачъ запаса.

По характеру—выдержанный, спокойный; пріѣхалъ на войну въ началѣ кампаніи.

«Я шелъ на войну, говорилъ онъ, съ охотой и внутреннимъ желаніемъ. Будучи страстнымъ охотникомъ, я горѣлъ желаніемъ испытать ощущенія стрѣлка на войнѣ.

²⁾ *Вильгельмъ Герузалемъ*, стр. 223.

По прїѣздѣ на войну было опредѣленъ полковымъ врачомъ въ К. полкъ; чему былъ очень радъ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ узнать: что такое война? Какъ она ведется? Что испытываютъ участники сраженій?

И вотъ мое желаніе исполнилось—я на войнѣ; я полковой врачъ и полкъ въ линіи соприкосновенія съ непріятелемъ, ждетъ сраженій.

Я впервые попалъ въ крупное сраженіе. Въ обозъ, гдѣ находился медицинскій пунктъ, учащено полетѣли шрапнели и стали рваться то тамъ, то здѣсь.

Картина разрыва шрапнелей заинтересовала меня. Я съ любопытствомъ прислушивался къ свисту летящихъ снарядовъ и, наблюдая, всматривался, гдѣ и какъ они разорвутся.

Не помню, какія чувства переживалъ въ эти минуты, я не наблюдалъ за собой въ это время, но я помню, что я не трусилъ; я былъ спокоенъ. Однако, нужно думать, что это спокойствіе не было спокойствіе мирнаго обывателя, созерцающаго мирныя картины сельской жизни!

Семь часовъ пришлось стоять подъ артилерійскимъ огнемъ. Двинуться впередъ не могли; назадъ идти было нельзя. Путь отступленія находился подъ обстрѣломъ непріятельскихъ снарядовъ.

Въ общемъ я чувствовалъ себя хорошо и былъ спокоенъ....

Появились раненые.... Я, какъ врачъ, приступилъ къ перевязкамъ.... И сразу... любознательность моя и спокойное созерцаніе картины боя смѣнились тревогой и щемящей болью на сердце....

Наступила ночь. Японская артилерія замолкла. Снаряды перестали сыпаться. Мы получили возможность двинуться назадъ.

Будучи въ полной безопасности, я вдругъ ослабъ... и истерически разрыдался.

Въ горлѣ душило... Слезы текли... Я сидѣлъ и всплихивалъ. Дали холодной воды напиться; выпилъ... и понемного успокоился....

А дальше... въ продолженіи войны участвовалъ въ нѣсколькихъ крупныхъ сраженіяхъ. Одинъ разъ осколокъ гранаты сбилъ мою фуражку; другой разъ пуля шрапнели разбила носокъ сапога.

Картиной боя я уже не интересовался. И послѣ перваго боя, никогда ни разу не плакалъ».

Разсказъ не даетъ намъ данныхъ къ объясненію душевнаго спокойствія. Истекало ли спокойствіе отъ полнаго невѣдѣнія объ опасности артилерійскаго огня, какъ у предыдущаго героя разсказа, или отъ другихъ причинъ, сказать трудно.

Но, несомнѣнно, что полнаго невѣдѣнія дѣйствія огнестрѣльнаго оружія здѣсь не было. Врачъ страстный охотникъ и, слѣдовательно, зналъ законы пораженія, если не артилерійскаго огня, то ружейнаго.

Здѣсь того наивнаго представленія о воображаемой безопасности, что было въ первомъ разсказѣ, не было. Стрѣлокъ не будетъ представлять, что «сначала будутъ убиты первые ряды, потомъ вторые, третьи и т. д. Объ этомъ говорить и самъ разсказчикъ: «я не трусилъ; я былъ спокоенъ». Однако, *это спокойствіе*, прибавляетъ онъ, *не было спокойствіемъ мирнаго обывателя*, созерцающаго мирныя картины сельской жизни!

Слѣдовательно, душевное настроеніе героя хотя и было спокойное, но *спокойное относительно*. Элементъ *тревожности* былъ при этомъ состояніи, но онъ не достигалъ лишь яркой формы проявленія.

Однако, не будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что и здѣсь герой «относительной храбрости» былъ храбрымъ *по отсутствію личныхъ впечатлѣній опасности артилерійскаго огня*.

Предположеніе наше объ относительно спокойномъ душевномъ настроеніи по отсутствію личныхъ впечатлѣній объ опасности артилерійскаго огня подтверждается разсказомъ въ признаніи самого участника: «Появились раненые.... И сразу... любознательность моя и спокойное созерцаніе картины боя смѣнилось *тревогой и щемящей болью на сердце....*»

Описываемое въ подобныхъ выраженіяхъ душевное состояніе было чувствомъ *тревожно-опасливаго* ожиданія и *страха*.

Видъ раненыхъ, вызывая представленіе о *реальной опасности* отъ артилерійскаго огня, тѣмъ самымъ вызываетъ и чувство страха.

«Представленіе объ опасности, какъ силѣ, превосходящей нашу собственную силу, вызываетъ чувство страха» ³⁾, что собственно и было у нашего героя; его спокойное созерцаніе картины боя смѣнилось *тревогой и щемящей болью на сердце*, и исчезла его любознательность.... Представленіе о реальной опасности при видѣ раненыхъ вызвало тревожно-опасливое ожиданіе и временами чувство страха.

³⁾ *Вильгельмъ Герузалемъ*, стр. 223.

Однако, почему въ данномъ разсказѣ герой пережилъ *страхъ*, а не *ужасъ*, какъ въ первомъ случаѣ? И *почему*,—есть ли это страхъ,—а не другое какое-либо чувство, *герой нашъ, поддавшійся страху, не далъ отказа отъ работы*, что съ общепринятой точки зрѣнія о чувствѣ страха, должно быть на лицо? «Появились раненые... и онъ, врачъ, приступилъ къ перевязкамъ....» Съ одной стороны, при видѣ раненыхъ—чувство *страха*, а съ другой, при чувствѣ страха,—«*не отказъ отъ работы*», что является типичнымъ для охваченнаго чувствомъ страха—*а работа въ сферѣ опасности—медицинская работа—перевязка*.

Первое—почему герой пережилъ *страхъ*, а не *ужасъ*? Разница въ силѣ чувства объясняется силою впечатлѣній. У перваго при воображаемой полной безопасности, впечатлѣніе опасности *по времени—неожиданное: по силѣ—*почти стихійное; *по близости—*«передъ глазами». «Почти рядомъ со мной, говорилъ участникъ, разорвался снарядъ (граната). Лошадь разорвало въ куски; ранило санитаровъ; разломало двуколку»...

У втораго—впечатлѣніе опасности отъ вида раненыхъ. Эти впечатлѣнія *по времени—*ожидаемая, *по силѣ—*разрушительныя, но не стихійныя; *по близости—*непосредственно, но *съ постепеннымъ приближеніемъ*. Сила впечатлѣній реальной опасности была меньше, а потому не было ужаса, а былъ *страхъ*.

Второе, если это былъ страхъ, то почему не было, типичнаго для страха—*отказа отъ работы?*

По нашему мнѣнію только потому, что *чувства тревожно-опасливаго ожиданія и страха*, какъ и всякія другія чувства, до извѣстной степени *могутъ быть задержаны*.

На подобіе того, какъ мы можемъ задержать высказываніе мысли; можемъ сдержатъ себя отъ какого либо поступка; можемъ сдержаться отъ проявленія чувствъ: гнѣва, печали, радости и т. п., герой нашъ, будучи въ страхѣ, *удержалъ себя* настолько *отъ проявленій страха*, почему и могъ работать и *работалъ*, «дѣлая перевязки».

Фактъ *задержки чувства страха*, или—какъ любятъ говорить военные—«господства надъ страхомъ» или «подавленіе страха волей», фактъ очень распространенный среди боевыхъ столкновеній.

Задержка, или сдерживаніе чувства страха бываетъ иногда при ясномъ сознаніи, иногда бессознательно. Очень часто, при отвлеченіи вниманія въ сторону какой либо работойъ, бессознательная задержка чувства страха бываетъ настолько совершенной, что пережившими это состояніе *характеризуется, какъ полное*

отсутствіе страха. А между тѣмъ *страхъ* несомнѣнно былъ, но только *былъ сдержанъ*, что даетъ впечатлѣніе пережившему, какъ отсутствіе его.

Если бы, по способности сдерживать эмоціи—чувства, можно было бы говорить объ ихъ отсутствіи, то и про героя разсказа, пожалуй, можно бы сказать, что онъ не былъ въ указанныхъ чувствахъ. Между тѣмъ наличие этихъ чувствъ въ задержанной формѣ, доказывается, какъ признаніемъ самого героя, такъ и описаніемъ душевнаго состоянія послѣ боя.

«Наступила ночь. Японская артилерія замолкла. Мы получили возможность двинуться назадъ... Будучи въ *полной безопасности*, я *вдругъ ослабъ*... (Сдерживаніе чувства страха—прекратилось). И я *истерически разрыдался*. Въ горлѣ душило... Слезы текли... Я сидѣлъ и всхлипывалъ. Дали холодной воды напиться; выпилъ и понемногу успокоился»...

Обычная картина *разряда чувствъ* послѣ прекратившихся попытокъ къ сдерживанію себя, наблюдаемая даже въ мирное время, особенно у болѣе слабаго пола.

«А дальше... въ продолженіи войны участвовалъ въ нѣсколькихъ крупныхъ сраженіяхъ. Одинъ разъ осколокъ гранаты сбиль фурижку; другой разъ пуля шрапнели расшибла носокъ сапога. Картиной боя я уже не интересовался. И послѣ перваго боя, никогда, *ни разу не плакалъ*»...

Сдерживаніе чувствъ въ послѣдующее время послѣ перваго опыта было болѣе совершеннымъ и, видимо, *не прекращалось* сдерживаніе и тогда, *когда герой переходилъ изъ сферы явной опасности въ сферу полной безопасности.* Ибо, въ противномъ случаѣ, была бы или наличность проявленій страха въ несдержанной формѣ во время боя, или картина разряда чувствъ въ видѣ обычной истерики послѣ боя, по прекращеніи попытокъ по сдерживанію себя. Того и другого у героя разсказа не наблюдалось.

Обобщая *душевные переживанія* того или другого героя разсказовъ, и рассматривая ихъ вмѣстѣ, мы душевные переживанія ихъ, или иначе, общую для нихъ *психическую реакцію на впечатлѣнія подъ артилерійскимъ обстрѣломъ* можемъ подраздѣлить на два періода, отличающіеся одинъ отъ другого содержаніемъ переживаній.

Первый періодъ—переживанія *по представленію* о воображаемой опасности для себя подъ обстрѣломъ, *на основаніи знанія и опыта мирнаго времени до момента полученія «на глазахъ»*—впечатлѣній о *реально*—разрушительномъ дѣйствіи артилерій-

скаго огня; *второй* періодъ—переживанія *по представленію* о воображаемой опасности для себя подъ обстрѣломъ, *на основаніи знанія и опыта, полученнаго во время обстрѣла* съ момента полученія впечатлѣній о разрушительномъ дѣйствіи огня.

Начинается второй періодъ рѣзкимъ и неожиданнымъ *переломомъ представленія* объ опасности для самого себя. Представленіе о воображаемой опасности по опыту мирнаго времени, какъ не соответствующее дѣйствительности, рѣзко мѣняется *представленіемъ о той реальной опасности*, которая несетя каждымъ снарядомъ артилерійскаго огня, представленіемъ, которое дается, какъ выше сказано, *первымъ опытомъ* (первымъ впечатлѣніемъ), получаемымъ во время обстрѣла.

Первый періодъ характеризуется—при нахожденіи въ сферѣ дѣйствительной опасности отъ артилерійскаго огня 1) *представленіемъ* (воображеніемъ) объ относительной *личной безопасности* (по знанію (опыту) мирнаго времени); 2) относительно *спокойнымъ душевнымъ настроеніемъ*⁴⁾; 3) *наслажденіемъ* эффектами войны, по преимуществу звуковыми и зрительными впечатлѣніями отъ разрыва артилерійскихъ снарядовъ—и 4) *любопытностью* къ явленіямъ войны: «Что такое война?» «Какъ она ведется?» «Что испытываютъ участники сраженій?»

Не напоминаетъ ли приведенное описаніе душевныхъ переживаній участниковъ артилерійскаго боя *въ первомъ періодѣ*—душевныхъ же переживаній лицъ мирнаго времени во время развлеченій грандіознымъ фейерверкомъ!

Не то же ли сравнительно *спокойное* (трепетное) *душевное состояніе* вслѣдствіе представленія объ отсутствіи реальной опасности! Не та же ли *любопытность*... а что дальше будетъ? Не то же ли *наслажденіе эффектами* развлечения—звуковыми и зрительными!

Намъ думается, что эти переживанія имѣютъ много общаго между собою.

Второй періодъ характеризуется представленіемъ (воображеніемъ) *о личной опасности по опыту*, полученному «на глазахъ», *во время обстрѣла* и переживаніями, соответственно этому представленію, которыя, въ общемъ, соответствуютъ переживаніямъ

⁴⁾ Употребляя терминъ: *спокойное душевное настроеніе*, я приспособляюсь лишь къ терминологіи лицъ, пережившихъ этотъ періодъ.

Доминирующимъ настроеніемъ участниковъ, по нашему мнѣнію, является *тревожное настроеніе* («Воен. Сб.» № 11, 1913 г.), но въ данномъ случаѣ съ преобладаніемъ въ ожидаемомъ будущемъ (въ воображеніи) благоприятныхъ перспективъ—*тревожно-радостное* настроеніе.

людей, находящихся въ чувствѣ страха, въ различныхъ его формахъ;—что будетъ изложено въ другихъ статьяхъ на эту тему.

Въ приведенныхъ разсказахъ говорилось о душевныхъ переживаніяхъ врачей, людей не военныхъ собственно, впервые попавшихъ въ условія артилерійскаго боя, и реагиравшихъ на обстановку описаннымъ образомъ.

Насъ, конечно, интересуютъ другіе участники сраженій—*офицеры и солдаты*, болѣе, нежели врачи. Спрашивается, какъ они относятся къ артилерійскому бою и какія они испытываютъ душевныя переживанія? Такія ли переживанія, какъ описанныя нами у врачей, или же эти переживанія особенныя, совершенно другого свойства? Постараемся проникнуть въ ихъ психику.

III. Герои храбрости специальной подготовки—бывшіе и еще не бывшіе въ бою.

Изустные разсказы участниковъ, офицеровъ, даютъ такого рода свѣдѣнія.

«Въ первый бой войска, особенно офицеры, идутъ смѣло, открыто и даже съ радостью». Понурыхъ лицомъ и вялыхъ по движенію при вступленіи въ первый бой, почти не бываетъ.

Вступающіе въ бой высказываютъ, что *они рады*, наконецъ, *узнать—что такое война?* Такъ ли она ведется, какъ готовилось въ мирное время? Тому ли ихъ учили, что необходимо въ бою? Что переживаютъ участники въ своей душѣ? Окажутся ли они на высоты воинскаго званія и долга, къ чему они такъ стремились всей своей подготовкой и личнымъ желаніемъ быть на высотѣ долга, быть «героемъ»?

Всѣмъ хочется узнать—какимъ онъ будетъ въ бою? И вступаютъ въ бой смѣло и, повидимому, совершенно спокойные по настроенію.

Того душевнаго переживанія, которое описано вами передъ вступленіемъ въ бой ⁵⁾, говорили въ бесѣдѣ нѣкоторые изъ участниковъ, обычно нѣтъ у вступающихъ въ бой первый разъ. Войска, особенно офицеры, идутъ *въ спокойномъ душевномъ настроеніи* и съ большимъ интересомъ къ тому—что будетъ? Да, кажется, иначе и быть не можетъ. Мы воспитаны и приготовлены для войны. Каждому хочется провѣрить себя въ боевой обстановкѣ—что будетъ?

⁵⁾ Д-ръ Г. Шумковъ. Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя. «Военный Сборникъ» май, іюнь 1913 г.

Совсѣмъ другое душевное настроеніе у лицъ, уже побывавшихъ въ бою. У нихъ нѣтъ той задора; нѣтъ желанія рваться въ бой; нѣтъ интереса къ эффектамъ величественной картины боя.

Здѣсь люди испытанные, побывавшіе и знающіе, что одного задора, самоуверенности и желанія быть героемъ—мало. Обстановка боя иногда такъ повелѣваетъ, что и строго выдержанные и крѣпкіе субъекты поддаются человѣческой слабости...

Нужно отличать также психологію лицъ вступающихъ подъ артилерійскій огонь у пѣхоты и у артилеристовъ.

Артилерійскій огонь производитъ сильное моральное (психическое) воздѣйствіе на пѣхоту и не производитъ того же дѣйствія на артилеристовъ, какъ и наоборотъ, ружейный огонь не производитъ того устрашающаго вліянія на психику пѣхоты, какое онъ производитъ на артилеристовъ. Слѣдовательно, необходимо въ этомъ случаѣ отличать воздѣйствіе артилерійскаго огня на психику людей привычныхъ къ нему—артилеристовъ и на людей непривычныхъ къ нему—офицеровъ и солдатъ пѣхоты.

Нужно имѣть въ виду и то, что психическое воздѣйствіе артилерійскаго огня на пѣхотныя войска, свѣжія—первый разъ вступающія въ бой—и войска, обстрѣлянные—побывавшія въ бою—также совершенно разное».

IV. Переживанія офицера пѣхоты.

Личныя психическія переживанія офицера-пѣхотинца, первый разъ попавшаго подъ артилерійскій обстрѣлъ, рисуются въ разсказѣ: «Мечта и дѣйствительность», помѣщенномъ въ статьѣ «Военнаго Сборника»: «Вліяніе артилерійскаго огня на психику»⁶⁾.

Здѣсь я приведу краткія выдержки изъ приведеннаго разсказа. «На войну я вызался самъ. Я былъ воодушевленъ желаніемъ скорѣе попасть въ бой...

По военному училищу и на службѣ въ полку, въ которомъ состоялъ въ чинѣ поручика, считался храбрымъ, и я думалъ о себѣ, что на войнѣ окажусь на высотѣ своего положенія...

Отправляясь на войну, я мечталъ скорѣе попасть въ бой; я думалъ, что буду драться съ непріятелемъ, буду колоть, рубить его; если нельзя достать штыкомъ—буду стрѣлять. Мечталъ я, что честно исполню свой долгъ и буду или убить... или буду герой.

...Когда отецъ при прощаніи сказалъ: «я надѣюсь, что во всякомъ случаѣ ты исполнишь свой долгъ», я только пожалъ плечами

⁶⁾ Д-ръ Г. Шумковъ: «Военный Сборникъ» № 5, 1914 г.

и ничего не отвѣтилъ, такъ какъ въ душѣ моей было ясно и вѣдѣ всѣхъ сомнѣній, что я исполню свой долгъ.

На войнѣ я попалъ въ N-й полкъ. Второй день полкъ нашъ стоялъ на позиціи въ соприкосновеніи съ непріателемъ.

...Непріатель обстрѣливалъ сѣдловины вправо и влево отъ насъ. Тамъ въ окопахъ стояли наши батареи.

Сухіе, рѣзкіе выстрѣлы нашихъ орудій и сильный, мощный вой нашихъ снарядовъ *радовалъ насъ...*

Мы съ восхищеніемъ и внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣли на нашихъ артиллеристовъ, которые стойко отвѣчали на обстрѣлъ непріателя.

Мало-по-малу мы такъ привыкли къ этой стрѣльбѣ, что перестали наблюдать за ходомъ артилерійскаго боя и не замѣтили, какъ... японцы перестали стрѣлять по нашимъ батареямъ и перенесли огонь на гребень, который былъ занятъ нашимъ полкомъ.

Японцы обстрѣливали нашъ полкъ по какому-то особенному способу, выматывая всѣ нервы...

Полетъ *шрапнели* слышенъ секунды двѣ-три, но этотъ вой обрывается неожиданнымъ мягкимъ, густымъ выстрѣломъ.

Но за то эти проклятыя *шимозы* приближаются съ какимъ-то стономъ, все повышая и повышая голосъ, и подъ конецъ запюютъ съ такими переливами, что одно мгновеніе кажется, какъ будто вамъ сверлятъ самое темя буравомъ. Кончается эта музыка оглушительнымъ взрывомъ, отъ котораго начинаетъ звенѣть въ ушахъ...

Выносить это нѣтъ силъ!

Ужасъ и чувство, на подобіе тоски, наполнили скоро все мое существо...

Я, оглушенный и подавленный этимъ свистомъ, ревомъ и трескомъ, весь съѣживался и меня неудержимо тянуло внизъ—на землю... Мнѣ казалось, что тамъ (на землѣ) меня не такъ хорошо видно и поэтому безопаснѣе... Я не смотрѣлъ на свою роту... У меня мелькала мысль, зачѣмъ я здѣсь сижу... и оглядывался назадъ...

Я чувствовалъ спазмы въ горлѣ; чувствовалъ, что вотъ-вотъ я разрыдаюсь...

Отправляясь на войну я, конечно, мечталъ попасть въ бой; но я вѣдѣ думалъ, что буду драться съ людьми. *Я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя двѣствовать штыкомъ—будемъ стрѣлять...* Но, ни кому въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть...

Герой разсказа одинъ изъ лучшихъ офицеровъ пѣхоты. «По военному училищу и на службѣ въ полку считался храбрымъ»; Ъхалъ на войну «по собственному желанію»; мечталъ попасть въ бой. При напутствіи отца—«я надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ исполнишь свой долгъ», даже внутренно оскорбился, ибо «въ душѣ его было ясно и вѣдѣ всякихъ сомнѣній, что онъ исполнитъ свой долгъ».

И что же мы видимъ?

Мы видимъ въ его душевныхъ переживаніяхъ много общаго съ переживаніями врачей въ тѣхъ же условіяхъ.

Тоже подраздѣленіе душевныхъ переживаній на *два періода*.

Первый—со времени вступленія подъ огонь *до момента* получения впечатлѣній о разрушительномъ дѣйствіи артилерійскаго огня и *второй*—*съ момента* получения впечатлѣній о разрушительной силѣ огня.

Само собою напрашивается положеніе, что при вступленіи подъ артилерійскій обстрѣлъ лицъ, собственно, военныхъ—офицеровъ и солдатъ, въ мирное время уже подготовленныхъ до нѣкоторой степени къ боевымъ дѣйствіямъ, *представленіе*, или *воображеніе* ихъ о вредныхъ воздѣйствіяхъ подъ огнемъ артилеріи будетъ соотвѣтствовать въ *дѣйствительности* ожидаемымъ явленіямъ.

Но, если бы *представленіе* о вредныхъ воздѣйствіяхъ подъ артилерійскимъ огнемъ соотвѣтствовало *реальной*, или *дѣйствительной опасности* у офицера приведеннаго разсказа, то не было бы описанныхъ душевныхъ переживаній, подраздѣляющихся на два періода.

Разница душевныхъ переживаній въ томъ и другомъ періодѣ говорить о *разницѣ представленій* или воображенія объ опасности *при вступленіи* *подъ обстрѣлъ* и *по полученіи личныхъ впечатлѣній* о разрушительномъ дѣйствіи артилерійскаго огня.

Конечно, герой разсказа, какъ офицеръ-пѣхотинецъ, хорошо зналъ законы пораженія ружейнымъ огнемъ. Нужно предполагать, что хорошо зналъ (*теоретически*) законы пораженія и артилерійскимъ огнемъ, а все-таки чего-то не зналъ, къ чему-то не былъ подготовленъ и слѣдовательно, въ первомъ періодѣ *недооцѣнивалъ* сферы опасности подъ артилерійскимъ огнемъ.

«То, чего онъ не зналъ и къ чему не былъ подготовленъ», герой разсказа описываетъ слѣдующими словами. «Отправляясь на войну я, конечно, мечталъ попасть въ бой; но я вѣдь думалъ, что буду драться съ людьми. Я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя дѣйствовать штыкомъ, будемъ

стрѣлять... Но, ни кому въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидеть»...

Герой разсказа, слѣдовательно, недооцѣнивалъ степени опасности подъ артилерійскимъ огнемъ въ томъ, что ему здѣсь, кромѣ подготовки къ борьбѣ съ непріателемъ, нужно было *подготовить себя лично къ борьбѣ съ душевными переживаниями, невольными возникающими въ насъ при обстрѣлѣ артилерійскими снарядами*—этими «мертвыми машинами».

Если мы, являясь какъ бы судьями, стали осуждать печальное поведеніе въ первомъ бою, то войдя въ положеніе героя разсказа, мы должны отнести вину его не столько къ винѣ, зависящей отъ него самого, сколько къ неправильной или неполной подготовкѣ къ бою въ мирное время, въ которое даютъ солидную военную подготовку для борьбы съ непріателемъ, но не даютъ такой же подготовки *для борьбы съ самимъ собой, съ тѣми душевными переживаниями, которыя невольно возникаютъ въ человѣкъ-бойца въ обстановкѣ боя.*

Мы можемъ безъ натяжки признать: 1) что подобно врачамъ, *представленіе* или *воображеніе* офицера-пѣхотинца о явленіяхъ подъ артилерійскимъ обстрѣломъ, по *знанію*, или опыту мирнаго времени, несоотвѣтствовало дѣйствительности; воображеніе его *недооцѣнивало* сферы опасности (явленій вредныхъ), особенно по отношенію *къ личной персонѣ.*

2) Изъ представленія объ относительной *личной безопасности* вытекало то, сравнительно, *спокойное настроеніе духа*, въ которомъ находился офицеръ-пѣхотинецъ въ началѣ обстрѣла. «Онъ испытывалъ внутреннее удовольствіе и любовался съ восхищеніемъ картиной боя».

3) Подобно врачамъ, и офицеръ-пѣхотинецъ испытываетъ *наслажденіе* эффектами войны, особенно звуковыми и зрительными впечатлѣніями отъ разрыва артилерійскихъ снарядовъ.

«Сухіе, рѣзкіе выстрѣлы нашихъ орудій и сильный, мощный вой снарядовъ радовали насъ».

4) Въ большей степени, чѣмъ даже врачи, офицеръ проявилъ и *любопытность* къ вопросамъ: «Что такое война?» Такъ ли она ведется, какъ готовили въ мирное время?» «Что переживаютъ участники въ своей душѣ?» «Окажутся ли они на высотѣ своего званія?» и т. п.

Слѣдовательно, *первый періодъ* переживаній подъ артилерійскимъ огнемъ офицера-пѣхотинца и ему подобныхъ, подобно вра-

чамъ первыхъ двухъ разсказовъ, характеризуется: 1) *представленіемъ* (воображеніемъ) объ относительной безопасности для самого себя, по *знанію*, или опыту мирнаго времени; 2) относительно *спокойнымъ душевнымъ настроеніемъ*; 3) *наслажденіемъ* эффектами войны, особенно звуковыми и зрительными впечатлѣніями отъ разрыва артилерійскихъ снарядовъ, и 4) *любопытностью* къ явленіямъ войны. «Что такое война?» «Какъ она ведется?» «Что испытываютъ участники сраженій?»

Какъ все несоотвѣтствующее дѣйствительности быстро разлетается въ столкновеніи съ жизнью, такъ и первый періодъ, соотвѣтствующій неправильному представленію о явленіяхъ въ бою, при столкновеніи съ боевой дѣйствительностью быстро заканчивается и начинается второй періодъ.

Представленіе о боевыхъ явленіяхъ, по подготовкѣ мирнаго времени, неожиданно и рѣзко *затмѣняется* (быть можетъ преувеличеннымъ) *представленіемъ о той реальной опасности*, которая несетя каждымъ снарядомъ артилерійскаго огня.

Второй періодъ. Душевные переживанія офицера-пѣхотинца и ему подобныхъ во время артилерійскаго боя по полученіи *представленія о реальной опасности*, на основаніи перваго опыта полученнаго во время обстрѣла, характеризуются переживаніями свойственными, находящимся въ *чувствѣ страха*: т.-е. подобными же переживаніями, которыя мы отмѣчали выше и у врачей во второмъ періодѣ.

Свои переживанія во второмъ періодѣ офицеръ-пѣхотинецъ описываетъ въ такихъ выраженіяхъ (соотвѣтствующихъ находящемуся въ чувствѣ страха).

«*Ужасъ и чувство на подобіе тоски* наполнили все мое существо. Весь собравшись въ комокъ, сидѣлъ, закрывъ глаза руками, и дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы собрать отрывки мыслей. Оглушенный... весь съеживался, и меня неудержимо тянуло внизъ на землю... Я не смотрѣлъ на свою роту... *Я чувствовалъ спазмы въ горлѣ*, чувствовалъ, что *вотъ-вотъ я разрыдаюсь... Выносить это нѣтъ силъ!*»

Вспоминая признанія врача втораго разсказа. мы видимъ, что онъ, пораженный страхомъ, при видѣ раненыхъ, продолжалъ свою медицинскую работу (перевязки) и сдерживалъ проявленія страха до прибытія въ сферу полной безопасности и лишь тамъ онъ не выдержалъ и зарыдалъ истерически...

Здѣсь же, у офицера-пѣхотинца, мы видимъ «*спазмы въ горлѣ и вотъ-вотъ разрыдаюсь...*» еще подъ артилерійскимъ огнемъ.

Такъ что въ данномъ, частномъ случаѣ, въ смыслѣ военной добродѣтели—*самообладанія*—офицеръ, считающійся «по военному училищу и по службѣ храбрымъ», оказался въ бою менѣе выдержаннымъ, менѣе храбрымъ, нежели человекъ не военный, врачъ запаса (во второмъ разказѣ).

Спрашивается, такъ ли чувствуютъ себя и такія ли переживаютъ психическія состоянія другіе офицеры, какъ приведенный выше?

Мы не знаемъ точно о переживаніяхъ другихъ, находящихся въ такихъ же условіяхъ, на основаніи ихъ личныхъ искреннихъ признаній, но можемъ предположить съ большою долей вѣроятія и почти безошибочно, что и другіе участники-офицеры въ общемъ испытываютъ тоже.

Но, слѣдуетъ всегда принимать во вниманіе при учетѣ психическихъ переживаній, что хотя *реакція человека—его психика* на окружающія боевыя впечатлѣнія и *имѣетъ у всѣхъ людей нѣчто общее*, въ то же время *она и различается въ частности, она индивидуальна*; всякій человекъ реагируетъ на окружающія условія въ общемъ одинаково со всѣми людьми, въ частности въ то же время онъ уклоняется отъ общаго; онъ реагируетъ индивидуально.

Въ статьѣ: «Вліяніе артилерійскаго огня на психику» ⁷⁾ было мною указано, что хотя вся рота, находившаяся подъ обстрѣломъ артилерійскими снарядами, впала въ состояніе страха (панику) и сообразно этому чувству проявляла себя въ поведеніи и боевой дѣятельности, командиръ роты, прозванный за малый ростъ и не бравый видъ, въ насмѣшку, «Карлушей», *почти одинъ изъ всѣхъ не впалъ въ паническое состояніе* и своимъ примѣромъ и выдержкой удержалъ роту отъ паники. Хотя онъ пережилъ внутреннія психическія состоянія, какъ и всѣ другіе (чувство страха), но *онъ сдержалъ себя* отъ поглощенія этимъ чувствомъ. А то, что онъ дѣйствительно переживалъ это состояніе, свидѣтельствуетъ объ этомъ замѣтка въ разказѣ такого содержанія. «Командиръ роты въ началѣ обстрѣла, по обыкновенію своему, улыбался; но *очень скоро улыбка сошла съ его лица; онъ сталъ покрикивать....*»

Общая психическая реакція на впечатлѣнія отъ разрыва и дѣйствія артилерійскихъ снарядовъ *у всей роты была одинакова*, порождая у всѣхъ *чувство страха*, но реакція индивидуумовъ была разная; у командира роты *чувство страха было въ сдержанной формѣ*—безъ потери самообладанія; у другого офицера, его помощника, описаннаго нами выше, въ формѣ менѣе *несдержанной*,

⁷⁾ Д-ръ Г. Шумковъ. «Военный Сборникъ» 1914 г. № 5.

съ нѣкоторой потерей самообладанія и съ разрядомъ чувствъ почти до истерическихъ слезъ и рыданій.

Мы здѣсь не говоримъ объ индивидуальныхъ реакціяхъ лицъ, находящихся подъ обстрѣломъ артилерійскимъ огнемъ, мы отмѣчаемъ пока *общую*—общечеловѣческую *реакцію*.

Объ этихъ общихъ реакціяхъ даютъ свѣдѣнія приведенные выше изустные рассказы участниковъ—офицеровъ, побывавшихъ въ подобныхъ условіяхъ.

«Въ первый бой войска, особенно офицеры, идутъ смѣло, открыто и даже съ радостью. Понурыхъ лицемъ и вялыхъ по движенію при вступленіи въ первый бой почти не бываетъ».

«Войска, особенно офицеры, въ бой первый разъ идутъ въ спокойномъ душевномъ настроеніи и съ большимъ интересомъ къ тому—что будетъ?»

Мы, въ общемъ, можемъ принять за положеніе, что *войска и офицеры вступаютъ въ бой первый разъ въ настроеніи духа, относительно спокойномъ*.

Вступая въ бой, войска, не предполагая пока опасности для своей личности, испытываютъ *удовольствіе и наслажденіе* отъ эффектной картины развертывающагося боя—отъ звуковыхъ и зрительныхъ впечатлѣній при разрывахъ артилерійскихъ снарядовъ.

Войска и офицеры проявляютъ сильную *любопытность*. «Всѣмъ хочется узнать, какимъ онъ будетъ въ бою? Каждому хочется проверить себя въ боевой обстановкѣ? Что такое война? Такъ ли она ведется, какъ готовились въ мирное время? Что переживаютъ участники въ своей душѣ?» и т. п.

«Совсѣмъ другое душевное настроеніе у лицъ, уже побывавшихъ, говорятъ участники сраженій, у нихъ *нѣтъ того задора; нѣтъ желанія рваться въ бой; нѣтъ интереса къ эффектамъ величественной картины боя*. Здѣсь люди испытанные, побывавшіе и знающіе, что одного задора, самоувѣренности и желанія быть героемъ—мало. Обстановка боя иногда такъ повелѣваетъ, что и строго выдержанные и *крѣпкіе субъекты поддаются человѣческой слабости* (чувству страха—въ несдержанной формѣ съ потерей самообладанія).

Душевные переживанія, или общая психическая реакція войскъ и офицеровъ на впечатлѣнія отъ артилерійскаго огня въ первомъ артилерійскомъ обстрѣлѣ, подобно психикѣ врачей и психикѣ приведеннаго офицера-пѣхотинца, какъ видно изъ сказаннаго, *подраздѣляются на два періода*. Первый періодъ со времени вступленія подъ огонь до момента полученія реальныхъ впечатлѣній о

разрушительномъ дѣйствіи артилерійскаго огня и *второй*—съ момента полученія впечатлѣній о разрушительной силѣ огня—«обстрѣлянные войска».

Мною уже было упомянуто, что разница душевныхъ переживаній въ томъ и другомъ періодѣ (у войскъ, необстрѣлянныхъ и обстрѣлянныхъ) говоритъ о размѣрѣ *представленій*, воображенія или пониманія *опасности для себя* при вступленіи подъ обстрѣлъ и по полученіи личныхъ впечатлѣній о разрушительномъ дѣйствіи артилерійскаго огня. Если бы представленіе объ опасности для себя соотвѣтствовало дѣйствительности, то не было бы подраздѣленія душевныхъ переживаній на два періода.

Приведенное положеніе подтверждается участниками сраженій въ признаніи, что «артилерійскій огонь производитъ *сильное моральное (психическое) воздѣйствіе на пѣхоту* и не производитъ того же дѣйствія на артилеристовъ». «Необходимо отличать воздѣйствія артилерійскаго огня на психику людей *привычныхъ къ нему*—артилеристовъ и на людей *непривычныхъ къ нему*—офицеровъ и солдатъ пѣхоты.

Признаніе это говоритъ о томъ, что при *реальномъ*—«привычнымъ»—*представленіи* о воздѣйствіи артилерійскаго огня у артилеристовъ нѣтъ рѣзкихъ подраздѣленій душевныхъ переживаній на упоминаемые періоды.

Дѣленіе психическихъ переживаній всегда есть у лицъ, не имѣющихъ *реального* («привычнаго») представленія о дѣйствіи на психику артилерійскаго огня—и это *явленіе, какъ правило, наблюдается у офицеровъ и солдатъ пѣхоты.*

Слѣдовательно, офицеры и солдаты пѣхоты, какъ приведенные выше врачи, не имѣютъ *реального представленія о явленіяхъ, наступающихъ невольно въ нихъ же самихъ* подъ артилерійскимъ огнемъ и *нѣтъ у нихъ умѣнья бороться съ этими явленіями*—«нѣтъ привычки», подобно привычкѣ артилеристовъ.

«Я, да и всѣ мы офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя дѣйствовать штыкомъ, будемъ стрѣлять..., говорить герой приведеннаго третьяго разсказа. *Но никому въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть...*

Офицеры и солдаты, слѣдовательно, какъ правило, *не дооцѣниваютъ сферы опасности* подъ артилерійскимъ огнемъ потому, что они, кромѣ полученной подготовки къ борьбѣ съ непріателемъ, *не получили подготовки или «привычки» къ борьбѣ съ душевными*

переживаніями, невольно возникающими въ нихъ при обстрѣлѣ артилерійскими снарядами.

И это *неимѣніе реального представленія* о явленіяхъ, наступающихъ невольно въ психикѣ ихъ же самихъ подѣ артилерійскимъ огнемъ, вслѣдствіе отсутствія должной подготовки въ мирное время, накладываетъ печать на душевныя переживанія на находящихся подѣ артилерійскомъ обстрѣломъ въ бою, которыя и дѣлятся на два періода: первый періодъ—*до полученія реального представленія* о явленіяхъ подѣ артилерійскимъ обстрѣломъ и второй—*по полученіи.*

На основаніи изложеннаго прихожу къ выводамъ:

1) Душевныя переживанія войскъ и офицеровъ пѣхоты подѣ первымъ артилерійскимъ обстрѣломъ ничѣмъ, почти, не разнятся отъ переживаній лицъ, не получившихъ спеціально-военной подготовки (врачи запаса).

2) Причину того, что, подготовленные къ борьбѣ съ непріателемъ, войска по отношенію къ психологическимъ переживаніямъ являются такими же неподготовленными, какъ люди не военные, нужно, собственно, отнести къ отсутствію должнаго обученія войскъ въ мирное время. При современномъ военномъ обученіи и воспитаніи не принимается никакихъ рациональныхъ пріемовъ къ обученію мѣрамъ борьбы съ тѣми тягостными душевными переживаніями, возникающими невольно подѣ артилерійскимъ обстрѣломъ у войскъ, которыя въ конечномъ результатѣ ведутъ къ потерѣ бойцовъ, какъ дѣятельныхъ и полезныхъ работниковъ (въ чувствѣ страха съ потерей самообладанія).

3) Призваніе факта, что артилеристы, вслѣдствіе большой «привычки», не переживаютъ тѣхъ тяжелыхъ психическихъ состояній, которыя бывають у пѣхоты, говоритъ за то, что воспитаніе въ перенесеніи тягостныхъ переживаній подѣ обстрѣломъ возможно; этотъ же фактъ указываетъ пути подобнаго обученія и даетъ увѣренность въ возможности достиженія необходимыхъ результатовъ.

4) *Душевныя переживанія войскъ подѣ обстрѣломъ*, или иначе, общая психическая реакція войскъ на впечатлѣнія артилерійскаго огня подѣ обстрѣломъ, въ началѣ и концѣ его, разны. Для психологическаго разсмотрѣнія эти переживанія могутъ быть подраздѣлены на два періода.

5) Первый періодъ съ момента вступленія подѣ обстрѣлѣ *до момента полученія «на глазахъ» реального представленія* о силѣ и дѣйстви артилерійскаго огня характеризуется: преобладаніемъ *въ воображеніи участниковъ представленій о дѣйстви артилерій-*

скаго огня, по знанію и опыту мирнаго времени, которыя у войскъ пѣхоты всегда неправильны въ смыслѣ недооцѣнки вредныхъ воздѣйствій артилерійскаго огня по отношенію къ самимъ себѣ (къ воздѣйствію на психику).

6) Примиренные съ ожидаемыми по знанію и опыту мирнаго времени представленіями объ опасности въ сферѣ огня (возможная смерть и раненія) — войска и, особенно, офицеры вступаютъ подъ обстрѣлъ смѣло, открыто и охотно въ *радостно-тревожномъ настроеніи* (по словамъ участниковъ въ «спокойномъ настроеніи»); *наслаждаются* въ началѣ картиной развертывающагося боя, звуковыми и зрительными эффектами артилерійскаго огня и горять *любопытностью* узнать: Что такое война въ дѣйствительности? Какъ она ведется? Что испытываютъ участники сраженій? и т. п.

7) Второй періодъ начинается съ момента полученія «на глазахъ» *реальною представленія* о разрушительной силѣ и дѣйствіи артилерійскаго огня (вида раненій и смерти) и характеризуется: преобладаніемъ въ *воображеніи* участниковъ *представленій* о дѣйствіи артилерійскаго огня *по полученію подѣ обстрѣломъ опыту* (впечатлѣнію).

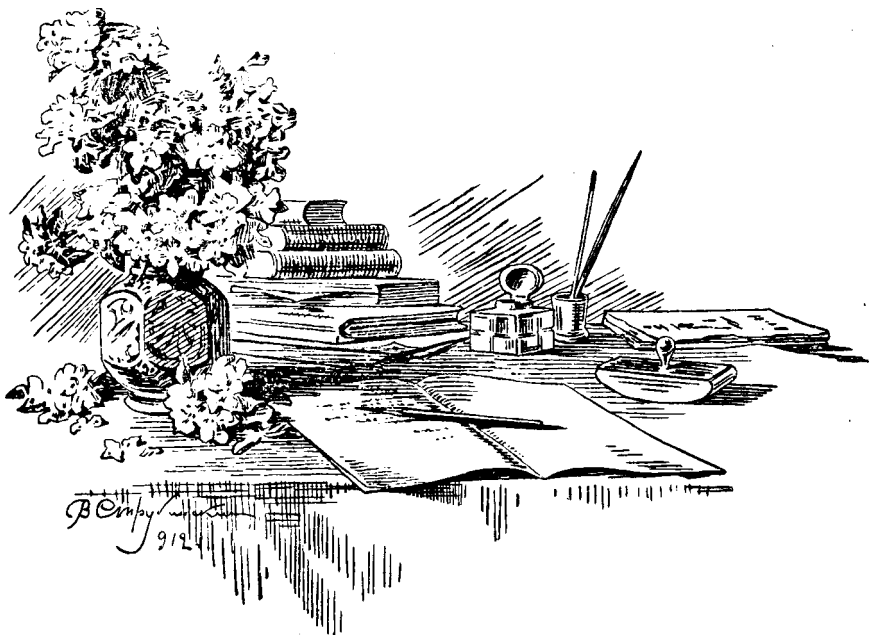
Вслѣдствіе отсутствія «прирычки» къ перенесенію невольныхъ тяжелыхъ душевныхъ переживаній отъ *реальною* вида раненій, смерти и отъ рѣзкихъ впечатлѣній артилерійскаго огня, *воображеніе* участниковъ *переоцѣниваетъ* явленія опасности отъ вреднаго воздѣйствія артилерійскаго огня по отношенію къ самому себѣ.

8) Такъ какъ «природа чувствъ опредѣляется не дѣйствительною, а воображаемою полезностью, или вредомъ», то при *переоцѣнкѣ воображеніемъ* явленій опасности для самихъ себя, участники претерпѣваютъ душевныя переживанія, соотвѣтственно своему *преувеличенному представленію* объ опасности.

Эти душевныя переживанія соотвѣтствуютъ переживаніямъ людей, находящихся въ *чувствахъ: тревожно-опасливаго ожиданія и страха*; причемъ, находясь въ этихъ чувствахъ, лица или *сохраняютъ самообладаніе*, что обычно военные называютъ «*отсутствіемъ страха*», или *лица теряютъ самообладаніе*, иногда ихъ называютъ болѣе мягко «*поддающимися человеческой слабости*».

Д-ръ Т. Шумковъ.

Нравственная настроенность, какъ данная жизни арміи.

(Укладъ духовной жизни).

(Продолженіе 1).

IV. Учебное дѣло.

Уolkовой священникъ не только пастырь-просвѣтитель, но и прямо—учитель, которому должны быть не чужды методы-способы обученія.

И вотъ, представляется, между прочимъ, интереснымъ установить: съ какой степенью общей и духовной подготовки (да позволено будетъ такъ выразиться) являются на службу наши новобранцы.

Странно, но отзывы съ разныхъ сторонъ и отъ лицъ разнаго положенія сводятся къ тому, что грамотность, а съ нею и общая развитость военнаго контингента не прогрессируютъ..., несмотря на увеличивающееся число народныхъ школъ и якобы общій подъёмъ сознательности народныхъ массъ. Нѣкоторые объясняютъ это рецидивомъ безграмотности, послѣ ранняго, да при томъ мало удовлетворительнаго ученія. Очень можетъ быть, что это и такъ;

1) См. «Военный Сборникъ» № 6. См. также для большой ясности настоящей статьи поясненіе, данное въ первой статьѣ.

явленіе это почти повсемѣстное: въ Германіи, многіе новобранцы не знаютъ, кто былъ Бисмаркъ, а столицей Пруссіи считаютъ городъ «Германію»; въ Италіи 50⁰/о новобранцевъ не знаютъ названія столицы королевства, а Гарибальди считаютъ и королемъ и просто «благочестивымъ человѣкомъ»; во Франціи конскрипты изъ Орлеана на $\frac{3}{4}$ общаго ихъ числа ничего не знаютъ объ Орлеанской дѣвѣ!²⁾

Въ частности, въ отношеніи духовно-религіозной подготовки наши новобранцы поражаютъ своею непросвѣтленностью: многіе не знаютъ кто былъ Иисусъ Христосъ³⁾, или называютъ Сына Божія— Сусе, Божію Матерь называютъ Параскевой Пятенкой... Трудно вѣрится, но фактъ—русскіе православные крестьяне *не всѣ* умѣютъ положить крестное знаменіе—перекреститься; по опросамъ часто выясняется, что встрѣчаются люди, до прибытія въ полкъ ни разу не бывшіе у исповѣди, ни разу не принимавшіе св. Тайнъ. Есть такіе уголки Россіи, изъ которыхъ люди заявляютъ, что они никогда еще церкви не видѣли! Значеніе молитвъ вообще мало удовлетворительно; кто и знаетъ кое-какія молитвы, то зачастую въ невѣрномъ ихъ чтеніи, безъ пониманія смысла и значенія молитвословій.

Но все же вѣра крѣпка въ народѣ, религіозность, хотя бы и обрядовая, сильна въ немъ⁴⁾. Однако, къ этому несомнѣнно точному заключенію необходимы оговорки: 1) уроженцы земледѣльческихъ губерній болѣе религіозны, нежели уроженцы съ развитыми фабричною и заводскою промышленностями и отхожими промыслами и 2) печально явленіе, наблюдаемое нашими народными учителями и учительницами: въ средѣ дѣтвора начинаетъ замѣчаться *отсутствіе* религіозности, что, разумѣется, скажется въ ближайшемъ будущемъ.

Высказанныя замѣчанія необходимы для уясненія той большой дѣятельности, которая выпадаетъ на долю полковыхъ батюшекъ, а также и того вниманія къ развитію и упроченію нравственной настроенности, которое удѣляется начальниками частей, да и должна быть удѣляема всѣми офицерами—въ средѣ нижнихъ чиновъ. Извѣстно: «по религіозной настроенности начальниковъ идетъ и духовно-нравственная жизнь подчиненныхъ». Это аксіома, которую долженъ усвоить каждый офицеръ.

²⁾ Не даромъ въ Америкѣ обсуждается «бидль о грамотности (для допущенія въ страну) эмигрантовъ», такъ велика еще тьма XX вѣка!...

³⁾ Въ берлинскихъ школахъ отвѣчаютъ, что основателемъ христіанства былъ Лютеръ.

⁴⁾ О значеніи обряда см. въ 1-й части настоящей статьи.

По общему порядку, занятія полковыхъ священниковъ внѣ церкви раздѣляются на *служебныя* (по наряду-приказу) и *внѣслужебныя* (по собственному усмотрѣнію) бесѣды, по особо установленной программѣ «о вѣрѣ и жизни христіанской» (изданіе Главнаго штаба). Въ сущности же священнику приходится учить солдатъ, какъ дѣтей: отъ понятія о крестномъ знаменіи, и постепенно развивая ихъ до весьма обстоятельныхъ понятій въ истинахъ вѣры, попутно обучая молитвамъ, заповѣдямъ и церковнымъ пѣснопѣніямъ, чтенію св. Евангелія и богослужебныхъ книгъ.

Мало того, полковой священникъ въ настоящее время удѣляетъ не мало времени на разъясненіе основаній православія въ противоположеніе иновѣрій и сектантства (см. ниже VI).

Понятно, что при подобномъ положеніи *учебнаго дѣла* въ сферѣ религіозно-нравственной не представляется возможнымъ точно разграничивать служебныя и внѣслужебныя бесѣды, тѣмъ болѣе, что одинъ какой-либо вопросъ со стороны слушателя, на который отвѣтъ долженъ быть данъ, конечно, немедленно, для поддержанія авторитета батюшки, легко превращаетъ, скажемъ, *урокъ* въ бесѣду и обратно. Это дѣло истинно живое! Все и вся въ личности духовнаго отца.

Почти всѣ священники посвящаютъ религіозно-нравственныя бесѣды также обсужденію пороковъ, наиболѣе часто встрѣчающихся въ солдатскомъ быту: пьянства, разврата, сквернословія, божбы, мелкаго воровства, отлучекъ и вообще дурнаго поведенія, съ цѣлью исправленія порочныхъ или только опускающихся людей⁵⁾.

Нѣкоторые священники находятъ время связывать свои духовныя поученія съ разказами событій отечественной исторіи, именно тѣхъ, которые могутъ способствовать къ утвржденію русской самобытности и воскрешать въ памяти примѣры преданности долгу и завѣты героизма. Для пробужденія чувства соревнованія—стремленія къ подражанію и вообще любви къ родинѣ и ко всему національному. Какъ это важно, *по слову* отца духовнаго!

Общая тенденція подобныхъ бесѣдъ: пробужденіе мысли *свѣтлой*, чувства *теплаго*, молитвы *сердечной*⁶⁾.

Въ виду низкаго уровня развитія солдатъ, полковые священ-

⁵⁾ Въ кавалеріи и артилеріи проводятся бесѣды «о кроткомъ обращеніи съ лошадью».

⁶⁾ Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ батюшекъ бесѣдами съ *офицерами* достигъ того, что въ его полку возникъ религіозно-философскій кружокъ. подъ его же предѣтельствомъ. Во многихъ частяхъ, въ офицерскія читальни, выписываются духовныя журналы.

ники начинают веденіе бесѣдъ такъ, что приравниваютъ ихъ къ житейскому казарменному укладу, освѣщая послѣдній Евангельскимъ свѣтомъ. Это обстоятельство—устраненіе догматики—вызываетъ ревностное посѣщеніе подобныхъ бесѣдъ иновѣрцами и между ними изъ евреевъ и мусульманъ.

«Типы» заводскихъ и фабричныхъ «всезнаекъ», относящихся къ бесѣдамъ съ усмѣшкой, да сарказмомъ: «знаемъ-моль; все это уже слышали...», къ счастью рѣдки. Оторванные отъ захолаживавшей ихъ среды, въ духовномъ отношеніи, въ общемъ, и заводскіе-фабричныя «ребята», случается, скоро становятся проще, естественнѣе и поддаются духовному на нихъ воздѣйствію.

Служебныя бесѣды, обыкновенно, ведутся отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ недѣлю (въ пѣхотѣ, въ кавалеріи много меньше), въ продолженіи 1—2 часовъ каждая; къ сожалѣнію, время для бесѣдъ опредѣляется въ большинствѣ случаевъ «послѣ занятій»—вечернее, когда люди уже устали за день. Однако, бесѣды проводятся оживленно и солдаты ихъ любятъ и нерѣдко интересуются—о чемъ будетъ батюшка говорить «въ другой разъ». Любятъ солдаты, когда послѣ бесѣды выдаются имъ «листки», либо «книжки» для утвержденія ихъ въ положеніяхъ проведенныхъ бесѣдъ⁷⁾.

Не чуждаются посѣщенія бесѣдъ и начальники частей, вводя себя въ число слушателей, а не наблюдателей за аудиторіей, что производитъ особо благопріятное впечатлѣніе на солдатъ. Разумѣется, будетъ на бесѣдѣ полковой командиръ, явятся и офицеры.

Надо отдать справедливость офицерамъ, если извѣстно въ баталіонѣ о предстоящемъ посѣщеніи батюшкой помѣщений ротъ (внѣ порядка очередныхъ бесѣдъ), то почти вездѣ и всегда батюшку встрѣчаютъ по-ротно всѣ офицеры и во главѣ баталіонный командиръ.

Что касается, такъ сказать, обстановки, которая имѣетъ громадное значеніе, импонируя на массу своей показной стороной, то въ помѣщеніи, опредѣляемомъ для бесѣдъ, обязательно находится икона съ зажженной предъ нею лампадой. Бесѣда начинается и заканчивается пѣніемъ молитвъ Св. Духу, Достойно есть, Спаси Господи; если бесѣда касалась темъ исторической или патріотической, то поется народный гимнъ.

Если бесѣда придется передъ полковымъ праздникомъ или праздникомъ одной изъ ротъ, то поется праздничный тропарь.

Принимая во вниманіе громадный трудъ служенія полкового

⁷⁾ Въ нѣкоторыхъ полкахъ, такіе листки и книжки сохраняются въ ротахъ открыто, на отдѣльных столикахъ, для прочтенія желающими, когда то желательно; *листки* — брошюруются въ книжки. Кромѣ того, въ помѣщеніяхъ развѣшиваются по стѣнамъ тоже религиозно-нравственные листки-плакаты.

священника и достигаемые вполне удовлетворительные результаты по религіозно-нравственному просвѣщенію нижнихъ чиновъ, которые уходя со службы утвержденные въ истинахъ вѣры православной, сознаниемъ и пониманиемъ важнѣйшихъ молитвъ, заповѣдей, пріобыкшіе къ ежедневнымъ утренней и вечерней молитвамъ, къ бытію у исповѣди и принятію Св. Тайнъ, къ разумѣнію богослуженія и умѣнію пѣть въ общемъ хорѣ церковныя молитвословія, представляется возможнымъ правильно безпристрастно оцѣнить подвигъ такового слушенія. И слѣдуетъ помнить, что вѣдь время воздѣйствія полкового священника длится всего 3—4 года.

Ясно насколько нелѣпъ иногда бросаемый арміи упрекъ, что будто бы военная служба развращаетъ молодыя поколѣнія, а дѣятельность военного священника не на должной высотѣ.

Сколько еще заботъ и труда полковому батюшкѣ въ храмѣ Божіемъ?!

V. Военные храмы. — Благотворительность. — Богослуженія; отправленіе требъ.—Кладбища.

«Молитва—это воспитаніе» (Ө. М. Достоевскій). Религіозное чувство стремиться къ проявленію во внѣ, и молитва первый актъ выраженія духовнаго настроенія.

Множество военныхъ храмовъ, церквей, соборовъ, вполне удовлетворяющихъ молитвенному настроенію молящихся, какъ по внутреннему расположенію, такъ и по благолѣпію; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо избытокъ свѣта, воздуха, уюта, т.-е. условій, располагающихъ къ сосредоточенію, тихой, спокойной молитвѣ.

Но, разумѣется, далеко не всѣ воинскія части имѣютъ и могутъ имѣть свои церкви: приходится пользоваться приходскими храмами, что крайне неудобно по многимъ причинамъ, по нерѣдкому проявленію неудовольствія мѣстнаго духовенства къ пришлымъ прихожанамъ. Да это и возможно въ рѣдкихъ случаяхъ: команды приходится посылать далеко отъ расположенія части и во всякомъ случаѣ, къ богослуженіямъ, по необходимости (дабы не занимать много мѣста) увольняется, сравнительно, незначительное число людей.

Поэтому подъ помѣщеніе полковыхъ церквей отводятся залы-комнаты въ казармахъ, столовыхъ (церковь отдѣляется съемной перегородкой)⁸⁾, и даже въ манежахъ. Случается, что богослуженія отправляются непосредственно въ ротныхъ помѣщеніяхъ предъ еди-

⁸⁾ Перегородка, конечно, не устраняетъ проникновенія въ церковь изъ столовой пыли, чада, пара, табачнаго дыма.—Кое-гдѣ не возбраняютъ обѣдать и ужинать людямъ въ фуражкахъ; батюшки съ этимъ конечно борются.

нымъ ротнымъ образомъ, и тогда солдаты лишаются возможности слушать литургію.

При малой вмѣстимости помѣщенія для полковой церкви, роты бывають на церковныхъ службахъ только по очереди и при томъ очереди рѣдкой. Есть церкви по пространству 14×8 аршинъ! Есть церкви, въ которыхъ зимой температура почти одинакова съ внѣшней и для цѣлованія выносятся не металлическій, а деревянный крестъ. Но это въ одномъ изъ далеко окраинныхъ храмовъ.

Есть церкви и церкви военныя, отстоящія отъ расположенія частей на три версты.

Съ внѣшней стороны, военные храмы, по возможности, обносятся рѣшетками, нерѣдко обсаживаются деревьями, а то около храма разбивають клумбы цвѣтовъ и создаютъ «свои» полковые садики, въ которыхъ играютъ дѣти офицеровъ и сверхсрочныхъ, у храма Божьяго.

Число лагерныхъ церквей менѣе необходимаго, но по усердію войскъ эти церкви возводятся при первой къ тому возможности и обставляются средствами полковъ и паствы достаточно благолѣпно; какъ постройки легкаго типа, деревянныя, иногда просто досчатая—онѣ весьма недолговѣчны.

Что значить и въ этомъ дѣлѣ инициатива батюшки, идущая къ сердцу чиновъ полка! Въ одномъ изъ лагерей не было церкви. Священникъ частей лагернаго сбора, какъ-то объяснилъ солдатамъ, что безъ церкви можно служить только молебны, да обѣдницы, а будь церковь—служились бы и литургіи; солдаты скучали, что не слышать обѣденъ. И вотъ чрезъ строевое начальство они предложили свой трудъ къ сооруженію «пристройки» для алтаря къ одной изъ полковыхъ столовыхъ; работа, буквально, закипѣла и *въ недѣлю* ровно явилась пристройка, устроенъ алтарь (собственнымъ искусствомъ, нашлись и солдаты-иконописцы), организовался пѣвческій хоръ, явились чтенцы, церковники, а столовая-церковь стала едва вмѣщать молящихся.

Это не единственный примѣръ.

А вотъ, какъ въ минувшую войну созидались военные храмы.

Походныя церкви, установленнаго типа, были очень громоздки, грузны и на передовыхъ линіяхъ почти не встрѣчались.

Полки собственными усилиями и, въ общемъ, съ успѣхомъ восполняли недочеты казеннаго снаряженія. А офицеры, и нижніе чины съ рѣдкой охотой помогали священникамъ обставлять богослуженіе возможнымъ благолѣпіемъ, а главное—созидать, хотя бы, подобіе настоящаго храма. При дружномъ, можно сказать, пого-

ловномъ содѣйствіи устраивались приличныя церкви въ китайскихъ фанзахъ, госпитальныхъ шатрахъ, зимой—въ землянкахъ. Изъ скуднаго матеріала: ротныхъ иконъ, нѣсколькихъ кусковъ разноцвѣтной китайской «дрели» (бумажной матеріи), гаоляна и обрубковъ дерева сооружали иконостасы, подсвѣчники; изъ проволоки и патронныхъ гильзъ—паникадила, изъ китайскихъ колоколовъ—звонницы. Если находились «свои» живописцы, то они, разумѣется, прилагали всѣ старанія къ благоуукрашенію храма. Какъ важенъ былъ для войскъ походный примитивный храмъ трудно и выразить: онъ переносилъ молящихся въ родную обстановку православныхъ храмовъ на родинѣ, вселялъ душевное умиленіе, располагалъ къ искренней горячей молитвѣ и тѣмъ давалъ отдыхъ душѣ и сердцу.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя бывало устроить временной храмъ, богослуженіе совершалось подъ открытымъ небомъ: покрытый пеленой столъ или сдѣланное изъ дерна возвышеніе замѣняло престолъ; небольшой, заграждавшій святыню отъ вѣтра и дождя, навѣсъ изъ палатокъ являлся алтаремъ, а сводъ небесный—былъ куполомъ храма.

Въ тихую, ясную погоду богослуженіе подъ открытымъ небомъ и особенно совершеніе литургіи, представляли трогательную картину: кругомъ необозримыя манчжурскія поля; предъ палаткой-церковью море головъ, а надъ всѣмъ—солнышко, какъ величественная лампада.... И по странѣ, еще не узнавшей Христа, далеко, далеко изъ груди воиновъ, пришедшихъ быть можетъ положить жизнь за други своя, несутся великія, хвалебныя пѣсни Источнику истинной жизни и Побѣдителю смерти....⁹⁾

На передовыя позиціи, какъ приношеніе Россійской арміи, въ Отдѣльную Сибирскую бригаду, въ апрѣлѣ 1905 года, была отправлена изъ С.-Петербурга, отъ благотворительнаго кружка «Добрый Путь», спроектированная и исполненная кружкомъ, при лептѣ, Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Августѣйшей Покровительницы кружка, *первая*—походно-вьючная шатровая церковь, съ звонницей, съ вьюками на двѣ лошади, въ общемъ—вѣсомъ для одной лошади 7 пуд., а для другой 6 пуд., совсѣми необходимыми—утварью, книгами, запасомъ свѣчей, ладона, крестиковъ, образковъ и пр.¹⁰⁾

⁹⁾ Замѣчательная книжка «Служеніе священника на войнѣ» (Спб., 1912 г.; стр. 11—12) должна быть прочтена каждымъ офицеромъ, каждымъ юнкеромъ; авторъ сокрылъ себя подъ инициалами П. Г. Ш.; рисунки въ книжкѣ позволяютъ открыть имя его. Это «наблюденія участника Русско-японской войны».

¹⁰⁾ Первое богослуженіе совершено 14-го мая. Дальнѣйшая судьба этой церкви остается неизвѣстной; интересно было бы получить какія-либо о ней свѣдѣнія отъ

нымъ ротнымъ образомъ, и тогда солдаты лишаются возможности слушать литургію.

При малой вмѣстимости помѣщенія для полковой церкви, роты бываютъ на церковныхъ службахъ только по очереди и при томъ очереди рѣдкой. Есть церкви по пространству 14×8 аршинъ! Есть церкви, въ которыхъ зимой температура почти одинакова съ внѣшней и для цѣлованія выносятся не металлическій, а деревянный крестъ. Но это въ одномъ изъ далеко окраинныхъ храмовъ.

Есть церкви и церкви военные, отстояція отъ расположенія частей на три версты.

Съ внѣшней стороны, военные храмы, по возможности, обносятся рѣшетками, нерѣдко обсаживаются деревьями, а то около храма разбиваютъ клумбы цвѣтовъ и создаютъ «свои» полковые садики, въ которыхъ играютъ дѣти офицеровъ и сверхсрочныхъ, у храма Божьяго.

Число лагерныхъ церквей менѣе необходимаго, но по усердію войскъ эти церкви возводятся при первой къ тому возможности и обставляются средствами полковъ и паствы достаточно благолѣпно; какъ постройки легкаго типа, деревянные, иногда просто досчатая—онѣ весьма недолговѣчны.

Что значить и въ этомъ дѣлѣ инициатива батюшки, идущая къ сердцу чиновъ полка! Въ одномъ изъ лагерей не было церкви. Священникъ частей лагернаго сбора, какъ-то объяснилъ солдатамъ, что безъ церкви можно служить только молебны, да обѣдницы, а будь церковь—служились бы и литургіи; солдаты скучали, что не слышатъ обѣденъ. И вотъ чрезъ строевое начальство они предложили свой трудъ къ сооруженію «пристройки» для алтаря къ одной изъ полковыхъ столовыхъ; работа, буквально, закипѣла и *въ недѣлю* ровно явилась пристройка, устроенъ алтарь (собственнымъ искусствомъ, нашлись и солдаты-иконописцы), организовался пѣвческій хоръ, явились чтецы, церковники, а столовая-церковь стала едва вмѣщать молящихся.

Это не единственный примѣръ.

А вотъ, какъ въ минувшую войну созидались военные храмы.

Походныя церкви, установленнаго типа, были очень громоздки, грузны и на передовыхъ линіяхъ почти не встрѣчались.

Полки собственными усиліями и, въ общемъ, съ успѣхомъ восполняли недочеты казеннаго снаряженія. А офицеры, и нижніе чины съ рѣдкой охотой помогали священникамъ обставлять богослуженіе возможнымъ благолѣпіемъ, а главное—созидать, хотя бы, подобіе настоящаго храма. При дружномъ, можно сказать, пого-

ловномъ содѣйствіи устраивались приличныя церкви въ китайскихъ фанзахъ, госпитальныхъ шатрахъ, зимой—въ землянкахъ. Изъ скуднаго матеріала: ротныхъ иконъ, нѣсколькихъ кусковъ разноцвѣтной китайской «дрели» (бумажной матеріи), гаоляна и обрубовъ дерева сооружали иконостасы, подсвѣчники; изъ проволоки и патронныхъ гильзъ—паникадила, изъ китайскихъ колоколовъ—звонницы. Если находились «свои» живописцы, то они, разумѣется, прилагали всѣ старанія къ благоукрашенію храма. Какъ важенъ былъ для войскъ походный примитивный храмъ трудно и выразить: онъ переносилъ молящихся въ родную обстановку православныхъ храмовъ на родинѣ, вселялъ душевное умиленіе, располагалъ къ искренней горячей молитвѣ и тѣмъ давалъ отдыхъ душѣ и сердцу.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя бывало устроить временной храмъ, богослуженіе совершалось подъ открытымъ небомъ: покрытый пеленой столъ или сдѣланное изъ дерна возвышеніе замѣняло престолъ; небольшой, заграждавшій святыню отъ вѣтра и дождя, навѣсъ изъ палатокъ являлся алтаремъ, а сводъ небесный—былъ куполомъ храма.

Въ тихую, ясную погоду богослуженіе подъ открытымъ небомъ и особенно совершеніе литургіи, представляли трогательную картину: кругомъ необозримыя манчжурскія поля; предъ палаткой-церковью море головъ, а надъ всѣмъ—солнышко, какъ величественная лампада.... И по странѣ, еще не узнавшей Христа, далеко, далеко изъ груди воиновъ, пришедшихъ быть можетъ положить жизнь за други своя, несутся великія, хвалебныя пѣсни Источнику истинной жизни и Побѣдителю смерти...⁹⁾

На передовыя позиціи, какъ приношеніе Россійской арміи, въ Отдѣльную Сибирскую бригаду, въ апрѣлѣ 1905 года, была отправлена изъ С.-Петербурга, отъ благотворительнаго кружка «Добрый Путь», спроектированная и исполненная кружкомъ, при лептѣ, Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Августѣйшей Покровительницы кружка, *первая*—походно-вьючная шатровая церковь, съ звонницей, съ вьюками на двѣ лошади, въ общемъ—вѣсомъ для одной лошади 7 пуд., а для другой 6 пуд., совсѣми необходимыми—утварью, книгами, запасомъ свѣчей, ладона, крестиковъ, образковъ и пр.¹⁰⁾

⁹⁾ Замѣчательная книжка «Служеніе священника на войнѣ» (Спб., 1912 г.; стр. 11—12) должна быть прочтена каждымъ офицеромъ, каждымъ юнкеромъ; авторъ сокрылъ себя подъ инициалами П. Г. Ш.; рисунки въ книжкѣ позволяютъ открыть имя его. Это «наблюденія участника Русско-японской войны».

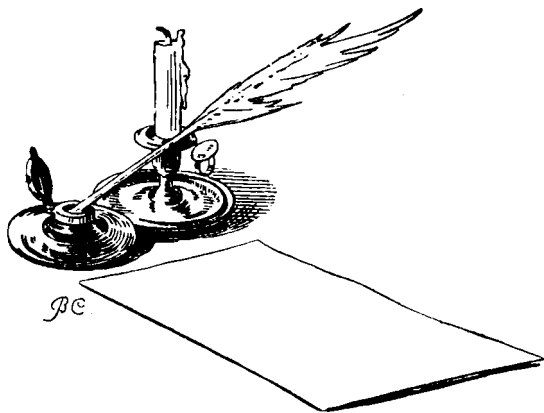
¹⁰⁾ Первое богослуженіе совершено 11-го мая. Дальнѣйшая судьба этой церкви остается неизвѣстной; интересно было бы получить какія-либо о ней свѣдѣнія отъ

Къ Свѣтлому празднику 1905 года, въ Токио была «на память русскимъ солдатамъ» издана книжечка «Красное яичко»; она была издана общиной японцевъ-христіанъ въ утѣшеніе русскимъ, томившимся въ плѣну. И японцы трогательно отмѣчали въ ней «главную потребность русской души».

«Самое первое, чего вы ищете», говорилось въ книжкѣ:—это молитва, самое главное о чемъ вы заботитесь—это устроить молитвенный домъ.... Въ нуждѣ вы сами нынѣ, но непрерывно текутъ ваши, воиновъ, пожертвованія и на ваши собственные церковныя нужды и на нашу церковь; конечно, многіе изъ васъ, какъ Евангельская вдовица, жертвуютъ послѣднюю монету. Все это до глубины души трогательно и истинно-поучительно для насъ».

Л. В. Евдокимовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

молящихся при ней. Объ указанномъ направленіи церкви свидѣтельствовала телеграмма главнокомандовавшаго арміей, ген. Линевица, изъ Ганчжулина, отъ 16-го іюня 1905 г., № 735. Усердно просимъ сообщеній.

ИСТОРИЯ, НАРОДНОСТЬ, ПОЛИТИКА И ВОЙНА.

Бесѣды военнаго на современныя темы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Современный историкъ и очевидецъ, Эней Сильвій рассказываетъ, что «приближаясь къ непріятелю, гуситы перестраивались въ нѣсколько колоннъ, имѣя пѣхоту въ серединѣ, а конницу снаружи. По данному знаку вождя, они вдругъ, съ неимовѣрной быстротой обхватывали, цѣлыми линиями сомкнутыхъ боевыхъ повозокъ, какую либо часть непріятельскаго войска, послѣ чего также быстро смыкались. Запертыя такимъ образомъ части непріятеля быстро были перебиты гуситами, такъ какъ остальная часть непріятеля выручить ихъ не могла. Всѣ нападенія снаружи, на гуситскія линіи легко были отбиты, такъ какъ войска Жижки сражались стоя на приспособленныхъ для сего боевыхъ повозкахъ, какъ будто изъ за стѣнъ крѣпости. Такъ гуситы часто побѣждали многочисленныхъ противниковъ,—ибо сосѣдніе съ ними народы были не знакомы съ подобнымъ способомъ войны». Оригинальною этой тактикою могутъ быть объяснены также и единственные въ своемъ родѣ, всегда удачныя, набѣги гуситовъ на сосѣднія страны и на такія дальнія разстоянія, какъ напр. въ сѣверную Германію, вплоть до Балтійскаго моря; въ Баварію, Вен-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1914 г., № 6.

грію, приче́мъ не разъ они были окружаемы превосходными силами непріятеля и, несмотря на отчаянныя его нападенія и продолжительное преслѣдованіе, возвращались въ Чехію безъ особенныхъ потерь и съ богатѣйшею добычею, опустошивъ цѣлыя края.

Особенно интересенъ извѣстный набѣгъ Жижки черезъ Моравію; вглубь сѣверной, гористой части Венгріи въ 1424 году. Венгерцы сами хотѣли его заманить въ свои горы, чтобы тѣмъ вѣрнѣе потомъ его уничтожить, если не силой, то голодомъ. Послѣ того, какъ Жижка досыта натѣшился опустошеніемъ этого края, ему въ теченіе шести дней пришлось отступать съ своимъ «таборомъ» (такъ называли гуситы боевой свой строй) изъ нѣсколькихъ сотъ боевыхъ повозокъ, съ множествомъ артилеріи, среди окружившаго его со всѣхъ сторонъ непріятеля, переправляясь черезъ рѣки и проходя высокія горы (Карпаты) и тѣсины. Жижкинъ таборъ двигался 4-мя колоннами, отбивая безчисленныя атаки венгерцевъ, отступившихъ, въ концѣ концовъ, съ громаднымъ урономъ. Подробное описаніе этого набѣга сохранилось въ рукописи Бразидынова (1619 г.), гдѣ встрѣчается слѣдующій отзывъ о Жижкѣ: «это былъ не человекъ, а дьяволъ, котораго одолѣть никто не могъ». Называя этотъ подвигъ лучшимъ примѣромъ военной доблести, авторъ добавляетъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ Жижка воевать началъ, это несомнѣнно было самымъ труднымъ его дѣломъ».

Объ ожесточенности этой войны свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что и нѣмцы, съ своей стороны, когда имъ случалось вторгаться въ Чехію, беспощадно убивали, не только плѣнныхъ и раненыхъ въ бою, но и всѣхъ мирныхъ жителей чешской національности, какихъ только повстрѣчали, безъ различія пола и возраста, или же ихъ живыми бросали въ огонь, поджигая чешскія села. Такъ напр. «Нюрнбергскіе господа» (т.-е. крестоносцы изъ Баваріи), въ своемъ письмѣ отъ 12-го сентября 1421 г. доносили: «Item das volk, was nicht dewtsch kan oder einem Beheim gleich ist, das werde gefangen, zu tod geslagen und verprant» (каждый, кто не знаетъ по нѣмецки, или кто на чеха похожъ, будетъ взятъ, убитъ и сожженъ).

О количествѣ крестоносцевъ историки даютъ противорѣчивыя свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ въ каждомъ изъ этихъ походовъ участвовало отъ 150 до 200—300 тысячъ человекъ. Такъ, напр., во 2-мъ походѣ 1421 г. принимали личное участіе, съ своими войсками: кардиналъ Бранда, курфюрсты Кѣльнскій и Трирскій, Фальцграфъ Рейнскій, герцогъ Саксонскій, маркграфъ Бранденбургскій, архіепископъ Магдебургскій, графъ Шварцбургскій,

епископъ Лютихскій и другихъ князей и владѣтельныхъ особъ свыше ста, со всѣхъ концовъ Римской имперіи и Нидерландовъ; были даже отряды изъ Англіи, Франціи, Испаніи».

Гуситская же армія, превосходно вышколенная, во время пятого похода крестоносцевъ состояла, по свѣдѣніямъ чешскихъ историковъ, изъ 5.000 ч. конныхъ, 50—60 тысячъ пѣшихъ, 3.000 боевыхъ повозокъ и сильной артилеріи. Таковыми приблизительно силами чехи располагали въ теченіе всей войны,—противъ далеко превосходившаго ихъ числомъ противника.

Невольно напрашивается вопросъ: если потомство сохранило столь лестную память о битвѣ подъ Грюнвальдомъ, почему же оно забыло о двѣнадцатилѣтней, не менѣ славной и полной значенія для славянъ, кровопролитной борьбѣ чеховъ съ Германіею и Римомъ?

Объ отношеніяхъ гуситизма къ Восточной церкви свидѣтельствуесть, прежде всего, поѣздка, еще при жизни Гуса, магистра Еронима Пражскаго, выдающагося гуситскаго ученаго и оратора, послѣ его возвращенія изъ Франціи, Германіи, Австріи и Венгрии,—въ Польшу, на Литву и на Русь, въ интересахъ церковныхъ. По словамъ Альбрехта, епископа Краковскаго, «Иеронимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней своего пребыванія въ Краковѣ, до того взволновалъ умы духовенства и придворныхъ, что неотразимое его вліяніе вызвало изумленіе современниковъ». Проводивъ затѣмъ великаго князя Литовскаго Витовта на Литву и на Русь, Иеронимъ навлекъ на себя гнѣвъ монаховъ ордена Миноритовъ, въ Витебскѣ, которымъ объявилъ, что православныхъ русскихъ онъ почитаетъ хорошими христіанами; онъ посѣщалъ ихъ церкви и соблюдалъ ихъ обряды. Точно также онъ поступилъ и въ Псковѣ, несмотря на угрозы Виленскаго католическаго епископа. Существуетъ предположеніе, что великій князь Витовтъ совѣщался съ Иеронимомъ о взаимныхъ отношеніяхъ и соединеніи обѣихъ церквей.

Когда, послѣ долголѣтней, побѣдоносной борьбы чеховъ съ западной Европой, новый церковный соборъ въ г. Базелѣ, наконецъ, косвенно снялъ обвиненіе въ ереси съ ученія Гуса (признавъ его терпимымъ, но продолжая на дѣлѣ относиться къ гуситамъ враждебно), то чешская столь изолированная и неустроенная церковь вновь стала искать опоры въ православіи, ибо было слишкомъ очевидно, что несмотря на свое примиреніе съ чехами, католическій міръ терпѣлъ гуситизмъ лишь по необходимости, не будучи въ состояніи покорить чеховъ силою оружія. Окрестные же народы, а въ особенности нѣмцы, продолжали считать чеховъ еретиками и,

по мѣрѣ того, какъ время уничтожало воспоминанія о чешскихъ побѣдахъ, прежній страхъ передъ гуситами превратился въ рѣзкую ненависть. Въ столь трудномъ положеніи, большинство благочестивыхъ утраквистовъ чешскихъ (названныхъ такъ въ виду причащенія у нихъ мірянъ подѣ обоими видами) рѣшило не искать болѣе милости у папы, а обратиться въ Константинополь, съ цѣлью присоединенія къ Восточной церкви, ходатайствуя о высылкѣ православныхъ епископовъ, такъ какъ объ утвержденіи собственныхъ епископовъ они тщетно хлопотали въ Римѣ.

Базельскій соборъ обсуждалъ, между прочимъ и вопросъ о соединеніи церквей, причемъ католическіе ораторы, во время преній, сравнили чеховъ съ православными; представители же греческой церкви признали подобное сравненіе неправильнымъ; но послѣ заключенія (6-го іюля 1439 г.) знаменитой Флорентійской уніи (т.-е. попытки объединенія католицизма съ православіемъ), греки, тѣснимые въ Константинополь турками, а на западѣ Римомъ, перемѣнили свое мнѣніе о чехахъ и сами искали сближенія съ ними.

Первая инициатива въ дѣлѣ присоединенія умѣренныхъ гуситовъ къ православію исходила изъ утраквистической консисторіи, находившейся въ пражскомъ «Славянскомъ монастырѣ», основанномъ сто лѣтъ передъ тѣмъ, съ цѣлью соединенія же церквей. Администраторомъ консисторіи въ свое время былъ личный другъ Гуса, о. Петръ Младеновиць, выдающійся членъ посольства, высланнаго чехами въ 1447 г. въ Римъ съ цѣлью исходатайствованія утвержденія въ санѣ епископа, избраннаго гуситами о. Рокицаны, неугоднаго нѣмцамъ. Когда по настоянію императора папа отказался уважить это ходатайство, Младеновиць отъ имени чеховъ заявилъ, что «чехи хотѣли бы оставаться въ единеніи съ Римомъ, но, не получая такого пастыря, какой имъ нуженъ, они невольно должны отдѣлиться отъ Рима». Папскому же легату, высланному къ чехамъ въ 1448 г., онъ заявилъ прямо: «если за нами не будетъ утверждена чаша (т.-е. причастіе подѣ обоими видами) и Рокицана, то прежде, чѣмъ успѣете возвратиться въ Римъ, услышите о насъ неожиданныя вѣсти».

Упомянутый выше «Славянскій монастырь» въ г. Прагѣ служилъ хранилищемъ многихъ памятниковъ восточнаго обряда. Самая драгоценная его святыня, остатокъ чешскаго православія, это книга св. Евангелія, написанная на древне-славянскомъ языкѣ, кириллицею, св. Прокофіемъ, первымъ игуменомъ Сазавскимъ (+ 1053 г., «Сазаво-Эмаусское Святое Благовѣствованіе»), богато украшенная золотомъ, драгоценными камнями и снабженная

мощами святыхъ, книга эта была отправлена, вмѣстѣ съ посольствомъ, ходатайствовавшимъ о принятіи чеховъ въ православіе, какъ рѣдкій даръ, Византійскому императору, въ Константинополь, откуда, въ силу страннаго стеченія обстоятельствъ, она въ послѣдствіи была вывезена во Францію. Здѣсь она, въ качествѣ, «*texte du sacre*», была причислена къ государственнымъ клейнодамъ Франціи и считалась одной изъ главныхъ драгоценностей. Это именно то Евангеліе, на которомъ короли Франціи, во время своего вѣнчанія на царство, давали обычную присягу ²⁾).

Въ 1452 г. возвратилось изъ Константинополя въ г. Прагу посольство, высланное туда съ ученымъ о. Константиномъ Ангеликомъ въ челѣ, съ указомъ отъ Восточной греческой церкви, помѣченнымъ 18-го января 1452 г., которымъ чехамъ предлагалось присоединиться къ Восточной церкви. Указъ былъ слѣдующаго содержания: «Освѣдомленная объ успѣхахъ чеховъ въ вѣрѣ, святая церковь Константинопольская напоминаетъ имъ, соединиться съ Восточной церковью, но не на основаніяхъ, высказанныхъ въ Флоренціи, такъ какъ Флорентинскую унію можно назвать скорѣе отступничествомъ, а на основаніи Символа Вѣры. Представители Восточной церкви не сомнѣваются, что чехи, воспротивившіеся новизнамъ римскимъ, при помощи Священнаго Писанія, прійдутъ къ полному во всемъ соглашенію съ Восточной церковью, убѣдившеюся въ этомъ изъ подробнаго допроса чешскаго представителя, Константина Ангелика». Въ заключеніе высказывается готовность, выслать въ Чехію священниковъ и епископовъ, а равно сохранить мѣстные обычаи и обряды, насколько они не противорѣчатъ Восточной церкви. Указъ былъ подписанъ, отъ имени греческой церкви, тремя митрополитами: Макаріемъ Никомедійскимъ, Игнатіемъ Тырновскимъ (Болгарскимъ) и Іосифомъ Филиппопольскимъ, далѣе тремя учеными: Сильверстомъ Сыропуліемъ, Феодоромъ Агаліанскимъ и (бывшимъ на Флорентійскомъ соборѣ) Геннадіемъ, впоследствии патріархомъ, первымъ послѣ паденія Константинополя.

На этотъ указъ, отъ имени утравкистской консисторіи въ Прагѣ, послѣдовалъ отвѣтъ отъ 29-го сентября того же 1452 г., адресованный императору Константину Палеологу и патріарху Геннадію всея церкви греческой: чехи благодарили Господа, про-

²⁾ Позволительно выразить, кстати, мысль: если эта столь древняя святыня православія, драгоценная не только для Франціи, но еще болѣе для славянства, до сего времени хранится еще въ Парижѣ, то не могла ли бы быть таковая возвращена въ центръ православія и славянства, — т.-е. въ Россію? *Авторъ.*

свѣтившаго ихъ сердца Своею милостью, чтобы возвратиться въ лоно церкви православной. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что посланный консисторіею о. Константинъ имѣетъ секретное порученіе: подробно доложить о всѣхъ нуждахъ и желаніяхъ чеховъ, каковыя они просятъ принять милостиво.

Однако, переговоры эти не могли быть доведены до успѣшнаго окончанія уже потому, что въ іюнѣ 1452 г. началась послѣдняя, неблагополучная война византійской имперіи съ турками, окончившаяся паденіемъ Константинополя 29-го мая 1453 г. При томъ обѣ стороны были еще далеко не во всемъ согласны между собою и, еще до окончанія этихъ переговоровъ, въ томъ же году, выдающійся гуситскій вельможа, Георгій Подибрадь былъ избранъ правителемъ и затѣмъ и королемъ Чехіи, а это избраніе вновь придало чехамъ нѣкоторыя надежды на уступки съ римской стороны.

По окончаніи гуситскихъ войнъ фанатизмъ народный притихъ въ опустошенной странѣ, между тѣмъ какъ католичество и сопутствовавшій ему всегда принципъ германизма вновь воспрянули въ Чехіи. Преслѣдованіе утраквистовъ со временемъ росло. Эти гоненія уже около 1460 г. вызвали появленіе новой секты, извѣстной въ послѣдствіи подъ названіемъ «Общины чешско-моравскихъ братьевъ».

Уже въ ученіи Петра Хельчицкаго (1390—1460) замѣтно было отклоненіе чешской реформаціи отъ прежняго направленія: этотъ новый ревнитель вѣры сталъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергать всякое насиліе и сопротивленіе злу и даже право самозащиты съ употребленіемъ силы. Какъ никто до него, онъ осудилъ войну и обвинилъ императорскую и папскую власть въ томъ, что все касающееся церкви и религіи, они подчиняютъ цѣлямъ небожественнымъ и превращаютъ упадающее христіанство въ язычество. Онъ училъ, что христіанство есть начало сознательнаго стремленія духа къ добру, безъ понужденія, въ противоположность язычеству, источникомъ котораго есть одно тѣло, безпокойное и исполненное зла, которое невольно должно быть понуждаемо къ порядку, для обезпеченія челоуѣчеству внѣшняго благополучія. Сюда онъ относилъ и свѣтскую власть, которая была въ состояніи отнять жизнь, но не была въ силахъ направить волю челоуѣчества. По мнѣнію Хельчицкаго, свѣтская власть есть неизбѣжное зло, необходимое для борьбы со зломъ же, между тѣмъ, какъ истинные христіане въ этой власти не нуждаются, подобно язычникамъ?

Эти идеалы и въ особенности св. евангеліе (Мат. г. 5) легли въ основу ученія «Общины богемскихъ и моравскихъ братьевъ». Рыцари

и дворяне, поступившіе въ общину, предварительно должны были отказаться отъ дворянства и отъ воинскаго званія. Многочисленные послѣдователи этого ученія, до того рѣшительно выступили противъ свѣтской власти, что даже Георгій Подибрадъ, этотъ гуситскій государь, вынужденъ былъ принять противъ нихъ строгія мѣры.

Въ 1491 г. рыцарь Марешъ Коковецъ, отъ имени церкви Чешскихъ братьевъ, вновь вступилъ въ переговоры съ православной. русскою церковью, о присоединеніи къ ней братьевъ, но успѣха не имѣлъ. Къ Чешской общинѣ присоединялось такъ много разнородныхъ элементовъ всѣхъ возможныхъ сословій, ученыхъ и неученыхъ, что скоро въ общинѣ возникли раздоры. Начиная же съ 1495 г., община отказалась отъ строгаго непризнаванія власти и стала на точку зрѣнія библейскаго протестантизма; этому примѣру позже послѣдовали и нѣмецкіе реформаторы. Около 1500 г. не было въ Богеміи и Моравіи ни города, ни села, гдѣ община не имѣла бы своихъ представителей. Въ 1504 г. въ Богемію прибылъ сидонскій епископъ Филиппъ, который, несмотря на распоряженіе папы о его арестованіи, посвящалъ новыхъ священниковъ и причащалъ мірянъ по восточному обряду. Съ 1507 г. преслѣдованіе Чешскихъ братьевъ приняло особенно острую форму, и съ 1509 г. они могли совершать богослуженія лишь скрытно.

Начиная съ 1519 г., замѣчалось въ Богеміи новое броженіе, по поводу распущенности и порочности, какъ католическаго, такъ и утраквистскаго духовенства. Болѣе всего поджигалъ народъ монахъ общины Чешскихъ братьевъ Маоія, пустынникъ. Слѣдуя его примѣру, многіе изъ чешскихъ братьевъ стали обнаруживать явное расположеніе къ новому ученію Мартина Лютера, быстро распространявшемуся изъ Виттенбергскаго университета на сосѣднія страны. Нѣкоторые профессора Пражскаго университета и братскіе священники преподнесли Лютеру часть сочиненій Гуса, которыя Лютеръ изучалъ съ увлеченіемъ. Дошло до того, что противники Лютера съ презрѣніемъ называли его «чехомъ» и «гуситомъ». Тогда Лютеръ въ отчаяніи воскликнулъ: «на самомъ дѣлѣ, и я, и св. Павелъ, и св. Августинъ, всѣ мы, не замѣчая этого, стоимъ добрыми гуситами. Не знаю, что и думать, видя такой судъ Божій на людяхъ, которые сто лѣтъ тому назадъ, проповѣдывали евангельскую истину, а за нее были прокляты и сожжены; истину же эту исповѣдывать нельзя. Горе намъ!»³⁾

По мѣрѣ того, какъ лютеранство распространялось преимущественно среди немецкаго населенія Богеміи, утраквисты все болѣе

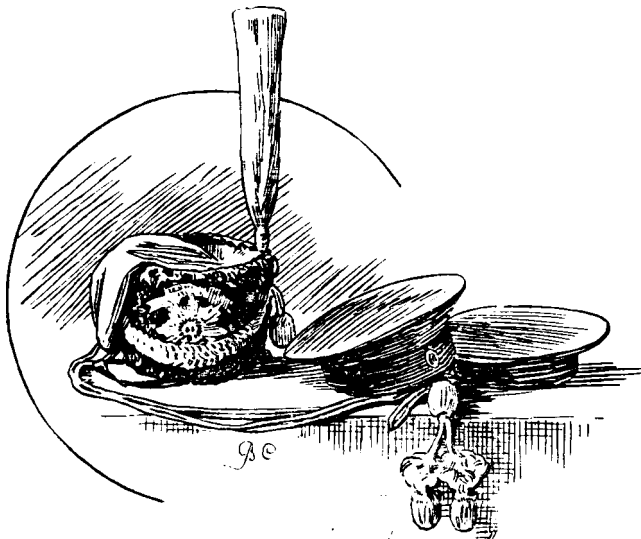
³⁾ De Wett—D-r Martin Luther's Briefe.

склонялись опять въ сторону Рима. Лютеранство внесло полное замѣшательство во всѣ некаatholicескія партіи, какъ свѣтскія, такъ и въ склонныя къ лютеранству круги уtrakвистскаго и чешско-братскаго духовенства. Даже и среди простонародія, въ корчмахъ, начались споры и раздоры. Заявленіе Лютера о томъ, что и онъ гусить, доставило ему много симпатій среди уtrakвистовъ и, когда въ Богемію прибылъ посланный сюда Лютеромъ, Томашъ Мюнцеръ (впослѣдствіи основатель секты анабаптистовъ), то успѣхъ лютеранства, въ особенности среди дворянства, былъ еще значительнѣе. И хотя Пражскій съѣздъ уtrakвистскаго синода въ 1521 г. вполне выяснилъ разницу между вѣроисповѣданіями: уtrakвистскимъ, чешско-братскимъ и лютеранскимъ, но смущеніе среди народа росло.

Между Лютеромъ и чешскими братьями начались переговоры о соединеніи обѣихъ конфессій, съ каковою цѣлью обѣ стороны написали цѣлыя теологическія сочиненія. Но, ученіе Чешскихъ братьевъ, основанное на трактатахъ таборитовъ и на ученіи Хельчицкаго, по которымъ Чешскіе братья не признавали спасительнаго дѣйствія вѣры самой по себѣ, безъ соответственныхъ дѣлъ, не понравилось Лютеру, въ ученіи котораго преобладалъ одинъ только умъ, отвергавшій чувство и воображеніе: Чешскіе же братья никакъ не могли отрѣшиться именно отъ чувства и картинныхъ обрядовъ библейскихъ, съ примѣсю мистицизма.

Я. Чербинка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОДЪ ВЪ ВЕНГРИИ.

Очерки и замѣтки.

(Продолженіе)¹⁾.

VI. Ярмарки.

Многіе слышали, конечно, или читали про знаменитыя венгерскія ярмарки, гдѣ продають и тутъ же пробують лошадей, гдѣ царить веселье, слышны постоянно звуки музыки и залихватскій чардашъ, исполняемый веселыми парочками, привлекають толпу глазѣющей публики....

Я видѣлъ двѣ ярмарки въ Темешварѣ и нашель ихъ весьма и весьма заурядными, не соответствующими тѣмъ поэтическимъ описаніямъ и картинамъ, которыя когда-то читаль и видѣлъ.

Ярмарки бывають здѣсь четыре раза въ годъ и являютя нѣкоторымъ событіемъ въ общественной жизни города.

На большой площади военнаго поля торговцы разбивають шатры, балаганы, или просто ставятъ столы съ зонтомъ или безъ онаго. Это, такъ сказать, аристократы ярмарки. Большая же часть выкладываетъ свои товары прямо на землю. Въ отношеніи размѣщенія замѣтна нѣкоторая система, т.-е. продавцы однородныхъ товаровъ всегда сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, а не разбросаны по всей ярмаркѣ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

Главную, замѣтную линію всякой ярмаки составляетъ рядъ ба- лаганчиковъ-ресторановъ, устроенныхъ изъ досокъ или палаточ- ныхъ полотнищъ. Внутри этихъ ресторановъ — простые столы съ таковыми же стульями или скамьями; за однимъ изъ столовъ си- дить компанія изъ 2—5 деревенскихъ музыкантовъ, а кухня, не- отдѣленная даже перегородкой, тутъ же на глазахъ присутствующихъ производитъ различныя венгерскія кушанья. Всѣ эти ресто- раны служатъ для удовлетворенія неприхотливыхъ вкусовъ мел- кихъ торговцевъ и крестьянъ. Интеллигенты рѣдко сюда загля- дываютъ.

Музыканты, сидящіе въ этихъ рестораничкахъ, большей частью скрипачи; кое-гдѣ къ нимъ присоединены вторы или контрабасъ. За 6—10 хеллеровъ эти музыканты старательно отжариваютъ свой незатѣливый репертуаръ.

Интересное музыкальное сочетаніе нашелъ я въ одномъ ресто- раничкѣ: скрипку и барабанъ. Это прелестное сочетаніе привело меня въ восторгъ своей оригинальностью и я за 20 хеллеровъ (8 коп.) имѣлъ возможность прослушать четыре пьесы, исполнен- ныя съ неподражаемой живостью.

Скрипка выдѣлывала какія-то невѣроятныя пиччикато; бара- банъ старался не отставать, то выбивалъ мелкую дробь, то акком- панировалъ скрипкѣ, изображая нѣчто вродѣ аккордовъ. Занятная и оригинальная музыка.

Простая деревенская мебель; эмалированная посуда; мѣдные котлы; запасныя части къ экипажамъ; часы всякихъ сортовъ; ножи, вилки, ложки, замки и т. п. металлическія издѣлія; столовыя ска- терти, салфетки, полотенца, чулки; игрушки дешевыхъ и аляпова- тыхъ сортовъ; народные календари, лубочныя книги и картины, открытки; ручныя работы и рукодѣлія сербскихъ и румынскихъ крестьянокъ; цѣлыя кучи простого, готоваго платья, да стоящіе нѣсколько въ сторонѣ ряды лошадей, коровъ, овецъ, свиней и кое- какой мелкой птицы—вотъ что видѣлъ я на Темешварской ярмаркѣ.

Всѣ товары, на мой взглядъ, весьма плохого качества и, бѣль- шей частью, бракованные. Но покупатели-крестьяне охотно раз- бирали всю эту дрянь, торгуясь при этомъ немилосердно, до оду- рѣнія.

Что на ярмаркѣ интересно, такъ это—костюмы.

Рѣдко приходится видѣть такое разнообразіе одеждъ.

Черныя рейтузы съ нашитыми шнурами по бокамъ и спереди, заправленные въ высокіе сапоги; темная жилетка съ рядомъ наши-

тыхъ, тѣсно одна около другой, блестящія пуговицы; суконная венгерка со шнурами и круглая войлочная шляпа это—осенній и зимній костюмъ мадьяра.

Въ теплое время года мадьяры носятъ бѣлаго цвѣта широкіе штаны, обшитые внизу бахромой; такого же цвѣта рубаху, подпоясанную широкимъ цвѣтнымъ поясомъ и иногда надѣваютъ поверхъ рубахи расшитую шелкомъ безрукавку. Въ торжественныхъ случаяхъ на шляпу надѣваютъ ленту бѣло-зелено-краснаго цвѣта— національные цвѣта Венгріи. Прибавьте при этомъ, на сапогахъ традиціонныя для каждаго мадьяра шпоры и получается въ общемъ оригинальный и красивый костюмъ.

Женщины одѣваются проще. Короткая юбка, по большей части темныхъ цвѣтовъ, бѣлая рубаха съ широкими рукавами и корсажъ-безрукавка съ традиціонными шнурами.

Но ни одинъ костюмъ меня такъ не удивлялъ здѣсь, какъ румынскій. У румынскаго крестьянина покрой костюма въ общемъ такой же, какъ и лѣтній мадьярскій. Но штаны румына обшиты кружевами, края рубахи—тоже. Мнѣ приходилось встрѣчать румынъ, у которыхъ рубаха и штаны были сшиты изъ тонкой ажурной матеріи съ прошивками.

На ногахъ у румына или обыкновенные, высокіе сапоги, или короткіе башмаки— «бочкоръ», при носкѣ которыхъ голень обертывается красной матеріей.

При торжественныхъ случаяхъ, румыны надѣваютъ поверхъ рубахи расшитую золотомъ, серебромъ или шелкомъ безрукавку.

Румынки носятъ бѣлыя юбки съ узорчатыми, очень красивыми передниками, бѣлыя рубахи и безрукавки, расшитыя золотомъ или серебромъ. Но самое оригинальное въ румынкахъ то, что онѣ накладываютъ себѣ на бока, что-то вродѣ турнюровъ, отчего ихъ фигура пріобрѣтаетъ чрезвычайно широкій видъ, если смотрѣть на нихъ спереди или сзади, и узкій—если смотрѣть съ боковъ.

Головной уборъ румына зимой—остроконечная баранья шапка, лѣтомъ—соломенная или войлочная шляпа. Румынки носятъ на головѣ платки, а въ праздничные дни надѣваютъ вышитыя золотомъ повязки.

Сербы одѣваются также, какъ и румыны, но въ ихъ костюмѣ гораздо болѣе простоты и практичности.

Нѣмцы-колонисты одѣты вполне «по-европейски», только жилеты съ густо-насаженнымъ рядомъ блестящихъ пуговицъ они заимствовали у мадьяръ.

Рѣдко встрѣчающіеся здѣсь словаки носятъ простого сукна бѣлый кафтанъ и таковыя же штаны.

Если вы будете искать здѣсь характерную фигуру еврея въ длинномъ лапсердакѣ, то поиски будутъ безрезультатны. Здѣшній еврей одѣнется мадяромъ, румыномъ, даже туркомъ, но никогда вы не увидите его здѣсь въ національной одеждѣ, какъ мы привыкли видѣть ихъ въ Польшѣ и южной Россіи.

Что же хорошаго можно получить на венгерскихъ ярмаркахъ? Вообще всѣ товары неважные. Но вотъ лошадей хорошихъ иногда можно купить на ярмаркахъ довольно дешево. Лично я на осенней и зимней ярмаркахъ не видѣлъ особенно хорошихъ лошадей. Были средніе сорта и притомъ довольно дешевые. Напримѣръ, рѣзвая и сѣзженная пара пятилѣтокъ почти безъ пороковъ продавалась за 600 кронъ, что на наши деньги составитъ около 240 рублей.

Весной, какъ мнѣ рассказывали, на ярмаркахъ выставляются очень хорошія сорта верховыхъ и упряжныхъ лошадей, приводимыхъ съ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ конскихъ заводовъ.

Въ это время въ Венгрію наѣзжаетъ масса германскихъ, турецкихъ, итальянскихъ, румынскихъ, болгарскихъ и сербскихъ офицеровъ со спеціальной цѣлью закупки лошадей для своей кавалеріи.

Надо отдать справедливость мадярамъ: коннозаводство они поставили очень хорошо. Положимъ, что природа здѣшнихъ степей вполне благоприятствуетъ этому, но мадяры не жалѣютъ денегъ на поукну чистокровныхъ производителей и на всевозможныя улучшенія. И Венгрія зарабатываетъ большія деньги за своихъ лошадей, которыхъ съ удовольствіемъ закупаютъ иностранцы.

Главнымъ же продуктомъ венгерскаго вывоза служатъ зерновые злаки и мука. Вывозъ хлѣбовъ и коней это—самая видная отрасль венгерской торговли. Винодѣліе же, торговля необработанной шерстью, кожами, да незначительный вывозъ разныхъ машинъ въ Балканскія государства служатъ лишь подспорьемъ.

Вообще въ Венгріи мало хорошихъ мѣстныхъ издѣлій. Все первосортное привозятъ сюда изъ Богеміи, Германіи и Италіи.

Напримѣръ, въ Темешварѣ есть шляпная фабрика. Произведенія ея хотя и дешевы, но очень плохи въ носкѣ. Лучшія же шляпы здѣсь получаютъ изъ Вѣны, Богеміи и отчасти даже изъ Англій. Такъ же обстоитъ дѣло и въ остальныхъ отрасляхъ мелкой и крупной промышленности.

VII. Нѣчто объ ѣдѣ, политикѣ и прессѣ.

Не всякій иностранецъ сможетъ ѣсть настоящіе венгерскіе обѣды, ужины и т. п. потому, что все это готовится очень жирно и въ иныя кушанья кладутъ столько паприки, что когда ѣшь подобное произведеніе венгерской кухни, то во рту получается впечатлѣніе ожога. И вездѣ, гдѣ только возможно подправить кушанья паприкой, мадьяры валяютъ ее туда въ неограниченномъ количествѣ.

Есть такіе сорта венгерскихъ колбасъ, которые ѣсть совершенно невозможно. Я однажды осмѣлился попробовать такую колбасу, но уже послѣ перваго куска мнѣ стало скверно. Цѣлый день я во рту ощущалъ нѣчто вродѣ воспаленія.

За все время своего пребыванія въ Венгрии, я всегда умолялъ класть какъ можно меньше паприки въ приготовляемыя для меня кушанья.]

Мадьяры народъ упорный: они не признаютъ ничего не мадьярскаго, а если и признаютъ, то открыто въ этомъ не сознаются. Они твердо стоятъ на томъ, что кто живетъ въ Венгрии, тотъ обязанъ ѣсть паприку и не дѣлать при этомъ никакихъ гримасъ.

Вообще мадьяры неуклонно проводятъ ту доктрину, что все живущее въ Венгрии и зарабатывающее себѣ здѣсь хлѣбъ, должно жить, говорить и мыслить по-мадьярски.

Этой доктринѣ пока сопротивляются только австрійскіе нѣмцы, но болѣе слабыя націи, какъ напримѣръ, словаки, сербы, мало-помалу омадьяриваются.

Сильный отпоръ мадьярской политикѣ даютъ хорваты и словинцы. Какъ не старается банъ ²⁾—ставленникъ венгерскаго правительства—и всѣ его помощники омадьярить Хроацію и Славонию—всѣ ихъ усилія разбиваются объ упорство хорватовъ и словинцевъ.

Иногда дѣло доходитъ до кровопролитія, когда, напримѣръ, при выборахъ въ сеймъ мадьяры явно нарушаютъ права этихъ славянскихъ народовъ.

Но съ точки зрѣнія патріотизма мадьяры стоятъ, въ сравненіи съ другими народами, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ.

Я ни разу не видѣлъ нигдѣ, что бы съ такимъ непоколебимымъ постоянствомъ, съ такимъ рвеніемъ и съ такой горячностью отстаивали бы свою самобытность, свой языкъ, свои обычаи, законы и

²⁾ Генераль-губернаторъ Хроаціи и Славоніи.

самыя мелкія особенности своей обычной повседневной жизни, какъ въ Венгріи.

«Вездѣ хорошо, а дома лучше всего», «Хоть хорошее, да чужое; хоть плохое, да свое». На этихъ двухъ пословицахъ зиждется весь укладъ мадьярской жизни.

Въ школахъ подрастающему поколѣнію, помимо обычной учёбы, съ большимъ стараніемъ и тщательностью прививаютъ и развиваютъ патріотизмъ. Наиболеѣ блестящія страницы венгерской исторіи, обаятельные подвиги, примѣры ревностнаго служенія отечеству, біографіи знаменитыхъ мадьярскихъ патріотовъ и т. п. все это, частью въ сильно прикрашенномъ видѣ, рассказывается дѣтямъ, которыя потомъ поневолеѣ проникаются блестящимъ прошлымъ своего отечества и въ ихъ юныхъ сердцахъ уже заложена искорка любви къ родинѣ. А изъ этой искорки можетъ развиваться пламя ничѣмъ неудержимаго, ничѣмъ ни заглушаемаго патріотизма.

Всѣ мелкіе рассказыки, всѣ стишки, помѣщаемыя въ учебникахъ мадьярскихъ школъ, проникнуты отъ начала до конца высокопатріотическимъ духомъ.

Съ первыхъ уроковъ въ школахъ, дѣтямъ внушаютъ, чтобы они гордились своей національностью, чтобы слово «мадьяръ» было бы для нихъ самымъ дорогимъ, самымъ почетнымъ.

«Мадьяръ—было первое слово, которое я услышалъ...» «...На смертномъ одрѣ, въ послѣдній часъ послѣднее мое слово будетъ: я—мадьяръ». Таковы начальная и конечная строки одного изъ патріотическихъ стихотвореній Петёфи.

Въ начальныхъ школахъ закладываютъ, какъ бы фундаментъ патріотизма. Въ среднихъ школахъ на этомъ фундаментѣ уже строятъ довольно прочное зданіе.

Я былъ внутри нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній Темешвара и, признаюсь, не мало удивился, увидя на стѣнахъ картины такого анти-австрійскаго направленія, что мнѣ даже неловко стало.

Какъ я замѣтилъ, что мадьярское молодое поколѣніе очень и очень непріязненно настроено къ австрійцамъ и вообще ко всѣмъ, кто не считается другомъ Венгріи.

Большой интересъ представляли для меня тѣ воспоминанія о событіяхъ 1848—49 гг., которыя сохранились среди населенія, а также и тѣ впечатлѣнія, которыя оставили по себѣ русскія войска, послѣ этого похода.

Въ произведеніяхъ большинства мадьярскихъ писателей эта

эпоха получила довольно тщательное освѣщеніе, но всѣ событія ея очерчены съ извѣстнымъ пристрастіемъ. Лишь въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Юкаля видно вполне правдивое описаніе этой эпохи.

Но мадьяры и теперь еще вспоминаютъ 1848—49 гг. Въ срединѣ ноября, въ день «Всѣхъ святыхъ» на кладбищахъ значительныхъ венгерскихъ городовъ происходятъ многочисленныя собранія, на которыхъ присутствуютъ, въ качествѣ почетныхъ гостей, гонимы-ветераны этой войны.

Я видѣлъ въ этотъ день на Темешварскомъ кладбищѣ двухъ таковыхъ стариковъ-ветерановъ. Имъ было обоемъ вмѣстѣ, я думаю, не менѣе 170—180 лѣтъ.

Одинъ изъ ветерановъ съ большимъ трудомъ, но гордо держалъ знамя «Партіи 1848—49 гг.». Такъ называется здѣсь одна изъ политическихъ, оппозиціонныхъ партій.

Не обошлось и безъ рѣчей, въ которыхъ жестоко попало австрійцамъ. Но окончилось все очень мирно, и старики-ветераны, кричтя и охая, поплелись домой, окруженные толпой взирающаго на нихъ съ восторгомъ народа.

Австрійцамъ эти ежегодныя собранія, конечно, очень не нравятся. Рѣчи, произносимыя на кладбищѣ, сильно волновали присутствующихъ здѣсь австрійцевъ, но, скрѣпя сердце, они очень неудачно старались принимать якобы равнодушный видъ.

Судя по моимъ личнымъ наблюденіямъ, 1848-49 гг. живутъ въ сердцахъ мадьяръ, и память о нихъ, несмотря на слишкомъ шестидесятилѣтнюю давность, до сихъ поръ еще свѣжа.

Въ Темешварѣ, наполовину нѣмецкомъ городѣ, часто выставлены открыто въ магазинныхъ окнахъ или развѣшиваются по по стѣнамъ ресторановъ, кафе и кондитерскихъ картины, изображающія отдѣльные эпизоды событій 1848-49 гг. Картины сраженій, въ которыхъ австрійскія войска потерпѣли поражение; объявленіе о низложеніи Габсбургской династіи и провозглашеніе венгерской республики въ Дебреценѣ; рѣчь Кошута въ парламентѣ о необходимости продолженія борьбы съ австрійцами; торжественное вступленіе венгерцовъ въ отнятыя у австрійцевъ крѣпости и т. п. — вотъ сюжеты этихъ картинъ, радующихъ мадьярскія сердца и бьющихъ по австрійскимъ нервамъ.

Я какъ то осматривалъ въ Темешварѣ помѣщенія одного привилегированнаго женскаго учебнаго заведенія, которое мнѣ показывали съ гордостью, какъ образецъ чистоты, благоустройства и практичности. Дѣйствительно это заведеніе, въ смыслѣ размѣщенія

и содержанія ученицъ, можетъ вполне назваться образцовымъ. Не могу судить, какъ тамъ поставлено преподаваніе, но внѣшность великолѣпна.

Въ одной изъ столовыхъ этого заведенія мое вниманіе привлекла картина со слѣдующимъ аллегорическимъ содержаніемъ: женская фигура, изображающая Австрію, повергнута женщиной—Венгріей, которая уже занесла мечъ для окончательнаго удара; но руку Венгріи схватываетъ Николай I. Вдали виднѣются туманныя очертанія висѣлицъ и эшафотовъ.

Полагаю, что это не совсѣмъ подходящая картинка для столовой женскаго учебнаго заведенія.

Трудно точно сказать, симпатію или антипатію питають мадьяры къ русскимъ. Конечно горечь пораженія при помощи русскихъ войскъ и разбитыя надежды на независимость все это даетъ основанія предполагать скорѣй антипатію.

Мнѣ, какъ отдѣльной личности, иногда приходилось выслушивать нѣкоторые упреки, а случалось, что и рѣзкія слова по адресу русскихъ. Тѣ же мадьяры, которые знали, что я—русскій, относились ко мнѣ, съ внѣшней стороны, очень любезно и доброжелательно.

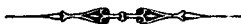
Многіе мадьяры-интеллигенты, въ минуту откровенности, рассказывали мнѣ слѣдующій, кажется нигдѣ не опубликованный, фактъ: магнаты, узнавъ о рѣшеніи Николая I-го помочь австрійскому правительству, отправили особое посольство просить у него одного изъ русскихъ Великихъ Князей на престолъ венгерскихъ королей. Но судьба этого посольства осталась покрытой мракомъ неизвѣстности. По одной версіи—Николай I не принялъ венгерскихъ магнатовъ, по другой—они были перехвачены австрійскими жандармами, не успѣвъ попасть въ предѣлы Россіи.

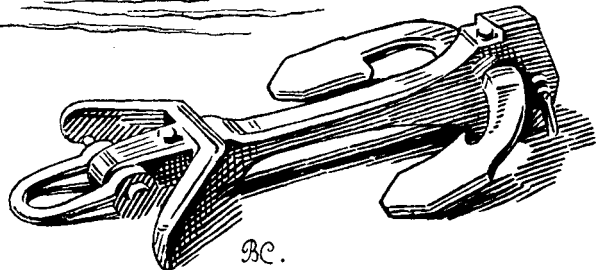
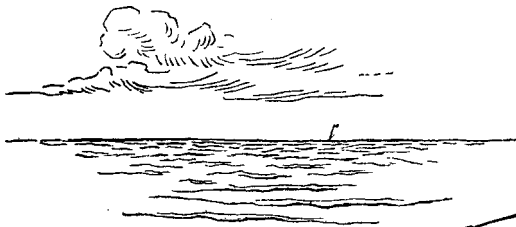
Во всякомъ случаѣ мадьяры гордятся, что оружіе они сложили не передъ австрійцами.

Венгерская пресса тоже не забываетъ эпоху освободительной войны. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ она раздражается страстными статьями, въ которыхъ рикошетомъ иногда попадаетъ и намъ.

С. Плехановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По Румыніи.

(Цѣтнія впечатлѣнія).

Русскія Унгены... здѣсь покидаешь русскій вагонъ и отдаешь жандарму паспортъ. Даю носильщику деньги для билета, оказывается, билетъ второго класса до Яссъ стоитъ всего 85 к. Минуть черезъ 20 носильщикъ приходитъ за мною. Вотъ и румынскій поѣздъ: маленькіе вагончики съ отдѣльными, не сообщающимися купэ. Стоитъ довольно долго. Ко мнѣ нѣсколько разъ подходятъ какіе-то субъекты и на плохомъ русскомъ языкѣ спрашиваютъ, куда я ѣду, въ первый ли разъ я ѣду въ Румынію и т. п. «Ужъ не агенты ли это полиціи», думаю, и на вопросы не отвѣчаю. Публики на станціи мало, нѣсколько жандармовъ расхаживаютъ по платформѣ. Но вотъ, наконецъ, каждому въ купэ приносятъ паспортъ. Поѣздъ двигается. Мы переѣзжаемъ границу и *останавливаемся уже въ Румыніи—осмотръ багажа и паспортовъ.* И снова здѣсь, когда я стою и жду своей очереди для осмотра багажа, какой-то субъектъ на плохомъ русскомъ языкѣ спрашиваетъ меня, куда я ѣду и въ первый ли разъ я ѣду въ Румынію. Пассажировъ всего нѣсколько человѣкъ. У нѣкоторыхъ, какія-то недоразумѣнія съ паспортами; вѣроятно, они не визированы; что-

то спрашиваютъ и что-то записываютъ, но я не понимаю румынскаго языка. Доходить моя очередь: вещей почти не смотрятъ, за то паспортъ разсматриваютъ внимательно. Чиновники говорятъ по-французски. «Куда вы ѣдете?» спрашиваютъ меня.— Въ Яссы. «Вы остановитесь въ Яссахъ?»— Да. «Гдѣ?» Хорошо, что я въ вагонѣ по пути успѣла у двухъ дамъ узнать о гостинницѣ въ Яссахъ (путеводитель у меня былъ только для Бухареста), а потому я говорю— «Hotel Trauan». «Куда вы ѣдете дальше?»— Въ Бухарестъ и Синаю. «А затѣмъ?»— Вѣроятно, ѣзжаю въ Болгарію. «И такъ, въ Румыніи вы посѣтите Яссы, Бухарестъ и Синаю». И записываютъ карандашемъ на моемъ паспортѣ. «Гдѣ вы остановитесь въ Бухарестѣ и Синаѣ?»— Я не знаю, говорю я.— Я еще не рѣшила. «Вы не знаете? Но во всякомъ случаѣ въ отелѣ?» Да.— «Ну, хорошо», и все пишутъ и пишутъ.

Но, наконецъ, все записано, можно возвращаться въ вагонъ, паспортъ вернуть черезъ нѣкоторое время. Но это время длится безконечно. Я и сижу въ купѣ, и гуляю по платформѣ, и разсматриваю красивую форму румынскихъ жандармъ, снова возвращаюсь въ купѣ и снова гуляю, поглядываю на мѣстность около станціи, а поѣздъ все стоитъ. Неужели они такъ долго возятся съ этими нѣсколькими паспортами? Но все имѣетъ конецъ, паспорта получены и поѣздъ, прождавъ еще немного, двинулся. Кругомъ ровная мѣстность, а вдали синѣющія горы Карпатъ. «Но какъ все свѣжо и зелено, какъ все весело при этомъ яркомъ солнцѣ. Мѣстность довольно населенная. Переѣзжаемъ черезъ Прутъ, здѣсь довольно широкій; возлѣ него много болотъ. Я думаю о томъ, какъ буду ночевать въ Яссахъ, что за гостиница можетъ быть въ этомъ маленькомъ городѣ этой маленькой и, какъ я думаю, некультурной странѣ.— Вѣдь, не правда ли, «Hotel Trauan» лучший въ городѣ? спрашиваю я господина, выглядывающаго изъ окна сосѣдняго купѣ, который ѣдетъ со мною изъ Россіи. «Да», говоритъ онъ, «лучшая». «И ничего, переночевать можно?» «Гостиница очень хорошая. Вы въ первый разъ въ Яссахъ? это очень хорошенкій городокъ». На отдѣльныхъ зеленѣющихъ холмахъ показываются монастыри, церкви, дома, виллы, и, наконецъ, небольшой городъ, окруженный холмами, цестрѣющій зеленою деревьевъ и высокими домами, возвышающимися въ центрѣ.

«Не правда ли, довольно красиво?» спрашиваетъ меня мой соѣздъ. Да, очень, очень мило!

Поѣздъ останавливается. Я въ Яссахъ. Хорошіе экипажи, ку-

черь говорить по-русски. Я їду по чистымъ улицамъ съ хорошими домами, выїзжаю на площадь и останавливаюсь около большого дома—это гостиница. Ея размѣры, прекрасная комната, которую мнѣ даютъ, меня удивляютъ, какъ удивили меня только что и асфальтовая мостовая и электрическое освѣщеніе. Въ гостиницѣ сейчасъ же по прїѣздѣ спрашиваютъ паспортъ.

Я спѣшу погулять по городу; онъ, дѣйствительно, очень милъ, въ центрѣ—улица, дома, магазины, церкви—все очень хорошо, а съ боковыхъ улицъ часто открывается чарующій видъ на зеленые холмы, окружающіе городъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ возвышаются церкви и монастыри. Въ городѣ нѣсколько красивыхъ церквей, изъ которыхъ извѣстностью пользуется старинная церковь «Трехъ іерарховъ», построенная въ 1649 г., вся разукрашенная золотомъ и серебромъ.

Вездѣ много зелени, вездѣ чувствуется благоуханіе цвѣтущихъ липъ. Прекрасное зданіе университета расположено на красивой аллеѣ, на которой, чѣмъ дальше, тѣмъ дома, окруженные садами, все больше напоминаютъ дачи. Хорошъ большой городской садъ.

Но видно, что этотъ городъ только что создавшійся, или еще создающійся: все, что величественно, то блеститъ новизной, все старое ломается, разрушается, все кругомъ строится; памятниковъ же старины нѣтъ никакихъ. Публика на улицахъ нарядна, особенно элегантны офицеры и юнкера, а продавцы на улицахъ всѣ въ національныхъ костюмахъ; у мужчинъ онъ весь бѣлый съ цвѣтнымъ поясомъ; поверхъ рубашки, спускающейся обыкновенно до колѣнъ, у нѣкоторыхъ накинута куртка. Извозчики въ Яссахъ почти всѣ русскіе; у нихъ наша упряжь, наши кафтаны, иногда бархатные; у большинства типично русскія лица, хотя многіе здѣсь бреютъ, какъ бороду, такъ и усы. Это или старообрядцы, липоване, или сектанты (скопцы), многіе изъ нихъ переселились сюда въ очень отдаленное время, спасаясь отъ религіозныхъ преслѣдованій. Скопцы, обитающіе здѣсь, образуютъ какъ бы общую религіозную коммуну, старшее лицо которой является ихъ священнослужителемъ и считается какъ бы пророкомъ. Ихъ религіозный культъ и религіозные обряды мало извѣстны, такъ какъ окружены глубокой тайной.

Я подхожу нанимать извозчика, чтобы покататься по городу. Говорите по-русски? «Да», и у самого типичное русское лицо. Ёдемъ по тѣнистой аллеѣ. Когда вы переселились сюда изъ Россіи? спрашиваю я. «Мы здѣшніе, у меня три сына солдаты, наши

отцы переселились сюда». Какъ здѣсь живетъ? «Да не особенно». Земля вѣдь здѣсь хорошая, говорю я. «Да земля-то хорошая, да мало ея». Рассказываетъ, что населеніе бѣдно, всѣ деньги въ рукахъ евреевъ, богатыхъ молдаванъ почти совсѣмъ нѣтъ. Спрашиваю на счетъ войны. «Въ газетахъ пишутъ, что будетъ война, да мы не знаемъ. Съ нашимъ молдаваниномъ какъ станешь воевать, денегъ нѣтъ». Спрашиваю, почему переселились сюда. «Отцы переселились, да почему—не знаю. При Царѣ Николаѣ Павловичѣ выселились, мы старообрядцы. При теперешнемъ Царѣ нашемъ, слышно, хорошо стало жить». Рассказываетъ дальше, что у старообрядцевъ здѣсь своя церковь, есть русская школа, но за послѣднее время они стали больше посѣщать румынскую школу, такъ какъ, зная румынскую грамоту, легче отбывать повинность.

Осмотрѣвъ городъ, на слѣдующій день днемъ я выѣхала въ Бухарестъ. Здѣсь уже совершенно хорошіе поѣзда, удобные вагоны, есть вагонъ-ресторанъ.

Румынскія женщины, вѣроятно, мало путешествуютъ, по крайней мѣрѣ въ поѣздахъ, въ которыхъ я ѣхала, были почти исключительно мужчины, а въ вагонъ-ресторанѣ дамы не было ни одной. Румыны разговорчивы: въ вагонѣ всѣ быстро знакомятся, и идетъ оживленная бесѣда. Разговоръ касается, конечно, злободневныхъ темъ; меня спрашиваютъ, почему я путешествую по Румыніи, не военный ли я корреспондентъ. На станціяхъ, гдѣ поѣзда стоятъ довольно долго, деревенскія дѣвушки въ живописныхъ нарядахъ, продаютъ молоко, землянику, вишни, очень красиво связанные, и другіе фрукты. Почти всѣ пассажиры выбѣгаютъ на станцію и что нибудь покупаютъ. Я рассказываю о странныхъ порядкахъ, которые существуютъ на границѣ, гдѣ спрашиваютъ о томъ, гдѣ остановишься. «Да, мы, румыны, очень любопытны», говоритъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, и это скоро подтверждается: меня спрашиваютъ, кто я, куда и зачѣмъ ѣду, очень интересуются посмотрѣть паспортъ; какъ только я ухожу изъ купэ, разглядываютъ мой путеводитель, мою карту, но все это при неизмѣнной любезности и галантности, которой отличаются румыны. Съ большой охотой и предупредительностью даютъ справки, объясняютъ, помогаютъ на станціи объясниться съ продавцами, переводятъ изъ газетъ интересные телеграммы, и т. д. И что здѣсь удивляетъ—это всеобщее знаніе нѣмецкаго языка. Но къ путешественницамъ здѣсь, повидимому, мало привыкли, такъ какъ всѣ меня спрашиваютъ, съ какой цѣлью я ѣду въ Бухарестъ, и, когда я говорю, что путешествую для своего удовольствія, то удивляются.

Въ 11^{1/2} вечера прѣѣзжаю въ Бухарестъ. Останавливаюсь въ отелѣ «Континенталь»; на слѣдующій день начинаю осмотръ города. «Hotel Continental» расположенъ на театральной площади, которая пересѣкается главной улицей города — Calea Victoria. Театръ—уже устарѣвшее некрасивое зданіе, не соотвѣтствующее другимъ новымъ постройкамъ Бухареста и не отвѣчающее своему положенію въ центральной части города. Театральная площадь—мѣсто, гдѣ стоятъ лучшіе, наиболѣе элегантныя парныя экипажи Бухареста, «русскіе», славящіеся своими отличными колясками и превосходными лошадьми. Кучера въ русскихъ, въ большинствѣ случаевъ, бархатныхъ кафтанахъ.—костюмъ, который переняли отъ нихъ и румынскіе кучера. Ѳздить они очень быстро и притомъ очень дешево. Calea Victoria, съ прекрасными магазинами, улица наибольшаго движенія въ городѣ. Здѣсь находится королевскій дворецъ, а недалеко отъ него роскошное зданіе Athendum, построенное въ подражаніе римскому Пантеону, увѣнчанное большимъ куполомъ. Въ настоящее время здѣсь находится музей.

На Calea Victoria находится также академія съ большой библіотеккой. Calea Victoria пересѣкается большой широкой улицей, обсаженной деревьями, носящей въ различныхъ частяхъ названіе бульвара Университета, Елизаветы, Карла и др.

Здѣсь находится университетъ, здѣсь вдоль всей улицы громадныя многоэтажныя дома, большія площади, увѣнчанныя памятниками. Чѣмъ дальше по бульвару, тѣмъ все болѣе новыхъ домовъ, многіе еще только достраиваются; видно, что эти части города только что создавшіяся. Также блестятъ новизной и почти всѣ общественныя зданія Бухареста; все это дома громадныя, очень красивыя, настоящіе дворцы. Особенно красивы зданіе почты, національнаго банка, сберегательной кассы, суда и др. Бухарестъ—это городъ, создавшійся за какіе-нибудь нѣсколько послѣднихъ десятиковъ лѣтъ, и рѣдкій городъ въ Европѣ, какъ и рѣдкая страна, знали такое быстрое развитіе, какъ Бухарестъ и Румынія. Еще при вступленіи на престолъ Карла I, Бухарестъ, говорятъ, напоминалъ деревню, по его немощенымъ улицамъ. во время дождей трудно было проѣхать, теперь это во всѣхъ отношеніяхъ европейская столица. На главныхъ улицахъ оживленіе необычайное; публика движется иногда сплошной массой, мчатся превосходныя экипажи. Тутъ можно увидѣть красивыя дамскія наряды, полюбоваться румынской женщиной, которая почти всегда элегантна, изящна, которая всегда хочетъ нравиться и для этого, правда, очень часто не

жалѣть ни красокъ, ни бѣлилъ, здѣсь можно наблюдать ту жизнь, которая создала Бухаресту названіе «маленькаго Парижа».

Многочисленныя кондитерскія, которыя такъ любятъ румыны, полны публикой, а въ ресторанахъ гремятъ замѣчательно-увлекательныя звуки унганскихъ оркестровъ. А въ другой части города, на чудной громадной аллеѣ, носящей названіе «шоссе Кисилево», въ память русскаго губернатора, создавшаго этотъ паркъ, часовъ около шести, тоже гулянье. Здѣсь или прогуливаются въ экипажахъ, или мчатся въ автомобилѣ. А вдоль всего шоссе чудныя виллы, утопающія въ зелени и цвѣтахъ, роскошь—которую могутъ себѣ позволить очень богатые представители румынской аристократіи и которыхъ по старинѣ здѣсь называютъ «боярами».

За городомъ находится также дворецъ наслѣдника, окруженный большимъ паркомъ.

Помимо загороднаго парка въ городѣ находится еще нѣсколько садовъ, изъ которыхъ особенно выдѣляется Cismique со своими красивыми прудами и множествомъ цвѣтовъ. Церкви въ Бухарестѣ—не являясь памятниками старины—своимъ стилемъ почти ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ церквей. Изъ нихъ, можетъ быть, наиболѣе красива Domna Balascho, расположенная въ садикѣ, блестящая золотомъ и всевозможными богатствами. Наибольшей извѣстностью пользуется митрополичья церковь, дорогая по важному историческому воспоминанію—здѣсь происходило коронованіе румынскаго короля Карла I. Отъ этой церкви открывается красивый видъ на городъ. Достоянна вниманія находящаяся около почты маленькая церковь Stavropoles.

Но если Бухарестъ сталъ теперь вполне европейскимъ городомъ, это не мѣшаетъ національному элементу проявляться въ уличной жизни, придавая ей и больше оживленія и больше интереса. Уличными продавцами такъ и кишатъ улицы Бухареста и чего только здѣсь не продаютъ: здѣсь и булки, и вода, и сласти, орѣхи, фисташки, и какое-то мѣстное пиво и всевозможныя другіе напитки, здѣсь и фрукты и овощи и т. д., и всѣ эти продавцы въ своихъ красивыхъ бѣлыхъ расшитыхъ костюмахъ. А въ извѣстные часы по улицамъ бѣгаютъ газетчики и выкрикиваютъ во весь голосъ послѣднія сенсаціонныя новости. При мнѣ на второй день моего пріѣзда газетчики мчались по улицѣ, газеты расхватывались на ходу, около зданія Національнаго банка, куда я въ это время шла, образовалась кругомъ мальчишки-газетчика цѣлая толпа, люди выбѣгали изъ сосѣднихъ магазиновъ и среди громкихъ выкриковъ

на незнакомомъ мнѣ языкѣ я могла понять только одно слово— «мобилизація». Но извѣстіе это тогда еще было преждевременнымъ, мобилизація не была еще объявлена, она готовилась, и была объявлена шесть дней спустя.

Для того, чтобы лучше познакомиться съ народными типами, я отправилась въ пятницу на окраину города въ Овог, гдѣ два раза въ недѣлю (по вторникамъ и пятницамъ) происходитъ базаръ, на который съ окрестныхъ селъ съѣзжаются крестьяне и крестьянки со своими продуктами. Типы здѣсь, дѣйствительно, интереснѣе. Но мнѣ особенно понравились въ конскомъ отдѣлѣ цыгане и продавцы лошадей. Такихъ дико-выразительныхъ темныхъ лицъ, такихъ какъ уголь, черныхъ волосъ, локонами падавшихъ на плечи— мнѣ никогда еще не приходилось видѣть у цыганъ.

Здѣсь же въ Овогъ разъ въ годъ, во время Троицы, происходитъ большая ярмарка, которая традиціонно посѣщается не только высшимъ обществомъ, но также и королемъ и всѣми членами королевской семьи.

Нарядное общество, которое можно видѣть на Calea Victoria и на «шоссе Кисилева» съ наступленіемъ лѣта, обыкновенно изнурительно жаркаго въ Бухарестѣ, покидаетъ городъ и ищетъ прохлады въ дачныхъ горныхъ мѣстахъ, или на берегу моря. Изъ такихъ дачныхъ мѣстъ особенной извѣстностью пользуется Синая. Туда, осмотрѣвъ Бухарестъ, отправилась и я.

Дорога изъ Бухареста въ Синаю, сначала довольно однообразная, затѣмъ становится интереснѣе. Около станцій Planina и Ploesti мѣстность чрезвычайно богата нефтью. Нефтяныя вышки и резервуары тянутся вдоль самаго пути. Дальше съ двухъ сторонъ дороги начинаютъ появляться холмы, горы, которыя здѣсь всѣ покрыты богатѣйшимъ лѣсомъ: сосны, а выше дубъ до самой вершины покрываютъ горы.

Поѣздъ большей частью идетъ узкимъ ущельемъ; вотъ вдоль пути извиается ручеекъ, теперь онъ спалъ и тихъ, а въ прошломъ году, рассказываютъ пассажиры, испортилъ полотно желѣзной дороги. Мѣстность оживленная: домики, дачи, нѣсколько заводовъ. Проходимъ черезъ два туннеля. Поѣздъ переполненъ. Это или румыны, которые стремятся воспользоваться каникулами, чтобы повеселиться гдѣ-нибудь на западѣ, или же лица, которыя ѣдутъ съ востока, такъ какъ теперь нѣтъ проѣзда черезъ Болгарію, и всѣ ѣдутъ черезъ Констанцу—Бухарестъ. Около меня голландецъ, который ѣдетъ изъ Константинополя. Я его спрашиваю, спокойно ли

тамъ. «По городу», говоритъ онъ; «все время разъѣзжаютъ патрули, недавно повѣсили 11 человекъ. Это были лица, которыя принимали участіе въ заговорѣ на убійство Махмутъ-Шефкетъ-паши». Но въ общемъ все спокойно? повторяю я свой вопросъ. Онъ улыбается. «Ну, если вы это называете спокойствіемъ, то, если хотите, да».

Я спрашиваю румынъ про послѣднія газетныя извѣстія. Одно изъ послѣднихъ это сенсационная телеграмма о появленіи русской эскадры около Варны.

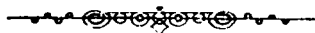
Но вотъ мѣстность начинаетъ все болѣе и болѣе оживляться—мы подъѣзжаемъ къ Синаѣ. Синая красива. Недалеко отъ вокзала (теперь строится новый) находится большое красивое бѣлое зданіе—это казино; рядомъ съ нимъ «Palace Hotel». кругомъ садъ.

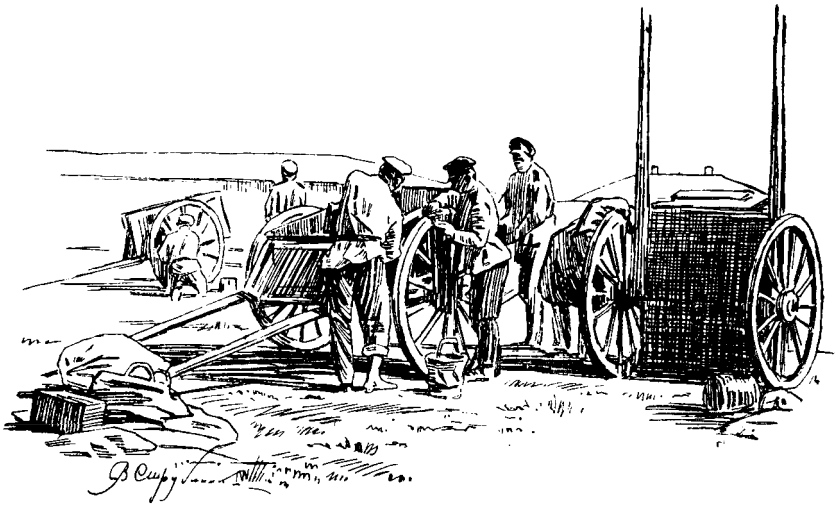
Все мѣстечко пересѣкаетъ большая тѣнистая аллея, на ней вторая большая гостиница «Caramain», ресторанъ, skatingring, кинематографы и чудныя виллы. Во всѣ стороны расходятся дороги—это всегда прекрасныя шоссе, почти всѣ тѣнистыя и обрамленныя виллами, вездѣ чудныя виды на горы, на лѣса, на дачи. Иду по дорогѣ, которая, извиваясь, поднимается въ гору. Вотъ у дороги прекрасная церковь византійской архитектуры: съ золотыми куполами она сама такъ и блеститъ позолотой, Съ террасы передъ церковью чудный видъ на весь курортъ. Я иду выше по дорогѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ дачъ становится все меньше, наконецъ, вступаешь въ густой сосновый боръ.

Если отъ церкви свернуть вправо, то придеши ко дворцу короля «Peles». Дорога чудесная. На склонѣ холма дворецъ съ остроконечной верхушкой, съ маленькими башенками. Передъ дворцомъ видѣются статуи, цвѣтники, а кругомъ лугъ, усыянный множествомъ цвѣтовъ. Дворецъ Peles—любимое мѣсто пребыванія Кармень-Сильвы. Здѣсь среди этой чарующей природы находила она вдохновеніе для своихъ произведеній.

М. В.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Съ развѣдчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка).

(Продолженіе ¹⁾).

Глава IV.

Жакъ снѣжный комъ, сорвавшись съ вершины горы, все растеть и увеличивается и превращается, наконецъ, въ страшную лавину, все сметающую на своемъ пути, такъ и вѣсть о появленіи русскаго отряда далекимъ отголоскомъ разнеслась по всѣмъ кишлакамъ Урянхайской земли, приняла необычайныя, фантастическія размѣры, дошла до Улясутая и грознымъ предостереженіемъ прозвучала въ самомъ Пекинѣ.

Въ мистически настроенной душѣ азгата легко пробуждается воображеніе. Не анализируя факты, не разбираясь въ причинной связи событій, онъ склоненъ во всѣхъ поражающихъ его умъ явленіяхъ видѣть вмѣшательство высшей, сверхъестественной силы. Такъ и въ данномъ случаѣ появленіе вооруженнаго русскаго отряда среди глубокой зимы, быстрыя и рѣшительныя его дѣйствія, вызвали самыя сумбурныя толки среди урянховъ и монголовъ.

Съѣхавшіеся въ Усть-Усинскомъ кунцы рассказывали о впечатлѣніи, произведенномъ дѣйствіями нашей малочисленной команды. Вездѣ, на Хамсарѣ, у Тодусинскихъ сойотъ, на Самгалтаѣ и дальше, за хребтомъ, даже вдоль Чуйскаго тракта, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ и кочевьяхъ сѣверо-западной Монголіи, прогремѣла

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

страшная вѣсть о приходѣ тысячнаго русскаго войска, жестоко расправляющагося съ непокорнымъ населеніемъ. Съ суевѣрнымъ страхомъ говорили по уртопамъ, что «церики», «орусь солданы», хотя и дѣшіе, но словно летаютъ по горамъ, не зная усталости, и днемъ и ночью, что отъ звука ихъ выстрѣловъ сотрясаются горы и трескаются камни.

Стало извѣстно, что изъ Улясутая спѣшно выѣхалъ самъ дзюрганъ съ большой свитой; на уртопахъ (почтовыхъ станціяхъ) уже стоятся сотни лошадей и верблюдовъ; торопится онъ, чтобы заблаговременно попасть на Кемчикъ и лично принести извиненіе большому русскому начальнику, пойону По-по-фу.

Начальникъ отряда совершенно правильно оцѣнилъ психологическое значеніе момента и, желая использовать создавшееся положеніе вещей, рѣшилъ послать меня, съ соответствующимъ конвоемъ, конечно, на Джеуанъ. Оффиціальной цѣлью моей миссіи была передача дзюргану письма, надъ составленіемъ котораго такъ кропотливо и проникновенно работалъ почтеннѣйшій переводчикъ Щелкуновъ.

Въ письмѣ были изложены причины тѣхъ событій, которыя повлекли за собой вмѣшательство вооруженной силы, нарушеніе традиціонныхъ добрососѣдскихъ отношеній между русскими и подданными Дайцинской имперіи, рядъ дерзкихъ выходокъ со стороны Ухерибы Хейдубы и грубое попирательство ими самыхъ элементарныхъ правилъ международныхъ обычаевъ. Не допуская, конечно, и мысли о томъ, что таковыя дѣйствія могли быть внушены Хейдубѣ китайской властью, полковникъ Поповъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ увѣренность, что дзюрганъ, какъ высшій представитель государственной власти въ краѣ, найдетъ нужнымъ обуздать зазнавашагося князя, уладить все недоразумѣнія, а виновныхъ накажетъ по всей строгости законовъ.

Мнѣ было внушено держать себя по отношенію къ дзюргану корректно. Появленіе на Джеуанѣ, въ самой ставкѣ урянхайскаго князя русскаго вооруженнаго отряда, конечно, до нѣкоторой степени выходило изъ рамокъ оффиціального мирнаго визита, но согласно даннымъ мнѣ указаніямъ, сущность дѣла заключалась не въ передать дзюргану документа, а въ томъ, чтобы произвести достойное «потрясающее» впечатлѣніе на главнаго виновника всего инцидента, на самого Хейдубу.

Въ ясный морозный день день мы двинулись въ путь по Енисею, теперь уже не пѣшкомъ, а въ саняхъ, нанятыхъ у жителей Усть-Усинскаго поселка.

Легко скользили полозья по гладкому льду. Миновавъ разрушенное зимовье, уже знакомое намъ устье Ургуни, мы къ вечеру были на Боли-Кемчикѣ. Такъ называется урочище, гдѣ Кемчикъ—самая многоводная рѣка Урянхайскаго края, сливается съ Енисеемъ. Крутымъ поворотомъ, горы праваго берега отходятъ далеко на западъ. Возвышенности противоположнаго ската гораздо ниже, и вершины ихъ, съ рѣзкими очертаніями, глубокими складками и впадинами, уже носятъ иной характеръ. Такъ же онѣ отвѣсной стѣной сдавили русло рѣки, но скаты ихъ безлѣсны, только въ глубокихъ ущельяхъ виднѣются рѣдкія лиственницы и заросли мелкихъ кустовъ.

Устье Кемчика не широкое—саженей 20, не больше. Галечные наносы рѣчной долины изрѣзаны глубокими протоками. Подъ слоємъ снѣга трудно опредѣлить настоящее русло рѣки.

На невысокой береговой терасѣ выстроено довольно обширное зимовье съ окнами, желѣзной печкой, нарами вдоль проконопаченныхъ стѣнъ. Въ двухъ верстахъ отъ зимовья, на лѣвомъ берегу рѣки находится неизвѣстно когда и кѣмъ насыпанная груда камней, вышиной въ 3 аршина—это и есть пограничный знакъ № 23.

Недавно, лѣтомъ 1909 года, инженеръ Розевичъ, командированный для изслѣдованія пороговъ Енисея, счелъ своимъ долгомъ «освѣжить» сомнительный пограничный знакъ и воткнулъ въ груду камней обтесанную лѣсину съ соотвѣтствующей надписью.

Господинъ водяной инженеръ, авторъ ученаго изслѣдованія объ Урянхайскомъ краѣ поступилъ въ данномъ случаѣ весьма опрометчиво. Не имѣя какихъ либо основаній, или полномочій, Розевичъ пошелъ по стопамъ блаженной памяти сержанта Тетерева, который въ 1776 году по недомыслию и незнанію протянулъ пограничную черту къ водораздѣлу Саянскаго хребта. Несомнѣнно что вмѣшиваясь не въ свое дѣло, Розевичъ только вызвалъ и укрѣпилъ у урянховъ убѣжденіе, что вопросъ о границѣ зависитъ отъ усмотрѣнія любого дусанги, или туслакчи—стоитъ только развалить старую кучу камней и насыпать въ другомъ мѣстѣ груду, только повыше.

Такъ они и поступили въ 1909 году, послѣ отъѣзда инженера.

Къ вопросу о пограничныхъ знакахъ, по спорной линіи вдоль Саянскаго хребта и по утерянной нами, согласно подлинной редакціи Буринскаго трактата 1728 года, я еще вернусь впоследствии.

Теперь продолжу рассказъ о выполненіи возложенной на меня миссіи.

Въ нижнемъ своемъ теченіи Кемчикъ извилистой, глубокой до-

линой пересѣкаетъ тѣ отроги горъ, которые связываютъ Саянскій хребетъ съ Таинь-Ула. Мѣстами русло рѣки извивается самымъ причудливымъ образомъ; высоко надъ головой закрывая селнце, нависли кручи береговыхъ утесовъ. Въ отвѣсныхъ разрѣзахъ выступали напластованія самыхъ разнообразныхъ горныхъ породъ — темные порфириты чередуются съ выходами краснаго песчаника, яркіе сланцы прорываются кварцевыми прослойками. Встрѣчаются мощные выходы зелено-каменныхъ породъ, содержащихъ цѣнный асбестъ. Порода эта легко вывѣтривается, обнаруживая блестящія полоски асбестовыхъ волоконъ.

На привалахъ мы выбирались изъ узкаго рѣчнаго корридора и цѣпляясь за острые выступы скаль и нависшія вѣтви лиственницъ, поднимались вверхъ на утесъ, чтобы окинуть взоромъ Кемчикскую долину. На западѣ раскинулась величавой панорамой цѣпь угрюмыхъ лѣсистыхъ горъ.

Точно смѣлой кистью художника набросаны темноснѣгія очертанія далекихъ вершинъ. Темными мазками намѣчены прорывы притоковъ Кемчика, Большого и Малаго Ишъ-Кема. Уходящія въ голубую высь снѣговья вершины ослѣпительно сверкаютъ въ лучахъ зимняго солнца. Какъ рядъ сказочныхъ богатырей-великановъ раскинулись онѣ отъ истоковъ Енисея къ мрачнымъ громадамъ Сайлюгема, къ сіяющимъ въ ледяной діадемѣ вершинамъ Бѣлуги.

Прошли, промелькнули, какъ сонъ, тысячелѣтія!

И какъ въ первые, туманные дни зарожденія міра стоятъ и теперь горные исполины, неподвижно, молчаливо, какъ вѣрные стражи надъ невѣдомыми долинами съ мягкой муравой съ весело журчащими рѣчками.

Это здѣсь съ незапамятныхъ временъ привольно жили мирные кочевники. И отблескъ далекихъ зарницъ и загадочное мерцаніе полуночныхъ звѣздъ вызвало въ душѣ ихъ тоску и стремленіе къ небывалому, къ невиданному, къ славѣ и подвигамъ. Быстрые, какъ дзерены, хищные, какъ волки степные, собрались они ордой вокругъ кровавыхъ стяговъ Чингисъ-хана.

Покинули они родныя горы и пошли въ даль безконечную, пока вершины снѣжныя не скрылись за краемъ небосклона.

Кровавымъ заревомъ вспыхнула вся Азія.

Рати «пестрой лани и сѣраго волка» неудержимой волной пронесли надъ древней культурой Китая, Бухары, Ирана. Мелькали передъ побѣдителями искаженные страхомъ лица побѣжденныхъ, надъ городами выше узорныхъ башенъ взвивались клубы дыма и языки пламени.

Поль міра затрепетало ужасомъ смерти передъ именами Тамерлана, Батыя, Хубилая, Куюка.

«Я судья Божій!»—гордо заявлялъ Куюкъ-ханъ послу римскаго первосвященника: «я могу васъ предать смерти, если не покоритесь мнѣ. А доказательство, что такое право дано мнѣ свыше самимъ Богомъ—это то, что я имѣю силу привести свою угрозу въ исполненіе».

А теперь лишь одинокіе могильные курганы, да вывѣтрившіеся камни съ загадочными уйгурскими надписями, свидѣтельствуютъ о далекомъ прошломъ. Еще сохранилась высокая, прямая, какъ стрѣла, насыпь колесной дороги отъ Джедало на Джакуло, устроенная, какъ гласитъ сойотское преданіе, по ярлыку (повелѣнію) самого Чингизъ-хана.

Выродились, зачахли потомки славныхъ воиновъ Батыя, Хубилая.

Кое-гдѣ, въ скрытой отъ взоровъ лощинѣ, или въ глубинѣ тополевой рѣци, чернѣютъ кошемныя юрты. Тоненькая струйка дыма незамѣтно расплывается въ морозномъ воздухѣ. На быстрыхъ косматыхъ лошаденкахъ несутся намъ на встрѣчу жители кишлака, быстро соскакиваютъ съ сѣделъ и падаютъ ницъ, уткнувшись лицомъ въ снѣгъ. *

По фарфоровому шарикѣ и пестрымъ лентамъ на малахаѣ я догадываюсь, что передъ нами представители мѣстной администраціи, божко или дзанга.

«Менде, ашіакъ!»

И только услышавъ ласковое привѣтствіе, дзанга поднимается, достаетъ изъ-за пазухи мѣхового халата голубой шелковый платокъ и съ низкимъ поклономъ протягиваетъ его ко мнѣ. Это «ходакъ»—приношеніе почетному, хоть и незваному гостю.

Сзади еще подходятъ люди; двое сойотъ волокутъ только-что заколотого барана—на снѣгу виднѣется кровавый слѣдъ.

«Вотъ намъ и порція!» смѣются развѣдчики. «А должно быть, пуда четыре будетъ въ немъ; вишь курдюкъ какъ волочится».

Еще къ вечеру я хотѣлъ попасть на заведеніе Бякова. Развѣдчиковъ я направилъ впередъ, наказавъ Васильеву устроиться на ночь получше. На заведеніи насъ долженъ былъ встрѣтить племянникъ Максима Ивановича и я надѣялся, что намъ будетъ оказано полное гостепрѣимство, какъ это обѣщаль Бяковъ.

Барана положили на сани; сойотамъ подарили по патрону, а дзангъ, не въ примѣръ прочимъ, цѣлую обойму.

Отрядъ двинулся въ путь, уже не по льду Кемчика, а санной до-

рогой по пологому правому берегу. Я оставилъ при себѣ солдата и татарина подводчика, знающаго съ грѣхомъ пополамъ сойотскій языкъ.

Бу кемъ ады чуль? (эта рѣка какъ называется).

Бу тахъ ады чуль? (эта гора какъ называется).

Максимъ байдженъ хай орухъ ики? (къ заведенію Максима какая дорога лучше).

Старикъ дзанга, своимъ сморщеннымъ, бабьимъ лицомъ сильно смахивающимъ на скопца, давалъ толковые и опредѣленные отвѣты.

Успѣлъ онъ намъ рассказать, что получено отъ нойона приказаніе, встрѣчать и кормить русскихъ солдатъ, помогать имъ дорогой, давать лошадей, если потребуютъ. На Джеуанѣ уже съѣхались чиновники со всѣхъ хошуновъ, прибылъ на дняхъ дзюрганъ и ему устроена юрта, вся увѣшанная шелками.

Стало темнѣть. Я спохватился, что развѣдчики уже далеко впереди, прекратилъ бесѣду и велѣлъ подводчику поскорѣе ѣхать.

Часа черезъ полтора скорой ѣзды послышался громкій лай собакъ. Замелькали ярко освѣщенные окна большой усадьбы, и у воротъ меня встрѣтилъ человекъ, отрекомендовавшійся племянникомъ Максима Ивановича.

«Пожалуйте! Васъ уже давно ждутъ! Проходите!»

Пройдя темныя сѣди и корридоръ, я попалъ въ свѣтлую большую комнату, уютно обставленную вѣнскою мебелью, съ гравюрами на выбѣленныхъ стѣнахъ.

Привѣтливо встрѣтила меня хозяйка, маленькая, миловидная брюнетка, въ нарядной кофточкѣ съ кокетливо подвязаннымъ бантомъ.

На большомъ столѣ бурлилъ никкелевый самоваръ, въ вазахъ и тарелочкахъ румянились пышныя булочки, алѣло варенье, красовались бутылки съ разноцвѣтными ярылками.

«Пожалуйте, раздѣвайтесь и садитесь, отогрѣю васъ чайкомъ!» щебетала хозяйка. «Писалъ намъ Максимъ Ивановичъ про васъ, еще вчера поджидали!».

Извиняясь за доставленное безпокойство, я просилъ хозяина показать мнѣ, какъ устроились солдаты.

«О, не безпокойтесь, они въ теплѣ и успѣли, вѣроятно, уже чайку попить!»

Тѣмъ не менѣе я заставилъ хозяина взять фонарь и показать мнѣ помѣщеніе, отведенное солдатамъ.

Оказалось, что имъ отвели какую-то постройку, не то баню, не то землянку на заднемъ дворѣ усадьбы. Открыли дверь и я съ тру-

дѣмъ пробрался въ полутемное помѣщеніе съ земляннымъ поломъ. Тускло краснѣли раскалившіяся стѣнки желѣзной печки. Дышать было трудно отъ ѣдкаго дыма и спертаго тяжелаго воздуха. Люди копошились вокругъ печки, просушивая онучи и валенки. Тутъ же разогрѣвали кипяткомъ, въ своихъ чайникахъ и походныхъ котелкахъ.

Я накинулся на Васильева.

— Задохнетесь вы въ этой ямѣ. Ужъ лучше бы на дворѣ, за костромъ устроиться! На зимовьяхъ и то было лучше!»

Васильевъ виноватымъ тономъ отрапортовалъ, что мнѣ отведено помѣщеніе у хозяевъ, а имъ указали «вотъ этотъ самый номеръ»—таковы были распоряженія хозяйки, не ожидавшей, молъ, прибытія цѣлаго отряда.

Вмѣстѣ съ хозяиномъ и Васильевымъ я вернулся въ домъ и попросилъ показать предназначенную мнѣ комнату.

Комната оказалась большой, просторной; мнѣ была приготовлена кровать съ теплымъ одѣяломъ и пуховыми подушками. Немедленно я приказалъ всѣмъ развѣдчикамъ перебраться въ отведенную мнѣ комнату.

Племянникъ Бякова, молодой человекъ со скуластымъ лицомъ, и узкими глазками сойотскаго типа, стоялъ у стѣны и безпомощно разводя руками, бормоталъ:

«Однако, ваше б-діе, зачѣмъ же солдатъ пущать въ чистую комнату... Мы для васъ старались, какъ могли! Опять же самоваръ простыль!»

Развѣдчики стали вносить въ комнату винтовки, сумки, вещевые мѣшки; разостлали шинели, полушубки, мою бурку. Принесли чайники съ кипяткомъ, котелки съ варевомъ изъ поднесеннаго намъ въ пути барана. Мнѣ подали зажаренныя на шомполѣ почки. Стало тепло и весело. Опять мы были всѣ вмѣстѣ, а недоумѣвающимъ хозяевамъ я объявилъ, что привыкъ дѣлать съ своими солдатами и голодъ, и холодъ, а пользоваться особымъ комфортомъ и питаться веренъемъ и печенъемъ отдѣльно отъ нихъ не могу.

На другой день къ Бякову съѣхались мѣстные русскіе торговцы, братья Никулины, Яковлевъ, Широковъ. Они рассказывали о пережитыхъ ими тревожныхъ дняхъ, когда сойоты, ломая заплоты и сбивая замки у амбаровъ, расхищали товары и имущество, угоняли скотъ, поджигали стога сѣна.

«Дѣтей и женщинъ мы спрятали въ подполья, вооруженные. чѣмъ попало, и были готовы защищаться до крайности. Ладно, нашлись еще разумные сойогишки, постояли и купцы китайскіе за

насъ—такъ, слава Богу, и обошлось безъ душегубства. А тутъ и войско послѣло, совсѣмъ легко стало.

Теперь уже сойоты раскаялись, кои товаръ и скотину обратно представляютъ, сами долги старые несутъ, объ одномъ только просятъ, какъ бы солдаты ваши не стали скотину убивать и юрты сжигать. Уйти, говорятъ намъ некуда, все равно и въ горахъ накроютъ. А вина, молъ, не наша, а все по приказанію нойона было. Очень даже покаялись. Разрѣшите солдатамъ побутылочкѣ коньяку».

Удивились купцы, что мы въ походѣ «вина не уважаемъ».

«А что касается вчерашняго недоразумѣнія, такъ Васька, племянникъ Максима Ивановича, сойотъ вѣдь, маменька покойная у нихъ сойотка здѣшняя. Съ него что взять, онъ и обращенія настоящаго не знаетъ. А солдаты ваши, сказать правду, тоже не безгрѣшны. Одинъ вотъ изъ нихъ вчера Анну Васильевну нехорошимъ словомъ обозвалъ».

Призвалъ Васильева и велѣлъ рассказать все, какъ было.

Конфузаясь по обыкновенію, Васильевъ доложилъ мнѣ, что, дѣйствительно, вчера хозяйка не особенно привѣтливо приняла солдатъ, не пускала ихъ въ комнаты—«половики загрязните»—пока, наконецъ, развѣдчикъ Лященко, выведенный изъ терпѣнія, не произнесъ довольно громко: «ишь ты, коровьи глазки, татаре и тѣ насъ лучше принимали!»

Тогда-то прекрасные каріе глазки, дѣйствительно, вспыхнули гнѣвнымъ огнемъ и люди, прямо съ похода и морозу попали въ темную, холодную землянку.

Лященкѣ, передъ выстроенной командой, было объявлено, что онъ, за невѣжливое обращеніе съ дамой, арестовывается на сутки, а такъ какъ мы въ походѣ, то замѣнъ ареста онъ не пойдетъ на Джеуанъ, а оставляется здѣсь, для охраны оставленнаго имущества.

Доложили, что пріѣхали изъ ставки нойона два чиновника, знатные и богатые сойоты, одинъ въ чинѣ туслагчи, другой—мэришъ. Я велѣнъ ихъ принять.

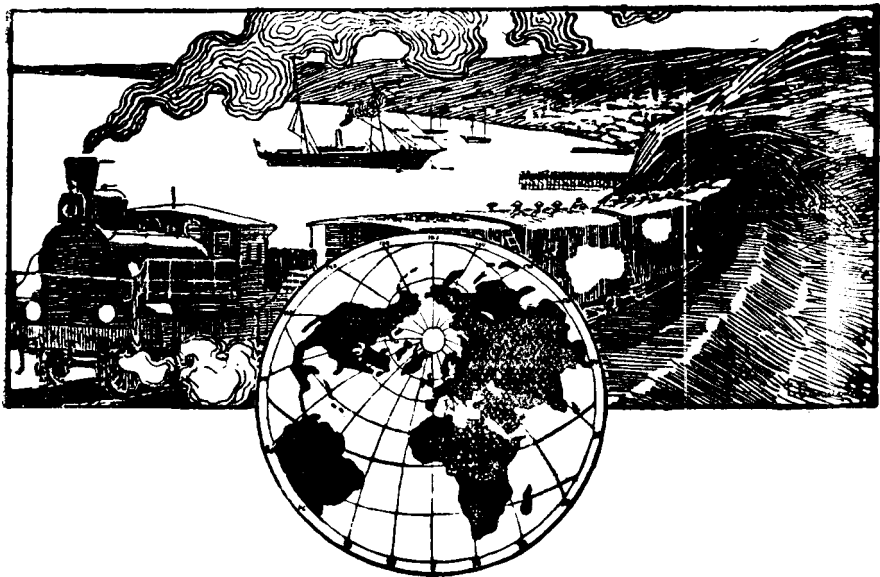
«Амурь-сайна! Менде!»

Отвѣшивая низкіе поклоны, но не простираясь по полу, какъ встрѣтившій насъ дорогой дзанга, въ комнату вошли чиновники.

«Менде! малъ менде дурбе!» (какъ вашъ скотъ поживаетъ), встрѣтилъ я ихъ обычнымъ сойотскимъ привѣтствіемъ.

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки горной Бухары.

Гиссарскій край.

Въ верховьяхъ рѣки Кафернигана.

(Продолженіе ¹⁾).

Молодой, красивый второй сынъ эмира, Шахъ-Аюбъ-Ханъ осторожно пріотворивъ дверь заглянулъ въ комнату, но сейчасъ же, увидѣвъ гнѣвный жестъ отца, скрылся.

— Военный министръ говорилъ навѣрное съ Акъ-Шадишахомъ Императоромъ объ авганскихъ дѣлахъ. Я надѣюсь, что меня русскіе поддержать. У меня есть много преданныхъ мнѣ людей и хановъ и сердаровъ во всемъ сѣверномъ Авганистанѣ, немного успокоившись, снова заговорилъ старикъ.

— Тамъ стоитъ только явиться моему послу, какъ всѣ туркмены и авганцы станутъ на сторону своего законнаго государя.

Когда въ 1888 году мой дядя Аюбъ-Ханъ воевалъ съ англичанами, а эмиръ Абдурахманъ въ это время заболѣлъ, я легко произ-

¹⁾ См. «Восный Сборникъ», № 7.

вель возстаніе въ Балхъ и Бадахшанъ объявивъ, что Абдурахманъ-ханъ умеръ. И если бы не помѣшалъ Гулямъ-Хедаръ-Ханъ, который успѣлъ собрать войска, дѣло было бы выиграно, но тогда судьба отвратила свое лицо отъ меня...

Еще долго рассказывалъ эмиръ въ тотъ вечеръ о всѣхъ своихъ горестяхъ и неудачахъ, вызванныхъ, по его мнѣнію, происками англичанъ, все время мѣшавшихъ русскому правительству оказать ему помощь.

Сѣтованія на генераль-губернатора, военнаго губернатора и всю туркестанскую администрацію были его излюбленною темою, къ которой я уже достаточно привыкъ.

— Гдѣ будетъ принимать генераль Куропаткинъ всѣхъ большихъ начальниковъ? задалъ онъ вопросъ, на минуту прерывая свой рассказъ.

— Говорятъ, что на вокзалѣ желѣзной дороги, успѣшили я удовлетворить его любопытство.

— На желѣзной дорогѣ—это непріятно. Я не люблю желѣзную дорогу!

— Недавно мнѣ пришлось ѣхать изъ Самарканда въ Ташкентъ, и знаете ли, на одной изъ станцій, я какъ правовѣрный, хотѣлъ сотворить намазъ.

Взявъ кувшинъ съ водою, я вышелъ изъ вагона и сталъ совершать омовеніе въ сторонѣ недалеко отъ поѣзда, но нехорошіе люди, служащіе на желѣзной дорогѣ. Они видѣли, что я еще не окончилъ своего важнаго долга, но несмотря на это, пустили поѣздъ, а мнѣ пришлось остаться на станціи одному безъ моихъ людей.

Они видѣли, что старый генераль, указалъ онъ на свои погоны, занять важнымъ дѣломъ и не подождали одну минуту....

А 1888 г. мнѣ памятенъ. Это было такое удобное время. Вѣдь я былъ раньше правителемъ всего Чарвиллаэта и Бадашкана и народъ хорошо зналъ и любилъ меня. И туркмены и узбеки и авганцы всѣ одинаково были мнѣ преданы, такъ какъ знали, что я хорошій мусульманинъ, а дервиши ордена Никшебендія считали меня своимъ мюридомъ и поэтому ихъ рѣчи на всѣхъ собраніяхъ и базарахъ были за меня.

Одно было плохо, не было тогда столько денегъ, сколько нужно для содержанія моихъ войскъ. Къ счастью Аллахъ послалъ людямъ Чарвиллаэта нѣсколько лѣтъ подъ рядъ большіе урожаи и мнѣ удалось собрать съ нихъ большую подать въ свою казну.

И какъ хорошо все случилось, видно судьба мнѣ покровительствовала. Когда заболѣлъ лѣтомъ эмиръ Абдурахманъ въ Ляхманѣ

и пересталъ, вслѣдствіе болѣзни, показываться людямъ, я черезъ вѣрныхъ людей пустилъ слухъ вездѣ на базарахъ, что эмиръ умираетъ а послѣ его смерти инглизы тотчасъ же займутъ Авганистанъ.

Повѣрили всѣ въ странѣ. Я собралъ свои войска, которыхъ были тысячи преданныхъ, вѣрныхъ людей, отчеканилъ въ Мазаръ-и-Шерифѣ много денегъ съ моимъ именемъ. Но когда узналъ обо всемъ Абдурахманъ, онъ выслалъ противъ меня своихъ самыхъ надежныхъ сердарей: Гулямъ-Хейдаръ-хана и Абдуль-Хакимъ-хана, которые съ огромнымъ войскомъ, конницею, пѣхотою и 26 пушками, вышли изъ Баміана, а въ это же время Абдуль-ханъ двинулся изъ Бадакшана и также пошелъ на меня. Всего у нихъ было больше 40 тысячъ человекъ, но я не испугался этой большой силы и пошелъ навстрѣчу.

Въ Гейбагѣ, въ двухъ дняхъ пути отъ Балха, встрѣтились войска Абдуль-хана и Гулямъ-Хейдаръ-хана и, соединившись, образовали многочисленную армію, но моихъ войскъ было не меньше. Я насчитывалъ до 30 т. человекъ и при этомъ у меня были опытные сердары: Магометъ-Гуссейнъ-ханъ, Фазиль-Удъ-ханъ и Меджидъ-ханъ—лучшіе военачальники.

Невдалекѣ отъ Ташъ-Кургана, въ долинѣ Газни-Хакъ сошлись наши арміи. Я самъ былъ при войскахъ, а сынъ мой, Исмаиль-ханъ, въ этомъ бою за свою храбрость заслужилъ высокое званіе сердара. Два дня продолжалось сраженіе и, если бы не измѣна нѣкоторыхъ хановъ, то я бы одержалъ побѣду.

Я убилъ нѣсколько измѣнниковъ собственноручно, но это не помогло дѣлу. Люди мои сражались какъ львы. Судьба же повернулась къ намъ спиною, и войска не выдержали натиска. Армія Абдурахмана одержала побѣду, а я долженъ былъ бѣжать за Аму-Дарью, въ Бухарское ханство.

Русскій Акъ-Падишахъ великъ и онъ далъ мнѣ средства на жизнь, разрѣшивъ проживать въ городѣ Самаркандѣ.

Но жизнь моя тяжелая, ибо на сердцѣ все время печаль, а въ душѣ нѣтъ спокойствія. Я имѣю все что нужно, но развѣ такъ долженъ жить эмиръ Авганистана?

— Нельзя упускать теперь такого хорошаго случая

— А кстати, какъ одѣвается въ торжественныхъ случаяхъ русскій Императоръ? черезъ минуту началъ онъ выяснять, очевидно, вновь мелькнувшую у него какую-то мысль:

— Какъ и всегда въ военномъ мундирѣ съ погонами или эполетами полковника....

— Почему же не генерала? Это странно! Вѣдь Императоръ старше всѣхъ въ Россіи?!

Выслушавъ мое объясненіе эмиръ задумался, а затѣмъ быстро заговорилъ.

— Это правильно, но если Императоръ носить погоны полковника, то и я, авганскій эмиръ, надѣну тоже такіе же погоны.

Вы ѣдете въ Ташкентъ, привезите, очень прошу васъ, мнѣ ихъ, но непременно погоны золотые и чтобы по нимъ были бѣлыя дорожки. Я люблю бѣлое....

Надо было видѣть то нервное настроеніе въ которомъ былъ эмиръ Исаакъ-ханъ въ день пріѣзда генерала Куропаткина въ Самаркандъ.

Одѣтый какъ и всегда въ генеральскій мундиръ общеоармейскаго образца въ синихъ рейтузахъ съ генеральскими лампасами и съ полковничьими погонами на плечахъ, въ неизмѣнной авганской каракулевой шапкѣ на головѣ, на которой блестяла брилліантовая звѣзда, онъ сталъ со своими двумя сыновьями на лѣвомъ флангѣ всѣхъ представлявшихся, выстроившихся длинною линіею на платформѣ Самаркандскаго вокзала.

И стоялъ невдалекѣ и поздоровавшись съ нимъ, началъ внимательно наблюдать за этою интересною группою.

Медленно подошелъ поѣздъ, изъ котораго вышелъ военный министръ въ сопровожденіи генераль-губернатора, генерала Иванова.

Сдѣлавъ общій поклонъ, генераль-адъютантъ Куропаткинъ медленно двинулся по линіи представлявшихся, задавая каждому вопросы и ласково разговаривалъ со многими старыми туркестанцами.

Задавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ онъ направился также тихо къ лѣвому флангу.

Эмиръ Исаакъ-ханъ, до котораго оставалось лишь нѣсколько шаговъ, поблѣднѣлъ и его желтовато-смуглое лицо сдѣлалось буквально сѣрымъ. Онъ нервнымъ жестомъ приложилъ руку къ головному убору и съ достоинствомъ поклонился.

— Очень радъ васъ видѣть, ханъ, въ добромъ здоровіи, раздался спокойный, ровный голосъ военнаго министра.

Эмиръ буквально впился глазами въ глаза Куропаткина и, пожавъ протянутую руку, весь превратился въ ожиданіе.

— Желая вамъ ѣсть спокойно свой хлѣбъ въ Самаркандѣ, какъ погребальный колоколъ, раздались новыя слова военнаго министра, точно опредѣлившія отношенія русскаго правительства къ его по-

ложенію, не поощрявшія какія-либо активныя выступленія эмира въ Авганистанѣ и признававшаго тѣмъ самымъ законность вступленія на престолъ авганскаго эмира, Хабибула-хана.

Выслушавъ слова переводчика, будто окаменѣвъ, долго стоялъ Исаакъ-ханъ на платформѣ, видимо подавленный слышаннымъ. Военный министр, сдѣлавъ общій поклонъ, поѣхалъ въ городъ.

Я подошелъ къ хану и, съ помощью его сына Измаиль-хана, съ трудомъ уговорилъ его ѣхать домой.

Старикъ сердился. Хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за Куропаткинымъ. Страшно волнуясь, онъ былъ видимо возмущенъ до глубины души.

Лишь поздно вечеромъ пріѣхавшій къ нему штабъ-офицеръ изъ лицъ свиты немного успокоилъ Исаакъ-хана, высказавъ мысль о несвоевременности даннаго момента для какихъ-либо выступленій, но намекнулъ на возможность предпріятія ихъ въ будущемъ, когда создастся болѣе благоприятная политическая обстановка.

Старикъ, услышавъ это, немного повеселѣлъ.

И въ долгіе осенніе вечера, заходя къ нему въ гости, я слышалъ рассказы о его приключеніяхъ въ Авганистанѣ.

Эмиръ былъ недурной рассказчикъ и цѣлый рядъ стычекъ и сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, рисовался имъ живо и интересно.

Живя въ Старомъ городѣ, недалеко отъ Регистана, въ части, получившей названіе Авганъ-Багъ, прожилъ потомъ недолго эмиръ Исаакъ-ханъ, устроившій у себя во дворѣ особую мечеть, въ которой онъ иногда служилъ самъ въ качествѣ имама.

Проживавшіе недалеко отъ него авганцы, занимаясь различными торговыми дѣлами, собирались почти ежедневно къ нему. Рослый, вооруженный съ головы до ногъ, авганецъ постоянно стоялъ на часахъ при входѣ во дворъ эмира, при которомъ состоялъ особый, имъ учрежденный, конвой въ числѣ десяти человекъ.

Проводя цѣлые дни въ своей михманъ-хоке (гостиной), богато увѣшанной коврами и рѣдкимъ оружіемъ, здѣсь же Исаакъ-ханъ принималъ гостей и просителей, разбирая всѣ дѣла, случавшіеся между авганцами. Для веденія дѣлопроизводства у Исаакъ-хана была особая канцелярія, находившаяся въ завѣдываніи второго сына, Шахъ-Эюбъ-хана. Всѣмъ авганцамъ канцелярія выдавала удостовѣренія въ личности, какъ подданнымъ эмира Исаакъ-хана.

Почти всѣ авганцы, проживавшіе въ Бухарскомъ ханствѣ и русскихъ среднеазиатскихъ областяхъ, признавали его законнымъ своимъ эмиромъ и позднѣе, во время своей службы въ Сараѣ на Пянджѣ,

мнѣ неоднократно приходилось видѣть его людей, предъявлявшихъ мнѣ свои паспорта, которые всегда начинались словами:

«Мы, Исаакъ-ханъ, эмиръ Авганистана, выдали эту бумагу такому-то и просимъ русскихъ и бухарскихъ властей оказывать ему помощь и содѣйствіе», а внизу неизмѣнно стояла черная печать эмира Исаакъ-хана, владыки авганскихъ племенъ.

До самой смерти эмира, заѣзжая къ нему въ Самаркандъ, я всегда видѣлъ радушные пріемы, а посылая ему письма, я всегда получалъ отъ него дружескіе отвѣты, написанные цвѣтистымъ персидскимъ языкомъ.

Все время боясь за свою жизнь и опасаясь эмира Абдурахманъ-хана, который неоднократно предпринималъ мѣры къ устраненію всѣхъ претендентовъ на авганскій престолъ, Исаакъ-ханъ проводилъ время съ особо преданнымъ ему авганцемъ, Ахметъ-Ша-ханомъ исполнявшимъ обязанности завѣдывающаго дворомъ.

Постоянныя опасенія быть отравленнымъ заставляли Исаакъ-хана особенно осторожно относиться къ пищѣ, которая постоянно держалась подъ замкомъ и подававшій къ столу поваръ всегда пробовалъ въ его присутствіи все приготовленное.

Послѣ смерти Исаакъ-хана, въ 1909 году, его старшій сынъ, сердаръ Измаиль-ханъ, сталъ еще сильнѣе покучивать, а затѣмъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, по обвиненію въ отравленіи своей жены, въ чемъ ему удалось оправдаться. Рано состарившійся и разрушившій свое здоровье этотъ потомокъ авганскихъ эмировъ не обладалъ твердымъ характеромъ своего отца, превратившись въ довольно зауряднаго человѣка, хотя и гордившагося своимъ происхожденіемъ.

Предстоящее путешествіе съ авганскими выходцами обѣщало быть интереснымъ и я рассчитывалъ дорогою узнать кое-что изъ жизни Авганистана.

Глава III.

(Кишлакъ Хушонъ.—Дѣти.—Воспоминанія объ А. П. Пистолькорѣ).

Отъ кишлака Ромита дорога протянулась по теченію рѣки Сарда-и-Міона, на правой сторонѣ которой вырисовывался кишлакъ Хушонъ.

Переѣхавъ черезъ рѣку, по довольно зыбкому мосту, мы двинулись по ея правой сторонѣ.

Горы вокругъ имѣли мягкія очертанія, спускаясь къ рѣкѣ въ

видѣ пологихъ холмовъ, въ значительной своей части покрытыхъ обработанными полями.

Кое-гдѣ виднѣлись по сторонамъ небольшіе кишлячки, окруженные зарослями садовъ, въ видѣ красивыхъ куртинъ, то расположенныхъ на вершинахъ, то спускавшихся по лощинкамъ почти до самой рѣки.

Масса воды неслась съ глухимъ шумомъ по широкой рѣчной долинѣ, подходившей къ рѣкѣ, образовавшей большія отмели, покрытая водяною птицею.

Поля пшеницы и ячменя со снятымъ урожаемъ отливали золотымъ отбѣнкомъ и на нихъ чернѣли занимавшіеся молотьбою таджики.

Небольшіе заросли кустарниковъ покрывали берега рѣки, поднимаясь вверхъ по лощинамъ и давая привольныя мѣста для жизни кекликовъ и горныхъ куропатовъ, срывавшихся цѣлыми стадами при нашемъ приближеніи.

Мутная вода рѣки имѣла желтовато-коричневый цвѣтъ и лишъ кое гдѣ въ небольшихъ заводяхъ вода отстаивалась и около нихъ внизу подъ кишляками виднѣлись цѣлыя группы дѣтвора разныхъ возрастовъ, плескавшихся и игравшихъ на берегу.

Двѣ красивыя дѣвочки, расчесывая свои волосы рѣдкимъ большимъ гребнемъ, сидѣли на камняхъ, заплетая ихъ въ тонкія мелкія косы.

Блеснувъ на насъ своими живыми глазами, онѣ пугливо прижались другъ къ другу, бросая искоса взгляды, полные любопытства.

— Наши козочки, посмотри, тюра, — эти дѣвочки, дочери моего племянника, указалъ Ша на красивую группу дѣтей, какъ испуганные воробьи заметавшихся по берегу.

Онѣ постоянно проводятъ время около воды и любятъ смотрѣть на свое въ ней отраженіе.

Только наши горныя рѣки мутны, а ручьи покрыты пѣной и не даютъ возможности разсмотрѣть своего лица въ гладкой водяной поверхности.

Хотя въ этомъ сами люди виноваты. Прежде, говорятъ наши старики, были въ горахъ озера, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ можно было все видѣть. Теперь же онѣ исчезли совершенно, а еще раньше были и свѣтлые, какъ хрусталь ручьи, въ которыхъ люди могли видѣть свои лица и любоваться своею красотою, созданной по образу и подобию Всемогущаго.

Но люди сами испортили прекрасное твореніе Создателя всего.

сущаго на землѣ, положивъ своими грѣховными дѣлами печать зла и недоброжелательства на свои лица. Очень давно, когда я еще былъ не больше этихъ милыхъ козочекъ, отецъ моего отца, перешагнувшій столѣтіе жизни, рассказывалъ:

«Всемогущій, Милосердный Творецъ Міровъ, желая наполнить созданную имъ прекрасную землю живыми существами—создалъ наилучшее свое твореніе—человѣка-мужчину и женщину съ чудной красоты лицами и голубыми глазами, отражавшими въ себѣ небесный сводъ.

Лишь глубокая доброта и жалость ко всему живущему и любовь была написана на этихъ прекрасныхъ лицахъ, первыхъ людей, поселившихся въ райской долинкѣ среди гористой страны.

Но со временемъ люди впали въ грѣхъ, а затѣмъ ихъ потомки стали дѣлать еще больше грѣховъ, искажившихъ ихъ лицо невидимо для глазъ другихъ людей, такъ какъ каждое дурное дѣло клало неизгладимую черту на нихъ, вслѣдствіе чего чудесные хрустальные ручки отражали уже не красивыя лица, а злобныя, страшныя черты грѣшниковъ, а если долго смотрѣлись люди, то рѣки и озера мутнѣли, не давая отраженій.

Съ тѣхъ поръ не могутъ люди видѣть себя, хотя, говорятъ, Иблисъ натолкнулъ ихъ на грѣховную мысль сдѣлать особое стекло, которое я видѣлъ у урусовъ, и смотрясь въ него гордиться своей красотой. Мужчины на это обращаютъ мало вниманія, но зато женщины, смотрящіяся въ эти стекла, тотчасъ же попадаютъ во власть Иблиса, потому что, видя вопреки волѣ всемогущаго свое отраженіе, онѣ въ тоже время даютъ возможность посмотреть на себя и Иблису.

Старикъ Б. мѣстами, гдѣ было возможно, ѣхалъ рядомъ со мною. Порою начиналъ вспоминать свою службу въ Туркестанѣ, со времени его завоеванія.

— Вы, Павелъ Федоровичъ, навѣрное многихъ знали лично изъ бывшихъ дѣятелей? спросилъ я его, чтобы вызвать на разговоръ.

— Всѣхъ знавалъ, всѣ передъ моими глазами прошли. И Черняевъ, и Абрамовъ, и Кауфманъ, и Скобелева помню еще молодымъ гусаромъ-ротмистромъ. Какъ же-съ, знавалъ хорошо. Наши все, туркестанцы. А я все же вамъ доложу, что вспоминая всѣхъ, съ кѣмъ только приходилось встрѣчаться среди тогдашнихъ нашихъ лихихъ офицеровъ, я невольно больше всѣхъ вспоминаю покойнаго Александра Васильевича Пистолькорса. Можетъ быть потому, что я подъ его начальствомъ все время служилъ. Скобелевъ уже по-

томъ развернулся въ Турецкой войнѣ да въ Туркменіи. А Александръ Васильевичъ даже его учителемъ въ Туркестанѣ былъ.

— Вы слышали про него?

Къ стыду моему я долженъ былъ сознаться, что имя это мнѣ было мнѣ незнакомо.

— И не стыдно вамъ, сердито заворчалъ старикъ, вѣдь въ исторіи завоеванія Туркестана чуть не въ каждомъ дѣлѣ можно встрѣтить эту фамилію.

Георгіевскій кавалеръ, старый кавказецъ, полковникъ Александръ Васильевичъ Пистолькорсъ прибылъ въ Туркестанъ при самомъ началѣ завоеванія въ 1765 году, а затѣмъ состоялъ долгое время начальникомъ всей кавалеріи въ войнѣ съ Бухарой.

Числился онъ по Кубансеому казачьему войску. Храбрости онъ былъ удивительной и при этомъ обладалъ рѣдкимъ поразительнымъ хладнокровіемъ. Теперь ужъ нѣтъ такихъ людей.

Ростомъ почти въ сажень, грузный, полный, человекъ лѣтъ сорока пяти, онъ постоянно ходилъ въ бѣлой черкескѣ, бѣлой буркѣ и бѣлой папахѣ, да при этомъ ѣздилъ на высокой лошади бѣлой же масти.

И эта огромная бѣлая фигура съ черной длинной бородой была хорошо знакома всѣмъ бухарцамъ, также какъ его знали раньше горцы на Кавказѣ. Бывало въ самыхъ опасныхъ дѣлахъ онъ выѣзжалъ впередъ и становился на видномъ мѣстѣ. По нему откроютъ огонь чуть не залпами, летаютъ вокругъ пули, а онъ себѣ стоитъ невредимымъ.

Зато въ рукопашныхъ схваткахъ и атакахъ всегда впереди. Сколько разъ израненъ былъ и шашечными ударами и пулями, а все ничего.

Съ него потомъ Скобелевъ примѣръ взялъ тоже всегда въ бѣлое одѣваться сталъ, чтобы среди войскъ замѣтнѣе быть.

— Но для чего это Павелъ Федоровичъ? удивился я, слыша въ первый разъ объясненіе причинъ неизмѣнной приверженности къ костюму бѣлаго цвѣта, въ который одѣвался Бѣлый-генераль.

— Это понятно. Вы только вспомните, куда труднѣе всего попасть—въ середину. Если начнете стрѣлять, то въ серединѣ всегда меньше всего оказывается попавшихъ пуль. Вотъ поэтому то Александръ Васильевичъ и бывалъ всегда въ бѣломъ. Вокругъ него казаки, ординарцы толпятся—по немъ стрѣляютъ, а попадаютъ больше въ близъ стоящихъ, среди которыхъ онъ бѣлымъ пятномъ всегда выдѣляется.

А ужъ кутить любилъ по своему. Бывало подрядъ нѣсколько дней и ночей гульба идетъ, а онъ всѣхъ перепьетъ и самъ ни въ одномъ глазу, какъ будто не пилъ вовсе.

Помню я разъ. Стала молодежь спорить насчетъ того, можно привыкнуть къ свисту пуль или нельзя.

Александръ Васильевичъ слушалъ и молчалъ, а потомъ отошелъ въ сторону шаговъ на полтораста къ росшему тутъ же дереву, прибилъ къ его стволу свой носовой платокъ, да и вызываетъ нѣсколько своихъ казаковъ.

«Палите говорить въ платокъ, а я спать подъ нимъ лягу» и подложивъ подъ голову бурку, завалился, вытянувшись во весь свой богатырскій ростъ, облокотившись о стволъ дерева, а платокъ то надъ его головой не больше какъ на четверть съ небольшимъ прибитъ былъ.

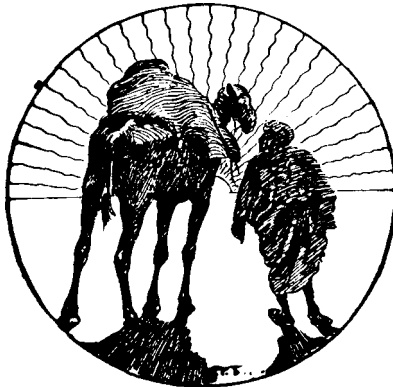
— И что бы вы думали, разъ пятьдесятъ казаки выстрѣлили, весь платокъ изрѣшили, потомъ подходятъ къ полковнику, смотрятъ, а онъ спитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, а пули даже около самой головы оказались.

Герой былъ не теперешнимъ чета. Два георгія имѣлъ и никто ему не завидовалъ, потому что заслуженно все получилъ.

Вспоминая давно сошедшихъ съ жизненной сцены людей, старикъ оживился и хотя пришлось ему отстать, такъ какъ дорога превратилась въ узкую тропинку, я долго еще слышалъ сзади себя его голосъ, называвшій цѣлый рядъ извѣстныхъ и совершенно мнѣ неизвѣстныхъ фамилій.

Д. Логофетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СИЛА ЛЮБВИ.

(Изъ былинъ войны).

(Продолженіе 1).

— Что тогда? Ну, что тогда? Скажите мнѣ на милость, вскипѣлъ докторъ, неужели вы воображаете, что вамъ удастся вернуться съ нимъ благополучно назадъ? Вы забываете, что пройдетъ мѣсяць, а то и два, раньше, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи идти (если только еще будетъ), а къ тому времени наши войска отступятъ еще верстъ на сто, назадъ....

— Почему непременно отступятъ? А можетъ быть....

— Ничего не можетъ быть... я вамъ говорю отступятъ, поверьте моему слову.... Это уже по началу видно.... Не только за Ляоянь, да мы за Харбинъ уйдемъ, въ этомъ уже не сомнѣвайтесь.... Вотъ тогда и посмотримъ, какъ это вы выберетесь изъ вашей пещеры.

1) См. «Военный Сборникъ», № 6.

— А это какъ Богъ дастъ, да я объ этомъ теперь пока и не забочусь, мнѣ только бы добраться до него и начать ухаживать за нимъ, вырвать его изъ когтей смерти... Безъ правильнаго ухода, даже и пустяшная рана легко можетъ окончиться смертью...

— Положимъ, это такъ, но подумайте еще объ одномъ... ну скажемъ... вы только не волнуйтесь... если говорить, то говорить все... скажемъ такъ... предположимъ онъ умеръ... не пугайтесь, это я дѣлаю предположеніе только... умеръ или умретъ, то что вы станете дѣлать тамъ одна среди китайцевъ.

Я... я, слегка заикаясь и блѣднѣя, отвѣтила Надежда Ивановна: я прежде всего похороню его, а тамъ вернусь...

— Хорошо вернетесь... Хорошо китайцы отпустятъ васъ, а если нѣтъ? Вѣдь китайцамъ, пожалуй, меньше можно довѣрять, чѣмъ японцамъ... Вы объ этомъ не думаете, а вѣдь они подчасъ ой-ой какими звѣрьми бываютъ... Если бы вы знали, что они во время возстанія продѣлывали съ попавшими имъ въ руки христіанками изъ европейцевъ, какъ они ихъ мучили, какимъ ужаснымъ пыткамъ предавали, къ тому же самымъ позорнымъ, унижительнымъ... китайцы вѣдь по части пытокъ мастера, импровизаторы... а къ тому же еще и садисты!

— Ну, мало ли что было тогда, въ Китайскую войну, въ то время они были озлоблены противъ европейцевъ, наконецъ, у меня въ крайности есть средство, не допустить до пытокъ и униженій...

— Какое?

— Ядъ! я возьму съ собою двѣ капсулы какого-нибудь сильно-дѣйствующаго яда и въ послѣднюю минуту, когда потеряю всякую надежду, отравлюсь. А пока, все-таки пойду, что бы вы ни говорили, какими бы страхами не пугали, пойду, потому что не могу не идти.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее!

Докторъ съ минуту стоялъ передъ ней, скрестивъ на груди руки и пристально всматриваясь въ ея поблѣднѣвшее, но вполнѣ спокойное лицо. Вдругъ онъ какъ-то всхлипнулъ и стремительно схвативъ руки Надежды Ивановны, принялся осыпать ихъ горячими поцѣлуями.

— А еще, говорятъ, женщины слабыя созданія—да вы героиня, вы сила, чудовищная сила... Что мы мужчины передъ вами... Кличите кличъ на всю армію, соберите всѣхъ нахрабрѣйшихъ ге-

роевъ, георгіевскихъ кавалеровъ тамъ разныхъ, да рѣшится ли хоть одинъ изъ нихъ на такой подвигъ, на какой идете вы... и ради чего?

— Ради любимаго человѣка, докторъ, осторожно высвобождая свои руки, шепнула Надежда Ивановна, ласково улыбаясь—поймите, докторъ: ради любимаго человѣка...

— Ахъ, да не стоитъ онъ этого... Я, впрочемъ, его совершенно не знаю, но вѣдь онъ человѣкъ, мужчина, а развѣ есть на свѣтѣ такой мужчина, который бы стоилъ такихъ страшныхъ жертвъ?! Нѣтъ, ей Богу нѣтъ!!! Нѣтъ, не было и не будетъ!!! Ну если только чудомъ какимъ-нибудь вы уцѣлѣете оба и поженитесь... и онъ хоть когда нибудь, чѣмъ нибудь, огорчитъ васъ... Что ему тогда слѣдуетъ сдѣлать? Кожу снять съ живого и въ соленый растворъ...

— Ой, ой, докторъ, какъ жестоко, улыбнулась Надежда Ивановна, а еще китайцевъ обвиняете въ жестокости, говорите, будто они мастера на изобрѣтеніе пытокъ, но до такой пытки, какую изобрѣли вы, пожалуй, и китайцы не додумаются...

— Ну, не скажите, китайцы, пожалуй, сдумаютъ выдумать и похуже... но теперь это пока не къ дѣлу... Разъ уже вы рѣшили, Богъ съ вами, идите, на вѣрную гибель, разъ вамъ такъ хочется, однако, обсудимъ какъ бы лучше все это устроить. Что вамъ взять съ собой... Много брать съ собой лѣкарствъ разныхъ нельзя, въ случаѣ, японцы обыскивать гдѣ будутъ, такъ чтобы не возбудить ихъ подозрѣній, надо спрятать такъ, чтобы не нашли, это главное, а затѣмъ надо съ этимъ Фу-ин-фу потолковать хорошенько... Онъ, признаться, мнѣ тоже нравится и кажется ему довѣриться можно... Надо только его заинтересовать. Китайцы до денегъ падки... Знаете, что я придумалъ, позову-ка я его, да обѣщаю ему, если онъ доведетъ васъ благополучно и принесетъ мнѣ о томъ удостовѣреніе отъ васъ, заплатитъ сто рублей... Что вы на это скажете? Стойте, стойте, не возражайте, я знаю, что вы хотите, сказать, знаю... но, это не суть резонно... у меня деньги сейчасъ есть, все равно онъ мнѣ здѣсь ни къ чему, тратить некуда... да, наконецъ, если все хорошо сойдетъ, вы мнѣ когда-нибудь можете и вернуть ихъ... Не такъ ли?

Вмѣсто отвѣта Надежда Ивановна крѣпко пожала руку доктора.

— Ну, а уже если онъ васъ обоихъ доставитъ сюда къ намъ, не жаль и всѣхъ двухъ сотъ, не правда ли? Какое двѣсти, за это и триста рублей обѣщать можно. Ну, такъ стало быть, за дѣло. Позо-

вемъ сюда этого Фу-ин-фу, да солдата-переводчика и потолкуемъ съ нимъ по душамъ... Авось и взаправду Богъ поможетъ, дастъ свершиться чуду!

VI.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались все дальше и дальше, Фу-ин-фу становился все осторожнѣе и недовѣрчивѣе. Сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе увидеть жениха, Надежда Ивановна въ душѣ негодовала на его медлительность. Тревога за жизнь любимаго чело-вѣка придавала ей силы, она не чувствовала ни усталости, ни голода. Ей казалось, что если бы можно было не опасаться неприятныхъ встрѣчъ и идти свободно, она была бы въ состояніи идти и день и ночь, съ самыми небольшими отдыхами. Въ тѣ мгновенья, когда ей приходило на умъ, что можетъ быть ея женихъ умираетъ отъ отсутствія хорошаго ухода, ею овладѣвало отчаяніе, она готова была бѣжать бѣгомъ, чтобы только поскорѣе достигнуть пещеры, гдѣ онъ томился. Она сожалѣла, что согласилась на доводы Фу-ин-фу и пошла пѣшкомъ, а не поѣхала на лошади. Верхомъ они давно бы доѣхали, а теперь когда еще доберутся?! Тяжелѣе всего было, что Фу-ин-фу ни слова не понималъ по-русски, а она по-китайски. Она нѣсколько разъ пыталась добиться отъ него сколько еще верстъ имъ осталось идти, но на ея упорные вопросы: до-шли ли ²⁾? Фу-ин-фу только крутилъ головой, что-то бормоча подъ носъ и быстро вертя пальцами передъ своимъ лицомъ. Очевидно, онъ или самъ не зналъ или не умѣлъ объяснить такъ, чтобы она поняла. Эта неизвѣстность больше всего угнетала Надежду Ивановну... Иногда ей казалось, что они уже близко отъ цѣли своего путешествія, и ею овладѣвала радость, но минутою спустя, она съ ужасомъ убѣждалась въ преждевременности своихъ ожиданій.

Ночь близилась къ концу, темно-синее небо приняло сѣроватый оттѣнокъ, ярко-блиставшія звѣзды потускнѣли. Черезъ какой нибудь часъ должно было появиться солнце. Какъ вездѣ на югѣ, оно сразу выплывало изъ-за хребта сопокъ и озаряло землю водопадомъ ярко-жгучихъ лучей. Здѣсь не было той долгой борьбы мрака со свѣтомъ какъ бываетъ на сѣверѣ, гдѣ солнце выходитъ медленно, какъ бы побѣждая упорное сопротивленіе, здѣсь оно,

²⁾ Сколько верстъ?

какъ желанный гость, сразу распахивало дверь и входило, весело улыбаясь, сверкающее и радостное.

Фу-ин-фу озабоченно посмотрѣлъ на небо, затѣмъ оглянулся на свою спутницу, какъ бы желая удостовѣриться можетъ ли она еще идти и, очевидно, рѣшивъ, что можетъ, прибавилъ шагу. Надежда Ивановна догадалась, что Фу-ин-фу торопится дойти къ восходу солнца до намѣченного имъ заранѣе ночлега. гдѣ-нибудь въ особо укромномъ мѣстѣ; она рада была этой поспѣшности, которая вполне отвѣчала ея затаеннымъ желаніямъ. Чтобы Фу-ин-фу не побоялся ея усталости, она приняла бодрый видъ и торопливо зашагала, стараясь даже перегнать быстро идущаго старика. Такъ они подвигались болѣе получасу. Вдругъ Фу-ин-фу вздрогнулъ, остановился. Лицо его приняло испуганное выраженіе, онъ оглянулся вправо и влево, какъ оглядывается волкъ, ища куда бы ему броситься въ сторону, отъ неожиданно вставшей передъ нимъ опасности. Но было уже поздно. Изъ-за скалы, загораживавшей поворотъ тропинки, мелькнула конская морда, черезъ мгновеніе передъ остановившимися въ смертельномъ ужасѣ путниками появился японскій кавалеристъ.

— «Стой!» раздался рѣзкій окликъ и дуло короткой винтовки уставилось прямо въ лобъ Фу-ин-фу, кто ты такой, куда идешь?

Застигнутый въ распахъ Фу-ин-фу, не сразу могъ собраться съ мыслями и сообразить, что ему отвѣчать, но природная хитрость, присущая всѣмъ китайцамъ, подсказала ему самый лучший, въ его положеніи образъ дѣйствиій, онъ притворился глухимъ. Приложивъ ладонь къ склоненному впередъ уху, онъ съ низкими присѣданіями приблизился къ кавалеристу, и сталъ безсвязно лопотать всякую чепуху, которую японецъ, не сильный въ китайскомъ языкѣ, очевидно не понялъ. Онъ сердито выругался и еще рѣзче крикнулъ: «Кто ты такой и откуда идешь?»

Надежда Ивановна, которая въ первый разъ видѣла близко непріятельскаго солдата, несмотря на свой ужасъ, не могла побороть любопытства и изъ подлобья начала разглядывать японца. Она увидѣла человѣка, довольно плотнаго въ плечахъ, съ скуластымъ лицомъ и черными живыми глазами, одѣтаго въ венгерку, расшитую на груди шнурами. Лошадь у всадника была не по росту его, высокая, хорошо выкормленная, выхолненная. Она нетерпѣливо грызла удила мундштука и горячо переступала передними ногами. Въ общемъ японскій кавалеристъ, несмотря на свой малый ростъ, произ-

водилъ впечатлѣніе заправскаго солдата, браваго и воинственнаго вида.

Не успѣвъ Фу-ин-фу отвѣтить на заданный вопросъ, какъ изъ-за того же поворота тропинки, показался еще всадникъ, за нимъ третій, четвертый. Они ѣхали одинъ за другимъ гуськомъ, какъ волки, выпешіе на добычу. Черезъ минуту путники были окружены десяткомъ кавалеристовъ. Надежда Ивановна видѣла устремленные на нее со всѣхъ сторонъ любопытные, горячіе взгляды и невольно опустила глаза... Ей стало вдругъ стыдно и нестерпимо страшно. Несмотря на шафранную краску, покрывавшую ея лицо, на уродливую прическу и грязныя лохмотья, она не утратила своей привлекательности... Она сразу какъ-то поняла это, поняла, что красива, и что японскіе солдаты обратили на ея красоту вниманіе. Поняла и смертельный ужасъ охватилъ ее... Она стояла, дрожа всѣмъ тѣломъ, все ниже и ниже наклоняя голову. Вдругъ она почувствовала около самаго своего лица чье-то горячее дыханіе. Рука, затянутая въ толстую замшевую перчатку съ крѣпкими, широкими крагами, безцеремонно взяла ее за подбородокъ и силой подняла кверху ея зардѣвшееся стыдомъ лицо. Замирая отъ ужаса, Надежда Ивановна подняла глаза и увидѣла передъ собой лицо молодого японца, низко склонившагося къ ней съ сѣдла. Какъ ни была она испугана, но тѣмъ не менѣе сразу признала въ молодомъ японцѣ офицера, это было замѣтно по его интеллигентной фигурѣ, по изяществу обмундировки, по отсутствію за плечами ружья и по статности и красотѣ его коня. Съ минуту пристально смотрѣлъ японецъ въ лицо Надежды Ивановны, какъ бы внимательно разглядывая ее; молодое лицо его добродушно улыбалось... Вдругъ онъ еще ниже наклонился и неожиданно крѣпко прижался своими губами къ ея дрожащимъ губамъ. Надежда Ивановна вскрикнула и, отшатнувшись въ сторону, инстинктивно, не давая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, но повинуваясь одному только чувству страха и обиды, желанію поскорѣе уйти отъ обидчиковъ, бросилась внизъ по крутому спуску... За минуту передъ этимъ ей бы и въ голову не пришло рѣшиться на такой отчаянный поступокъ... Спускъ былъ почти отвѣсный, всюду торчали острые камни, гладкія плиты, изъ щелей которыхъ росъ колючій кустарникъ... Сдѣлавъ два-три скачка, Надежда Ивановна поскользнулась, потеряла равновѣсіе, камень, на который она было оперлась ногой, сорвался подъ ея тяжестью, голова ее закружилась и она покатила внизъ, больно ударяясь о

каменные выступы... Отъ страха и волненія она на минуту потеряла сознаніе, но когда открыла глаза, она увидѣла себя лежащую на мягкомъ пескѣ и подлѣ себя озабоченное лицо Фу-ин-фу. Добрый старикъ, увидя ея паденіе, не долго думая, бросился вслѣдъ за нею. Привыкшіи съ дѣтства лазать по горамъ, онъ безъ особаго труда, не теряя равновѣсія и не оступаясь, гдѣ прыгая съ камня на камень, гдѣ скатываясь на спинѣ, спустился внизъ и очутился подлѣ Надежды Ивановны, которая, благодаря счастливой случайности, упала не на камни, а на глубокіе наносы песку, покрывавшіе мѣстами крутые ребра скалы. Необдуманнѣйшій поступокъ Надежды Ивановны имѣлъ то хорошее послѣдствіе, что избавилъ ее и Фу-ин-фу отъ дальнѣйшей назойливости японцевъ. Смущенный ея паденіемъ, японскій офицеръ не сталъ ее преслѣдовать и, махнувъ рукой своимъ кавалеристамъ, чтобы они слѣдовали за нимъ, рысью двинулся дальше. Скоро они исчезли изъ виду. Фу-ин-фу поспѣшилъ помочь встать Надеждѣ Ивановнѣ. Она чувствовала себя не совсѣмъ хорошо. Ушибленная при паденіи голова, слегка кружилась, всѣ кости ныли, но она была счастлива уже тѣмъ, что все оказалось цѣлымъ. Не только не было никакого полома, или вывиха, но даже и сильнаго растяженія. Уцѣлѣлъ и ея свертокъ съ лѣкарствами, искусно спрятанный въ широкихъ складкахъ одежды. Тѣмъ временемъ начало свѣтать. Во избѣжаніе повторенія подобной встрѣчи, пришлось искать укромнаго мѣста, гдѣ бы можно было переждать день. Спустившись еще ниже и перейдя долинку, путники углубились въ густую рошу, изрѣзанную глубокими оврагами, поросшими частымъ кустарникомъ. Любой изъ нихъ могъ служить надежнымъ убѣжищемъ, открыть которое могла только слѣпая случайность.

VII.

Катеньевъ давно потерялъ счетъ днямъ. Въ полусумракѣ пещеры онъ плохо отличалъ утро отъ вечера и только, когда, открывъ глаза, онъ встрѣчалъ вокругъ себя кромешную тьму, онъ догадывался, что на дворѣ ночь. По временамъ, впадая въ забытѣе, онъ не могъ рѣшить долго ли оно продолжается, можетъ быть нѣсколько минутъ, можетъ быть нѣсколько часовъ. Спросить было не у кого, такъ какъ старуха, которую онъ видѣлъ всякій разъ пробуждаясь, не знала ни звука по-русски, но сидѣлка изъ нея была хорошая.

Она очень внимательно ухаживала за раненымъ, стараясь угадать всё его желанія. Наложенныя старикомъ перевязки она не мѣняла и только слѣдила за тѣмъ, чтобы онъ не слѣзли, очевидно ей было такъ приказано Фу-ин-фу. Впрочемъ, раны мало беспокоили Катеньева, особенной боли онъ не чувствовалъ, саднило въ лѣвомъ боку и ныла лѣвая нога, немного выше ступени, вотъ и всё ощущенія, какія давали ему обѣ его раны. Его изнуряла больше слабость и частые обмороки, послѣ которыхъ онъ чувствовалъ сильный упадокъ духа. Нестерпимая тоска угнетала его. Онъ давно потерялъ всякую надежду на спасеніе и покорился своей участи— умереть одиноко въ этой тѣсной пещерѣ. Минутами ему казалось, что онъ заживо погребенъ и тогда имъ овладѣвало страстное желаніе хотя бы еще разъ взглянуть на солнце, на небо, на міръ Божій, подышать полной грудью чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, услышать понятную ему человѣческую рѣчь. Въ такія минуты онъ начиналъ думать, что, пожалуй, было бы лучше, если бы его забрали въ плѣнъ— японцы бы навѣрно вылѣчили его и впослѣдствіи онъ бы вернулся въ Россію.... Попасть въ плѣнъ, будучи тяжело раненымъ, не такъ ужъ позорно, какъ это казалось ему прежде. Молодая жажда жизни невольно брала верхъ и дразнила картинами возможнаго здоровья, счастья, любви... Перебирая въ умѣ событія послѣднихъ дней, Катеньевъ подолгу думалъ, стараясь угадать, увѣнчается ли успѣхомъ порученіе, данное имъ Фу-ин-фу. Первое время онъ сильно надѣялся. Онъ вѣрилъ въ опытность и хитрость Фу-ин-фу. Съ первыхъ дней по пріѣздѣ въ Манчжурію, Катеньевъ много слышалъ о хитрости китайцевъ, о ихъ ловкости и умѣнью обдѣлывать всякія дѣла, въ этомъ случаѣ они во многомъ походили на евреевъ Западнаго края, для которыхъ нѣтъ ничего невыполнимаго. Но по мѣрѣ того какъ шло время, увѣренность эта начала сильно колебаться и мало-по-малу совершенно испарилась. Катеньевъ пересталъ вѣрить въ удачу. Онъ ясно сознавалъ всё непреодолимая трудности, какія ожидали Фу-ин-фу, и чѣмъ больше думалъ о нихъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что никакая хитрость, никакая ловкость не преодолѣютъ ихъ. Если Фу-ин-фу и посчастливится благополучно миновать японцевъ, то ему никакъ уже не удастся проникнуть за русское сторожевое охраненіе и добраться до Ляояна, а если бы и добрался, то какъ, не зная языка, онъ будетъ разыскивать нужный ему госпиталь. Катеньевъ вспоминалъ, какъ ему самому приходилось цѣлыми часами тщетно разыскивать какую-нибудь часть

войскъ или учрежденіе, находившееся въ тылу арміи. Какъ онъ безрезультатно обращался съ распросами ко всѣмъ встрѣчнымъ солдатамъ, рядовымъ и офицерамъ, разныхъ полковъ и командъ и какъ на всѣ распросы получалъ одно и тоже. «Не могу знать!» Знаменитое: «*не могу знать!*» — противъ котораго ратовалъ безсмертный Суворовъ и которое въ послѣднюю нашу Японскую войну стало чѣмъ-то вродѣ лозунга. Если ему, офицеру, становилось подчасъ непосильной задачей разыскивать въ арміи нужныхъ ему лицъ, то для простого «манзы» эта задача и подавно представлялась вполне невыполнимой. Угнетаемый этими мыслями, Катеньевъ начиналъ уже раскаиваться, что уговорилъ старика взяться доставить его записку. Молодому хорунжему казалось, что если бы старикъ былъ теперь подлѣ него, то можетъ быть ему удалось бы его вылѣчить. Въдѣ среди простонародья есть старики, знакомые со знахарствомъ, а китайцы вообще свѣдущи въ народной медицинѣ. Если бы ему удалось выздоровѣть, онъ тогда бы пошелъ самъ, взявъ старика проводникомъ. Вдвоемъ бы имъ легче было добратся до русскихъ, только бы избѣжать японцевъ и выйти къ своимъ гдѣ бы и кто бы они ни были. Сознаніе непоправимой ошибки, сдѣланной имъ, дѣйствовало еще болѣе угнетающе на душу Катеньева и лишало его послѣдней бодрости и надежды.

VIII.

Всю ночь Катеньева мучилъ страшный кошмаръ. Нелѣпные образы тѣснились въ его горячечномъ мозгу. Ему слышались выстрѣлы, чьи-то протяжные стоны... Онъ видѣлъ себя то окруженнымъ японцами, то бѣгущимъ отъ нихъ по какимъ-то крутизнамъ, надъ бездонными пропастями, въ которыя онъ то и дѣло срывался и падалъ съ головокружительной быстротой... Сердце его замирало, духъ захватывало, голова кружилась и онъ летѣлъ въ черной безднѣ и конца не было его полету... Весь облитый холоднымъ потомъ, онъ съ ужасомъ пробуждался и нѣсколько минутъ лежалъ, глядя широко открытымъ взоромъ въ непроглядный мракъ, окружавшій его. Изъ отдаленнаго угла до него доносился мѣрный храпъ старухи, и этотъ храпъ среди мрака и тѣсноты удушливой пещеры наполнялъ душу Катеньева суетвѣрнымъ ужасомъ. Ему казалось, будто это храпятъ не человѣкъ, а какое-то странное фантастическое подземное чудовище, какой-то гномъ, о которыхъ ему рассказывали въ

дѣтствѣ. Только подъ утро кошмары покинули его и онъ заснулъ спокойнымъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ его словно что толкнуло. Онъ разомъ проснулся и широко открылъ глаза. Въ пещерѣ было свѣтлѣе, чѣмъ обыкновенно, точно щель наверху стала шире и сквозь нее лились снопы солнечныхъ лучей, отливающихъ вверху всѣми цвѣтами радуги. И воздухъ былъ какъ будто свѣжѣе, гдѣ-то чуть слышно щебетала птичка... У изголовья сидѣла китаянка, но не та старуха, которая всегда ухаживала за Катеньевымъ, а другая. Она сидѣла такъ, что падающіе сверху, черезъ щель лучи, только слегка освѣщали ея голову и пристально глядѣла въ лицо Катеньеву. Онъ машинально поднялъ на нее глаза, взглядѣлся—и вдругъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Еще шире открылъ глаза... Съ минуту глядѣлъ въ молчаливомъ оцѣпѣненіи, не вѣря въ дѣйствительность... Ему казалось, что онъ продолжаетъ спать и онъ дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы проснуться... Въ эту минуту китаянка подняла голову и, поймавъ на себѣ его изумленный, оторопѣлый взглядъ, ласково улыбнулась... Сомнѣній больше быть не могло... Ошеломленный, все еще продолжая не вѣрить своимъ глазамъ, Катеньевъ протянулъ руки... Онъ хотѣлъ вскрикнуть, назвать ее по имени и не могъ. Точно посторонняя сила сдавила ему горло. Все пережитое и выстраданное за эти дни, всѣ тяжелыя впечатлѣнія, всѣ испытанія, ужасъ одиночества и безнадежная тоска, все это слилось съ необузданной, огромной радостью, подобно бурному потоку, разомъ нахлынувшему на него... Онъ не выдержалъ и зарыдалъ какъ ребенокъ, бессильно склоняя голову на послѣднюю поддержавшія его, ласковыя руки самаго близкаго, самаго дорогого ему существа.

Съ этого дня выздоровленіе Катеньева пошло быстрыми шагами. Присутствіе Надежды Ивановны какъ бы влило въ его организмъ притокъ свѣжихъ силъ. Прошла недѣля, и уже онъ настолько поправился, что могъ вставать и двигаться, хотя боль въ ногѣ давала себя чувствовать. Они рѣдко покидали пещеру и только по ночамъ выходили и садились гдѣ-нибудь неподалеку. Постоянная опасность развила въ нихъ чуткость и осторожность дикихъ звѣрей; при томъ и вѣрный Фу-ин-фу въ свою очередь ни на минуту не ослаблялъ своего вниманія. Старикъ совершенно покинулъ свою фанзу, которая отъ частыхъ постоевъ въ ней японскихъ солдатъ пришла въ полное разрушеніе. Огородъ былъ вытопанъ и весь расхищенъ, заборъ пошелъ на топливо, двери и рамы поло-

маны. Старикъ только зубы стискивалъ при видѣ разрушеній, производимыхъ японцами въ его жилищѣ. Когда домъ былъ разграбленъ и разрушенъ настолько, что въ немъ уже трудно было жить, старикъ забралъ свою старуху и переселился въ горы. Недалеко отъ пещеры, гдѣ ютились Катеньевъ и Надежда Ивановна, была другая почти такая же. Фу-ин-фу поселился тамъ съ своей женой и сталъ ждать выздоровленія Катеньева; онъ рѣшилъ уйти изъ своихъ мѣстъ подальше отъ ненавистныхъ ему японцевъ. Старикъ мечталъ, какъ на тѣ деньги, которыя получить, если ему удастся благополучно доставить Катеньева и русскую «мадаму» на русскую сторону, онъ откроетъ въ Мукденѣ небольшую торговлю. Теперь, когда русскіе пришли, многіе китайцы взялись за торговлю; войскъ много и всѣмъ все надо, платятъ хорошо, скоро, очень скоро можно нажитья! Такъ раздумывалъ Фу-ин-фу, сидя подлѣ своей пещерки и русуя въ головѣ разныя картины своего скорого благополучія. Иногда онъ исчезалъ, пропадалъ дня два и возвращался, таща на себѣ нѣсколько связанныхъ попарно куръ, ногу чушки, или мѣшечекъ рису. Для Катеньева съ Надеждой Ивановной Фу-ин-фу былъ прямо неоцѣненный человѣкъ. Онъ доставлялъ имъ провизію и приносилъ новости о русской и японской арміяхъ. Хотя Фу-ин-фу ни слова не зналъ по-русски, а Катеньевъ и Надежда Ивановна, столько же по-китайски, но со временемъ они какъ-то выучились кое-какъ понимать другъ друга. Однажды Фу-ин-фу вернулся очень озабоченнымъ и хмурымъ. «Пу-шанго, шибко пу-шанго!» объявилъ онъ, вползая въ пещеру къ Катеньеву—русъ Ляоянъ мію, русъ пфууу!» онъ дунулъ на ладонь и отмахнулъ ее назадъ—ибень Ляоянъ ю. Русъ мію!»

Катеньевъ и Надежда Ивановна многозначительно переглянулись. Извѣстіе было крайне тревожное. Значитъ русскіе опять разбиты и еще дальше отступили назадъ. Нельзя даже и приблизительно опредѣлить, какъ далеко находятся теперь ихъ силы. Шансовъ на спасеніе стало быть еще меньше.

— Какъ ты думаешь, когда я буду въ состояніи настолько свободно владѣть ногой, чтобы мы могли двинуться въ путь? спросилъ Катеньевъ.

— Боюсь, что не раньше, какъ черезъ мѣсяць, отвѣчала Надежда Ивановна.

— А тогда наши войска, чего добраго отойдутъ къ Мукдену... Знаешь, мнѣ иногда кажется, что намъ не спастись... Подумай, ка-

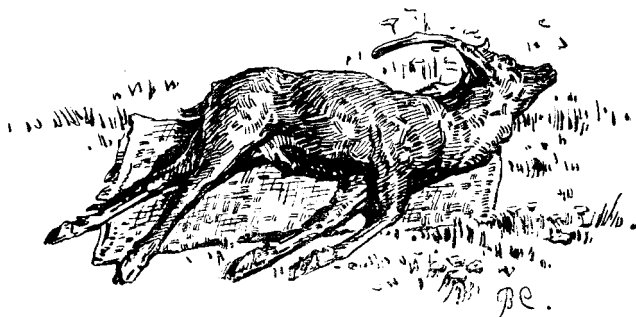
кая дальняя дорога намъ предстоитъ! Развѣ мыслимо пройти такой путь и не встрѣтить ни японцевъ, ни хунхузовъ, когда вся страна кишитъ ими.

— Для Бога, все возможно, съ глубокой вѣрой отвѣтила Надежда Ивановна, надо больше молиться и надѣяться.

Оба снова умолкли.

С. Пютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Содержаніе. Новые французскіе уставы для полевыхъ дѣйствій.—Крѣпостные маневры.—Прусскія военная лошадь.—Націонализмъ въ воен. искусствѣ.—Преувеличеніе значенія Блюхера.—Частные артил. заводы и ихъ аферы.—Конные корпуса.

Весной текущаго во Франціи были изданы три новыхъ устава—о вожденіи крупныхъ частей, полевой уставъ, и уставъ маневрированія пѣхоты. Всѣ эти уставы, захватывающіе важнѣйшіе вопросы подготовки арміи къ бою, были разработаны чрезвычайно быстро, а появленіе ихъ, естественно вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній, причѣмъ, даже въ одномъ и томъ же серьезномъ органѣ—напримѣръ, «*Journal des Sciences militaires*»,—раздаются голоса, признающіе эти уставы какъ шагомъ впередъ, такъ и шагомъ назадъ.

Многія положенія французской доктрины носили на себѣ прелюбительный отпечатокъ оборонительнаго духа, находившагося въ соотвѣтствіи съ признаннымъ превосходствомъ силъ Германіи и съ необходимостью, на первое время, ограничиться обороною. Законъ о трехлѣтней военной службѣ, а также болѣе тѣсный союзъ съ Россіей, большія упованія на русскую армію передвинули французскую доктрину существенно въ сторону рѣшительнаго наступленія—и въ уставѣ исчезъ рядъ оговорокъ въ сторону выжиданія и нерѣшительности. Этотъ совершенно естественный поворотъ въ эволюціи французскихъ уставовъ, эволюціи, базирующейся на сознаніи простота силъ арміи, ошибочно толкуется нѣкоторыми русскими наблюдателями, какъ побѣда во Франціи переводчиковъ съ нѣмецкаго надъ идейными преемниками кафедръ Мальяра, Бонналя, Кардо.

Въ частности, относительно новаго устава маневрированія пѣхоты, нужно замѣтить, что онъ представляетъ существенную реакцію противъ крайнихъ теченій разсыпного строя, вошедшихъ въ моду послѣ Англо-бурской войны. Съ 1875 по 1904 годъ французская пѣхота при маневрированіи отдавала рѣшительное преимуще-

щество массивнымъ, сомкнутымъ построениямъ. Стрѣлковыя цѣпи отошли на второй планъ, ученіе генерала Драгомирова толковалось въ наиболѣе крайнемъ направленіи, пѣхота въ районѣ шрапнели строилась въ квадратныя, сомкнутыя строю, съ тѣмъ, чтобы облегчить управленіе и донести до противника грозный сомкнутый кулакъ.—Уставъ 1904 года явился противовѣсомъ этимъ увлеченіямъ, и впалъ въ противоположную крайность: наступленіе небольшими группами, накапливаніе, разброска людей, усилій, пуль. Это попытка разсыпного строя—въ которомъ разсыпалось все, и до основанія—не выдерживала испытанія даже на боевыхъ стрѣльбахъ съ маневрированіемъ; но впавшіе въ математику полигонщики были далеки отъ того, чтобы съ своей стороны внести какой-либо коррективъ; наоборотъ, для стрѣлбы усиленно рекомендовалось раздѣленіе огня для стрѣлковъ, предоставленныхъ впрочемъ въ бою самимъ себѣ. Это тщательное раздѣленіе огня—математическая разброска его—являлось жертвой очередному божеству—разсыпанію усилій. Новый уставъ рѣзко покончилъ съ этими псевдобурскими приѣмами и вступилъ въ борьбу съ анархіей, пустившей глубокіе корни въ французской цѣпи. Новый уставъ требуетъ, чтобы въ бою всегда бы дѣйствовали части, имѣющіе во главѣ начальника, организованныя въ мирное время, и положительно отказывается отъ мелкихъ группъ, и въ особенности отъ случайныхъ группъ.

Уставъ совершенно отказался базироваться на цифры разбиванія пуль, заключающіяся въ таблицахъ стрѣлбы мирнаго времени—и этимъ привелъ положительно въ ужасъ сторонниковъ математическаго метода рѣшенія боевыхъ задачъ. Такъ напримѣръ, уставъ требуетъ, чтобы при наступленіи каждый взводъ стрѣлялъ бы прямо передъ собой, по одной цѣли, при этомъ всѣ люди цѣлились бы въ одну точку, скомандованную командиромъ взвода—и при томъ всегда въ основаніе цѣли. Хотя уставъ и объясняетъ, что это требованіе имѣетъ ввиду ограничить разброску огня, которая всегда въ дѣйствительномъ бою очень велика, но ему приходится выдерживать натискъ математиковъ: какъ обойтись безъ раздѣленія огня? Да вѣдь фронтъ взвода займетъ въ военное время 110—150 шаговъ; противникъ будетъ занимать противъ взвода такой же участокъ, а обстрѣливаться изъ него будетъ лишь полоса, равная разброскѣ огня по ширинѣ: 9 шаговъ на малыхъ дистанціяхъ, 22—на среднихъ, и 60—на большихъ. Да и наводить всѣмъ людямъ взвода въ одну точку едва ли придется... Такой сосредоточенный огонь особенно окажется невыгоднымъ на близкихъ дистанціяхъ...

Соглашеніе между этими точками зрѣнія едва ли возможно, такъ какъ уставъ, очевидно, расчитываетъ не по таблицамъ стрѣльбы, а базируясь на опытѣ всѣхъ полей сраженія, до Балканъ включительно, и вовсе не боится, что въ дѣйствительномъ бою удастся перемахнуть въ сосредоточеніи огня взвода: разбросаютъ его совершенно невольно, какъ только противникъ начнетъ отвѣчать.

Помимо этихъ краткихъ выдержекъ, новыя французскіе уставы—отпоръ анархіи въ бою—положительно заслуживаютъ болѣе внимательнаго изученія нами. Необходимо лишь не забывать, что нельзя каждый уставъ критиковать и изучать самъ по себѣ—нужно взять его ближайшихъ предшественниковъ, нужно посмотрѣть, какіе недостатки въ обученіи войскъ проявились на маневрахъ—и затѣмъ уже подчеркнуть тѣ новыя точки зрѣнія въ уставѣ, коими авторы его пытаются бороться съ обнаруженными недостатками. Если германскій мушкетеръ въ цѣпи не дѣлаетъ ни одного движенія безъ команды отдѣленнаго унтеръ-офицера, и цѣпь представляетъ какъ бы одношереножный сомкнутый строй, а французскій пѣхотинецъ преисполнился такимъ запасомъ инициативы, что каждый ведетъ свою политику, то естественно, въ одно и то же время будетъ закононо появленіе въ уставахъ двухъ одинаково вооруженныхъ армій, указаній и развязывающихъ, и связывающихъ свободу дѣйствія одиночнаго стрѣлка и мелкихъ частей. И горе переводчикамъ, не ищущимъ у себя дома основаній для дальнѣйшаго совершенствованія, а стремящихся списать готовое: за кѣмъ идти? Какъ уловить пульсъ тактической эволюціи?

Мода заразителна, пока существуетъ одинъ Парижъ. Независимость нашего тактическаго мышленія должны базироваться прежде всего на томъ, чтобы не создавать себѣ одного кумира. За каждую страницу Шлихтинга слѣдовало бы наложить эпитемію въ видѣ страницы Бонналя, и изучившимъ германскій строевой пѣхотный уставъ предоставлять голосъ не раньше изученія ими и французскаго.

По поводу предстоящаго маневра подъ крѣпостью Эпиналь «*Journal des Sciences militaires*» подвергаетъ обсужденію вопросъ насколько вообще умѣстно производство крѣпостныхъ маневровъ. Такіе маневры связаны съ большимъ числомъ условностей, такъ какъ производство всѣхъ работъ, связанныхъ съ осадой и оборонной крѣпости, даже на одномъ секторѣ, обошлось бы слишкомъ дорого. Приходится выполнять часть работъ; но такъ какъ маневръ

самъ продолжается немного времени—около недѣли—а развертываніе артилеріи осады и постройка узкоколеекъ требуетъ большаго времени, то приходится часть работъ выполнять заблаговременно. Осадныя батареи приходится уже разставить къ тому времени, какъ пребудетъ пѣхота для производства широкаго обложенія, чтобы можно было провести маневръ ускореннымъ темпомъ, а не тянуть его многими недѣлями и даже мѣсяцами, какъ въ дѣйствительности. На крѣпостномъ маневрѣ не убиваютъ, не ведутъ боевую стрѣльбу, не разрушаютъ, и потому было бы тщетно ожидать, что крѣпостной маневръ можетъ открыть новые горизонты въ вопросахъ атаки и обороны крѣпостей. Любая опытная стрѣльба по постройкамъ крѣпостнаго характера, спеціально возведеннымъ на полигонѣ, представляетъ въ этомъ отношеніи несравненно больше интереса.

Для чего же все таки, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи отъ времени до времени устраиваютъ связанныя съ крупными затратами, крѣпостные маневры? Крѣпостной маневръ является какъ бы генеральной репетиціей будущей осады. Онъ не даетъ ничего новаго, но демонстрируетъ всѣ тѣ принципы и сноровки, которые уже установлены въ арміи для борьбы за крѣпость. Если наступитъ завтра часъ войны, придется не критиковать, а примѣнять тѣ основанія, которыя теоретически выработаны для атаки крѣпостей. Просмотрѣть ихъ на практикѣ тѣмъ поучительнѣе, что въ вопросахъ борьбы за крѣпость для войскъ еще много таинственнаго, такъ какъ, несмотря на всѣ сдѣланныя усилія, еще далеко не въ должной мѣрѣ войска знакомы съ обстановкой подъ крѣпостями. Сколько героизма и крови приходится тратить около Артура или Адрианополя! Хотя бы для того, чтобы выплатить долгъ тѣмъ, которые падутъ во рвахъ Меца или въ казематахъ Вердюна, полезно, время отъ времени, засвидѣтельствовать, какой степени искусства достигла подготовка французской арміи къ борьбѣ за крѣпости, какую помощь можетъ оказать техника героизму борцовъ, чтобы потребовать отъ нихъ возможно меньшихъ потоковъ крови при выполненіи порученной имъ задачи.

Особенно поучительны крѣпостные маневры для тяжелой крѣпостной и осадной артилерій, которымъ такъ рѣдко приходится рѣшать тактическіе вопросы въ полѣ и которыя такъ склонны къ вредному уединенію на пропитанныхъ математикой и, вообще, схоластической полигопахъ. Воздушная развѣдка также получаетъ хорошую практику на маневрахъ. Пѣхотѣ приходится, правда, скучать: пѣхота—

родъ войскъ для рѣшительныхъ ударовъ, а здѣсь ей приходится идти на тормозахъ многочисленной арміи посредниковъ. Но и пѣхотѣ, можетъ быть полезно ознакомиться съ предѣлами удачнаго скачка впередъ, полезно научиться сочетать осторожное поддержаніе связи, выжиданіе для подравниванія всѣхъ силъ, съ дерзостью, необходимою для захвата непріятельскихъ верховъ. Пѣхота, артилерія, инженерныя части научаются на крѣпостномъ маневрѣ работать въ тѣсномъ взаимодействіи другъ съ другомъ—и поэтому крѣпостной маневръ является, прежде всего, школой—столь дорогой по нынѣшнимъ временамъ—солидарности и связи.

Крѣпостные маневры большого масштаба, съ привлеченіемъ пѣхоты, довольно часто ведутся, послѣ Артурскаго опыта, въ предѣлахъ Франціи и Германіи, но почти неизвѣстны въ другихъ государствахъ.

Многіе компетентные русскіе круги твердо раздѣляли нижеслѣдующій взглядъ на германскую военную лошадь, который можно найти во многихъ нѣмецкихъ книгахъ: «восточно-прусская лошадь, лучшимъ типомъ коей является Тракененская, —прирожденная солдатская лошадь—быть можетъ, вслѣдствіе сильнаго прилива англійской крови даже слршкомъ благородна. Въ этой лошади удивительнымъ образомъ, будто бы сочетались выносливость, неприхотливость—и быстрота и послушность. Она неутомима и легко поддается выѣздкѣ.

Поэтому, когда въ мартовской книжкѣ «Военн. Сборн.» мной было дано извлеченіе изъ статьи подполковника Вейса, рѣзко критикующаго прусскую лошадь, ея избалованность, ея разбитыя ноги, —предвидящаго, что нѣсколько биваковъ подъ открытымъ небомъ въ Россіи сведуть на нѣтъ германскіе кавалерійскіе полки, и рекомендующаго восточную лошадь, которая во Фракійскомъ походѣ 1912 года рѣшительно заявила себя крѣпче и надежнѣе европейской, то, естественно, даже обозрѣватель «Русск. Инв.» снабдилъ нѣсколькими вопросительными знаками цитату изъ этой статьи. Между тѣмъ, нужно констатировать, что подполковникъ Вейсъ, заявившій, что у 10% лошадей его полка уже въ мирное время никуда негодныя ноги, не одинъ въ своемъ походѣ на англійскую кровь, и что быть можетъ, скоро мы будемъ свидѣтелями начавшейся культуры въ Германіи восточной крови. Дѣйствительно, въ трудѣ прусскаго генеральнаго штаба о послѣдней Балканской войнѣ мы можемъ найти совершенно аналогичное мнѣніе о пре-

имуществахъ азіатской лошади надъ европейской, а въ мартовскомъ номерѣ «*Kavalleristische Monatshefte*» снова помѣщена статья—на этотъ разъ отставного полковника Хорна—съ рѣзкой критикой германской военной лошади.

Авторъ вспоминаетъ, какіе умѣренные труды приходилось нести прусской конницѣ съ 1870 году. Въ исторіи 2-го лейбъ-гусарскаго полка значится, что за первые 5 мѣсяцевъ войны, сильно разстроившіе конскій составъ, полкъ дѣлалъ въ среднемъ переходы по 24 версты; максимальный переходъ для полка—59 верстъ, для отдѣльнаго эскадрона—76 верстъ. Лошади, въ среднемъ, были подъ сѣдломъ меньше 10 часовъ. Бивакировать пришлось полкамъ 19 разъ, эскадронамъ въ отдѣлѣ—по 15 разъ. Въ будущую войну потребуется, несомнѣнно, гораздо больше.

Германская конница удивляетъ весь міръ своими быстрыми переходами на маневрахъ. Но они даются очень дорогой цѣной—весь конскій составъ на маневрахъ систематически подрывается и разбивается. Французскіе кавалеристы высказываютъ пожеланіе, чтобы война началась послѣ большихъ императорскихъ маневровъ, такъ какъ въ это время германская конница не пригодна къ войнѣ.

Какъ выводъ, рекомендуется: сильное прилитіе арабской крови; закаливаніе организма молодыхъ лошадей; отказъ отъ продолжительной тренировки военной лошади; установленіе вновь 4—6 недѣль травяного довольствія и т. д.

У меня едва ли хватило бы гражданскаго мужества написать приведенныя строки (трава! арабы!) и на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на переводъ съ немѣцкаго. Въ нѣкоторыхъ своихъ сужденіяхъ нѣмцы за послѣднее время безусловно усомнились.

Въ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*» воспроизводится отчетъ о преніяхъ въ «Обществѣ ревнителей военныхъ знаній» по поводу доклада подполковника Полянскаго о первой Балканской войнѣ, причемъ по многимъ пунктамъ германскій рецензентъ даетъ свои коментаріи. Такъ, боевой тезисъ о томъ, что національныя особенности (не имѣютъ ни какого вліянія на технику боевыхъ дѣйствій, что, будто бы, доказали балканскіе славяне, тактика коихъ носила международный характеръ, выставленный подполковникомъ Полянскимъ, вызываетъ слѣдующее разсужденіе, слѣдующее за мнѣніями г.г. Дружинина, Свѣчина, Бѣляева, Сапожникова и др.: по опредѣленію Клаузевица, тактика—это ученіе о примѣніи войскъ въ бою. Это ученіе можно было бы и сегодня

назвать итернаціональнымъ, потому что основы (моральное превосходство атаки, выгоды охвата, необходимость взаимодействія пѣхоты и артилеріи, значеніе преслѣдованія и т. д.) призваны всѣми народами, и значатся во всѣхъ официальныхъ учебникахъ, каковыми въ сущности являются уставы. Сравнительно второстепенное значеніе имѣютъ незначительныя особенности въ развитіи этихъ основъ тактики, напримѣръ, предпочтеніе французами передовыхъ позицій.

Но на полѣ сраженія рѣшающая роль принадлежитъ не тактическому ученію, но примѣненію этого ученія къ боевой дѣятельности. Совершенно ясно, что при этомъ, независимо отъ тактического ученія, скажутся національныя особенности. Напримѣръ, развѣ не истинно-русскій пессимизмъ былъ главной причиной ужасныхъ неудачъ въ Манчжуріи? Какъ разъ задача воинскаго обученія и заключается въ томъ, что побороть слабости, корни коихъ лежатъ въ народномъ характерѣ. Но воспитаніе никогда совершенно не изгладитъ національныхъ особенностей, хотя бы потому, что сами воспитатели являются типичными представителями своей расы. На полѣ сраженія испытываются силы, коренящіяся въ народности, и—въ сравненіи съ этимъ экзаменомъ національности—блѣднѣетъ значеніе общаго тактического ученія....

Рецензентъ отмѣчаетъ, что въ самыхъ преніяхъ проявилась и «широкая русская ватура», и лежащая въ крови и плоти всякаго русскаго страсть къ теоризированію. Мнѣніе рецензента—война творитъ всегда новыя, а не повторяющіяся положенія, каждый разъ приходится имѣть дѣло съ отдѣльнымъ случаемъ; въ этой безправильности вождю можно дать только одно пригодное навсегда правило: примѣнять здравый человѣческій смыслъ къ разбору каждаго отдѣльнаго положенія. Какъ далеки отъ этого совѣта тѣ, которые воображаютъ, что у нѣмцевъ есть одинъ рецептъ побѣды, и что они всегда держатся его, какъ слѣпой стѣны....

Тяжело читать въ томъ же журналѣ статью генерала-отъ-инфантеріи фонъ Бризена «о значеніи Блюхера для коалиціи противъ Наполеона въ 1814 году». Всѣмъ извѣстно, какія далекія цѣли ставилъ себѣ Императоръ Александръ I и какою двигательной силой являлся онъ въ коалиціи, настаивая на движеніи впередъ, ломая осторожное упорство Шварценберга и добиваясь, въ результатѣ, взятія Парижа. Поэтому очень прискорбно встрѣчать строки, гласящія, что только Блюхеръ и его начальникъ штаба, Грейзенау, отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что борьба должна закон-

читься низложеніемъ Наполеона, что Блюхеръ былъ единственнымъ полководцемъ въ Европѣ, котораго можно было противопоставить великому корсиканцу, что Блюхеромъ воодушевлялись и подчиненныя ему русскія войска, что Александръ I на полѣ Лейпцигскаго сраженія призналъ, что Блюхеръ сдѣлалъ важнѣйшее и, что именно Блюхеръ и есть освободитель Германіи....

Главнымъ образомъ, жало прусскаго писателя направлено противъ союзниковъ-австрійцевъ. Метернихъ и Шварценбергъ получаютъ бѣльшія порціи неприятныхъ словъ, и, вѣроятно, мы вскорѣ станемъ свидѣтелями такой же непріязненной полемики между пруссаками и австрійцами по поводу 1814 года, какая недавно имѣла мѣсто по отношенію 1813 года. Несомнѣнно, однако, что прусскій писатель не вполне справедливъ, и слишкомъ уже ставить на ходули своего героя; ошибка Блюхера—разброска арміи—во время перваго наступленія къ Парижу безусловный фактъ, и эту ошибку нельзя извинить пассивнымъ поведеніемъ Шварценберга. Авторъ же часть ошибки Блюхера сваливаетъ даже на Олсуфьева, слабый корпусъ коего не имѣлъ вовсе конницы; съ этого корпуса у Шампобери началось пораженіе арміи Блюхера, и Олсуфьеву ставится въ вину недостаточность охраненія фланга.

Впрочемъ, разброска арміи на 65 верстъ и оставленіе угрожаемаго фланга длинной колонны арміи безъ всякаго охраненія, ставится отчасти въ вину и Блюхеру. Неудачи же во второмъ наступленіи переносятся преимущественно на отвѣтственность начальника штаба Блюхера, Гнейзенау, который измучилъ войска передъ столкновеніемъ ночными маршами, совершенными безъ серьезныхъ основаній въ распутицу, по плохимъ дорогамъ, во враждебной странѣ. Въ это второе наступленіе армія чувствовала себя прескверно, и графъ Бранденбургъ такъ описываетъ его: «нерѣшительность, неувѣренность и оплошность, царившія въ теченіе всего этого періода въ штабѣ Блюхера, не поддаются описанію». Самъ Блюхеръ былъ боленъ. Только закаленные двухлѣтними боевыми дѣйствіями русскіе ветераны вынесли на своихъ плечахъ его побѣдную репутацию.

Этотъ слишкомъ увлекательный характеръ писаній пруссаковъ о своихъ герояхъ 1813—14 годовъ объясняетъ появленіе въ «*Revue militaire générale*» статьи Поля Ронъ: «Прусскіе соперники Наполеона». Пока даны характеристики Блюхера и Шарнгорста.

Французскій писатель несомнѣнно впадаетъ въ другую крайность, хотя и держится на почвѣ невыдуманныхъ фактовъ. Онъ рисуеть намъ Блюхера, какъ посредственнаго ученика, затѣмъ шведскаго офицера. Взятый въ плѣнъ въ 1760 году, Блюхеръ не колеблясь сейчасъ же рѣшается перейти на службу Фридриха II и драться уже противъ шведовъ. Черезъ 12 лѣтъ за злоупотребленія Блюхеръ принужденъ выйти въ отставку; еще черезъ 15 лѣтъ ему снова удается попасть на службу; Блюхеръ былъ завзятый игрокъ, и, несомнѣнно, негласные доходы съ эскадрона только и давали ему возможность сводить концы съ концами.

Въ 1795 году, во время войны противъ Франціи, Блюхеръ заявилъ себя настоящимъ героемъ «малой» войны. Въ мелкихъ предпріятіяхъ Блюхеръ былъ счастливъ—у него былъ настоящій глазомѣръ для нихъ; почти каждую недѣлю Блюхеръ предпринималъ налеты—и прибрѣлъ огромную популярность своей храбростью и умѣніемъ разговаривать съ солдатами, а также колоссальный выдержкой: онъ могъ оставаться въ сѣдлѣ цѣлый день, ночь провести, играя въ фараонъ, и съ расвѣтомъ ѣхать снова на развѣдку.

Послѣ войны Блюхеръ командовалъ прусскими войсками въ Мюнстерѣ, отличался широтой жизни, постоянной нехваткой денегъ и непрерывно напоминалъ о себѣ королю просьбами о пособіяхъ. Въ то же время Блюхеръ умѣлъ ладить и съ людьми совершенно другого круга: онъ часто посѣщалъ масонскую ложу, сошелся со Штейномъ, будущимъ вождемъ Германіи въ борьбѣ противъ французскаго ига, съ которымъ у Блюхера была общей только та же горячая кровь, вспычивость, черевѣсь воли надъ умомъ.

Въ сраженіи подъ Ауэрштедтомъ Блюхеръ началъ крайне неудачно бой, успѣшно атаковавъ, до подхода подкрѣпленій, конницей неразстроенную французскую пѣхоту Гюдена; отсутствіе выдержки повело къ тому, что лучшіе кавалерійскіе полки Пруссіи, потерпѣвъ неуспѣхъ въ двухъ атакахъ—разсѣялись, и Блюхеръ не сыгралъ болѣе никакой роли. 80 прусскихъ эскадроновъ, присутствовавшихъ на полѣ сраженія противъ 9 французскихъ, никакого вліянія на исходъ сраженія не оказали. «Блюхеръ вовсе не Зейдлицъ», насмѣшливо повторялъ нелюбившій его Гюркъ.

Но во время преслѣдованія французами остатковъ арміи, Блюхеръ сумѣлъ спасти свою популярность. На предложеніе Сульта подъ Грейсенъ сдаться, Блюхеръ отвѣчаетъ—нѣтъ, проживъ 40 лѣтъ въ мундирѣ, онъ сумѣетъ умереть въ немъ въ четверть часа. Пустая фраза—но она разнеслась по арміи, по странѣ, переживав-

шей тяжелый моральный кризисъ—и Ауэрштедскаго неудачника уже готовы были носить на рукахъ.

Въ Любекъ французы ворвались въ моментъ, когда Блюхеръ со своимъ штабомъ, въ гостиницѣ «Золотой ангелъ», пишетъ приказъ для обороны города. Шарнгорстъ спрятался на сѣноваль и былъ тамъ взятъ, а Блюхеръ успѣлъ вскочить на коня и, работая саблей, прорвался къ своимъ.

Черезъ день ему приходится капитулировать съ послѣдними остатками корпуса; подъ договоромъ о капитуляціи Блюхеръ дѣлаетъ собственноручную приписку: «я капитулирую, потому что не имѣю болѣе на хлѣба, ни боевыхъ припасовъ»—и эта приписка упрямаго генерала, десятокъ сдѣланныхъ въ ней грамматическихъ ошибокъ дѣлають даже этотъ тяжелый актъ чуть ли не популярнымъ въ его отечествѣ.

Въ сраженіи подъ Люценомъ семидесятилѣтній Блюхеръ въ сѣ 2 часовъ утра, и уже вечеромъ въ темнотѣ съ послѣдними эскадронами повторялъ атаки на французовъ....

Быть можетъ, французскій авторъ болѣе всего несправедливъ когда онъ высмѣиваетъ самохвалство Блюхера. Отступая за Кацбахъ передъ Наполеономъ осенью 1813 года, Блюхеръ пишетъ женѣ—я спасъ Берлинъ, оттянулъ все вниманіе на себя, позволилъ Богемской арміи вторгнуться въ Саксонію и т. д. Въ 1814 г. Блюхеръ все обѣщаетъ задать друзьямъ пиръ въ Парижѣ; когда идетъ бой за Бриенъ, откуда французы вечеромъ выѣли Блюхера, онъ проситъ солдатъ отстоять городъ и не отдавать Наполеону приготовленную ему постель. Какія бы тяжелыя неудачи не выпадали на долю Блюхера—онъ все время перетолковываетъ ихъ на оптимистическій ладъ, и черезъ два дня послѣ сильнѣйшаго пораженія онъ имѣетъ осанку побѣдителя, Успѣхъ—своего ли корпуснаго командира, или сосѣда—Блюхеръ всегда приписывалъ себѣ. Наименованіе «Ватерлоо» всегда казалось ему кровнымъ оскорбленіемъ; онъ хотѣлъ бы, чтобы анго-прусская побѣда надъ французами называлась «Velle-Alliance», по имени фермы, гдѣ онъ разцѣловался съ Велингтономъ, при встрѣчѣ на полѣ сраженія.

Блюхеръ любилъ опасность и имѣлъ чисто физическое мужество. Французы его особенно не любятъ за попытки широко поработать въ Парижѣ въ 1814 и 1815 годахъ, взорвать Іенскій мостъ, наложить широкія контрибуціи, вывезти художественныя сокровища. Ланжеронъ увѣряетъ, что онъ не умѣлъ читать карту. Говорятъ, что у него никогда не было оригинальной стратегической

идеи—но здѣсь авторъ не правъ: опрокинутый и помятый въ кавалерійской атакѣ подъ Линьи, Блюхеръ лично отдалъ указанія о пути отступленія, который сближалъ его съ англичанами и далъ Ватерлоо. Наконецъ, Блюхеръ органически, какъ ребенокъ, не понималъ, что такое отвѣтственность, и поэтому легко шелъ на самыя смѣлыя предложенія своего начальника штаба.

Неправы нѣмцы, пытающіеся набросить на Блюхера отпечатокъ гения, но и неправы французы, иронизирующія надъ старымъ рубакой, умѣвшимъ однимъ словомъ зажигать солдатскія сердца, что не дано многимъ умникамъ; что изъ того, что онъ никогда не умѣлъ составить не только плана кампаніи, но и простой диспозиціи для боя? А если правда, что Мюфлингъ, будущій начальникъ прусскаго генеральнаго штаба, смѣялся надъ Блюхеромъ за его спиной и передразнивалъ его жесты и голосъ, то это едва ли можетъ унижить память прусскаго генерала, который яено понималъ значеніе оптимизма на войнѣ, и по многимъ чертамъ своимъ напоминалъ нашего геніальнаго Суворова, въ уменьшенномъ видѣ. Суворова французы также органически лишены возможности понять.

Рядъ статей посвященъ вопросамъ, связаннымъ съ дѣлами завода Круппа. Въ «*Jahrbücher für die deutsche Armée und Marine*» особая статья посвящена дѣлу о заказѣ 11-дюймовыхъ пушекъ для Антверпенской крѣпости.

Въ 1908 году, когда возникъ вопросъ объ укрѣпленіи Антверпена на фронтѣ, обращенномъ къ нижней Шельдѣ, особая комиссія, назначенная для выбора вооруженія батарей, стрѣляющихъ по этому плѣссу, остановила свое вниманіе на 11-ти дюймовой пушкѣ въ 40 калибровъ длинной, и сравнивъ условія французскихъ заводовъ и Круппа, высказалась за заказъ 8 такихъ пушекъ Круппу. Въ іюнѣ 1909 года заказъ былъ данъ, къ концу 1911 года Круппъ сообщилъ объ изготовленіи ихъ, но такъ какъ батареи не были готовы, и даже мѣста для нихъ оставались спорными, то Круппъ получилъ полный расчетъ за пушки, но сами пушки и установки остались пока на складѣ его заводовъ и лежатъ тамъ и до сихъ поръ.

Такъ, по официальной версіи, поддерживаемой и Круппомъ. Противники же Круппа, въ томъ числѣ и нѣкоторые депутаты бельгійскаго парламента, вносившіе неоднократно по этому дѣлу запросы, рисуютъ дѣло такъ: германскій флотъ до 1908 года имѣлъ на вооруженіи 11 дюймовыя пушки въ 40 калибровъ, производство ихъ на заводахъ Круппа было вполне установлено, и въ моментъ

перехода германскаго флота къ 12-дюймовому калибру у Круппа оказалось даже 8 лишнихъ 11 дюймовыхъ пушекъ, сравнительно короткихъ—въ 40 калибровъ, неполнѣ современныхъ. Эти пушки сдѣланы были про запасъ, въ ожиданіи, что морское вѣдомство будетъ держаться разъ избраннаго образца. Для этихъ отсталыхъ 8-ми пушекъ нужно было выдумать покупателя, что и удалось сдѣлать съ бельгійцами: изобрѣли особую комиссію, которая рѣшила, что Антверпену необходимо непременно 8 такихъ пушекъ, заказали ихъ Круппу, послѣдній подождалъ для приличія 2 года, затѣмъ заявилъ о готовности заказа, получилъ за него деньги, а ненужныя пушки продолжаютъ валяться у него въ сараяхъ...

Разобраться, гдѣ правда, нелегко. Несомнѣнно, что въ 1909 году бельгійцы заказывали уже устарѣвшій образецъ. Написанная подъ давленіемъ Круппа статья энергично опровергаетъ версію о злоупотребленіяхъ, ссылаясь на заявленія бельгійскаго военнаго министра. По словамъ Круппа, все это—французская интрига; конкуренты втыкають ему палки въ колеса...

Другая статья въ «*Artilleristische Monatshefte*» принадлежитъ перу генерала Роне и отвѣчаетъ на вопросъ—должны ли заводы, изготовляющіе предметы вооруженія, быть казенными? Этотъ вопросъ явился въ Германіи послѣ послѣднихъ процессовъ Круппа, когда выяснилось, съ какими злоупотребленіями связано господство въ странѣ «пушечныхъ королей». Не только социалисты, которые принципиально держатся мнѣнія, что всѣ фабрики должны представлять собственность государства, но и нѣкоторые вліятельные лица и органы печати, совершенно не раздѣляющіе социалистическихъ взглядовъ, высказываютъ нынѣ въ Германіи мнѣніе о томъ, что желательнее было бы освободиться отъ господства частныхъ промышленниковъ.

Роне доказываетъ, что казенныя фабрики будутъ работать не дешевле, а дороже частныхъ, что если бываютъ недоразумѣнія, что Круппъ за границу продаетъ дешевле, чѣмъ беретъ съ германскаго правительства, то на это не стоитъ обращать особое вниманіе: всѣмъ извѣстно, что конкуренція заставляетъ работать на международномъ рынкѣ иногда не только безъ пользы, но и въ убытокъ. Все же это не разъясняетъ, почему въ Америкѣ Круппъ продавалъ свою броню, на которую онъ имѣлъ патентъ, при полномъ отсутствіи конкуренціи, на 3 рубля за пудъ дешевле, чѣмъ бралъ съ германскаго флота? Какъ то странно звучать объясненія, что до-

рого стоили Круппу опыты при изобрѣтеніи брони, что нужно было покрыть свои убытки и т. д.

Гораздо убѣдительнѣе Роне, когда ошъ приводитъ печальную исторію казенныхъ фабрикъ. Во Франціи въ 1906 году захотѣли ввести казенное производство брони на заводѣ, изготовлявшемъ до того только якоря и цѣпи, израсходовали на оборудованіе завода милліоны, а выдѣлывавшаяся броня акуратно не выдерживала и черезъ 6 лѣтъ испытаній браковалась...

Но особенно важно то обстоятельство, что казенные заводы почти не способны къ прогрессу. Со времени изобрѣтенія нарѣзныхъ орудій, каждый шагъ впередъ былъ обязанъ частной промышленности. Перевѣсомъ своей матеріальной части въ 1870 году германская артилерія обязана Круппу. Однако, кто иной, какъ не Круппъ, является виновникомъ того, что съ 1896 года по 1907 годъ германская артилерія существенно уступала французской?

Исторія бездымнаго пороха прекрасно свидѣтельствуетъ безсиліе казенной техники. Немедленно же за изобрѣтеніемъ въ 1846 году пироксилина, военная комиссія германскаго союза приступила къ опытамъ переработки его въ порохъ. Въ 1855 году эти опыты продолжалъ директоръ Шпандаускаго порохового завода, «геніальный» Отто—но бюрократія ставила ему такія затрудненія, укоряла его въ расходахъ на анализъ, что онъ почти сложилъ оружію. Тѣмъ не менѣе ему удалось создать пригодный образецъ бездымнаго пороха. Въ 1862 году произошелъ маленькій взрывъ сушившагося пироксина—и опыты были прекращены. Въ Австріи капитанъ Ленкъ еще въ 1853 разработалъ образцы бездымнаго пороха, одна батарея провела имъ практику, но вслѣдствіе сильнаго выгоранія стволовъ орудій отъ него отказались. Въ 1862 году успѣшные опыты съ порохомъ для ружей были прекращены изъ-за взрыва порохового погреба.

Прусскій капитанъ Шульце работалъ, какъ частное лицо, пожертвовавъ все свое небольшое состояніе, сдѣлавъ большіе успѣхи, но, разорившись, долженъ былъ отказаться отъ достиженія цѣли. Его работы продолжало въ Австріи частное лицо, которое должно было ликвидировать предпріятіе, такъ какъ въ Австріи производство пороха—монополія государства.

Этими обстоятельствами объясняетъ Роне, что честь изобрѣтенія практически пригоднаго бездымнаго пороха принадлежитъ не нѣмцу, а французу. Тогда уже въ Германіи взялась за дѣло серьезно частная промышленность—Нобель, Круппъ, Ротвейлеръ, и въ кратчайшее время и нѣмцы получили лучший бездымный порохъ. Во

Франціи же производство его было установлено только на казенныхъ фабрикахъ, и не является ли горькой ироніей, что нынѣ самый скверный порохъ—на родинѣ его изобрѣтателей, во Франціи!

Вопросъ о томъ, нужно ли организовать кавалерійскіе корпуса, разбирается въ «*Revue de cavalerie*». Авторъ заявляетъ, что тѣ опыты, которые до сихъ поръ производились во Франціи съ кавалерійскими корпусами, не давали утѣшительныхъ результатовъ. Отдѣльныя дивизіи били корпуса—или—задерживая одну его дивизію огнемъ самокатчиковъ и расправляясь съ другой, или—успѣвая выиграть флангъ. Типиченъ примѣръ, какъ кавалерійскій корпусъ бросился въ атаку на высоту, гдѣ стояли три конныя батареи, руководствуясь только донесеніемъ летчика, что за батареями, на обратномъ скатѣ, непріятельская кавалерійская дивизія; а противникъ успѣлъ принять въ сторону и атаковалъ успѣшно, совершенно внезапно, во флангъ кавалерійскій корпусъ.

Трудность успѣшнаго маневрированія кавалерійскаго корпуса, его неуклюжесть объясняется авторомъ, какъ слѣдствіе организаціонныхъ и тактическихъ ошибокъ. Кавалерійскій корпусъ во Франціи является лишь случайнымъ соединеніемъ во время кавалерійскихъ сборовъ, ему приходится работать съ импровизованными начальниками и штабами—и естественно, что опыты даютъ отрицательные результаты. Особенно страдаетъ связь, которая въ корпусѣ должна быть особенно прочно налажена. Дивизіи должны наступать на интервалѣ, не превышающемъ 2 версты, когда приходится считаться съ возможностью столкновенія съ непріятельской кавалеріей. Ошибочно было бы распространять на кавалерійскій корпусъ тѣ наши понятія о маневрированіи, которыя составлены по отношенію къ армейскому корпусу. Затѣмъ, необходимо отказаться отъ стремленія къ внезапности: 8.000 коней воспользуются внезапностью только при искусномъ маневрированіи на полѣ сраженія, а не отъ неожиданнаго появленія на немъ. Между тѣмъ, подъ предлогомъ желательности захватить непріятеля врасплохъ, корпусъ вводится въ бой, не разобравшись въ обстановкѣ, и атакуетъ, очертя голову, не ориентировавшись. Бой корпуса долженъ быть построенъ на опредѣленной идеѣ, созданной на основаніи данныхъ развѣдки и завязки боя авангардомъ... Корпусъ долженъ стремиться побѣдить, используя моральное превосходство большей численности, открытой силой, а не быстротой развертыванія и атаки... Кавалерійскій корпусъ долженъ атаковать по плану, а не летать безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, какъ летаетъ стая во-

робьевъ. Наконецъ, корпусу нуженъ резервъ—для послѣдняго, рѣшительнаго маневра.

Авторъ убѣжденъ, что кавалерійскіе корпуса имѣютъ право на существованіе, что, вопреки произведеннымъ до сихъ поръ опытамъ, корпусъ сильнѣе дивизіи, необходимо лишь приспособиться къ неизвѣстной еще техникѣ его боевого употребленія.

Авторъ, въ своемъ требованіи осторожной завязки боя кавалерійскимъ корпусомъ противъ непріятельской конницы, нарушаетъ старинное правило, требованіе, чтобы кавалерійскіе начальники вырывали бы у противника инициативу атаки. Не инициатива атаки рѣшаетъ дѣло, а предупрежденіе противника въ выборѣ рѣшенія. Можно рѣшиться, установить свой планъ боя и выжидать, дать противнику втянуться въ бой, подъ разстрѣль артилеріи—и оставаться хозяиномъ положенія, такъ какъ заранѣе принятое рѣшеніе будетъ осуществлено въ удобный моментъ. Вопросъ же о томъ, нужно ли первому атаковать, не долженъ рѣшаться по рецепту: все зависитъ отъ мѣстности и обстоятельствъ.

А. Свѣчинъ.

Обзоръ болгарскихъ военныхъ журналовъ.

Содержаніе. Военные органы печати, перечисленіе ихъ статей и краткая оцѣнка.

Болгарская военная печать, кромѣ «Воен. Изв.», преобразованныхъ послѣ войны въ газету съ официальнымъ прибавленіемъ («заповѣди» по военному вѣдомству и др. официальныя распоряженія), имѣетъ хорошо поставленный «Военный Журналъ», по типу нашего «Военнаго Сборника» для офицерскаго чтенія и «Воен. Сборну»—журналъ для чтенія нижнихъ чиновъ.

Кромѣ этихъ органовъ существуетъ, въ видѣ частнаго предпріятія, появившійся послѣ войны журналъ «Народъ и Армія», издаваемый «группой гражданскихъ и военныхъ писателей», въ которомъ намъ нерѣдко придется отмѣчать многія статьи, чисто военнаго содержанія.

Необходимо отмѣтить, что болѣе, чѣмъ годичный перерывъ въ работѣ военной печати, вызывавшійся привлеченіемъ всѣхъ военно-литературныхъ силъ на поприще войны—отразился на этой печати самымъ благотворнымъ образомъ.

Призванные вмѣстѣ со всѣмъ народомъ на поле брани, на ту борьбу, къ которой болгаринъ готовилъ въ теченіе 35 лѣтъ свое сердце, мышцы и умъ, люди военнаго пера прикоснулись всѣмъ су-

ществомъ своей родины и своимъ собственнымъ къ той боевой дѣятельности, ради лучшаго изученія которой и существуетъ въ мирное время военная печать.

Годъ войны даетъ сгущенный военный опытъ, котораго не могутъ дать десятилѣтїя самой напряженной военной дѣятельности мирнаго времени. Въ военное время любой вопросъ, на теоретическое обсужденіе котораго въ мирной обстановкѣ тратится море чернилъ, горы бумаги, получаетъ необыкновенно быстрое, исчерпывающее рѣшеніе. Коэффициентъ дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ или заданныхъ, какъ въ мирное время, потерь, опасность несправимыхъ пораженій и музыка смерти и страданій, все это влїяетъ очищающимъ образомъ на мысли даже самыхъ несправимыхъ схоластиковъ, а умамъ, способнымъ къ анализу, даетъ широкое поле для выводовъ, освященныхъ шумомъ только вчера еще замолкшихъ битвъ.

Всѣ эти мысли внушены изученіемъ болгарской военной печати въ текущемъ году.

Только что перенесенныя невзгоды войны и вынесенный изъ двухъ войнъ опытъ выражаются въ обилии очень содержательныхъ статей и разнообразїи темъ, за развитіемъ которыхъ на страницахъ «Воен. Журн.» мы съ интересомъ слѣдимъ.

Въ № 1 «Воен. Журн.» были напечатаны слѣдующія статьи:

1) «*Войсковые штабы*» маіора Д. Азманова. Авторъ доказываетъ, что вопросъ о высшемъ командномъ составѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о войсковыхъ штабахъ и устанавливаетъ необходимость специальной подготовки къ штабной дѣятельности, сущность которой и разбираетъ по опыту недавней войны.

2) *О будущей организаціи болгарской арміи*—П. Шкойнова.

3) *О тактикѣ пѣхотнаго огня*—М. Винкова. Очень обстоятельно и живо написанная статья по стрѣлковому дѣлу, освѣщенная попутными ссылками на примѣры изъ боевой практики.

4) Такой же интересъ представляютъ «*Картечни бѣльжски*» (замѣтки) о дѣйствїяхъ пулеметовъ (Максима, обр. 1907 г.) и техническія пожеланія автора по опыту Балканской войны.

5) «*Артилерійскія бѣльжски*» подполковника И. Николова, представляютъ собою бѣглыя замѣтки, въ которыхъ необходимо подчеркнуть слова: «вѣримъ, что всѣмъ стала ясна послѣ войны необходимость достигнуть такой «интимной» связи между пѣхотой и артилерїей, при которой совмѣстная работа по подготовкѣ была бы возможна круглый годъ, а не только во время маневровъ; безъ

близкаго взаимнаго отношенія не можете быть успѣха. Война вполне подтвердила эту повелительную необходимость».

6) *Фот-онографія для военныхъ цѣлей*—маіора Волкова. Длинная статья, посвященная примѣненію фотографіи для составленія плановъ и картъ, иллюстрированная чертежами и рисунками соотвѣствующихъ аппаратовъ—печатается въ нѣсколькихъ №№.

7) *«Пръгледъ на чуждия периодически печатъ»* содержитъ библиографическій обзоръ военныхъ журналовъ русскихъ и итальянскихъ.

8) Въ заключеніе—перечисленіе книгъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, вышедшихъ по Балканской войнѣ съ указаніемъ, какія изъ нихъ переведены на болгарскій.

Въ качествѣ приложенія къ этой книжкѣ «В. Ж.» данъ переводъ одной изъ такихъ книжекъ: «Полевая книжка турецкаго офицера» поручика Селимъ-бея.

Вторая книжка «В. Ж.» содержитъ статьи:

1) *«Пакостни увлеченія»* И. Бочева. Статья, написанная до войны, ратуетъ за развитіе сомодѣтельности офицеровъ и за непосредственное вліяніе на подчиненныхъ.

2) *Объ аттестацияхъ* маіора Хр. С—ва. Подчеркивая «неповѣрную трудность» задачи аттестованія офицеровъ и ссылаясь на извѣстный приказъ Куропаткина о необходимости вниманія къ аттестациямъ, авторъ разбираетъ постановку этого вопроса въ Болгаріи и за ея рубежомъ, послѣ чего переходитъ къ оцѣнкѣ аттестационныхъ системъ (единоличной и коллегіальной). Авторъ стоитъ за послѣднюю (ссылается на Воронежскаго).

3) *Шльненіе корпуса Яверъ-пани* освѣщается въ статьѣ ротм. Стойчева (со схемами).

4) *Бой 17-го и 18-го іюля 1913 г.* Въ этой статьѣ кап. Самоковлійскаго описываются дѣйствія 13-го пѣх. Рыльскаго п. противъ выс. 550 на правомъ берегу р. Злетовена (неудача).

5) *Причины неуспѣховъ Второй арміи въ войнѣ съ греками*—кап. Георгіева, длинная статья, конецъ которой напечатанъ въ слѣдующей книжкѣ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что причины эти лежатъ скорѣе въ стратегическихъ и организаціонныхъ ошибкахъ, чѣмъ въ тактическихъ, главнымъ образомъ въ пренебреженіе основными принципами военного искусства.

6) *Осада и взятіе Адрианополя*—обширная рецензія полк. Загорскаго на книгу Piarron de Mondésir «Siège et prise d'Adrianople».

7) «*Организація высшихъ тактическихъ единицъ у насъ*» — статья капит. Х. Калерова. Интересное изслѣдованіе вопроса, сопровождаемое ссылками на опытъ войны и таблицами. Авторъ въ заключеніе подчеркиваетъ, что болгарская пѣхотная бригада соотвѣтствуетъ по своимъ боевымъ функціямъ — дивизіи въ другихъ арміяхъ, а болгарская дивизія — корпусу.

8) Въ обзорѣ журналовъ подробно разсматривается статья Шинкаренко о «болгарской артилеріи въ Балканской войнѣ», напечатанная въ «Воен. Сб.».

Въ 3-й книжкѣ «Вен. Журн.» отмѣтимъ статьи:

1) Маіора Н. Бакрджиева о *генеральномъ штабѣ*. Статья эта вызвана появившейся въ «Воен. Изв.» на тему: «*Необходимо ли существованіе въ нашей арміи отдѣльнаго вѣдомства генеральнаго штаба!*» Отвѣтъ на нее П. Бакрджиева: «Наше генералштабно вѣдомство должно существовать». Предпославъ этому отвѣту ссылку на замѣчавшееся еще до войны отчасти непріязненное настроеніе противъ генеральнаго штаба, авторъ переходитъ къ подробному изслѣдованію состоянія генеральнаго штаба въ другихъ странахъ и даетъ отвѣты на интересные вопросы: представляетъ ли болгарскій ген. штабъ отдѣльную касту, существуетъ ли между офицерами ген. шт. карьеризмъ, озлоблено ли строевое офицерство противъ ген. шт. и т. п. Въ заключеніе авторъ высказываетъ свое мнѣніе, какъ долженъ быть реформированъ болгарскій генеральный штабъ. *Тѣсный и продолжительный контактъ со строемъ* положенъ въ основу.

2) Статья Кацарова — «*Артилерія при пѣхотной атакѣ*» приводитъ взгляды ген. Роне, подкрѣпляя ихъ примѣрами боевой практики. Опять подчеркивается *связь съ пѣхотой* на первомъ планѣ, безъ этого невозможенъ никакой успѣхъ.

3) Въ статьѣ «*Срокъ обученія войника на дѣйствительной службѣ*» г. Ванковъ очень подробно разбирается въ этомъ вопросѣ и приходитъ къ выводу о необходимости, сохранивъ 2-лѣтній срокъ службы, ограничить до минимума всякія льготы (службы 1 г. 6 м.) и расходъ войскъ на хозяйственныя и административныя надобности, въ ущербъ строевой подготовкѣ войскъ: знакомыя, родныя темы!

4) *Конница на войнѣ* (опытъ изслѣдованія тактики ея работы въ полѣ) — Д. Мустанова.

5) «*Обозная служба въ болгарской арміи*» А. Димитрова.

Въ качествѣ приложенія къ этой книжкѣ «В. Ж.», въ концѣ ея

имѣется интересное изслѣдованіе: *Дѣйствія кавалерійской дивизіи въ войну 1912 г. на основаніи «Матеріаловъ» г. А. Н.*. Этотъ заслуженный отвѣтъ бывшаго начальника штаба III арміи на извѣстную попытку бывшаго начальника кавалерійской дивизіи, генерала Незлымова оправдать свою пассивность и свалить вину за бездѣйствіе конницы на другихъ—читается съ интересомъ.

Не можемъ обойти молчаніемъ горячаго призыва редакціи болгарскаго «Военнаго журнала» къ своимъ сотрудникамъ и читателямъ, раздавашагося по возобновленіи его послѣ войны. Говоря объ ея неудачномъ завершеніи, редакція напоминаетъ, что не армія виновата въ томъ, что ей не удалось послѣднимъ сокрушительнымъ ударомъ осчастливить и возвеличить свою родину.

Теперь наступаютъ новые дни упорнаго труда сначала, по созданію военной мощи Болгаріи.

Въ преслѣдованіи этой святой цѣли редакція призываетъ къ сотрудничеству и любящее армію и вѣрующее въ лучшіе дни офицерство.

Въ дни длительного монотоннаго труда нужны тоже подвиги, какъ и на полѣ сраженія. И тутъ нужны энтузіазмъ, терпѣніе и вѣра въ свое дѣло. И армія и народъ нуждаются въ фанатикахъ-апостолахъ, которые добровольно возьмутъ себѣ на плечи крестъ общественнаго служенія и самоотверженно поцесутъ его до конца...

Этотъ горячій призывъ, повидимому, судя по избытку матеріала, какъ мы уже говорили, достигъ своей цѣли.

Въ журналѣ «Народъ и Армія» встрѣчаются тѣ же имена, что и въ «Военномъ Журналѣ»; есть много талантливо написанныхъ беллетристическихъ очерковъ минувшей войны.

Среди статей военно-политическаго значенія выдѣляется (въ №№ 6—7) статья А. Димитрова—«*Миссія генерала Сандерса съ болгарской точки зрѣнія*».

Авторъ изслѣдуетъ свойства пограничныхъ съ Турціей линій—установленной на Лондонской конференціи линіи *Мидія—Эносъ* и нынѣ существующей и, связывая этотъ вопросъ, съ одной стороны съ миссіей ф. Сандерса, съ другой съ возможностью когда-либо дѣйствій противъ Турціи Болгаріи, Россіи, Румыніи или Греціи—подчеркиваетъ *выгоды линіи Мидія—Эносъ для Россіи* въ стратегическомъ отношеніи.

Въ № 5 того же журнала напечатана интересная статья «*Мертвящія должности*», въ которой майоръ генеральнаго штаба С. Стефановъ даетъ подробную справку о развитіи канцелярщины въ бол-

гарской арміи. За восемь лѣтъ (1905—1913) общее число входящихъ и исходящихъ №№ въ штабъ одной изъ дивизій возросло съ 8069 до 49575 №№!! Правда, 1913 годъ исключительный... Авторъ призываетъ бороться съ этимъ зломъ, душащимъ массу молодыхъ, энергичныхъ и способныхъ офицеровъ и, главное, дѣлающимъ ихъ негодными къ выполнению прямого назначенія—готовить части для боя.

Н. Богаевскій.

«Rivista militare italiana» 1914 г., мартъ:

Пользованіе полевою фортификаціею.—Отрывокъ изъ сочиненія Канъ-Ю-Вея.—
Перечень статей.

Помощь отъ фортификаціи должна быть нынѣ признана неизбѣжно необходимой, какъ для усиленія дѣйствительности собственнаго огня и ослабленія потерь отъ огня непріятели, такъ и для того, чтобы дать возможность «малочисленному бороться противъ многочисленнаго» ¹⁾ на фронтѣ большого протяженія и сберечь такимъ путемъ большія силы для подвижной обороны и наступательныхъ дѣйствій. Фортификація необходима и въ оборонѣ и въ атакѣ. Въ первой она располагаетъ обыкновенно, большимъ временемъ и средствами, и фортификаціонныя постройки получаютъ тутъ характеръ большей самостоятельности; въ атакѣ, напротивъ того, эти послѣднія ограничиваются самыми простыми формами, соответствующими средствамъ фортификаціи поля сраженія, а естественныя закрытія и мѣстныя условія пріобрѣтаютъ особо важное значеніе.

Недостатокъ времени можетъ до крайности затруднить пользованіе фортификаціею и повести къ недостаточному согласованію ея съ тактическими требованіями. Онъ вынуждаетъ необходимость наскоро исполненныхъ рекогносцировокъ, мало обдуманыхъ проектовъ, поспѣшнаго выбора линій и пунктовъ, подлежащихъ укрѣпленію, разнаго рода недочетовъ по распорядку работъ въ ущербъ не только фортификаціи, но и тактикѣ, находящейся съ нею въ полномъ единеніи. Это единеніе въ такой мѣрѣ тѣсно и совершенно, что можно даже вовсе не признавать существованія фортификаціи поля сраженія, какъ спеціальнаго искусства, а смотрѣть на нее лишь какъ на способъ, коимъ войска себя защищаютъ въ теченіе тактической операціи, обращая въ свою пользу наличныя свойства мѣстности, какъ на одно изъ средствъ, которыми пользуется

¹⁾ Изреченіе Галилея въ рукописи 1609 года.

сама тактика. Ставъ же на такую точку зрѣнія, необходимо придти къ выводу, что тактика и фортификація поля сраженія, управляемые одними и тѣми же принципами, составляютъ одинъ и тотъ же предметъ, и что только схоластическія требованія ихъ другъ отъ друга отдѣляли въ ущербъ правильности постановки дѣла.

Не слѣдуетъ придавать фортификаціоннымъ работамъ значенія внѣ служенія ихъ тактическимъ цѣлямъ; не слѣдуетъ также связывать съ ними представленія объ исключительно оборонительныхъ операціяхъ, какъ то было въ прежнее время. Укрѣпленныя позиціи, за которыми въ минувшіе историческіе періоды признавалась особая сила, обусловленная тѣми или другими мертвыми массами и преградами, не могутъ имѣть въ настоящее время никакого значенія, если только не будутъ использованы въ цѣляхъ увеличенія силы занимающихъ ихъ войскъ и какъ укрытіе для выжиданія времени, благопріятнаго для перехода къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Очень важную цѣль фортификаціи представляетъ устройство опорныхъ пунктовъ и центровъ сопротивленія, служащихъ, какъ для упорной защиты позицій при оборонѣ, такъ и для поддержки движенія войскъ при наступленіи. Возведеніемъ укрѣпленій не исчерпываются, однако, всѣ цѣли полевой фортификаціи. Она имѣетъ также назначеніемъ исполненіе работъ, предназначенныхъ для облегченія наступленія своихъ войскъ, затрудненія движеній непріятели и проч. Фортификаціонно-тактическія задачи и ихъ рѣшенія столь же разнообразны и многочисленны, какъ случаи, которые могутъ въ дѣйствительной практикѣ представиться. Характеръ и особенности этихъ случаевъ опредѣляются сущностью элементовъ, ихъ составляющихъ: обстановкою, цѣлями, составомъ отряда, временемъ, мѣстностью, средствами, силами непріятели и разнообразными комбинаціями этихъ элементовъ. Въ виду такового разнообразія случаевъ, авторъ не пытается давать для нихъ частныхъ рѣшеній или приводить ихъ къ какимъ либо типамъ, а излагаетъ лишь общія основанія.

Какова бы ни была задача фортификаціи поля сраженія, она всегда приводится къ задачѣ тактической, и раньше рѣшенія этой послѣдней нельзя начать фортификаціонныхъ работъ. Всѣ условія и особенности даннаго случая, имѣющія значеніе тактическое, оказываютъ вліяніе и на фортификацію. Въ зависимости отъ тактической обстановки и цѣли дѣйствія опредѣляется количество и характеръ фортификаціонныхъ работъ. Меньшая или большая численность собственныхъ войскъ вызываетъ необходимость усиленія работъ или допускаетъ возможность ихъ сокращенія. Непрія-

тельскія силы, ихъ количество и составъ, вліяють на характеръ оборонительныхъ построекъ: противъ одной пѣхоты, напримѣръ, достаточно простыхъ траншей, тогда какъ противъ артилеріи необходимы болѣе сильныя укрытія. Отъ свойствъ и особенностей мѣстности зависитъ выборъ занимаемой линіи и родъ потребныхъ работъ. Время, совокупно съ наличнымъ инструментомъ, существенно вліяетъ на особенности проектовъ и способы исполненія фортификаціонныхъ работъ; въ зависимости отъ времени и инструмента эти работы могутъ иногда ограничиться лишь слабыми траншеями, какъ то и дѣйствительно бываетъ при наступленіи. но могутъ также развиться при оборонительныхъ дѣйствіяхъ въ сильныя верки, способные противостоять продолжительному огню мощной артилеріи.

Необходимость согласованія работъ полевой фортификаціи съ разнообразными частностями и особенностями тактическихъ задачъ требуетъ, чтобы, какъ строевые, такъ и технеческіе начальники руководствовались истинными тактико-техническими принципами и вполнѣ правильно примѣняли ихъ къ встрѣчающимся на практикѣ многоразличнымъ условіямъ. Какъ тактическое дѣйствіе постоянно приспособляется къ условіямъ боя, измѣняющимся по времени и мѣсту, такъ же должна за ними слѣдовать и фортификація поля сраженія, облегчая своимъ содѣйствіемъ достиженіе послѣдовательно выясняющихся цѣлей. Тактическія и техническія соображенія, должны быть взаимно объединяемы, и каждый строевой начальникъ долженъ одновременно съ тактическими распоряженіями, дѣлать также и техническія въ предѣлахъ круга его вѣдѣнія.. Предварительныя соображенія и выясненія того, что слѣдуетъ въ томъ или другомъ случаѣ дѣлать, не представляетъ, обыкновенно, большихъ затрудненій, и эти послѣднія начинаются въ большинствѣ случаевъ, главнымъ образомъ, при приведеніи соображеній въ исполненіе и влѣдствіе различныхъ неожиданностей.

Выяснивъ, затѣмъ, общія указанія по части характера и особенностей фортификаціонныхъ работъ, исходящія отъ командировъ корпусовъ, начальниковъ пѣхотныхъ бригадъ и полковъ, авторъ останавливается на работахъ въ баталіонѣ. При незначительной длинѣ участка, занимаемаго баталіономъ по фронту позиціи, командиръ этой части имѣетъ возможность хорошо съ нимъ ознакомиться, а такъ какъ именно въ баталіонѣ, сверхъ того, единеніе между тактикою и фортификаціею становится наиболѣе полнымъ, то вопросъ о пользованіи баталіономъ фортификаціею поля сраженія разсматривается авторомъ съ наибольшою подробностью.

Преслѣдуемая цѣль; задача, данная баталіону; пространство, подлежащее занятію или прохожденію, указываются командиромъ баталіона подчиненнымъ ему лицамъ соответственно полученнымъ директивамъ. Имъ же опредѣляются предѣлы ротныхъ участковъ и даются ротамъ тактическія и фортификаціонныя задачи, касающіяся возведенія укрѣпленій, устройства сообщеній и проч., устанавливаются сроки начала и окончанія работъ, распределяется инструментъ. Получивъ указанія командира баталіона, ротные командиры производятъ рекогносцировку мѣстности своихъ участковъ, входятъ по надлежащимъ пунктамъ во взаимное соглашеніе, распределяютъ между взводами задачи и участки мѣстности, указываютъ общее направленіе линіи окоповъ, характеръ работъ и послѣдовательность ихъ исполненія. Взводные унтеръ-офицеры послѣшно трассируютъ подъ надзоромъ офицеровъ траншеи, прикрытія и другія работы, принимая всѣ мѣры противъ возможности какой либо задержки. Въ то время, какъ часть людей, снабженная легкими лопатами и кирками, исполняетъ названныя работы, другіе люди производятъ при помощи тяжелаго инструмента работы по расчисткѣ обстрѣла, маскировкѣ и проч. Командиры взводовъ наблюдаютъ за правильностью работъ и надлежащимъ употребленіемъ рабочихъ.

Организаціею дѣла въ изложенномъ выше порядкѣ можетъ быть съ наибольшею выгодною использовано то, всегда значительное количество времени, которое поступаетъ въ распоряженіе баталіона; при исполненіи рекогносцировокъ первоначально ротными командирами и сводкѣ, затѣмъ, ихъ мнѣній и предположеній происходитъ всегда нѣкоторая потеря времени. Если бы, однако, не было времени даже для рекогносцировки баталіоннаго командира, какъ выше изложено, то онъ ограничивается обозначеніемъ задачъ въ общихъ чертахъ и приказываетъ безотлагательно приступить къ работамъ по соображеніямъ командировъ ротъ и взводовъ. При такомъ положеніи дѣла слѣдуетъ, однако, наблюдать и согласовать распоряженія по фортификаціонной части подчиненныхъ начальниковъ, чтобы привести ихъ во взаимную связь и соотвѣтствіе. Такъ, командиру баталіона слѣдуетъ пользоваться своею властью и авторитетомъ, какъ для устраненія ошибокъ ротныхъ командировъ, такъ равно и для необходимыхъ добавочныхъ работъ по укрѣпленію позицій и по устройству связи, въ особенности въ зонахъ взаимнаго соприкосновенія различныхъ ротъ. Такъ же точно должны поступать ротные командиры по отношенію взводныхъ. Въ работахъ слѣдуетъ держаться надлежащаго

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-Венгрія. Директивы для лѣтнихъ занятій. (Современные взгляды на полевые укрѣпленія.—*Германія.* Крѣпости восточнаго пограничнаго района (со схемой).

Австро-Венгрія.

Военное министерство издало директивы для подготовки частей всѣхъ родовъ войскъ во время лѣтнихъ занятій. Особое вниманіе обращено на то, чтобы подготовка эта соответствовала боевой готовности войскъ и, главнымъ образомъ, проходила полевая служба; достаточно времени слѣдуетъ удѣлять на подготовку призванныхъ на повторные сборы резервистовъ; если части войскъ до призыва резервистовъ уже выступили изъ своихъ постоянныхъ гарнизоновъ, то резервисты тотчасъ по прибытіи должны быть направлены въ части войскъ и проходить повторный курсъ детальной подготовки въ лагерномъ или квартирномъ расположеніи; патроны, неизрасходованные за отпаденіемъ учебной стрѣльбы въ этихъ случаяхъ, расходуются для боевой стрѣльбы. Высшіе начальники обязаны заботиться о возможно интенсивномъ упражненіи въ совместныхъ дѣйствіяхъ родовъ войскъ. Откомандированіе людей и «оставшіяся команды» должны быть насколько возможно ограничены и, по мѣрѣ возможности, замѣнены рабочими (не военными).

Относительно пѣхоты предписывается, чтобы пулеметныя команды по возможности были составляемы къ началу баталіонныхъ ученій и всѣ пулеметныя команды ко времени упражненій въ составъ трехъ родовъ войскъ имѣли полный составъ по мирному времени. (Въ австро-венгерской арміи имѣется въ виду до-

вести число пулеметныхъ командъ до 4 на полкъ, по одной, въ 2 пулемета, на баталіонъ; пока по штату установлено на полкъ только 3 команды, а четвертыя формируются на время лѣтнихъ занятій, причемъ, повидимому, матеріальная часть на всѣ 4 команды имѣется въ полкахъ налицо); лошади для образованія пулеметныхъ командъ если не имѣются свободныя отъ отпускныхъ чиновъ, берутся изъ числа вьючныхъ для перевозки патроновъ, однако, лишь послѣ снабженія лошадьми конныхъ развѣдчиковъ. Послѣдніе составляютъ нововведеніе, ихъ готовится по 1-му отъ роты, и на нихъ предписывается обратить особенное вниманіе.

Затѣмъ директивы устанавливають, чтобы во время значительныхъ маневровъ въ составѣ каждой группы посредниковъ находились особыя посредники для артиллеріи, а также, чтобы прикомандированные отъ штабовъ къ войскамъ для узнанія службы офицеры непременно командовали соответствующей единицею и не привлекались къ штабной службѣ.

Призывъ къ маневрамъ добровольцевъ на автомобиляхъ и мотоциклетахъ слѣдуетъ объявить заранѣе, по возможности, за 4 недѣли до начала маневровъ. Они назначаются преимущественно для передачи приказаній и донесеній, въ видѣ исключенія (автомобили) для быстрой перевозки штабовъ и ни въ коемъ случаѣ для перевозки багажа, прислуги или для частной надобности. При пользованіи ими слѣдуетъ имѣть въ виду особыя условія для сего: на дурныхъ, вязкихъ дорогахъ при большихъ разстояніяхъ мотоциклеты почти непримѣнны; перегруженіе автомобилей вредно отзывается на нихъ.

При варкѣ пищи не слѣдуетъ упускать изъ вида варку ея въ котелкахъ, такъ какъ походныя кухни и герметическіе ящики въ военное время не всегда будутъ налицо. Относительно продовольствія офицеровъ отмѣчается, что таковое, собственно говоря, должно быть одинаковымъ съ довольствіемъ нижнихъ чиновъ; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ избѣгать обширныхъ приспособленій для довольствія офицеровъ и не упускать изъ вида, что походныя кухни и герметическіе ящики могутъ снабжать офицеровъ подходящею пищею.

Что касается покрытія недостатка въ лошадяхъ на время лѣтнихъ упражненій (не въ кавалеріи), то слѣдуетъ прибѣгать къ найму лошадей; покупка ихъ на время упражненій на опытѣ оказалась слишкомъ невыгодною операціею.

Отмѣнено представленіе отчетовъ о каждомъ упражненіи въ со-

ставѣ трехъ родовъ войскъ. Поэтому поводу Vedette отмѣчаетъ, что для уменьшенія излишней переписки слѣдовало бы отмѣнить также представляемые каждою частью ежедневные отчеты о лѣтнихъ занятіяхъ войскъ, составляемые по извѣстному шаблону и, только въ случаѣ особыхъ упражненій, требовать отчетовъ. Военный листокъ критикуетъ также отмѣну учебной стрѣльбы для резервистовъ, призванныхъ на повторные сборы, находя, что безъ нея боевая стрѣльба будетъ совершенно неудовлетворительною.

Относительно упражненій кавалеріи директивы указываютъ, что ее слѣдуетъ возможно чаще привлекать къ упражненіямъ совместно съ другими родами войскъ; дивизионную кавалерію возможно раньше придавать пѣхотѣ, несмотря на сформированіе въ послѣдней конныхъ развѣдчиковъ, и никакъ не позже начала полковыхъ ученій. Эскадроны армейской кавалеріи должны выходить на упражненія въ составѣ бригадъ и выше въ числѣ не менѣе 90 всадниковъ на эскадронъ (это доказываетъ слабость состава и стремленіе сберечь лошадей, оставляя часть ихъ дома). Кромѣ 4-й и 8-й кавал. дивизій и принимающихъ участіе въ большихъ маневрахъ частей кавалеріи, во всѣхъ кавалерійскихъ дивизіяхъ должны быть произведены бригадныя упражненія и «по возможности» упражненія въ составѣ дивизіи въ теченіе 2—3 дней; «желательно» также участіе ихъ въ заключительныхъ упражненіяхъ корпуса.

Артилерія также возможно часто должна привлекаться къ упражненіямъ съ другими родами войскъ, причемъ всегда должна быть соблюдаема разумная норма ея по отношенію къ пѣхотѣ, дабы послѣдняя не обратилась исключительно въ прикрытіе артилеріи; упражненія въ горныхъ переходахъ легкой и тяжелой полевой артилеріи должны продолжаться: случай для сего въ текущемъ году представится для частей I, II, III, X, XI и XIV корпусовъ. Въ III (Граць) и XIV (Инсбрукъ) корпусахъ горныя батареи должны возможно чаще упражняться съ частями войскъ ландвера; при полковыхъ упражненіяхъ ландверныхъ горныхъ пѣхотныхъ частей участіе горныхъ батарей обязательно.

Конныя батареи должны быть въ нормальномъ мирномъ составѣ—4 орудія и 2 зарядныхъ ящика (въ I, X и XI корпусахъ въ Галиціи—по 4 полувзвода, т.-е. вѣроятно 8 орудій); батареи тяжелыхъ полевыхъ гаубицъ—по 4 гаубицы; легкія батареи—6 орудій.

Крѣпостная (осадная) артилерія особенно тщательно упражняется въ стрѣльбѣ и выборѣ соответствующихъ военной обстановкѣ позицій; осадная артилерія возможно чаще привлекается къ

совмѣстному дѣйствію съ прочими родами войскъ, но такъ какъ участіе въ такихъ упражненіяхъ матеріальной части ея обходится очень дорого, то, по крайней мѣрѣ, кадры ея (начальники различныхъ степеней) съ нѣсколькими повозками часто принимаютъ участіе съ другими войсками въ рѣшеніи задачъ по развѣдкѣ и выбору позицій для нея, рекогносцировки подступовъ и т. п.

Особое вниманіе должно быть обращено на надлежащее прикрытіе тяжелой артиллеріи частями пѣхоты, принимая во вниманіе, что ей нужно продолжительное время для развѣдки, выбора цѣли, возведенія батарей, вооруженія ихъ пр., а потому ее чаще всего слѣдуетъ привлекать къ упражненіямъ, продолжающимся нѣсколько дней, или же воспроизводить только опредѣленные при участіи ея эпизоды боя.

При упражненіяхъ осадной артиллеріи рекомендуется обратить особенное вниманіе на трудность подвоза ея, особенно въ гористой мѣстности; при ночныхъ переходахъ значительнаго числа повозокъ должна быть организована полицейская служба на дорогахъ. Развѣдка позицій обыкновенно начинается слишкомъ поздно и потому нерѣдко второпяхъ выбираются позиціи мало пригодныя, такъ какъ подвозъ тяжелыхъ орудій на болѣе выгодныя позиціи потребовалъ бы слишкомъ много времени. Начальникомъ слѣдуетъ обращать большее вниманіе на мѣры быстрого подвоза и устройство тяжелыхъ батарей и своевременную развѣдку позицій. Во всѣхъ частяхъ осадной артиллеріи должны производиться особыя упражненія въ перевозкѣ матеріальной части на гористой мѣстности.

Что касается самой боевой стрѣльбы крѣпостной (осадной) артиллеріи, то, вслѣдствіе запаздыванія развѣдки позицій, несовершеннаго наблюденія за огнемъ и недостаточнаго числа выпускаемыхъ противъ данной цѣли снарядовъ, результаты получались неудовлетворительные и подводимыя къ мишенямъ послѣ стрѣльбы команды получали впечатлѣніе о малой дѣйствительности огня.

Во избѣжаніе такого, вредно дѣйствующаго на команды явленія, въ связи съ улучшеніями условій развѣдки и наблюденія, слѣдуетъ снабжать батареи [12 см. орудій и 15 см. гаубицъ полнымъ боевымъ комплектомъ снарядовъ, а для 24 см. мортиръ, впредь до установленія новаго образца бомбы, допускающаго болѣе точное наблюденіе огня, ограничиться одною лишь пристрѣлкою по мишенямъ.

Относительно «техническихъ войскъ» директивы даютъ слѣдующія указанія: саперныя и піонерныя (преимущественно назна-

чаемыя для понтонной службы) возможно чаще привлекаются къ совмѣстнымъ упражненіямъ съ другими родами войскъ, но всегда для исполненія спеціальныхъ технико-тактическихъ задачъ; пользованіе ими для чисто тактическихъ цѣлей допускается лишь въ томъ крайнемъ случаѣ, когда техническая служба не примѣнима. Что касается спеціально саперныхъ частей, то производимыя ими подрывныя упражненія происходятъ въ обстановкѣ возможно близкой къ боевой, но безъ «боевыхъ зарядовъ»; если для показанія результата взрыва потребуется произвести таковой, то это, въ видахъ безопасности, дѣлается «послѣ» замѣною фальшивыхъ зарядовъ боевыми. Для снабженія саперныхъ частей необходимыми для упражненій матеріалами—загражденіями, подрывными средствами, мостовымъ матеріаломъ и пр. установленъ особый денежный отпускъ по смѣтамъ, представляемымъ корпусными управленіями въ военное министерство.

По отношенію къ піонернымъ частямъ особенное вниманіе обращается на упражненія съ запряженнымъ понтоннымъ паркомъ и на наводку небольшихъ мостовъ въ связи съ тактическими заданіями. Рѣчная минная рота привлекается къ упражненію съ запряженнымъ рѣчнымъ миннымъ паркомъ.

Участіе воздухоплавательныхъ частей въ упражненіяхъ войскъ откладывается до осуществленія происходящаго формированія авіаціонныхъ ротъ и военнымъ министерствомъ къ тому времени на сей предметъ будетъ издана особая инструкція. Она также даетъ указанія относительно участія «воздухоплавательнаго парка» въ большихъ маневрахъ (это едва ли состоится—есть только 2 плохихъ дирижабля, а «экономическіе» аэропланы признаны опасными).

Если сравнить австрійскія директивы для лѣтнихъ занятій съ германской инструкціей для маневровъ, недавно отмѣченной въ иностранной военной хроникѣ «Русск. Инв.», то первыя слѣдуетъ несомнѣнно признать номеромъ слабѣе: замѣчается отсутствіе строго установленнаго проведенія прогрессивныхъ маневровъ, при отсутствіи двустороннихъ упражненій (кромѣ большихъ маневровъ); хотя въ мирное время имѣется 10 кавал. дивизій, но упражненія въ полномъ составѣ часть ихъ производятъ лишь «по возможности», тогда какъ въ Германіи спеціально для лѣтнихъ занятій формируются 6 дивизій (кромѣ существующей гвардейской) и онѣ усиленно упражняются въ бригадныхъ и дивизионныхъ маневрахъ и участвуютъ въ корпусныхъ. Эти различія, какъ и многія другія указанія директивъ, очевидно вызваны заботою о бережли-

вості, въ виду извѣстнаго, чрезмѣрнаго напряженія финансовъ страны; кромѣ того, въ директивахъ сквозить, по сравненію съ германскими постановленіями, большее стремленіе съ сбереженію людей и лошадей, имѣющее конечно свою хорошую сторону, но отдаляющее упражненія отъ условій военнаго времени (увлеченіе вообще въ ту или другую сторону—вредны; одинъ французскій военный авторъ говорить, что Германіи нужно объявить войну послѣ большихъ маневровъ, такъ какъ тогда кавалерія ея совершенно изнурена).

Съ другой стороны нельзя не отмѣтить въ Австріи заботливости о подготовкѣ тяжелой артиллеріи, особенно по отношенію къ движеніямъ при трудныхъ условіяхъ мѣстности. Кромѣ того, можно указать на происходящіе ежегодно въ одномъ корпусномъ раіонѣ упражненія (двухстороннія) крупныхъ единицъ (обыкновенно дивизій) въ полномъ военномъ составѣ.—Упражненій какъ въ Германіи, въ составѣ резервныхъ единицъ (австрійскій и венгерскій ландверы составляютъ постоянныя войска I-й линіи) въ Австро-Венгрии совершенно не происходитъ, потому что формированіе резервныхъ войскъ не подготовлено и вопросъ этотъ при обсужденіи послѣдней смѣты лишь очень туманно былъ затронутъ военнымъ министромъ, какъ «вопросъ будущаго».

Хотя искони вѣковъ лица, знакомыя съ войной, и лучшіе полководцы знали, что залогомъ успѣха на войнѣ можетъ служить только энергичное наступленіе, но въ послѣднее время принципъ этотъ, особенно послѣ Манчжурской войны, проникъ въ сознаніе всѣхъ армій и военачальниковъ, какъ по отношенію къ области стратегіи, такъ равно и тактики.

Но энергичное наступленіе въ смыслѣ тактическомъ требуетъ быстрого рѣшенія и выполненія задачи. Въ виду сего вопросъ о примѣненіи полевыхъ укрѣпленій (при наступленіи) по мнѣнію многихъ военныхъ авторитетовъ отступилъ на второй планъ, какъ факторъ задерживающій наступленіе. Хотя съ другой стороны развитіе огнестрѣльнаго оружія и появленіе пулеметовъ грозитъ большими потерями и сильнымъ разжиженіемъ рядовъ въ минуту штурма, но противодѣйствовать этому пытаются другими средствами—самою быстротою наступленія, поддержкою огнемъ артиллеріи и пулеметовъ (а не «подготовкою» огнемъ, какъ прежде, отнимающею много времени) и развитіемъ ночныхъ дѣйствій (особенно передвиженій).

Въ журналѣ *Militärische Rundschau*, когда онъ былъ еще офиціозомъ австрійскаго военнаго министерства, былъ помѣщенъ рядъ статей, рисующій взгляды на примѣненіе при наступленіи полевыхъ укрѣпленій по австрійскимъ, германскимъ и японскимъ источникамъ, причемъ особенно подчеркивались послѣдніе, какъ выработанные на основаніи недавняго опыта.

Послѣ войны въ 1908 г. вышло въ Японіи новое Наставленіе о полевыхъ укрѣпленіяхъ; капитанъ Винтерницъ съ 1905 по 1911 г. служилъ въ японскихъ частяхъ войскъ, въ 16 піонерномъ баталіонѣ въ Фушими и въ 66 пѣх. полку въ Утцуноміи, послѣ чего онъ въ краткой брошюрѣ, вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ изданіемъ въ Вѣнѣ (книгоиздательство R. v. Waldheim) сдѣлалъ выдержки изъ упомянутаго постановленія съ критическимъ разборомъ его; главными источниками для Германіи и Австріи послужили—германскій проектъ полевой піонерной службы для всѣхъ родовъ войскъ отъ 12 дек. 1912 г. и австрійскіе проекты «Наставленія о полевыхъ укрѣпленіяхъ для войскъ отъ 1908 г.», Пѣхотный уставъ 1911 г. и «Бой за укрѣпленные пункты (въ Австріи указанія разбросаны въ этихъ трехъ источникахъ).

Японскій уставъ говоритъ, что при наступленіи полевыми укрѣпленіями пользуются только тогда, когда требуется удержать занятую позицію или постепенно, участками, продвигаться къ сильной непріятельской позиціи. Капитанъ Винтерницъ сообщаетъ, что японскіе пѣхотинцы хорошо умѣютъ владѣть лопатою, но воспитываются въ убѣжденіи, что они могутъ совершить наступленіе и безъ нея; уставъ разсматриваетъ укрѣпленія при оборонѣ и при наступленіи и, кромѣ того, устройство ихъ внѣ огня или подъ огнемъ противника.

Вышедшій послѣ войны германскій Пѣхотный уставъ 1906 г. очень скептически относился къ самоокапыванію при наступленіи—«вслѣдствіе трудности поднять залегшую въ окопахъ цѣпь для дальнѣйшаго наступленія». Однако появившееся въ 1912 г. Наставленіе о полевой піонерной службѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ пользованіе лопатою при наступленіи: для укрѣпленія занятыхъ опорныхъ пунктовъ или участковъ мѣстности по инициативѣ самихъ войскъ и за отвѣтственностью младшихъ начальниковъ; занятые селенія приспособляются къ оборонѣ, выходы къ сторонѣ противника заграждаются и обезпечиваются сообщеніе въ тылу; подъ сплошнымъ огнемъ, когда не дано приказанія отступить, важно возможно дольше удержаться на мѣстѣ, а потому въ

этихъ случаяхъ для уменьшенія потерь пользуются самоокапываніемъ и земляными мѣшками, но и тутъ повторяется, что всегда нужно имѣть въ виду трудность поднять цѣпь изъ окоповъ и примѣнять ихъ при наступленіи только тогда, когда нужно удержать позицію. Относительно земляныхъ мѣшковъ германская Инструкція говоритъ, что при наступленіи берутъ съ собою пустые мѣшки и наполняютъ ихъ на мѣстѣ; на короткія дистанціи стрѣлки могутъ нести по 1—2 полныхъ мѣшка; въ послѣднемъ случаѣ связанныхъ бечевкою и носимыхъ либо въ лѣвой рукѣ, либо черезъ плечо; одинъ мѣшокъ—прижимается къ груди или кладется на плечо; всѣмъ наполненнаго мѣшка 16 килогр., размѣры 25 и 25 см. въ длину и ширину.

Австрійское Наставленіе придерживается болѣе широкаго пользованія лопатою при наступленіи на основаніяхъ, изложенныхъ въ японскомъ уставѣ и съ примѣненіемъ земляныхъ мѣшковъ.

Далѣе въ статьяхъ разсматривается образъ дѣйствій при атакѣ укрѣпленныхъ пунктовъ. Тутъ взгляды въ послѣднее время подверглись значительному измѣненію. Прежде въ такихъ случаяхъ больше говорилось о «работахъ», чѣмъ о «дѣйствіяхъ войскъ» и атака укрѣпленныхъ пунктовъ составляла какъ бы спеціальность инженерныхъ частей. Теперь всюду на границахъ государствъ воздвигнуто большое число укрѣпленныхъ пунктовъ съ искусственными преградами и войскамъ при наступленіи прежде всего придется атаковать ихъ; въ виду сего, въ пѣхотѣ организуются пионерныя команды, они снабжаются подрывными средствами, въ полевой артилеріи вводятся тяжелыя гаубицы и болѣе крупныя калибры приспособляются при помощи механической тяги для слѣдованія непосредственно за войсками. Наконецъ, при атакѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, въ видахъ ускоренія этой операціи, центръ тяжести отъ работъ перешелъ къ дѣйствию войскъ, причемъ основнымъ принципомъ все же является «сочетаніе пользованія всѣми средствами» для атаки ихъ.

Прежде всего важно произвести надлежащую развѣдку, такъ какъ одинаково невыгодно быть введеннымъ въ заблужденіе «ложною позиціею», какъ открыто штурмовать сильно укрѣпленную и занятую позицію (австр. Наставленіе). Слѣдуетъ съ самого начала передовыя части и сторожевое расположеніе продвинуть настолько впередъ и сразу занять такую линію обложенія, которая обезпечивала бы расположеніе осадной артилеріи; если не хватаетъ силъ для полного обложенія, то на нѣкоторыхъ участкахъ можно

ограничиться наблюдениемъ смѣшанными отрядами или кавалеріей; части сторожевого расположенія, особенно передъ атакуемымъ фронтомъ должны вполнѣ обезпечивать находящіяся позади и постепенно усиливаемыя войска (герман. Наст.). Иногда слабымъ силамъ долгое время придется удерживать занятыя позиціи до подхода прочихъ войскъ; поэтому возводятся полевыя укрѣпленія группами, причемъ не слѣдуетъ гоняться за большимъ обстрѣломъ, а соблюдать, чтобы они были укрыты отъ артилерійскаго огня въ крѣпости; впереди устраиваются искусственныя преграды, а внутри укрѣпленій или блѣзко позади ихъ—укрытія для войскъ. Въ томъ случаѣ, если на основаніи развѣдки не представляется возможнымъ непосредственно перейти къ атакѣ пѣхотою, выбираются позиціи для гаубицъ и тяжелой артилеріи подъ прикрытіемъ пѣхоты, которая въ свою очередь выбираетъ и укрѣпляетъ боевую позицію (австр. Наст.). Производя затѣмъ необходимыя осадныя работы, слѣдуетъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для ускоренія атаки и перебрасыванія впередъ частей, пользуясь бодрымъ наступательнымъ духомъ пѣхоты и помня, что затяжная осада будетъ стоить больше жертвъ, чѣмъ хорошо подготовленная и своевременно выполненная атака, даже связанная съ значительными потерями (австр. Наст.).

Японскій уставъ говоритъ, что важно съ самого начала пѣхотѣ и саперамъ продвинуться возможно дальше впередъ, занять и укрѣпить первую позицію обложенія; возможность производства штурма съ этой первой позиціи зависитъ отъ мѣстности и противника, но всегда слѣдуетъ помнить, что «промежуточныя позиціи» отнимаютъ много времени и задерживаютъ овладѣніе укрѣпленнымъ пунктомъ. Это все же маленькая поправка къ дѣйствіямъ японцевъ подъ Портъ-Артуромъ, когда они сначала полагали разыграть взятіе крѣпости, какъ полевое сраженіе, и только послѣ неудачнаго штурма обратились къ помощи полевыхъ укрѣпленій. Эту поправку встрѣчаемъ и въ австрійскомъ Наставленіи, гдѣ говорится, что готовой схемы нѣтъ, а образъ дѣйствій зависитъ отъ обстоятельствъ, при сохраненіи основныхъ принциповъ—энергіи и силы воли.

Перебрасываніе на новую позицію, намѣченную днемъ, удобнее всего производить ночью; для указанія направленія къ ней служитъ обозначеніе низкими вѣхами, бѣлой лентой или посылкой впередъ отдѣльныхъ людей отъ каждой единицы войскъ, которые затѣмъ подають сигналы фонарями, затемненными къ сторонѣ про-

тивника; если этого нельзя—для сохраненія направленія пользуются мѣстными предметами, бусолью, звѣздами; на новой позиціи желательно къ разсвѣту окопаться, по крайней мѣрѣ, отъ шрапнельнаго огня (достаточно толщиною въ 5 см. обезпечиваютъ отъ шрапнельныхъ пуль; примѣняются также земляные мѣшки и иногда броневые щиты); одновременное устройство длинной параллели цѣлою линіею пѣхоты вызываетъ большія потери; лучше продвигать отдѣльными группами и вырывать участки параллели, которыя постепенно углубляются и соединяются между собою; необходимо также возможно скорѣе установить укрытое сообщеніе съ новою позиціею; для этого лучше всего вырыть мѣстами нѣсколько промежуточныхъ отдѣльныхъ окоповъ, а между ними устроить участки ходовъ сообщеній; иногда достаточно устраивать сообщеніе при помощи земляныхъ мѣшковъ для прикрытія движенія ползкомъ; для снабженія передовой линіи патронами, провіантомъ, водою, земляными мѣшками можно устраивать сообщеніе санками, притягиваемыми канатомъ. Прежній приѣмъ высылать впередъ отряды для охраненія «рабочихъ командъ» теперь не примѣняется; люди, предназначаемыя для работъ, сами, въ случаѣ нужды, обороняются (винтовка за спиною); во время работъ высылаются дозоры.

Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ противника иногда придется медленно вести апроши при помощи минныхъ галлерей; японцы замѣняютъ послѣднія, устройство которыхъ требуетъ много времени (въ виду необходимой обшивки) подземнымъ тоннелемъ (со сводомъ); онъ устраивается очень неглубоко подъ поверхностью земли, всего 20—30 см., шириною въ 1 метръ, а высоту, по возможности, въ человѣческой ростъ; въ прочномъ грунтѣ такой тоннель не требуетъ никакой обшивки, въ слабомъ — только незначительной сверху; если отъ непріятельскихъ снарядовъ и пр. сводъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ обвалится, то люди не будутъ опасно засыпаны и ходъ легко восстанавливается.

Германія.

Содержаніе: о крѣпостяхъ на восточной границѣ.

Когда въ 1913 году въ Германіи былъ утвержденъ новый военный законъ объ усиленіи арміи, былъ ассигнованъ также значительный кредитъ въ 210 милліоновъ марокъ на оборудованіе крѣпостей и въ рейхстагѣ было заявлено, что большая часть его назна-

чается для усиленія укрѣпленныхъ пунктовъ въ восточномъ пограничномъ пространствѣ. Такая забота объ укрѣпленіи границъ объясняется впечатлѣніемъ, произведеннымъ Балканскою войною; усиленіе балканскихъ государствъ означало для Германіи ослабленіе Австро-Венгріи, какъ союзника; послѣдняя принуждена будетъ въ случаѣ европейской войны оставить значительныя силы на своей южной границѣ и ослабить ту помощь, которую она могла бы оказать своей союзницѣ на востокѣ; поэтому Германіи, умѣривъ свои наступательные замыслы, приходилось подумать и объ оборонѣ собственной территоріи. Кромѣ того Первая Балканская война еще разъ подтвердила важное значеніе крѣпостей, если умѣть ими пользоваться (не дѣлая изъ нихъ ловушки для собственной полевой арміи, чѣмъ нерѣдко оканчивается «базированіе» на такую то крѣпость), въ смыслѣ замедленія наступленія противника и оттягиванія части его силъ (см. схему стр. 232).

Въ Германіи крѣпости по своей величинѣ и значенію могутъ быть раздѣлены на три разряда: самыя большія, имѣющіе кромѣ коменданта, военнаго губернатора укрѣпленнаго раіона; большіе крѣпости, управляемые комендантомъ, и «крѣпостцы».

Въ восточномъ пограничномъ пространствѣ нѣтъ цѣпи укрѣпленій вдоль самой границы, находящихся во взаимной связи между собою (каковая имѣется во Франціи на германской границѣ); здѣсь можно отмѣтить группу укрѣпленныхъ пунктовъ для обороны выдающейся къ востоку Восточной Пруссіи; остальные укрѣпленія расположены врозь по теченію главныхъ рѣкъ.

Въ Восточной Пруссіи центромъ обороны является первоклассная современная крѣпость Кенигсбергъ, въ 150 километрахъ отъ границы, съ лежащею позади нея приморскою крѣпостью Пилау. Въ послѣднее время части устарѣвшей внутренней ограды Кенигсберга были снесены, но линія отдѣльныхъ фортовъ получила развитіе, и въ 1913 году здѣсь созданъ постъ губернатора укрѣпленнаго раіона; въ крѣпости имѣется ангаръ для дирижабля и расположенъ отрядъ летчиковъ. Для обороны ближайшихъ къ границѣ подступовъ въ Восточной Пруссіи имѣются укрѣпленія въ Тильзитѣ на р. Нѣманѣ, въ 50 кил. отъ границы, а на ж. д. пути Кенигсбергъ-Лыкъ, между Мазускими озерами расположена близъ Лецена современная крѣпостца Бойенъ, въ 50 кил. отъ границы.

Слѣдующую группу составляетъ рядъ крѣпостей вдоль р. Вислы; здѣсь первое мѣсто принадлежитъ расположенной близъ самой границы (въ 10 кил.) большой современной крѣпости Торнъ, имѣю-

щей губернатора и снабженной сильнымъ поясомъ фортовъ. Посрединѣ естественной оборонительной преграды р. Вислы, имѣющей въ Пруссіи протяженіе около 160 километровъ, лежатъ крѣпость Грауденцъ, которой особенно въ послѣднее время придано боль-

Схема восточной границы Германіи.

шое значеніе и на усиленіе которой назначена значительная часть кредита (въ 1882 г. крѣпость эту перестали поддерживать, но съ 1885 г., когда здѣсь былъ построенъ желѣзно-дорожный мостъ, она стала развиваться и теперь обнесена поясомъ фортовъ); въ 1913 г. въ Грауденцъ назначенъ военный губернаторъ; здѣсь

имѣется отрядъ летчиковъ. Приблизительно въ 40 километрахъ отъ нея выше и ниже по теченію Вислы находятся крѣпости Кульмъ и Маріенбургъ, представляющія собою двойныя предмостныя укрѣпленія и, въ связи съ Грауденцемъ, обезпечивающія свободу дѣйствій на обоихъ берегахъ Вислы даже въ случаѣ паденія Торна. Наконецъ, лѣвый флангъ оборонительной линіи на р. Вислѣ составляетъ большая приморская крѣпость Данцигъ.

Въ 140 кил. къ юго-западу отъ Торна лежитъ на р. Вартѣ большая крѣпость Познань съ современными фортами, подчиненная коменданту; она расположена въ 70 кил. отъ границы и служитъ для обезпеченія операцій на обѣихъ берегахъ р. Варты въ смыслѣ связи; значительный обнаженный отъ укрѣпленій участокъ между Торномъ и Познанью въ сѣверной части обезпечивается болотистыми пространствами по теченію р. Нетцы (притокъ Варты). По-видимому, часть кредита на усиленіе крѣпостей назначена была для Познани, и въ 1914 году въ ней образовано второе крѣпостное инженерное управленіе (восточное и западное); въ крѣпости имѣется двойной ангаръ для дирижабей и отрядъ летчиковъ.

Послѣднюю, самую южную группу укрѣпленныхъ пунктовъ составляютъ крѣпости на р. Одерѣ: въ 120 килом. къ юго-западу отъ Познани расположена крѣпость Глогау съ устарѣвшими верками и не имѣющая отдѣльныхъ фортовъ; выше ея по рѣкѣ, въ 100 кил. отъ границы, находится крѣпость Бреславль, также пока неимѣющая пояса фортовъ, но снабженная нѣсколькими опорными пунктами; есть основанія предполагать, что въ настоящее время производятся работы по усиленію Бреславля. Можно еще отмѣтить, что въ 240 километрахъ къ юго-востоку отъ Бреславля на флангѣ оборонительной линіи вдоль прусской границы расположена у самой границы первоклассная современная австрійская крѣпость Краковъ.

Попутно съ развитіемъ крѣпостей въ фортификаціонномъ отношеніи, военное вѣдомство заботится также и объ усиленіи крѣпостныхъ войскъ: въ 1913 году, на основаніи новаго военнаго закона, были сформированы 15 крѣпостныхъ пулеметныхъ ротъ, въ въ томъ числѣ 2 въ Грауденцѣ и по одной въ Кенигсбергѣ, Бойенѣ, Торнѣ и Познани. Наконецъ, въ 1914 году 8 крѣпостныхъ инженерныхъ баталіоновъ переформированы въ столько же полковъ, «пока» въ составѣ 5 ротъ каждый и сформирована новая бригада тяжелой (крѣпостной) артиллеріи изъ 2 полковъ (№ 21 въ Познани и № 22 въ Грауденцѣ). Изъ числа воздухоплавательныхъ

частей, новый баталіонъ воздухоплавателей № 5 (съ 1-го окт. 1913 г.) имѣетъ штабъ и одну роту въ Грауденцъ, а другія двѣ въ Кенигсбергъ и Шнейдемюле; баталіонъ летчиковъ № 2 расположенъ: штабъ и одна рота въ Познани, а другія двѣ въ Кенигсбергъ и Грауденцъ.

М. Б.

Отдѣлъ III.

Методъ обученія.

Общія правила.

Обязанности начальниковъ по обученію.

Каждый строевой начальникъ обучаетъ свою часть и отвѣчаетъ за успѣхъ обученія.

Высшій начальникъ руководитъ и постоянно контролируетъ обученіе подчиненныхъ ему частей, уважая инициативу каждаго изъ своихъ подчиненныхъ и давая возможность послѣднимъ развиваться въ правильномъ направленіи. Онъ ограничивается точнымъ указаніемъ цѣли, которая должна быть достигнута въ опредѣленный срокъ. Онъ часто и неожиданно посѣщаетъ свои части, не прерывая обыденныхъ занятій и вмѣшиваясь лишь тогда, когда замѣчаетъ, что подчиненные отклоняются отъ устава. Онъ долженъ отстранять своевременно всѣ препятствія, которыя бы мѣшали правильному ходу обученія. Со своей стороны подчиненные начальники, безъ указаній начальника, должны принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы обезпечить успѣшный ходъ обученія ввѣренныхъ частей.

Командиръ полка, не вмѣшиваясь въ подробности обученія, проявляетъ свое вліяніе уравнивая, соединяя и направляя къ одной цѣли, усилія подчиненныхъ ему начальниковъ.

Его дѣятельность направлена особенно на общее и специальное образованіе офицеровъ, на все, что касается тактики трехъ родовъ войскъ и выбора темъ для военно-научныхъ бесѣдъ. Онъ лично руководитъ всѣми видами упражненій, которыя имѣютъ цѣлью—подготовить штабъ-офицеровъ.

Дружина (баталіонъ) является настоящей тактической единицей, поэтому *командиръ дружины* долженъ имѣть въ виду важность ея готовности во всѣхъ отношеніяхъ, долженъ хорошо знать подчиненныхъ ему начальствующихъ лицъ и руководитъ постоянно ими съ особеннымъ вниманіемъ.

Онъ лично руководитъ занятіями съ офицерами и старается развить и дополнить ихъ техническія познанія. Особенное вниманіе обращаетъ также на подготовку подъ-офицеровъ дружины.

Командиръ роты непосредственно руководитъ воспитаніемъ и обученіемъ солдатъ въ ротѣ. Его значеніе и вліяніе въ ротѣ

такъ велико, что никто не можетъ замѣнить его безъ ущерба для дѣла.

Управляя ротой всегда съ одинаковою твердостью и постоянствомъ, онъ въ тоже время руководитель, совѣтникъ и защитникъ своихъ подчиненныхъ. Онъ воспитываетъ сердца и духъ солдатъ и, по степени врожденной ихъ воспримчивости, развиваетъ въ нихъ военныя добродѣтели.

Командиръ роты руководитъ всѣми подробностями обученія нижнихъ чиновъ роты и опредѣляетъ работу каждаго изъ младшихъ офицеровъ. Онъ имъ предоставляетъ инициативу при выборѣ средствъ, необходимыхъ для достиженія опредѣленной цѣли.

Младшіе офицеры, главные помощники ротнаго командира; они руководятъ и преподаютъ тѣ отдѣлы обученія, которые на нихъ возложить ротный командиръ. Они лично руководятъ самыми существенными и требующими умѣлаго объясненія частями обученія.

Офицеры вообще руководятъ и развиваютъ у подъ-офицеровъ инициативу и вдохновляютъ въ нихъ чувство долга.

Сверхсрочные подъ-офицеры помощники офицеровъ и при нуждѣ могутъ ихъ замѣнить.

Учебный годъ.

Учебный годъ обнимаетъ слѣдующіе періоды:

1-й періодъ подготовки: а) офицеровъ; б) сверхсрочныхъ подъ-офицеровъ; в) кандидатовъ въ подъ-офицеры, и г) старыхъ солдатъ.

Этотъ періодъ начинается съ увельненія запасныхъ изъ рядовъ части.

2-й періодъ подготовки: подготовка одиночная и взвода, съ продолжительностью въ 4 мѣсяца.

3-й періодъ: подготовка роты, дружины, баталіона, полка и бригады, съ продолжительностью въ 2 мѣсяца.

4-й періодъ: маневры трехъ родовъ войскъ, съ продолжительностью въ 2 мѣсяца.

Командиръ бригады опредѣляетъ крайній срокъ полковыхъ ученій.

Командиръ полка съ одобренія бригаднаго командира опредѣляетъ продолжительность ротныхъ, дружинныхъ и полковыхъ ученій.

Подготовка роты включаетъ въ себѣ одиночное, взводное и ротное ученіе. Начинаясь съ прихода новобранцевъ и продолжаясь цѣлый учебный годъ, во всѣ періоды обученія, чины роты обучаются какъ отдѣльно, такъ и совмѣстно для дѣйствія ротой.

Служба нестроевыхъ (въстовыхъ, писарей и др.) устанавливается въ полку такъ, что ротный командиръ располагаетъ полнымъ составомъ роты не менѣе раза въ недѣлю. На нестроевыя должности назначаются преимущественно признанные годными къ нестроевой службѣ.

Молодой солдатъ считается способнымъ войти въ строй роты, когда умѣетъ дѣйствовать ружьемъ, знаетъ взводное ученіе, полевую службу и достаточно втянуть, чтобы совершить съ полнымъ походнымъ снаряженіемъ нѣсколько обыкновенныхъ маршей.

Всякій будничній день за исключеніемъ послѣобѣденнаго времени два раза въ недѣлю изъ назначенныхъ для чистки и уборки находится въ распоряженіи начальника для обученія части, которой онъ командовалъ.

Запрещается ускорять срокъ, установленный для одиночнаго обученія, кромѣ какъ по приказу военнаго министра.

Нельзя начинать обученіе большихъ единицъ, если малыя еще не завершили своего обученія.

Передъ каждымъ періодомъ обученія нужно всегда отдѣлять часы на обученіе самыхъ малыхъ единицъ.

Планы и программы обученія.

Командиры роты, дружины, полка и бригады составляютъ общіе планы на всѣ сроки обученія своихъ частей.

Въ планѣ излагается: 1) Въ видѣ подробнаго конспекта или общихъ замѣтокъ весь матеріалъ по разнымъ отдѣламъ (уставы, наставленія, положенія и пр.) обученія, съ опредѣленіемъ цѣли, которую надо достигнуть во всякомъ отдѣлѣ. 2) Расчетъ числа часовъ (какъ минимумъ), необходимыхъ для прохожденія опредѣленнаго для каждаго отдѣла матеріала, въ зависимости отъ даннаго на обученіе срока. 3) Порядокъ, способствующій успѣшному обученію, а именно, какая часть матеріала изъ разныхъ отдѣловъ должна быть пройдена въ 1-ю, 2-ю, 3-ю и т. д. недѣлю обученія и въ какой послѣдовательности. 4) Приблизительно время, въ которое начинается и заканчивается обученіе каждаго отдѣла. 5) Задачи, которыя долженъ выполнить каждый офицеръ и подъ-офицеръ, назначенный для обученія.

Планъ служить для указаній подчиненнымъ начальникамъ и для замѣстителей начальниковъ. По немъ составляютъ *недельныя расписанія обученія*.

Планы представляются на одобреніе непосредственнаго вышшаго начальника.

Утвержденные планы сообщаются офицерамъ; обязанность послѣднихъ приготовиться заранее къ роли, которая имъ предстоитъ при обученіи.

Каждую субботу начальникъ чатти для предстоящей недѣльной работы составляетъ недѣльную програму, сообразуясь со служебнымъ нарядомъ и съ достигнутыми результатами прошедшей недѣли.

Недѣльная програма имѣеть цѣль дать возможность высшему начальнику слѣдить за обученіемъ, а подчиненнымъ—приготовиться къ работѣ, которая имъ предстоитъ въ теченіе недѣли. Програма имъ всегда сообщается предварительно.

Высшее начальство не измѣняетъ програмы занятій, кромѣ исключительныхъ случаевъ.

Смотры.

Достигнутые результаты обученія всякой части, всякаго періода, выказываются на смотрахъ.

Смотры производитъ начальникъ непосредственно высшей единицы: для ротъ—дружинный командиръ, для дружинъ—полковой и т. д.

Смотры не должны отнимать время отъ обученія.

Смотръ обнимаеть, или всѣ отдѣлы обученія, или только нѣкоторые изъ нихъ. Главная цѣль начальника на смотре удостовѣриться—соотвѣтствуютъ ли достигнутые результаты поставленной общей цѣли—подготовки части къ войнѣ.

Подготовка офицеровъ.

Знаніе уставовъ есть основа боевой подготовки офицеровъ. Эта подготовка расширяется прикладными упражненіями и дополняется бесѣдами и изученіемъ разныхъ военныхъ вопросовъ.

Изученіе уставовъ производится подъ руководствомъ штабъ-офицеровъ. Не требуется изученіе ихъ наизусть. Всякій офицеръ долженъ знать основательно уставы своего рода войска и быть способнымъ приложить къ дѣлу всѣ ихъ отдѣлы. Кромѣ того офицеры должны имѣть общія понятія объ уставахъ и другихъ родовъ войскъ.

Практическія занятія имѣють цѣлью выработку взгляда, развитіе инициативы и характера, что достигается прикладными упражненіями и составляетъ важнѣйшую часть подготовки офицеровъ.

Прикладныя упражненія состоятъ: 1) Въ упражненіяхъ безъ участія войскъ, т.-е. упражненія по картѣ и упражненія съ кад-

При подпискѣ на годъ черезъ канцелярію своей части (съ уплатою взносовъ черезъ нее) допускается **ЕЩЕ БОЛѢЕ ЛЬГОТНАЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА** по слѣдующему расчету: совмѣстно на «Русск. Инв.» и «В. Сб.»—по 1 р. 25 к. въ мѣсяць; на одинъ «Р. И.»—по 75 коп. въ мѣсяць; на одинъ «В. Сб.»—по 50 коп. въ мѣсяць. Плата должна быть вносима не позже 1-го числа каждаго мѣсяца, чтобы не было перерыва въ доставкѣ изданій.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургѣ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій:

на 1 мѣсяць	30	коп.
„ 2 мѣсяца	50	„ !
„ 3 „ и свыше	70	„

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр., на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну С.-Петербургскаго адреса на таковой же платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разница между вышеуказанною подписною платою на соотвѣтственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго на иногородный или обратно—60 коп., иногороднаго на иногородный—20 коп.; за перемѣну С.-Петербургскаго на таковой же С.-Петербургскій—платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 коп. за каждый остающійся мѣсяць текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп. (при размѣрѣ № въ 2 листа—за 9 коп.).

Отдѣльные книжки «Военнаго Сборника» продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку (съ пересылкою по 75 коп.), съ приложеніемъ «Военно-Историческаго Сборника» по 1 р. (съ пересылкою 1 р. 25 к.).

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{4}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наследниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лотъ всѣхъ объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, всѣмъ до 1 лота каждый.

За Главнаго редактора журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій

Инвалидъ», помощникъ Главнаго редактора,

Ген. Шт. Полковникъ *Шеманскій*.